

РОБЕРТ
БРЫНДЗА

ДЕВУШКА ВО ЛЬДУ

КАКИЕ ТЕМНЫЕ СЕКРЕТЫ
СКРЫВАЕТ ДЕВУШКА
ПОД ЛЕДЯНЫМ ПОКРОВОМ?

18+

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

Annotation

В озере одного из парков Лондона, под слоем льда, найдено тело женщины. За расследование берется детектив Эрика Фостер. У жертвы, молодой светской львицы, была, казалось, идеальная жизнь. Но Эрика обнаруживает, что это преступление ведет к трем девушкам, которые были ранее найдены задушенными и связанными в водоемах Лондона. Что это – совпадение или дело рук серийного маньяка? Пока Эрика ведет дело, к ней самой все ближе и ближе подбирается безжалостный убийца. К тому же ее карьера висит на волоске – на последнем расследовании, которое возглавляла Эрика, погибли ее муж и часть команды, – и она должна сражаться не только со своими личными демонами, но и с убийцей, более опасным, чем все, с кем она сталкивалась раньше. Сумеет ли она добраться до него прежде, чем он нанесет новый удар? И кто тот, кто за ней следит?

- [Роберт Брындза](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

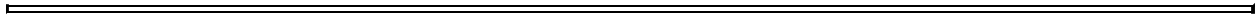
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)

- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Эпилог](#)
- [К читателю](#)
- [От автора](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

Роберт Брындза

Девушка во льду

*Посвящается Яну,
который помогает мне писать комедии,
а теперь и детективы*

© Robert Bryndza, 2016.

© Новоселецкая И., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

Андреа Дуглас-Браун торопливо шла по безлюдной торговой улице, тихо постукивая каблучками по поблескивающему в лунном свете тротуару. Цоканье ее шпилек то и дело сбивалось с ритма – слишком много водки выпила. Морозный январский воздух обжигал ее голые ноги. Рождество и Новый год наступили и прошли, оставив после себя стылую стерильную пустоту. Мимо тянулись витрины магазинов, погруженных в темноту, которую разрывал только один грязный паб, стоявший под мигающим уличным фонарем. Внутри сидел, сгорбившись над ноутбуком со светящимся экраном, какой-то индеец, но он не обратил на нее внимания.

Андреа душил гнев, ей не терпелось подальше умчаться от паба, и потому она задумалась о том, куда направляется, лишь тогда, когда витрины магазинов сменили большие дома, стоявшие чуть в глубине от тротуара. Над ней раскинулись голые костлявые ветви вяза, сливавшиеся с беззвездным небом. Она остановилась и прислонилась к стене, чтобы перевести дух. Кровь с гудением пульсировала по телу, и с каждым вдохом легкие обжигал ледяной воздух. Обернувшись, она увидела, что ушла довольно далеко, находится на полпути к вершине холма. Позади пролегла дорога, убегаящая вниз, гладкая и тягучая, как патока, полоса, омываемая оранжево-желтым сиянием. У ее оконечности кутался во мглу железнодорожный вокзал. Андреа обволакивали безмолвие и холод. Казалось, все вокруг замерло, и только пар ее дыхания поднимался в студеном воздухе. Она сунула под мышку розовый клатч, удостоверилась, что поблизости никого нет, затем задрала свое короткое платье и вытащила из-под подола айфон. На чехле в оранжевом свете уличных фонарей слабо мерцали кристаллы *Swarovski*. Дисплей показывал, что сигнал отсутствует. Выругавшись, Андреа снова спрятала мобильник под подол и расстегнула маленькую розовую сумочку, в которой лежал старый айфон, как и первый, украшенный кристаллами, – правда, некоторые из них отсутствовали. Он тоже показывал, что сигнала нет.

Андреа огляделась, чувствуя, как грудь сдавило от паники. Дома стояли в стороне от дороги, за высокими оградами с железными воротами. Надо подняться на холм, рассудила она. Там связь наверняка будет. И, была не была, она позвонит водителю отца. Придумает, как объяснить, почему она оказалась к югу от реки. Андреа застегнула на все пуговицы свою

коротенькую кожаную куртку, обхватила себя руками, по-прежнему сжимая в ладони, словно талисман, старый айфон, и быстро зашагала к вершине.

За спиной послышался рокот автомобиля. Она повернула на звук голову, прищурилась, глядя на фары. Их яркие лучи запрыгали по ее голым ногам, отчего она почувствовала себя еще более обнаженной. Надежда на то, что это такси, мгновенно угасла, едва она заметила, что крыша у машины низкая и над ветровым стеклом не горит надпись «свободно». Андреа отвернулась, продолжая подъем. Автомобиль урчал все громче и громче, а потом свет фар накрыл ее, отбросив белое пятно на тротуар прямо перед ней. Миновало несколько секунд, а она по-прежнему шла в круге света, почти ощущая его жар. Андреа глянула через плечо на слепящие фары. Машина замедлила ход и теперь ползла по дороге буквально по пятам.

Андреа рассвирепела, сообразив, чей это автомобиль. Тряхнув длинными волосами, она отвернулась и пошла дальше. Машина поехала чуть быстрее, поравнялась с ней. Темные тонированные стекла не позволяли заглянуть в салон, из которого неслась громкая музыка, отчего у Андреа защекало в горле и в ушах появился зуд. Она резко остановилась. Через несколько секунд машина тоже встала, но потом чуть-чуть откатила назад, так, чтобы окно со стороны водителя находилось вровень с ней. Музыка умолкла. Мотор тихо жужжал.

Наклонившись, Андреа попыталась рассмотреть водителя через чернильное стекло тонированного окна, но увидела только свое отражение. Она нагнулась ниже и попробовала открыть дверцу, но тщетно. Андреа стукнула по стеклу розовым клатчем и снова дернула за ручку.

– Я не шучу! – крикнула она. – Я говорила вполне серьезно! Открой дверцу, а то... а то...

Автомобиль стоял на месте, мотор урчал.

А то что? – словно спрашивал он.

Андреа сунула сумочку под мышку, показала тонированному стеклу средний палец и пошла дальше, преодолевая последний участок подъема. На краю тротуара высилось огромное дерево. Спрятавшись за его толстым стволом от автомобильных фар, она подняла над головой телефон, снова проверяя, не появился ли сигнал. На небе ни звездочки; оранжево-коричневое облако висело так низко, что, казалось, можно дотянуться рукой. Машина медленно подползла к дереву и остановилась.

Андреа почувствовала, как внутри нее зашевелился страх. Стоя под сенью дерева, она осмотрелась вокруг. Густая живая изгородь обрамляла тротуары по обе стороны от дороги, которая убегала вдаль, исчезая среди

неясных очертаний окутанного полумраком пригорода. Потом она бросила взгляд через дорогу и заметила улочку меж двумя большими зданиями. И даже разглядела указатель с надписью «Далидж – 1¼ мили».

– Поймай меня, если сможешь, – пробормотала Андреа. Сделав глубокий вдох, она кинулась бегом через дорогу, но споткнулась о толстый корень дерева, торчавший из асфальта. Лодыжку пронзила острая боль. Не устояв на ногах, Андреа грохнулась на дорогу. Сумочка и телефон отлетели в сторону. При падении она бедром и головой ударилась о край бордюрного камня, с глухим стуком, о гудронированное покрытие шоссе. Ошеломленная, она лежала на дороге в слепящем сиянии фар.

Свет погас, погрузив ее в темноту.

Услышав, как открылась дверца, Андреа попыталась подняться, но дорога под ней кренилась и вращалась. В поле ее зрения появились ноги, синие джинсы... Пара дорогих кроссовок расплылась перед глазами, двоилась. Она протянула руку, ожидая, что знакомая фигура поможет ей встать, но вместо этого одна ладонь в кожаной перчатке накрыла ее рот и нос, а вторая, так же стремительно, схватила обе руки Андреа и крепко прижала их к ее телу. Сама перчатка была мягкой и теплой, но мощная хватка пальцев повергла Андреа в шок. Ее рывком оторвали от земли, быстро подтащили к задней дверце автомобиля и втолкнули в салон. Она ничком упала на заднее сиденье. Дверца захлопнулась, и стало теплее. Потрясенная, Андреа лежала в машине, не совсем понимая, что сейчас произошло.

Автомобиль качнуло, когда его хозяин сел на переднее пассажирское кресло и закрыл за собой дверцу. Щелкнул центральный замок, и заблокировались все двери автомобиля. Андреа услышала, как откинулась крышка бардачка. Потом шуршание. Бардачок захлопнулся. Машина снова закачалась: мужчина перебрался через брешь между передними креслами назад и уселся ей на спину, выдавливая воздух из ее легких. Мгновением позже он завел ее руки за спину и туго связал их пластиковой лентой, которая впилась в запястья. Мужчина, быстрый и гибкий, переместился на ее теле, теперь мускулистыми ногами давя на ее связанные руки. Раздался треск разматываемого толстого скотча. Андреа почувствовала, как ей связывают лодыжки, отчего боль в вывихнутой щиколотке усилилась. К резкому аромату елового освежителя воздуха примешивался острый медистый запах, и она поняла, что у нее разбит нос.

От гнева в крови забурился адреналин, в голове прояснилось.

– Ты что, рехнулся?! – взвизгнула Андреа. – Я закричу! А кричу я громко, ты знаешь!

Мужчина повернулся и придавил ее коленями, так что она едва могла дышать. Краем глаза Андреа заметила какую-то тень, а в следующую секунду на затылок ей обрушилось что-то твердое и тяжелое. Снова пронзительная боль, из глаз посыпались искры. Мужчина еще раз со всего размаху припечатал ее по голове. Она потеряла сознание.

На дороге было все так же тихо и пустынно. С неба посыпались первые снежинки. Лениво кружась в воздухе, они медленно опускались на землю. Шикарный автомобиль с тонированными стеклами почти бесшумно тронулся с места и укатил в ночь.

Глава 1

Ли Кинни вышел из небольшого дома в конце квартала, где он жил с матерью, и оглядел улицу: всюду белым-бело. Из кармана тренировочных штанов он достал пачку сигарет и закурил. Снег, валивший все выходные, и теперь еще падал, облагораживая тротуары и дорогу, на которых уже отпечатались следы ног и автомобильных шин. От железнодорожной станции Форест-Хилл, стоявшей у подножия холма, не доносилось ни звука. Местные жители, что обычно в ранние часы по понедельникам непрерывным потоком спешили мимо него на электричку, чтобы добраться до места работы в центральной части Лондона, наверняка все еще нежились в тепле и уюте, встречая столь нечаянно свободное утро в постели вместе со своими вторыми половинами.

Везет же людям.

Ли был безработным вот уже шесть лет, с тех самых пор, как окончил школу, но прежним халявным денькам, когда он припеваючи жил на пособие по безработице, пришел конец. Новое правительство тори ужесточило меры в отношении тех, кто благополучно бездельничал на протяжении многих лет, и Ли теперь приходилось трудиться полный рабочий день, чтобы сохранить пособие. Работу ему нашли вполне себе непыльную – садовником в музее Хорнимана^[1], который находился всего в десяти минутах ходьбы от его дома. Сегодня он тоже хотел остаться дома, как и многие другие, но из Центра занятости не поступило уведомления о том, что ему разрешено не выходить на работу. В результате он поскандалил с мамой, и та в пылу спора заметила, что, если он не явится на свое рабочее место, его лишат пособия и пусть тогда он подыскивает себе другое жилье.

Стук по стеклу. В окне показалось раскрасневшееся лицо мамы. Она прогоняла его прочь. Ли отмахнулся от нее непристойным жестом и зашагал на холм.

Навстречу ему шли четыре симпатичные девчонки в красных блейзерах, коротких юбочках и гольфах. Ученицы Далиджской женской школы. Громкими голосами они обсуждали радостное событие – отмену занятий в школе – и одновременно тыкали пальцами в свои мобильники – айфоны, сообразил Ли, заметив характерные белые наушники, болтавшиеся у карманов их блейзеров. Девочки шли, растянувшись на всю ширину тротуара, и по приближении Ли даже не подумали расступиться. Ему

пришлось сойти в грязную слякотную жижу на обочине, оставленную солепескоразбрасывательной техникой. Нижние края его новых спортивных штанов мгновенно пропитались ледяной водой. Он бросил на девочек злобный взгляд, но те, визгливо смеясь, были слишком увлечены своей болтовней.

Кичливые богатенькие стервы, подумал Ли. Поднявшись на холм, сквозь голые сучья вязов он разглядел часовую башню музея Хорнимана. Местами ее стены засыпало снегом, который лип к кирпичам из гладкого желтого песчаника, словно клочья мокрой туалетной бумаги.

Ли свернул направо, на улицу с жилыми домами, тянувшуюся параллельно железной ограде, которой была обнесена территория музея. Дорога круто шла вверх, каждый следующий дом был импозантнее предыдущего. Взойдя на самую вершину, Ли на мгновение остановился, чтобы перевести дух. Снег, холодный и колючий, летел прямо в глаза. В ясный день с этого места весь Лондон виден как на ладони, до самого «чертова колеса» на берегу Темзы, но сегодня сквозь густое белое облако Ли различал лишь силуэты разлапистых громадин жилого массива Оверхилл на противоположном холме.

Калитка в железной ограде оказалась заперта. Ли дрожал на ветру, который теперь дул горизонтально, пробирая его до костей. Музейные садовники работали под началом некоего жалкого старикашки. Ли полагалось дожидаться, когда тот придет и впустит его, однако улица была безлюдна. Он огляделся и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, перемахнул через маленькую калитку на территорию музея и пошел по узенькой дорожке, что тянулась меж высокими вечнозелеными кустарниками, которые образовывали живую изгородь.

Наконец-то он укрылся от свистящего ветра, и его обступила неестественная тишина, которую нарушал лишь скрип его шагов. Вихрящийся снег быстро заметал следы, что он оставлял на тропинке, пробираясь меж зелеными ограждениями. Музей Хорнимана и его сады занимали площадь в семнадцать акров, и хозяйственные постройки для садового инвентаря и обслуживающего персонала находились в самой глубине, у высокой стены с криволинейным верхом. Куда ни кинь взгляд, всюду слепящая белизна. Ли заблудился и сообразил, где он находится, только тогда, когда перед ним выросла оранжерея: он зашел гораздо дальше, чем планировал. При виде вычурного здания из металла и стекла Ли опешил от неожиданности. Повернул назад, но через несколько минут снова оказался в незнакомом месте – на развилке троп.

Сколько раз я бродил здесь по парку, будь он проклят! – ругался про

себя Ли. Он пошел по аллее, что уходила вправо и вела в утопленный сад^[2]. На заснеженных кирпичных постаментах застыли мраморные херувимы. Между ними с завыванием носился ветер. Шагая мимо ангелочков, Ли не мог избавиться от ощущения, что они не сводят с него своих пустых белесых глаз. Он остановился и, рукой прикрыв лицо от безжалостного снега, попытался сообразить, как быстрее выйти к зданию музея. Садовым работникам заходить в музей не разрешалось, но ведь на улице собачий холод, а кафе наверняка уже открыто. Плевать на запреты. Он зайдет и погреемся, как любой нормальный человек.

В кармане зажуужал мобильник. Ли достал телефон. Центр занятости уведомлял, что сегодня «из-за плохих погодных условий» ему позволено «не выходить на работу». Ли снова убрал мобильник в карман. Казалось, лица всех херувимов обращены в его сторону. Они и раньше смотрели на него? Ли представил, как ангелочки медленно поворачивают свои отливающие перламутром маленькие головки, наблюдая, как он идет по саду. Отмахнувшись от этой мысли, глядя под ноги на заснеженную землю, Ли быстрее зашагал мимо пустых глаз и вскоре вышел на тихую поляну, окружавшую заброшенное озеро, где в другое время катались на лодках.

Он остановился и прищурился, глядя сквозь пелену кружащихся хлопьев. Скованное морозом озеро укрывал снег, и на самой середине его кипенно-белого овала стояла поблекшая синяя лодка. На противоположной стороне озера находился крошечный ветхий элинг. Ли едва-едва различил под его навесом чехол какого-то старого гребного судна.

Снег просачивался в его уже намокшие спортивные штаны, холод проникал под куртку, опоясывая торс. Со стыдом он осознал, что ему страшно. Нужно убираться отсюда, решил Ли. Если вернуться к утопленному саду и пойти по его периметру, он наверняка найдет аллею, которая выведет его на Лондон-роуд. Заправочная станция открыта, он купит там сигареты и шоколад.

Ли уже собрался было повернуть назад, но тут в тишину вторгся какой-то звук. Писклявый и искаженный, он доносился откуда-то со стороны элинга.

– Эй! Кто там? – закричал Ли паническим пронзительным голосом. И только когда звук стих, а через несколько секунд возобновился, он сообразил, что это звонит мобильный телефон, возможно, кого-то из его коллег.

Из-за того, что земля была укрыта снегом, Ли затруднялся определить, где кончается тропинка и начинается вода, поэтому, держась деревьев, высившихся по краю поляны, что окружала озеро, он, ступая осторожно,

направился вдоль водоема туда, откуда раздавался трезвон, похожий на некое воздушное треньканье, которое исходило, как он понял, когда подошел ближе, из эллинга.

Ухватившись рукой за низкую крышу, Ли нырнул в проем и увидел, как за маленькой лодкой что-то светится, рассеивая мглу. Трезвон прекратился, а следом погас и свет. Ли обрадовался, что это всего лишь телефон. Наркоманы и бродяги по ночам постоянно перелезали через стену в сад, и садовники на территории музея часто находили пустые бумажники, выброшенные после того, как из них вытащили все кредитные карты и наличность, использованные презервативы и шприцы. Телефон, должно быть, тоже выбросили... *Однако зачем выбрасывать телефон... если только это не раздолбанная дешевка?*

Ли стал обходить элинг. На улице из снега торчали сваи крошечного причала, вдававшегося под низкую крышу лодочного гаража. Он обратил внимание, что деревянный настил, там, где он не был засыпан снегом, прогнул. Пригибаясь под низкой крышей, Ли пошел вдоль причала. Деревянный потолок над его головой, с которого клочьями свисала паутина, тоже прогнул и расщепился. Добравшись до лодки, Ли увидел айфон, лежавший на маленькой деревянной приступке у противоположной стены эллинга.

В груди поднялось радостное волнение. Он запросто продаст айфон в пабе. Ли толкнул лодку ногой, но та даже не покачнулась: вмерзла в лед. Он обошел лодку с носа, остановился на противоположном краю причала, опустился на корточки и, всем туловищем наклонившись вперед, рукавом куртки расчистил снег, обнажив толстый слой льда. Вода под ледяной коркой была прозрачная, и в глубине он различил лениво плывущих двух рыбок в красно-черную крапинку. Крошечные пузырьки, поднимавшиеся от их ртов, достигали нижней части ледяного слоя и рассеивались в разных направлениях.

Снова зазвонил телефон. Ли вздрогнул от неожиданности, едва не соскользнув с причала. Противное треньканье эхом рикошетило по эллингу. Ли теперь ясно видел у противоположной стены светящийся айфон. В чехле, украшенном сверкающими камнями, телефон лежал на боку на деревянном выступе сразу же над замерзшей водой. Ли подошел к лодке и занес в суденышко одну ногу, поставив ее на деревянное сиденье. Затем перенес на эту ногу всю тяжесть своего тела, не отрывая второй ноги от причала. Лодка не покачнулась.

Он залез в лодку обеими ногами, но дотянуться до телефона все равно не смог. Подстегиваемый мыслью о толстой пачке купюр, которые скоро

окажутся в кармане его тренировочных штанов, Ли осторожно поставил одну ногу на лед по другую сторону лодки. Надавил на него, рискуя промочить обувь. Лед не проломился. Он выбрался из лодки и встал на лед обеими ногами, прислушиваясь, не раздастся ли характерный треск. Ни звука. Он сделал маленький шаг, потом еще один. Казалось, он идет по бетонному полу.

Свес деревянной крыши клонился вниз. Чтобы дотянуться до айфона, необходимо опуститься на корточки.

Светящийся экран телефона озарял пространство вокруг, и, присев, в его сиянии Ли заметил торчавшие изо льда две старые пластиковые бутылки, всякий разный мусор и... – он замер —...нечто похожее на кончик пальца.

С гулко бьющимся сердцем Ли дотянулся до пальца и осторожно его сжал. Палец был холодный и на ощупь резиновый. Ноготь, покрытый фиолетовым лаком, заиндевел. Рукавом куртки, который он натянул на ладонь, Ли протер лед вокруг пальца. В сиянии айфона ледяная корка имела мутно-зеленый цвет, и под ней он разглядел ладонь, продолжением которой и был торчавший изо льда палец. Сама рука, должно быть, пряталась где-то в глубине.

Телефон перестал звонить, и воцарилась оглушительная тишина. А потом он увидел... Прямо под тем местом, на котором он сидел на корточках, находилось лицо девушки, безучастно смотревшей на него вспухшими белесо-карими глазами. Прядь ее спутанных темных волос вмерзла в лед. Рыба, лениво проплывавшая мимо, хвостом скользнула по губам девушки, которые были приоткрыты, словно она собиралась заговорить.

Ли с криком отпрянул, вскочил на ноги, врезавшись головой в низкий потолок эллинга. От удара его швырнуло вниз, он поскользнулся и растянулся на льду.

С минуту он лежал ошеломленный. Потом услышал тихий скрипучий треск. В панике Ли стал карабкаться и брыкаться, пытаясь встать и убежать куда подальше от мертвой девушки, но ноги предательски скользили по льду. И он провалился сквозь лед в студеную воду. Почувствовал, как безвольные руки девушки переплелись с его руками, ощутив прикосновение ее холодного тела. Чем больше он барахтался, тем крепче его конечности переплетались с руками и ногами девушки. Тело сковывал парализующий умопомрачительный холод. Глотая грязную воду, Ли изо всех сил старался выбраться на сушу. Каким-то чудом ему удалось уцепиться за край лодки. Пыхтя и икая, он жалел, что не сумел достать тот

телефон, но не потому, что лишился возможности его продать.
Сейчас Ли хотел только одного – позвать на помощь.

Глава 2

Эрика Фостер уже полчаса ждала в неопрятном помещении дежурной части отделения полиции Луишем-Роу. Сидя на зеленом пластиковом стуле, одном из тех, что стояли в ряд, привинченные к полу, она неловко поменяла положение. Вытершиеся сиденья, за многие годы отполированные задницами дрожащих от страха нарушителей закона, отливали блеском. В выходящее на парковку большое окно, за которым мела метель, Эрика едва различала очертания кольцевой дороги, высокого серого офисного здания и вытянутого торгового центра. От главного входа к стойке, за которой перед компьютером сидел дежурный по отделению, пялившийся в монитор мутным взглядом, вела цепочка мокрых следов. У сержанта было крупное лицо с отвисшим подбородком. С рассеянным видом он ковырялся в зубах, время от времени вытаскивая изо рта палец, чтобы рассмотреть очередную находку, которую он затем снова клал в рот.

– Шеф скоро подойдет, – сказал дежурный.

Его взгляд заскользил по стройной фигуре Эрики, одетой в потертые синие джинсы, шерстяной джемпер и фиолетовую дутую короткую куртку с резинками на поясе и рукавах, и остановился на небольшом чемодане на колесах, что стоял у ее ног. Эрика сердито посмотрела на него, и они оба отвели глаза. Стена, у которой она сидела, была увешана плакатами с информацией для населения. «НЕ БУДЬ ЖЕРТВОЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ!» – призывал один из них. Эрика подумала, что глупо вывешивать подобные плакаты в помещении дежурной части полицейского участка на окраине Лондона.

Дверь за стойкой дежурного открылась, и в приемную вышел старший суперинтендант Марш. Со времени их последней встречи прошло немало лет, и за это время его коротко остриженные волосы поседели, но лицо, хоть и изможденное, не утратило привлекательности. Эрика встала, пожала ему руку.

– Старший инспектор Фостер. Простите, что заставил вас ждать. Хорошо долетели? – осведомился Марш, обратив внимание на ее наряд.

– Рейс задержали, сэр... Потому и в гражданке, – ответила она оправдывающимся тоном.

– Этот чертов снег сейчас совсем некстати, – заметил Марш. – Сержант Вулф, – обратился он затем к дежурному, – представляю вам старшего инспектора Фостер. Она приехала к нам из Манчестера. Найдите

для нее машину, и как можно скорее...

– Есть, сэр, – кивнул Вулф.

– И еще мне понадобится телефон, – добавила Эрика. – Желательно что-нибудь не очень современное, если найдете. С нормальными кнопками. Терпеть не могу сенсорные экраны.

– Что ж, тогда за дело, – сказал Марш. – Он провел своим пропуском по специальному устройству на двери. Та издала сигнал и открылась.

– Спесивая корова, – буркнул себе под нос Вулф, когда дверь за ними затворилась.

* * *

Эрика следовала за Маршем по длинному коридору с низким потолком. Звонили телефоны. Навстречу им шли непрерывным потоком полицейские в форме и сотрудники вспомогательных служб, все с по- январски бледными лицами, в которых застыли напряженность и озабоченность. Они миновали висевшую на стене доску с результатами матчей футбольной фэнтези-лиги^[3], а через несколько секунд – еще одну, с фотографиями под заголовком: ПОГИБЛИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА. Эрика зажмурилась и открыла глаза только тогда, когда была уверена, что доска осталась позади. Она едва не налетела на Марша, который внезапно остановился у двери с табличкой «ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ». Через полуоткрытые жалюзи на стеклянной перегородке Эрика увидела, что в комнате полно народу. К горлу подступил страх. Под теплой курткой с нее градом лил пот. Марш взялся за дверную ручку.

– Сэр, вы собирались ввести меня в курс дела перед... – начала Эрика.

– Нет времени, – перебил он ее и, не давая ей возможности ответить, открыл дверь, пропуская Эрику вперед.

Оперативный отдел представлял собой большое открытое помещение. При их появлении два десятка сотрудников полиции, находившиеся в нем, мгновенно затихли, выжидательно глядя на вошедших. Их лица озарял яркий свет люминесцентных ламп. Помещение с двух сторон от коридоров отделяли стеклянные стены, и у одной стояли в ряд принтеры и копировальные аппараты, перед которыми на истончавшем ковровом покрытии были протоптаны дорожки следов. Такие же дорожки вели от столов к демонстрационным доскам у задней стены. Марш прошел вперед, а Эрика быстро поставила чемодан у одного из аппаратов, множившего какие-то документы, и присела на стол.

– Приветствую всех, – поздоровался Марш. – Как нам известно, четыре дня назад поступило заявление об исчезновении

двадцатитрехлетней Андреа Дуглас-Браун. И сразу же в СМИ поднялась бешеная шумиха, которая не стихает до сих пор. А сегодня утром, в самом начале десятого, на территории музея Хорнимана в Форест-Хилл было обнаружено тело девушки, по описанию похожей на Андреа. Предварительно ее личность была установлена по номеру телефона, зарегистрированному на Андреа, но это еще необходимо подтвердить официально. Криминалисты уже работают, только вот снег, будь он проклят, стопорит работу... – Речь Марша прервал телефонный звонок. Он умолк. Телефон продолжал звонить. – Что сидите? Здесь оперативный отдел. Ответьте же кто-нибудь!

Один из полицейских, находившийся в конце комнаты, снял трубку и стал что-то тихо в нее говорить.

– Если личность жертвы установлена верно, значит, мы имеем дело с убийством девушки, принадлежащей к одной из очень могущественных и влиятельных семей, и от нас ждут скорейших результатов. Пресса и прочие, кого ни назови. Если что не так, много голов полетит.

На соседнем столе перед Эрикой лежали утренние газеты с кричащими заголовками: **ИСЧЕЗЛА ДОЧЬ ЧЛЕНА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ ОТ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ; ЭНДИ ПОХИЩЕНА ТЕРРОРИСТАМИ?** Под третьим, самым ярким, – **ЗАЛОЖНИЦА?** – была помещена на всю страницу фотография Андреа.

– А теперь позвольте представить вам старшего инспектора Фостер. Ее откомандировали к нам из полиции Манчестера, – закончил свою речь Марш. Эрика почувствовала на себе взгляды всех присутствующих в комнате.

– Доброе утро. Я рада, что... – начала она, но ее перебил офицер с сальными черными волосами.

– Шеф, я вел дело об исчезновении Дуглас-Браун, и...

– И что, старший инспектор Спаркс? – спросил Марш.

– И... моя команда работает как часы. Я отрабатываю несколько версий. Держу связь с семьей...

– У старшего инспектора Фостер большой опыт в расследовании убийств деликатного характера...

– Но...

– Спаркс, это не обсуждается. С этой минуты расследованием руководит старший инспектор Фостер. Она немедленно приступит к делу, но вы, я знаю, будете оказывать ей всяческую поддержку, – сказал Марш.

Воцарилось неловкое молчание. Спаркс опустил на свое место, неприязненно глядя на Эрику. Она выдержала его взгляд.

– И не болтайте лишнего. Это ко всем относится. Я говорю серьезно. Никаких контактов с журналистами, никаких сплетен. Ясно? – Офицеры тихо загудели, выражая согласие.

– Старший инспектор Фостер, жду вас у себя в кабинете.

* * *

Эрика стояла в кабинете Марша на верхнем этаже отделения полиции. Сам он рылся в бумагах на своем столе. Она смотрела в окно, из которого открывалась более зрелищная панорама Луишема. За торговым центром и железнодорожной станцией до самого Блэкхита тянулись неровные ряды домиков из красного кирпича. Обстановка в кабинете Марша отличалась от той, какую ожидаешь увидеть в кабинете старшего суперинтенданта. Ни тебе коллекционных машинок на подоконнике, ни семейных фотографий на полках. Рабочий стол завален бумагами, на полках у окна – то, что не уместилось на столе: пухлые папки, невскрытая корреспонденция, старые рождественские открытки, скрученные клейкие листочки, исписанные мелким неразборчивым почерком Марша. В одном углу на стуле – парадная форма с фуражкой; на мятых брюках заряжается его «Блэкберри» с мигающим красным огоньком. Комната подростка и высокого начальника в одном флаконе.

Марш наконец нашел маленький толстый конверт и вручил его Эрике. Она вскрыла конверт и извлекла из него футляр с полицейским значком и служебным удостоверением на свое имя.

– Надо же, какой карьерный взлет, – усмехнулась она, вертя в руке значок.

– Дело не в вас, старший инспектор Фостер. Вы должны радоваться, – заметил Марш. Он обошел свой стол и грузно опустился в кресло.

– Сэр, мне было заявлено вполне определенно, что по возвращении на службу я как минимум полгода буду заниматься бумажной работой.

Марш жестом предложил ей занять кресло напротив.

– Фостер, когда я позвонил вам, мы расследовали дело об исчезновении человека. Теперь мы знаем, что это убийство. Мне напомнить вам, кто ее отец?

– Лорд Дуглас-Браун. Кажется, он был одним из главных государственных подрядчиков, выполнявших заказы правительства для ведения войны в Ираке, одновременно оставаясь членом кабинета...

– Политика здесь ни при чем.

– Да я не о политике, сэр.

– Андреа Дуглас-Браун пропала без вести на вверенной мне территории. Лорд Дуглас-Браун очень сильно давит на нас. Он пользуется

огромным влиянием, способен любого возвысить или погубить его карьеру. Сегодня я встречаюсь с помощником комиссара и с кем-то из правительства, будь оно неладно...

– То есть вы за карьеру свою переживаете?

Марш посмотрел на нее.

– Мне нужно, чтобы установили личности погибшей и подозреваемого. И как можно скорее.

– Есть, сэр. – Эрика помедлила в нерешительности. – Позвольте спросить, почему именно я? Или вы планируете бросить меня на амбразуру в качестве козла отпущения? А потом в игру вступит Спаркс, доведет дело до победного конца и станет героем? Я вправе это знать, если...

– Мать Андреа из Словакии. Как и вы... Я подумал, будет лучше, если расследование возглавит человек, с которым у ее матери есть нечто общее...

– То есть меня привлекли для налаживания связей с населением?

– Если угодно, можно и так сказать. Я также знаю, что вы – превосходный полицейский. Да, в последнее время вас преследуют неприятности, но ваши достижения затмевают...

– Давайте обойдемся без этой фигни, сэр, – отрубила Эрика.

– Фостер, вы не умеете выстраивать служебные отношения в своих интересах. А если бы умели, возможно, сейчас вы сидели бы на моем месте, а я – на вашем.

– Да. У меня свои принципы. – Эрика пристально посмотрела на него. Оба на время умолкли.

– Эрика... Я вызвал вас сюда, так как считаю, что вам нужно дать еще один шанс. Не надо отказываться от задания, даже не приступив к работе.

– Слушаюсь, сэр.

– Вот и славно. А теперь езжайте-ка на место происшествия. Как только появится какая-то информация, сразу мне докладывайте. Если это все же Андреа Дуглас-Браун, нужно будет провести официальное опознание с привлечением родственников.

Эрика встала и направилась к выходу.

– Мне так и не предоставилась возможность, – продолжал Марш более мягким тоном, – на похоронах выразить свои соболезнования. Мне очень жаль, что так случилось с Марком... Он был отличный полицейский и хороший друг.

– Спасибо, сэр. – Эрика уткнулась взглядом в ковер. Ей до сих пор было больно слышать его имя. Усилием воли она сдержала слезы.

Марш прокашлялся, придал своему голосу прежний официальный тон.

– Уверен, я могу рассчитывать на то, что вы быстро найдете преступника и посадите его. Докладывайте о каждом шаге расследования.

– Есть, сэр.

– И еще... старший инспектор Фостер!

– Да, сэр?

– Переоденьтесь.

Глава 3

Эрика нашла женскую раздевалку и быстро переоделась в позабытый, но привычный наряд – черные брюки, белую блузку, темный свитер и длинную кожаную куртку.

Убирая в шкафчик гражданскую одежду, она заметила на краю одной из длинных деревянных скамеек измятый номер «Дейли мейл». Эрика пододвинула газету к себе, разгладила ее. Под жирным заголовком **«ИСЧЕЗЛА ДОЧЬ ЧЛЕНА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ ОТ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ»** была помещена фотография Андреа Дуглас-Браун, с которой на Эрику смотрела красивая ухоженная девушка с длинными каштановыми волосами, полными губами и сияющими карими глазами. Загорелая, в открытом коротеньком топе. Плечи отведены назад, подчеркивая пышность ее груди. Она пристально смотрела в объектив уверенным взглядом. Снимок был сделан на яхте, на фоне сочной синевы неба и моря, искрящегося на солнце. С обеих сторон Андреа кто-то обнимал, но виднелись только широкие мужские плечи, повыше и пониже их обладателей, кто бы они ни были, обрезали.

«Дейли мейл» характеризовала Андреа как «светскую львицу», что Андреа, прочитай она это, вряд ли бы понравилось, подумала Эрика, но, по крайней мере, газета не называла ее фамильярно «Энди», как другие таблоиды. В статье пересказывались интервью, взятые у лорда и леди Дуглас-Браун и у жениха Андреа. Все они умоляли ее связаться с ними.

Эрика проверила карманы кожаной куртки и в одном обнаружила свой блокнот, который до сих пор, по прошествии многих месяцев, все еще лежал там. Она записала имя жениха – Джайлз Осборн и ниже начеркала: «Может, Андреа сбежала?». С минуту смотрела на запись, а потом стала яростно ее зачеркивать, так что порвала бумагу. Эрика сунула блокнот в задний карман брюк и собралась уже положить в свободный карман свое удостоверение, но потом помедлила, несколько мгновений держа его в руке: знакомая тяжесть, кожаная обложка потерлась на сгибе за долгие годы, что она носила его в заднем кармане брюк.

Эрика подошла к зеркалу над раковиной, открыла удостоверение и вытянула его на руке перед собой. На вклеенной фотографии была запечатлена уверенная женщина с зачесанными назад белокурыми волосами, которая с вызовом смотрела в объектив. А женщина в зеркале, с удостоверением в руке, была сухопарой и бледной. Ее короткие светлые

волосы, с сединой у корней, были всклокочены. С минуту Эрика смотрела на свою дрожащую руку, затем закрыла удостоверение.

Ей необходимо сделать новое фото на документ.

Глава 4

Когда Эрика вышла из раздевалки, дежурный по отделению Вулф ждал ее в коридоре. Он зашагал вперевалку рядом с ней, отметив про себя, что она на голову выше него.

– Вот ваш телефон. Заряжен, можно пользоваться, – сказал сержант, отдавая ей прозрачный пластиковый пакет с телефоном и зарядным устройством. – Машина для вас будет готова после обеда.

– А с кнопками ничего не нашлось? – вспылила Эрика, увидев, что в пакете лежит смартфон.

– Одна кнопка есть: «включить/выключить», – огрызнулся дежурный.

– Когда подъедет мой автомобиль, будьте добры, положите это в багажник, – распорядилась Эрика, показывая на свой чемодан. Она обошла Вулфа и открыла дверь оперативного отдела. При ее появлении разговор моментально стих. К ней приблизилась полноватая женщина маленького росточка.

– Я – инспектор Мосс. Мы как раз пытаемся оборудовать для вас кабинет. – Волосы у женщины были рыжие и жесткие, как проволока, а лицо так густо усеяно веснушками, что казалось, оно покрыто пятнами. – Вся информация, – продолжала Мосс, – поступает на информационные табло. По мере поступления я буду распечатывать сводки и класть на стол в вашем кабинете, когда...

– Мне хватит рабочего стола, – перебила ее Эрика. Она подошла к электронным доскам, где была выведена большая карта территории музея имени Хорнимана и ниже фото Андреа с камеры видеонаблюдения.

– Ее последнее известное нам фото, сделанное камерой наблюдения на станции Лондон-бридж, когда она в 8.47 садилась в поезд, который шел в Форест-Хилл, – объяснила Мосс, следуя за Эрикой. Камера зафиксировала, как Андреа ступает в вагон стройной ногой. Лицо ее сердито. Одета она была по последней моде: облегающая кожаная куртка, короткое черное платье, розовые туфли на шпильке. В руке – клатч под цвет туфель.

– Она была одна, когда садилась в поезд? – уточнила Эрика.

– Да. У меня есть видео с той самой камеры наблюдения, с которой мы сделали снимок, – ответила Мосс, хватая ноутбук и возвращаясь с ним к Эрике. Она поставила компьютер на стопку папок и расширила видеоокно на весь экран. Они просмотрели запись в режиме замедленной съемки: вид платформы сбоку; Андреа входит в зону видимости камеры и затем в поезд.

Запись длилась всего несколько секунд, и Мосс включила режим многократного повтора.

– Злится на что-то, – заметила Эрика.

– Да, – согласилась Мосс. – Как будто намерена кого-то отчитать.

– Где был ее жених?

– У него железное алиби. Он был на каком-то мероприятии в центральном Лондоне.

Еще несколько раз они просмотрели, как Андреа идет по платформе и садится в поезд. На видео, кроме нее, других людей не было; вся остальная платформа оставалась пуста.

– А это наш «хозяин лавки», сержант Крейн. – Мосс показала на парня с коротко стриженными светлыми волосами, который одновременно висел на телефоне, рылся в папках и запихивал в рот шоколадный батончик «Марс». Он стал давиться, пытаясь побыстрее проглотить то, что уже успел сунуть в рот. Краем глаза Эрика увидела, что Спаркс положил трубку телефона, надел пальто и направился к выходу.

– Вы куда? – осведомилась она. Спаркс остановился, повернулся к ней.

– На место происшествия. Криминалисты только что дали нам добро. Нам нужно как можно скорее установить личность жертвы, если вы еще не забыли, мэм.

– Я хочу, чтобы вы остались здесь, Спаркс. Инспектор Мосс, сегодня со мной поедете вы. И вы. Как вас зовут? – спросила она высокого симпатичного чернокожего полицейского, который разговаривал по телефону за ближайшим столом.

– Инспектор Питерсон, – ответил тот, ладонью прикрыв трубку.

– Так вот, инспектор Питерсон, вы тоже едете со мной.

– А мне что прикажете делать – сидеть здесь и бить баклуши? – с претензией в голосе спросил Спаркс.

– Нет. Мне нужен доступ ко всем камерам видеонаблюдения на территории музея Хорнимана и окрестных улиц...

– У нас это есть, – перебил ее Спаркс.

– Нет, я хочу, чтобы вы расширили зону поисков. Просмотрите записи со всех видеокамер в диапазоне сорока восьми часов до исчезновения Андреа и после. Опросите жителей всех домов и работников всех заведений вокруг музея. Также узнайте все, что можно, об Андреа. Родственники, друзья; информация по банковским счетам, медицинским картам; распечатки телефонных звонков, электронной почты; светская хроника. Кому она нравилась? Кто ее ненавидел? Я хочу знать все. У нее был компьютер, ноутбук? Наверняка. Достаньте его.

– Мне сказали, что ноутбук нам не отдадут. Лорд Дуглас-Браун дал ясно понять... – начал Спаркс.

– А я говорю достаньте. – В комнате наступила тишина. – И чтобы никто – слышите, никто – не смел общаться с прессой и вообще говорить что-либо об этом деле, даже «Без комментариев». Это ясно? Всем языки держать за зубами... Старший инспектор Спаркс, вам этого задания достаточно?

– Да, – буркнул тот, зло глядя на Эрику.

– Крейн, вы остаетесь на хозяйстве, обеспечиваете четкую работу оперативного отдела.

– Уже обеспечиваю, – сказал сержант, дожевывая батончик.

– Вот и хорошо. Встречаемся здесь же в четыре.

Эрика покинула кабинет. Мосс и Питерсон вышли следом. Спаркс снял пальто.

– Стерва, – пробормотал он себе под нос, снова усаживаясь за компьютер.

Глава 5

Мосс вела машину, не сводя глаз с заснеженной дороги. Эрика сидела рядом в пассажирском кресле, Питерсон – сзади. Напряженную тишину то и дело нарушали визг и скрежет расчищающих ветровое стекло дворников, которые, словно были забиты кокосовой стружкой.

На юге Лондона господствовала грязно-серая палитра. Мимо проплывали ряды обшарпанных стандартных домиков ленточной застройки с мощеными палисадниками, служащими парковками. Серость расцвечивали только тут и там стоявшие кучками черно-зелено-синие мусорные контейнеры на колесах.

Дорога круто повернула влево, и они встали в хвосте вереницы машин, вытянувшихся вдоль первого изгиба Кэтфордской кольцевой развязки с односторонним движением. Мосс включила сирену, и машины принялись заезжать на тротуар, открывая для них путь. Печка в полицейском автомобиле не работала – вполне оправдывающее обстоятельство для Эрики, державшей трясущиеся руки глубоко в карманах своей длинной кожаной куртки. Она надеялась, что руки у нее дрожат от голода, а не от волнения, что она вдруг не справится с возложенной на нее задачей. Из щели над радио торчала пачка красных лакричных жгутиков.

– Можно? – нарушила неловкое молчание Эрика.

– Да, угощайтесь, – разрешила Мосс. Она нажала на газ, и они помчались по освобожденному для них коридору; задние колеса автомобиля заносило в бок на обледенелой дороге. Эрика взяла из пакета один жгутик, сунула его в рот и стала жевать, глядя на Питерсона в зеркало заднего обзора. Тот склонился над айподом. Высокий, худощавый, с овальным мальчишеским лицом, он напоминал ей игрушечного деревянного солдата. Питерсон поднял голову и перехватил ее взгляд.

– Итак, что вы можете рассказать мне об Андреа Дуглас-Браун? – спросила Эрика, проглатывая конфету и беря другую.

– А начальство вас разве не просветило, босс? – вопросом на вопрос ответил Питерсон.

– Просветило. Но исходите из того, что не просветило. Я каждый случай начинаю рассматривать с позиции полного отсутствия информации. Вы не поверите, сколько новых нюансов это помогает выявить.

– Ей двадцать три года, – начал Питерсон.

– Она работала?

– Трудового стажа не имела...

– Почему?

– А зачем ей работать? – пожал плечами Питерсон. – Лорд Дуглас-Браун – владелец «СэмТек», частной военно-промышленной компании. Они разрабатывали системы GPS и компьютерные программы для правительства. По последним сведениям, его капитал составляет тридцать миллионов.

– Братья и сестры есть? – спросила Эрика.

– Есть. Младший брат Дэвид и старшая сестра Линда.

– То есть Андреа и ее брат с сестрой живут на деньги трастового фонда? – уточнила Эрика.

– И да, и нет. Сестра, Линда, работает у матери. Леди Дуглас-Браун принадлежит элитный цветочный салон. Дэвид учится в магистратуре университета.

Они ехали по Кэтфорд-Хай-стрит, где дорога была посыпана песком и потому транспорт двигался нормально. Мимо мелькали магазины дешевых товаров по цене одного фунта, лавки ростовщиков, выдающих «кредиты до зарплаты», и частные супермаркеты, выставившие на улицу прилавки, на которых громоздились экзотические овощи и фрукты, едва не скатывавшиеся в грязь на тротуары.

– Что известно о женихе Андреа, Джайлзе Осборне?

– Летом у них намечается... *намечалась* грандиозная свадьба, – ответила Мосс.

– Чем он занимается? – спросила Эрика.

– У него компания по организации мероприятий высшего пошиба: Хенлейская регата, презентации новых изделий, VIP-свадьбы.

– Андреа жила у него?

– Нет. С родителями в Чизике.

– Это на западе Лондона, да? – уточнила Эрика. Питерсон кивнул ей в зеркало заднего обзора.

– Видели бы вы их дворец! – продолжала Мосс. – Они объединили четыре дома, вырыли подземный этаж. Наверно, не один миллион угрожали.

Они миновали магазин «Топпс тайлс», по всей видимости, закрытый, так как его большая парковка была пуста и запорошена свежим слоем снега; потом – ресторан «Харвестер», возле которого мужчина в наушниках рубильным станком мельчил на щепки большую рождественскую елку. Вибрацию от тарахтения его двигателя они ощутили в своем салоне, но вскоре дрожь улеглась, и в поле их зрения выплыли захудалые пабы. Перед

одним, под названием «Олень», стояла, прислонившись к облезлой зеленой двери, и курила пожилая женщина с осунувшимся лицом. Рядом с ней валялся мешок с мусором, в котором рылась какая-то собака. Заснеженный тротуар был усеян объедками.

– Интересно, что Андреа Дуглас-Браун делала здесь, да еще одна? – задалась вопросом Эрика. – Не совсем подходящее место для дочери миллионера из Чизика, вы не находите?

На несколько мгновений их автомобиль накрыл снежный шквал, а когда белая пелена рассеялась, они увидели музей имени Хорнимана. С обеих сторон его здание из песчаника обрамляли юкки и пальмы. Заснеженные, они представляли собой диковинное зрелище.

У железных ворот Мосс сбавила ход и затормозила рядом с молодым полицейским в форме. Эрика опустила боковое стекло. Полицейский наклонился, положив на дверцу руку в кожаной перчатке. В окно полетели снежинки, оседавшие на обивке сидений. Эрика показала свое удостоверение.

– Следующий поворот налево. Подъем крутой. Мы отправили наверх пескоразбрасыватель, но все равно езжайте помедленней, – посоветовал полицейский. Эрика кивнула и подняла стекло. Мосс повернула налево, и они поехали по дороге, круто поднимавшейся вверх. По приближении к вершине они увидели блокпост, возле которого нес караул еще один полицейский в форме. Слева на тротуаре толпились одетые по-зимнему журналисты. Прибывший полицейский автомобиль вызвал у них интерес, на ветровом стекле засверкали вспышки фотоаппаратов.

– Отвалите, – рявкнула Мосс, пытаясь переключиться на третью скорость. В коробке передач раздался треск, машина рванула вперед и заглохла. – Черт! – вскричала Мосс, стискивая руль. Она нажала на тормоза, но машина продолжала сползать. В зеркало заднего обзора Эрика увидела, как дорога за ними резко уходит вниз. Фоторепортеры, реагируя на драматичную ситуацию, снова защелкали фотоаппаратами.

– Резко влево давай! – крикнул Питерсон. Он быстро опустил стекло на своем окне и, выворачивая шею, посмотрел назад. Эрика вцепилась в приборную панель. Мосс всем телом налегла на руль, сумев остановить скольжение и направить машину на недавно освободившееся парковочное место у обочины, которое не было занесено снегом. Колеса коснулись голого асфальта, и они резко остановились.

– Повезло, – заметил Питерсон, сдержанно усмехнувшись. Снег залетал в открытое окно и ложился на его короткие дреды.

– Чертов лед, – буркнула Мосс, делая глубокий вдох.

Эрика отстегнула ремень безопасности, стыдясь того, что у нее дрожат ноги. Они все выбрались из машины. Фоторепортеры, язвительно посмеиваясь, стали засыпать их вопросами о личности жертвы. Снег летел параллельно земле. Они показали свои удостоверения, и их пропустили за оградительную ленту. Подлезая под нее, Эрика испытывала радостное волнение: она снова в деле, ее пустили за полицейское ограждение, в руке – служебное удостоверение. Еще один полицейский в форме направил их к железным воротам, которые вели на территорию музея.

Эллинг теперь накрывала огромная белая палатка, которая у основания сливалась со снежными сугробами. Один из помощников криминалистов приготовил для группы следователей спецодежду. Эрика, Мосс и Питерсон надели комбинезоны, перед тем как войти в палатку.

Свет ламп, отражаясь от снега, озарял гниющее дерево низкой крыши. Они заглянули под нее. Три криминалиста под началом руководителя группы прочесывали каждый дюйм эллинга. На маленьком деревянном причале поблескивала лодка. Из ледяной воды вынырнул, подняв рой брызг, полицейский-водолаз в черном гладком костюме, принесший с собой теплый желчный запах затхлого пруда. Вокруг него, там, где жаркие лучи прожекторов растопили лед, чернела вода, в которой плавал мусор.

– Старший инспектор Фостер, – окликнул Эрику густой мужской голос. В кои-то веки ей пришлось задрать голову, чтобы увидеть рослого мужчину, появившегося из-за эллинга. Он снял маску, обнажив горделивое красивое лицо с большими темными глазами. Его брови были тщательно выщипаны в две безукоризненно прямые линии. – Айзек Стронг, судмедэксперт, – представился мужчина. – Мосс и Питерсона я знаю, – добавил он. Те оба кивнули. Вслед за Айзеком Стронгом они обогнули эллинг вдоль его внешней стены. За палаткой на земле лежали металлические носилки, а на них – мертвая девушка, фактически голая. Ее наготу прикрывали лишь клочья изодранного платья, собравшегося вокруг талии, и черные мини-трусики, тоже порванные. Полные губы чуть приоткрыты, один передний зуб сломан почти до самой десны. В широко распахнутых глазах застыл мутный безжизненный взгляд; в длинных волосах застряли листья и прочий мусор.

– Это она, да? – тихо спросила Эрика. Мосс и Питерсон кивнули.

– Итак, – произнес Айзек, нарушив молчание. – Ее тело было найдено вмерзшим в лед. На основании первичного осмотра выводы делать рано, но я допускаю – повторяю: *допускаю*, – что она находилась в воде не менее семидесяти двух часов. Минусовая температура установилась три дня назад. Когда ее нашли, ее телефон еще работал; парень, что работает здесь,

услышал, как он звонит. – Стронг передал Эрике прозрачный полиэтиленовый пакет с айфоном. Его чехол украшали кристаллы *Swarovski*.

– Нам известно, кто звонил? – спросила Эрика в надежде, что сходу появилась зацепка.

– Нет. Батарейка разрядилась вскоре после того, как телефон достали из воды. С него, конечно, попытались снять отпечатки, но я бы на это не рассчитывал.

– Где парень, который ее обнаружил?

– В «скорой» у музея. С ним врачи. Он был невменяем, когда полиция прибыла на место происшествия. Он провалился под лед и прямо на труп; от полученного шока его стошнило, у него произошли непроизвольное мочеиспускание и дефекация, так что мы теперь пытаемся побыстрее выделить его ДНК, – объяснил Айзек. Он подошел к телу на носилках.

– Отечность лица и странгуляционные борозды на шее могут указывать на удушение. Левая ключица сломана, – продолжал он, рукой в резиновой перчатке осторожно поворачивая голову мертвой девушки. – Часть волос выдрана, примерно по одинаковому количеству прядей у каждого виска.

– Тот, кто это сделал, находился у нее за спиной, когда дергал за волосы, – заключила Мосс.

– Признаки сексуального насилия? – спросила Эрика.

– Об этом я скажу после более тщательного осмотра. Есть ссадины и царапины на внутренней стороне бедер, в области ребер и груди...

Айзек обратил внимание следователей на багровые полосы под каждой грудью, затем осторожно положил на тело девушки свою ладонь, показывая следы от пальцев на грудной клетке.

– На запястьях ссадины, – возможно, ей связывали руки, но они не были связаны, когда она ушла под воду. Также есть ушиб на затылке, и мы обнаружили фрагменты зубной эмали на одной из передних свай причала... Остатки зуба ищем. Не исключено, что она его проглотила, – значит, возможно, я найду его позже.

– В день исчезновения на ней были розовые туфли на шпильке и с собой розовая сумочка. Нашли? – спросила Мосс.

– На ней были только платье и нижнее белье, однако бюстгальтер отсутствовал. И туфли тоже... – Айзек осторожно приподнял ноги девушки. – Пятки сильно изранены.

– Тащили волоком босую, – сделала вывод Эрика, отпрянув при виде ступней жертвы, стесанных и разбитых чуть ли не до мяса.

– А вот это один из наших водолазов выудил из воды. – Айзек вручил Эрике маленький прозрачный полиэтиленовый пакет с водительскими правами. С минуту они все молча смотрели на фото.

– Выразительная фотография, – заметил Питерсон. – Как будто она там смотрит на нас с того света.

Эрика подумала, что он прав. Часто на документах взгляд у людей остекленелый или оторопелый, будто им в лицо неожиданно направили свет фар. Однако у Андреа взгляд был уверенный.

– Боже мой, – промолвила Эрика, переводя взгляд с фотографии Андреа на тело мертвой девушки, которая лежала на носилках, грязная, с широко открытыми глазами. – Как скоро вы сумеете установить точную причину смерти?

– Я дал вам достаточно сведений для продолжения расследования. Остальное после вскрытия, – ошетинился Айзек.

– Которое вы проведете сегодня же, – сказала Эрика, остановив на нем твердый взгляд.

– Да. Сегодня, – пообещал Айзек.

* * *

Вокруг палатки криминалистов стояла тишь. Снегопад прекратился. Группа полицейских в форме прочесывала территорию вокруг озера, пробираясь по глубокому снегу, налипавшему на их темные ноги.

Эрика вытащила телефон и позвонила Маршу.

– Сэр. Это – Андреа Дуглас-Браун, – доложила она.

Сначала ответом ей было молчание, потом:

– Черт.

– Я сейчас допрошу парня, который ее нашел, затем поеду к ее родителям, сообщу им, – сказала Эрика.

– Какие есть соображения, Фостер?

– Это, вне сомнения, убийство, возможно, изнасилование с удушением или утоплением. Все вещественные доказательства уже отправлены на экспертизу в отделение.

– Подозреваемые есть?

– Нет, сэр. Но я рою землю. Нужно организовать официальное опознание в присутствии родных. Судмедэксперты сразу же с места преступления везут тело на вскрытие. Я буду держать вас в курсе.

– Если б я мог сказать СМИ, что у нас есть подозреваемый... – начал Марш.

– Да, сэр, я понимаю. В первую очередь нам необходимо пообщаться с ее родными. Вполне вероятно, что она знала убийцу. Свидетелей ее

исчезновения нет, никто не видел, чтобы ее похитили. Возможно, здесь она встречалась с убийцей.

– Полегче, Фостер. Не надо лезть на рожон, сразу выдвигать версию о том, что Андреа отправилась туда на некую непристойную оргию.

– Я ничего не говорила про посещение непристойных...

– Не забывают, это уважаемая семья.

– Мне не впервой, сэр.

– Да. Но помните, с кем вы имеете дело.

– Помню. Со скорбящими родственниками. И мне придется задать им традиционные вопросы, сэр.

– Да, но это приказ. Не прите на пролом.

Эрика отключила трубку, злясь на Марша. Что всегда ее возмущало в Британии, так это здешняя классовая система. Марш требовал, чтобы даже при расследовании убийства к родным погибшей девушки относились как к VIP-персонам.

Из палатки вышли Мосс, Питерсон и еще один полицейский в форме, и все вчетвером они, обойдя озеро, вышли к утопленному саду. Видели ли эти пустоглазые статуи, размышляла Эрика, как мимо волокли Андреа, зывавшую о помощи что было мочи?

На отвороте куртки сопровождавшего их полицейского затрещала рация.

– В кустах на Лондон-роуд мы только что нашли маленькую розовую сумочку, – сообщил металлический голос.

– В какой стороне Лондон-роуд? – спросила Эрика.

– Это – центральная улица. – Полицейский показал куда-то за деревья.

После долгих месяцев бездействия Эрика силилась настроить мозг на рабочий лад. Каждый раз, закрывая глаза, она видела в воображении истерзанную, избитую Андреа с пустотой в широко открытых глазах. Расследование убийства – это бездна различных вариаций и тонкостей. На полный осмотр среднестатистического дома у криминалистов порой уходило несколько дней, а здесь площадь места происшествия составляла семнадцать акров, вещественные доказательства были разбросаны по общественной территории, укрыты толстым слоем снега.

– Принесите ее к туристическому центру, к «скорой», – велела Эрика полицейскому, и тот поспешил прочь. Спустя несколько мгновений из-за живой изгороди появились Мосс и Питерсон. У подножия покатога, занесенного снегом склона высилась футуристическая стеклянная коробка туристического центра. Двор перед зданием центра был исполосован колесами машины «скорой помощи», стоявшей с открытыми задними

дверцами. В машине, укутанный в одеяла, сидел парень лет двадцати с небольшим. Лицо у него было посеревшее, сам он дрожал. У открытых дверей «скорой» стояла невысокая женщина, наблюдавшая, как один из криминалистов в резиновых перчатках обрабатывал одежду парня, маркируя и рассовывая по специальным прозрачным пакетам его грязные вещи – теплый спортивный костюм, свитер и кроссовки. Брови у женщины были такие же лохматые, как и у парня, а вот лицо – с кулачок, с заостренными чертами.

– Дайте мне расписку, – требовала она, – и чтобы каждая вещь была указана. Спортивные штаны Ли купил только в ноябре, и кроссовки тоже новые – нам еще платить за них тринадцать недель. Надолго вы забираете его вещи?

– Все это теперь вещественные доказательства в деле об убийстве, – сказала Эрика, когда они подошли к машине «скорой помощи». – Я – старший инспектор Фостер, а это – инспекторы Мосс и Питерсон. – Все трое раскрыли перед женщиной свои удостоверения. Та пристально воззрилась на их фото глазами-бусинками.

– Как вас зовут? – осведомилась Эрика.

– Грейс Кинни. А мой Ли, он ведь ничего плохого не сделал – просто пришел на работу. И из-за того, что ему приходится ждать на холоде, он заболел, и ему перестанут платить пособие.

– Ли, ты можешь рассказать нам, что произошло?

Парень, бледный, с обезумевшим взглядом, кивнул. Он объяснил, что явился на работу, а потом услышал телефонный звонок, пошел на звук и обнаружил подо льдом тело Андреа. Его рассказ прервал полицейский, возникший у дверей «скорой» с маленькой розовой сумочкой в прозрачном полиэтиленовом пакете. В другом таком же пакете лежало содержимое сумочки: шесть банкнот по пятьдесят фунтов, два вагинальных тампона, тушь, помада и духи-спрей.

– Это вещи той девушки? – спросила Грейс, глядя на пакеты. Полицейский поспешил спрятать их за спину.

– Она уже увидела, – отчитала его Эрика. – Мисс Кинни, – обратилась она к матери Ли. – Вы должны понимать, что это вещественные доказательства в расследовании по весьма деликатному делу, и...

– Не волнуйтесь, я буду держать рот на замке, – пообещала Грейс. – Хотя одному богу известно, что тут забыла девушка с модной сумочкой и пачкой пятидесяток.

– Как вы думаете, что она тут забыла? – осведомилась Эрика.

– Я не собираюсь делать за вас вашу работу, – отвечала Грейс. – Только

ведь и так ясно, что она проститутка. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы это понять. Клиента, наверно, с собой привела, а потом у них что-то не заладилось.

– Ли, ты узнал мертвую девушку?

– С какой стати мой Ли должен узнавать проститутку?

– Мы не думаем... мы не думаем, что она была проституткой.

Грейс, казалось, не замечала страданий сына. Ли плотнее укутался в одеяло и наморщил лоб, сдвинув густые брови.

– Она была прекрасна, – тихо произнес он. – Даже мертвая, подолодом... Ее настигла страшная смерть, да?

Эрика кивнула.

– Я увидел это в ее лице, – сказал Ли. – Простите, что вы спросили?

– Ты узнал ее, Ли? – повторила свой вопрос Эрика. – Видел ее здесь раньше?

– Нет. Прежде я никогда ее не видел, – ответил парень.

– Мы думаем, что в день исчезновения она приходила в один из пабов на центральной улице. Какие из здешних пабов привлекают молодежь? – спросил Питерсон.

Ли пожал плечами.

– По выходным в «Уэзерспунсе» много народу... в «Свинье и свистке». Это недалеко от станции.

– Ты часто навещаешься в пабы, Ли? – осведомился Питерсон. Ли снова пожал плечами, и Питерсон продолжал: – «Уэзерспунс», «Свинья и свисток». Еще какие?

– Он не шастает по значным местам, правда? – Грейс бросила на сына многозначительный взгляд.

– Да, да. То есть нет. Я в такие места не хожу, – подтвердил Ли.

– Раньше здесь был хороший район, – продолжала Грейс. – Не шикарный, но милый. На месте дрянного старого «Уэзерспунса» стоял чудесный кинотеатр «Одеон». Самые мерзкие – «Клееварка» и «Олень». Я так скажу: если случится всемирный потоп и на поверхности останутся только те две пивнушки, меня вы ни там, ни там не найдете. Они кишат иммигрантами, чтобы им пусто было, – без обид, лапочка, – добавила Грейс, обращаясь к Питерсону. Эрика увидела, что Мосс подавила усмешку.

По-прежнему не замечая плачевного состояния сына, Грейс продолжала:

– Говорю вам, идешь по главной улице и чувствуешь себя иностранкой в родной стране: поляки, румыны, украинцы, русские, индийцы, африканцы... А Ли говорит, что они все толкуются у центра занятости с

протянутой рукой, соглашаются на любую работу. Устроили бы рейд по тем пабам на главной улице. Они все там работают за стойкой, а в перерыв бегут в центр занятости, чтобы зарегистрироваться. Но нет, этого никто не видит. Зато моему Ли приходится ишачить на улице в любую погоду сорок часов в неделю, чтобы его не лишили пособия в шестьдесят фунтов. Безобразие.

– Ты давно работаешь в музее? – спросила Эрика парня.

Ли пожал плечами: – Начал за месяц до Рождества.

– Так что же, он теперь и работать не сможет? И все потому, что какая-то шлюха...

– Прекратите, – одернула женщину Эрика.

Грейс, казалось, устыдилась своего поведения.

– Ну да, она ведь тоже чья-то дочь. Вы знаете, кто она?

– Пока не знаем.

Это подстегнуло интерес Грейс.

– Случаем, эта не та девушка, из богатеньких, что пропала? Как ее звали, Ли? Энджела? Она похожа на ту девушку из газеты?

Ли невидящим взглядом смотрел перед собой, вероятно, заново переживая тот момент, когда он вдруг лицом к лицу столкнулся с Андреа, заставшей подо льдом.

– Как я уже сказала, личность жертвы устанавливается. – Эрика обратилась к парню: – Ли, мы свяжемся с центром занятости, объясним, что произошло. Из города не уезжай. Возможно, нам придется еще раз тебя допросить.

– По-вашему, он из страны собрался уехать? – вспылила Грейс. – Эх, если бы была такая возможность... хотя из всех здешних, пожалуй, мы только бы одни и уехали!

Бригада «скорой помощи» собиралась к отъезду; Эрика, Мосс и Питерсон пошли прочь.

– Боевая старушка, – усмехнулась Мосс.

– Зато сообщила нам гораздо больше, чем Ли, – заметила Эрика. – Давайте-ка проверим те пабы. «Клееварку», «Оленя». Может быть, Андреа заходила в один из них в день своего исчезновения?

Глава 6

Когда они вышли с территории музея, снова повалил снег, поэтому они бросили машину и на электричке доехали до Лондон-бридж, где пересели на метро до Чизика. В вагоне было тесно и жарко, им пришлось стоять всю дорогу в плотной толпе. Эрика была зажата между своими новыми коллегами. Худощавая фигура Питерсона являла собой разительный контраст с кряжистой пухлой Мосс, прилипшей к ней с другого бока. Эрика жалела, что не может хотя бы пять минут побыть одна. Ей нужны были пространство, свежий воздух, чтобы собраться с мыслями. За двадцать пять лет службы в полиции она, наверно, сотням людей сообщила о смерти их близких, но с тех пор, как сама потеряла любимого человека, к этой обязанности стала относиться по-другому. Боль утраты все еще была острой. И вот совсем скоро ей придется уведомить о гибели Андреа ее родителей и смотреть, как их поглощает теперь уже знакомое ей горе.

Они вышли на станции «Тернэм-Грин». Снегопад прекратился. В сравнении с южным Лондоном улица Чизик-Хай-роуд была ухожена. На тротуарах и дорогах ни соринки, почтовые ящики подновлены свежей краской, викторианские дома с безукоризненно чистыми подъемными окнами перемежаются мясными лавками и магазинами фермерской продукции. В сияющих банках и супермаркетах царит оживление. Здесь даже снег был белее.

Дом Дуглас-Браунов находился в большом широком глухом переулке, ответвлявшемся от многолюдной центральной улицы. Огромный особняк в георгианском стиле после пескоструйной обработки был очищен от многолетней копоти, и теперь кирпичная кладка имела цвет сливочного масла. Своим величием он затмевал все остальные дома вокруг, хотя был частично скрыт за высокими деревьями, что росли в небольшом сквере в центре переулкa. Неподалеку дежурила группа фоторепортеров в теплых зимних куртках. Они бесцельно слонялись, оставляя на снегу дорожки следов. У каждого на шее висел фотоаппарат, в руках дымились стаканчики с кофе. Когда Эрика, Мосс и Питерсон приблизились к дому Дуглас-Браунов и вошли в ворота, журналисты встрепнулись. Защелкали фотоаппараты, засверкали вспышки, отражавшиеся от глянцевой черной массивной двери особняка. Сделав глубокий вдох, Эрика нажала на кнопку звонка. Из глубины дома донесся звучный мелодичный перезвон.

– Вы из полиции? – крикнул сзади чей-то голос.

– Тот труп – это Энди? – крикнул другой. Эрика на мгновение закрыла глаза, спиной ощущая назойливое присутствие фоторепортеров. *Какое они имеют право называть ее Энди? Даже родители не зовут ее так.*

Входная дверь отворилась, но лишь частично, и в образовавшемся узком проеме они увидели миниатюрную темноволосую пожилую женщину. Она смотрела на них, рукой прикрывая глаза от вспышек фотокамер, которые защелкали еще быстрее.

– Доброе утро. Нам нужно поговорить с Саймоном и Дианой Дуглас-Браун, – обратилась к ней Эрика, и все трое показали свои удостоверения. Они ожидали, что женщина впустит их в дом, но та продолжала пристально рассматривать полицейских из-под нависших век. В ее черных глазах отражались блики вспышек.

– Вы спрашиваете лорда и леди Дуглас-Браун?

– Да. Это касается исчезновения их дочери Андреа, – тихо произнесла Эрика.

– Я – экономка Дуглас-Браунов, – представилась щуплая женщина. – Пожалуйста, дайте мне ваши удостоверения и ждите здесь, пока я проверю документы. – Она забрала у них удостоверения и закрыла дверь. На ее крашеной панели вновь заплясали блики вспышек.

– Вы можете подтвердить, что ее изнасиловали? – крикнул голос.

– Вы можете подтвердить, что это убийство? – выкрикнул другой. – И, если это так, считаете ли вы, что оно совершено по политическим мотивам?

Эрика искоса глянула на Мосс и Питерсона, и все трое продолжали упорно смотреть в дверь. Секунды шли. Они почти ощущали жар вспышек на своих спинах.

– За кого она нас принимает? Думает, мы хотим раскрутить их на установку пластиковых окон, что ли? – тихо прошипела Мосс.

– В прошлом году лорд Дуглас стал фигурантом скандальной истории со скрытой камерой, – краем рта произнес Питерсон. – *News of the World* сняла на пленку, как он пытался всучить взятку оборонному подрядчику из Тегерана.

– Фальшивому шейху? – шепотом уточнила Эрика. Она собралась было сказать что-то еще, но тут дверь отворилась, на этот раз шире. Фотокамеры яростно защелкали.

– Да, документы вроде бы в порядке, – сказала маленькая женщина, возвращая им удостоверения. Она жестом пригласила их в дом. Они вошли, и экономка тут же закрыла дверь, отгораживаясь от холода и фоторепортеров.

Узкий коридор переходил в галерею, где устланная ковром элегантная деревянная лестница змейкой обвивала три этажа. Высоко над головой – витражный потолок, отбрасывавший мягкие разноцветные блики на кремовые стены. У подножия лестницы – высокие напольные часы в полированном деревянном корпусе с беззвучно качающимся маятником. Экономка повела их по коридору. Они миновали проход, в который мельком увидели большую кухню из металла и гранита, затем – огромное зеркало в золоченой раме со столь же внушительной вазой со свежими цветами, что стояла под ним, и подошли к дубовой двери. Их завели в кабинет с видом на заснеженный сад.

– Пожалуйста, подождите здесь. – Смерив полицейских пристальным взглядом, экономка вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. У окна стоял массивный стол из темного дерева. На его обтянутой кожей поверхности лежал только гладкий серебристый ноутбук. Всю стену по левую сторону занимал книжный шкаф, справа стояли большой кожаный диван со стеганой спинкой и два кресла. Над ними на стене висели в рамках фотографии Саймона Дуглас-Брауна, которого Эрика узнала по снимкам из газет, писавших об исчезновении Андреа. На вид это был невысокий сильный мужчина с пронизывающим взглядом карих глаз.

Фотографии в хронологическом порядке иллюстрировали историю его успехов. На самой ранней, сделанной в 1987 году, когда его компания по разработке технологий была зарегистрирована на Лондонской фондовой бирже, у Саймона еще пышная шевелюра. На последующих, где он запечатлен с королевой, Маргарет Тэтчер, Джоном Мейджором и Тони Блэром, волосы у него постепенно редели. Эрика отметила, что Ее Величество на добрых полголовы выше лорда Дуглас-Брауна. Четыре снимка, на которых он был сфотографирован с Тони Блэром, свидетельствовали о его тесных связях с правительством лейбористов.

Центральное место на стене занимали две фотографии, которые были крупнее, чем остальные. Первая представляла собой парадный портрет Дуглас-Брауна: в горностаевой мантии он стоял на красном ковре на фоне стен, обшитых деревянными панелями. Подпись внизу гласила, что снимок был сделан в тот знаменательный для него день, когда ему пожаловали рыцарское звание и он стал бароном Саймоном Дуглас-Брауном Ханстантонским. На втором фото он был запечатлен в той же величавой позе, но только теперь в обществе супруги, Дианы, в элегантном белом платье, которая в сравнении с ним казалась миниатюрной и хрупкой. С темными длинными волосами, внешне она была похожа на Андреа, но выглядела старше и казалась бледной и утомленной.

– А где находится Ханстантон? – поинтересовалась Эрика.
– На побережье в Норфолке, – ответила Мосс, с невозмутимым видом наклоняясь к фотографии. – Там есть чудесный океанариум.
– Значит, жена его стала *леди Дианой*, – произнес Питерсон.
– Да, – хмыкнула Мосс. – И ей, похоже, титул тоже счастья не принес!
– Вам смешно? – разозлилась Эрика. – Не припомню я, чтобы тело Андреа, когда его выудили из воды, настраивало на веселый лад.

Мосс с Питерсоном поспешно извинились. Все трое в неловком молчании продолжали рассматривать последнюю из фотографий, на которой лорд и леди Дуглас-Браун были запечатлены с президентом Бараком Обамой и его супругой Мишель. Чета Обама возвышалась над Дуглас-Браунами, у которых от восторга лица расплылись в широченные улыбки. Вне сомнения, за кадром выстроилась длинная вереница лордов, леди, дипломатов, промышленных магнатов и их тощих жен, с нетерпением ожидавших своей очереди встать перед объективом. Секундная встреча, увековеченная на стене славы.

От созерцания фотографий их отвлекло покашливание. Они повернулись и увидели в дверях кабинета Саймона и Диану Дуглас-Браун. Эрике мгновенно стало стыдно своей предвзятости, ведь два человека, что стояли перед ними с напряженными лицами, были просто-напросто перепуганные родители.

– Пожалуйста, скажите сразу, что случилось. Это Андреа? – умоляющим тоном обратилась к ним Диана. Эрика различила легкий акцент в безупречном английском миссис Дуглас-Браун, такой же, как у нее самой.

– Прошу вас, присядьте, – предложила она.

Увидев их мрачные лица, Диана свое закрыла руками.

– Нет, нет, нет, нет, нет! Это не она. Не моя девочка. Прошу вас, скажите, что это не моя девочка!

Саймон обнял жену одной рукой.

– Как это ни прискорбно, но я вынуждена сообщить, что сегодня утром тело вашей дочери было обнаружено на территории музея имени Хорнимана в южной части Лондона, – сказала Эрика.

– Вы уверены, что это она? – осведомился Саймон.

– Да. На месте происшествия мы нашли водительские права на ее имя и мобильный телефон, зарегистрированный на Андреа, – объяснила Эрика. – Мы делаем все возможное, чтобы установить причину ее смерти, но должна сказать, что умерла она при подозрительных обстоятельствах. Мы считаем, что Андреа убили.

– Убили? – Все так же закрывая ладонями лицо, Диана отстранилась от мужа и грузно опустилась на диван у книжного шкафа. Саймон побледнел, его оливковая кожа приобрела зеленоватый оттенок. – Андреа... убили? – повторила Диана. – Кому понадобилось ее убивать?

– Боюсь, вам придется поехать и официально опознать Андреа, – помедлив, произнесла Эрика.

Снова молчание. Где-то в глубине дома пробили часы. Диана отняла руки от лица и внимательно посмотрела на Эрику.

– *Odkial ste?* – спросила она.

– *Narodila som sa v Nitre*, – ответила Эрика.

– Не надо по-словацки, не сейчас. Давайте говорить по-английски, – осадил их Саймон.

– Почему о смерти дочери мне сообщает какая-то женщина из Нитры? – возмутилась Диана, остановив на Эрике взгляд, в котором сквозил вызов.

– Как и вы, в Англии я прожила дольше, чем в Словакии, – объяснила Эрика.

– Не сравнивайте себя со мной! Где другой офицер, тот, что уже был здесь... Спаркс? Я не желаю, чтобы судьба нашей дочери зависела от квалификации какой-то там словачки.

– Миссис Дуглас-Браун. – Эрика почувствовала, как в ней всколыхнулся гнев.

– Леди Дуглас-Браун.

– Я служу в полиции двадцать пять лет, – вскипела Эрика. – Старший инспектор...

– Уверяю вас, мы делаем все возможное, чтобы найти того, кто это сделал, – вмешался Питерсон, взглядом предостерегая Эрику.

Она взяла себя в руки и, вытащив блокнот, открыла его на пустой странице.

– Леди Диана, с вашего позволения, я хотела бы задать вам несколько вопросов?

– Нет. Я не позволяю, – заявил Саймон. Взгляд его темных глаз посуровел. – Неужели вы не видите, что моя жена... что мы... Мне нужно позвонить. Еще раз: откуда вы?

– Нитра находится на западе Словакии, но, как я уже объяснила, в Англии я живу более двадцати лет.

– Меня не интересует ваша биография. Я спрашиваю: вы из столичной полиции?

– Да, мы из отделения полиции Луишем-Роу, – подтвердила Эрика.

– Хорошо. Мне нужно сделать несколько звонков. Прояснить ситуацию. Я общаюсь непосредственно с помощником комиссара Оукли...

– Сэр. Расследование веду я...

– И вместе с комиссаром Клайвом Робинсоном принимал участие в работе нескольких комитетов по координации деятельности с полицией...

– При всем моем уважении, сэр, вы должны понять, что расследование веду я, и мне необходимо задать вам вопросы! – Слишком поздно Эрика осознала, что повысила голос до крика. На несколько мгновений воцарилась тишина.

– Босс, можно вас на пару слов? – обратился к ней Питерсон. Он глянул на Мосс. Та едва заметно кивнула. Эрика почувствовала, что краснеет. – Босс, на пару слов, – настойчиво повторил Питерсон. – Давайте отойдем. – Эрика встала и последовала за ним в коридор. Питерсон закрыл дверь. Эрика прислонилась к стене, пытаясь дышать медленнее.

– Знаю, – сказала она.

– Послушайте, босс, я не собираюсь вам перечить. Согласен, ситуация неприятная, но нельзя проявлять агрессивность по отношению к родителям жертвы. Ведь в данный момент они именно родители. И ничто иное. Пусть порисуется. Мы-то знаем, что будет дальше.

– Да понимаю я все. Черт, – промолвила Эрика. – О, черт...

– Почему мать девушки спросила, где вы жили в Словении?

– В Словакии, – поправила его Эрика. – Среди словаков это довольно распространенная установка. Уроженцы Братиславы считают, что они лучше всех остальных... Полагаю, она как раз оттуда.

– И она считает, что вы ей в подметки не годитесь, – закончил Питерсон. Эрика сделала глубокий вдох и кивнула, пытаясь унять свой гнев.

С другого конца коридора к ним приближались двое мужчин в рабочих комбинезонах, тащивших огромную новогоднюю елку. Эрика с Питерсоном расступились, пропуская их. Елка высохла, местами побурела; с веток, задевавших стены, на толстый сине-зеленый ковер сыпались иголки.

Питерсон как будто хотел сказать что-то еще, но потом передумал, прибегнув к другой тактике.

– Обед давно закончился. А вам, по-моему, не мешает подкрепиться сладеньким, – заметил он, внимательно глядя на бледное лицо Эрики. – Босс, я знаю, что вы босс, но, может, лучше вы уйдете и подождете нас в пабе или в кафе за углом.

– Я пойду извинюсь.

– Босс. Пусть пыль уляжется, ладно? Мы выясним все, что можно, а

потом найдем вас.

– Да. Хорошо. Только постарайтесь...

– Я договорюсь, чтобы они пришли на опознание. Да.

– И еще нам нужен ноутбук Андреа... и... Ладно. Постарайтесь добыть все, что можно.

Питерсон кивнул и вернулся в кабинет. Эрика с минуту стояла на месте. Она все испортила и осталась ни с чем.

Эрика собралась было осмотреть дом, но тут снова появилась экономка с нависшими веками.

– Позвольте я вас провожу, – с настойчивостью в голосе сказала она.

По дорожке из осыпавшихся елочных иголок они проследовали к выходу. Когда Эрика шагнула за дверь под вспышки фотокамер, ей пришлось до боли прикусить нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

Глава 7

Смеркалось, когда Мосс и Питерсон нашли Эрику в кофейне на Чизик-Хай-роуд. Удрученная, она целый час просидела одна у окна, наблюдая, как угасает день, который для нее выдался ужасно долгим и неудачным. Вообще-то ей было не свойственно поднимать ор и срывать допрос, тем более кричать на родителей жертвы.

Когда Эрика зашла в кафе, там было тихо, но теперь стоял гвалт, посетителей заметно прибавилось: тут и там сидели в одиночестве мужчины и женщины светского вида, компания модных мамочек заставила один угол дорогими детскими прогулочными колясками.

Питерсон и Мосс, купив кофе с бутербродами, подсели за столик к Эрике.

– Спасибо, что выручили. Не знаю, что на меня нашло. Совершенно утратила благоразумие, – смущенно объяснила Эрика.

– Ерунда. – Питерсон достал из пакета бутерброд и откусил от него огромный кусок.

– Диана Дуглас-Браун повела себя неприлично, – заметила Мосс, – хотя, с другой стороны, это был не лучший день в ее жизни, ведь... – Она тоже откусила сэндвич.

– Да, но мне не следовало... Ладно. Что еще вы выяснили? – осведомилась Эрика, дожидаясь, пока Мосс с Питерсоном закончат жевать.

– Саймон с Дианой понятия не имеют, каким ветром Андреа занесло в южный Лондон, – отвечала Мосс. – Она условилась пойти в кино с Дэвидом и Линдой – с братом и сестрой. Те ждали ее у «Одеона» в Хаммерсмите, но она так и не появилась.

– Брат с сестрой были дома?

– Да. Дэвид... он спал наверху. Леди Диана не захотела его будить.

– Будить? – удивилась Эрика. – Ему ведь вроде уже за двадцать?

– Дэвид на ногах с раннего утра, – объяснила Мосс. – Они всю ночь по очереди дежурили у телефонов на тот случай, если Андреа позвонит. Похоже, она и раньше пропадала.

– Когда? У нас есть сведения?

– Нет. Они не заявляли в полицию. Пару лет назад она исчезла без предупреждения на удлиненные выходные^[4]. Оказалось, отправилась во Францию с неким парнем, с которым познакомилась в баре. Вернулась, когда исчерпала лимит по кредитной карте.

– Вы выяснили фамилию парня, с которым она сбежала?

– Да. Некий Карл Майклс, – ответила Мосс. – Он в ту пору был студентом. Никакого криминала. Сексуальный уик-энд с дополнительным бонусом – платиновой *Visa* Андреа.

– Сестру ее, Линду, видели? – спросила Эрика.

– Она чай принесла. Мы ее приняли за горничную. На Андреа совсем не похожа: невзрачная, полноватая. Работает в цветочном салоне матери, – сказал Питерсон.

– И как она отреагировала на известие? – поинтересовалась Эрика.

– Выронила поднос, хотя... – Мосс запнулась.

– Что? – спросила Эрика, жалея, что ей приходится довольствоваться рассказом из чужих уст.

Мосс посмотрела на Питерсона.

– Как-то неестественно это выглядело, – объяснил он.

– Неестественно? – уточнила Эрика.

– Как игра плохой актрисы. Даже не знаю... Люди по-всякому реагируют, иногда очень странно. У них вся семья какая-то ненормальная, если хотите знать мое мнение.

– Хотя в любой семье есть свои тараканы, – рассудила Мосс. – А если еще в семье есть большие деньги, все проблемы становятся намного острее.

Засигналил телефон. Эрика не сразу сообразила, что это у нее. Она достала свой мобильный, ответила. Звонил Айзек. Он уведомил ее, что из-за плохой погоды они не успевают и результаты вскрытия будут готовы утром.

– А я ведь так хотела, чтобы тело опознали уже сегодня вечером, – посетовала Эрика, кладя трубку.

– Для вас так, может, оно даже и лучше. Глядишь, сэр Саймон остынет до завтра, – заметил Питерсон.

– Он еще что-нибудь сказал? – спросила Эрика.

– Да. Хочет, чтобы расследование снова возглавил Спаркс, – ответила Мосс.

Они продолжали молча жевать. Стемнело. Мимо ползли машины с включенными фарами, освещающими беспрестанно падающий снег.

Глава 8

Эрика, Мосс и Питерсон прибыли в отделение полиции Луишем-Роу в самом начале восьмого. Они сразу прошли в оперативный отдел, где уже собрались почти все сотрудники следственной группы, которым не терпелось поделиться результатами проделанной за день работы. Эрика скинула с себя длинную кожаную куртку и направилась к демонстрационным экранам в задней части помещения.

– Итак, прошу внимания. Я понимаю, день был долгий, однако что мы имеем?

– Как прошла встреча с родными потерпевшей, старший инспектор Фостер? Как вам сэр Саймон? – с усмешкой полюбопытствовал Спаркс, развалившись на стуле в вальяжной позе.

Дверь словно по сигналу отворилась, и в оперативный отдел заглянул суперинтендант Марш.

– Фостер. На два слова.

– Сэр, я как раз подвожу итоги за день...

– Ладно. Как только закончите, сразу ко мне, – рявкнул он и со стуком закрыл дверь.

– Значит, встреча прошла хорошо, как я понимаю? – съязвил Спаркс. Светящийся монитор его компьютера окрашивал его противную ухмылку в голубоватый цвет. Не отвечая ему, Эрика повернулась к одной из демонстрационных досок, на которой рядом с фотографией Андреа висели фото Линды и Дэвида. Она с интересом отметила, что Андреа и Дэвид внешне очень привлекательны, а вот Линда, походившая на матрону, имела избыточный вес, острый нос и более светлый цвет кожи, чем ее брат и сестра.

– А дети, все трое, от одних и тех же родителей? – спросила Эрика, постучав по доске маркером, чем вызвала недоумение у всего оперативного отдела.

Сержант Крейн в удивлении огляделся.

– Мы полагаем, что да...

– Почему вы так решили? – спросила Эрика.

– Ну, на вид они...

– Аристократичные? – уточнила Эрика. – Всегда помните, что в качестве подозреваемых мы прежде всего рассматриваем членов семьи. Пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что они живут в престижном

районе Лондона, имеют влияние и власть. Крейн, узнайте все, что можно, о детях, но, разумеется, действуйте деликатно. Идем дальше. Нам известно, что в минувший четверг, восьмого числа, Андреа должна была встретиться с Дэвидом и Линдой у кинотеатра, но там так и не появилась. Куда она пошла? На встречу с подругой, с тайным возлюбленным? Кто собирал сведения о жизни Андреа?

Со своего места поднялась маленькая индианка лет двадцати пяти.

– Констебль Сингх, – представилась она. Индианка подошла к Эрике, и та отдала ей маркер. – Последние восемь месяцев Андреа встречалась с двадцатисемилетним Джайлзом Осборном. Недавно они обручились. Ему принадлежит компания «Якка-праздники», занимающаяся организацией мероприятий и банкетов премиум-класса. Штаб-квартира в Кенсингтоне.

– «Якка-праздники». Что означает «якка»? – любопытствовала Эрика.

– На языке австралийских аборигенов – «работа». На сайте компании говорится, что свой академический отпуск он провел в Австралии.

– Учился у аборигенов подавать канапе и шампанское? – пошутила Эрика. По лицам ее коллег скользнули улыбки.

– Он из богатой семьи. Образование получил в частных учебных заведениях. На тот вечер, когда исчезла Андреа, у него алиби.

– Я уже его допросил, – вставил Спаркс. – Мы выяснили это на прошлой неделе.

– Распечатки звонков с телефона Андреа, записи в соцсетях? Полагаю, вы их запросили?

– Да, – подтвердила Сингх.

– Где они?

– Я над этим работаю. Запросил сегодня утром, надеюсь получить в следующие двадцать четыре часа, – ответил Крейн.

– Почему не запросили раньше, когда в полицию поступило заявление об ее исчезновении? – осведомилась Эрика.

Молчание.

– Побоялись сунуть нос в частную жизнь богатой влиятельной семьи?

– Это было мое распоряжение, – сказал Спаркс. – Родные Андреа тогда еще думали, что она просто сбежала. Они мониторили ее странички в соцсетях и делились информацией с нами.

Эрика закатила глаза.

– Как только получите распечатки, сразу мне на стол. А также то, что удастся снять с жесткого диска ее телефона, – велела она Крейну. – Спаркс, пора бы вам очнуться от зимней спячки. Есть информация по

видеокамерам?

Старший инспектор Спаркс откинулся на спинку стула, который под ним скрипнул.

– К сожалению, новости неутешительные. До позавчерашнего дня три видеокамеры на Лондон-роуд не работали. Соответственно у нас нет ничего по привокзальной площади и центральной улице, ведущей к музею Хорнимана. Переулки, разумеется, тоже не охвачены. Так что мы абсолютно слепы относительно того, что происходило там вечером восьмого числа.

– Черт, – выругалась Эрика.

– У нас есть запись с видеокамеры, которая зафиксировала, как она сходит с поезда на станции Форест-Хилл в... – Спаркс пролистал свои записи, – в 9.06 вечера. Сходит с поезда, идет по платформе мимо билетной кассы, там только автоматы. В это же время с ней из метро выходили всего два-три человека.

– Мы можем установить, кто эти люди? Возможно, они шли в том же направлении, что и она.

– Я уже над этим работаю, – закончил Спаркс.

– Поквартирный опрос?

– Ничего не дал, босс, – ответил Крейн, выдвигаясь вперед в своем кресле. – Многие жители либо еще не вернулись с рождественских каникул, либо спали.

– Пабы?

– В «Уэзерспунсе» и «Свинье и свистке» видеокамеры есть, но она ни туда, ни туда не заходила. На центральной улице находятся еще четыре паба.

– Грейс Кинни упомянула два: «Клееварка» и «Олень».

– Мы во всех побывали. Тоже те еще притоны, босс. Правда, никто из персонала ее не вспомнил.

– Проверьте график работы персонала, узнайте, кто из них местные. Снова расспросите. Она была одета нарядно, для выхода в свет. Велика вероятность, что она все-таки наведлась в один из тех пабов.

– А если она шла на частную вечеринку у кого-то в доме? – предположила Сингх.

– Допустим. Тогда что по винным барам? Заходила она в какой-нибудь за сигаретами или спиртным?

– Та же ситуация. В винных барах камеры есть, но запись ведется не непрерывно, и она ни на одной не засветилась, – объяснил Крейн.

– А тот дом, возле которого была найдена ее сумочка?

– Да, номер сорок девять. К сожалению, там тоже ничего. Хозяйка – слабоумная старушка, живет вместе с сиделкой, которая за ней ухаживает. Обе ничего не видели и не слышали.

В комнате повисла напряженная тишина.

– Отпустили бы уже команду, дали народу отдохнуть. Долгий ведь был день, – нарушил молчание Спаркс.

– Да. Все свободны. Завтра жду вас всех в девять. К тому времени мы уже получим результаты вскрытия, а также сведения по телефону и соцсетям.

Эрика попрощалась с подчиненными и, когда осталась одна в оперативном отделе, в тишине повернулась к демонстрационным доскам, остановив взгляд на фотографии Андреа.

– Смотри, ты такая молодая, всего двадцать три. Впереди у тебя была целая жизнь. – Андреа с фотографии отвечала ей дерзким, почти издевательским взглядом.

Зазвонил телефон. Эрика вздрогнула.

– Долго мне вас еще ждать? – рявкнул в трубку Марш.

– Черт. Простите, сэр. Бегу.

Глава 9

– То есть результатов ноль? – возмутился Марш. Побагровевший, он мерил шагами свой кабинет. Эрика только что доложила ему об итогах первого дня расследования.

– Я только сегодня приступила к расследованию, сэр. И, как я сказала, мы установили личность жертвы. Прессу я об этом не оповещала. Думаю, есть один-два паба, в которые Андреа, возможно, наведывалась в вечер исчезновения.

– *Возможно, наведывалась.* Что это значит?

– Это значит, что из-за отсутствия камер наблюдения на Лондон-роуд и вокруг вокзала вся эта зона для нас – «белое пятно». Нам нужны ресурсы и время, чтобы найти и допросить людей, которые, возможно, что-то видели или слышали. Все работают на износ, тем более что погода не дает разбежаться...

– Какого черта вы вступили в перепалку с Дуглас-Браунами? О чем вы думали?

Стараясь сохранить самообладание, Эрика сделала глубокий вдох.

– Виновата, сэр. Мне следовало вести себя более деликатно с родителями жертвы.

– Вот именно: «следовало». Я надеялся, что леди Диана проникнется к вам доверием, раз вы словачка.

– В этом как раз и проблема. Она сочла, что я простолюдинка. Не мне с моим рылом расследовать убийство.

– Вы пришли в полицию не для того, чтобы перед вами все расшаркивались, старший инспектор Фостер. Надо уметь находить общий язык с населением.

– В том-то и дело. Мы их воспринимаем не как обычных членов общества. У нас что, сэр Саймон руководит расследованием? Во всяком случае, он, видимо, считает, что главный здесь он... И вообще, кто вам рассказал про перепалку? Он вам позвонил, да? Он знает ваш прямой номер?

– Полегче, старший инспектор Фостер, – заметил Марш. – Вообще-то он позвонил старшему инспектору Спарксу, а тот доложил мне.

– Как любезно с его стороны.

Марш бросил на нее быстрый взгляд.

– Я себя поставил под удар, добиваясь, чтобы вам разрешили вести это

дело...

– А ваша жалость, сэр, мне не нужна!

– ...и если не будете осторожны, вас отстранят раньше, чем вы успеете что-то начать. Учитесь держать язык за зубами. Я поставил вас на это дело, потому что вы чертовски хороший сыщик. Лучший из всех, кого я знаю. Хотя теперь уже сомневаюсь в своей оценке.

– Простите, сэр. Просто долгий был день – суровые условия, бессонная ночь. Но вы же меня знаете. Я не даю себе поблажки и преступника обязательно вычислю.

– Ладно, – произнес Марш, успокаиваясь. – Но вы должны искренне извиниться перед четой Дуглас-Браун.

– Слушаюсь, сэр.

– И выпитесь как следует. А то видок у вас...

– Спасибо, сэр.

– Где остановились?

– В гостинице.

– Вот и хорошо. Все, бегите, завтра жду вас на работе со свежей головой, – сказал Марш, взмахом руки отсылая ее.

* * *

Эрика кипела от злости, покидая кабинет Марша. Злилась потому, что ее отчитали, злилась на себя – за то, что напортачила. Она вернулась в оперативный отдел, взяла куртку. Андреа нагло смотрела на нее с фотографии, висевшей в самом центре демонстрационной доски. Записи, сделанные от руки, расплывались при ярком свете. Эрика потеряла усталые глаза. Ей казалось, что она смотрит на все через мутное стекло. Не способна рассмотреть детали. На нее снова накатили усталость и гнев. Она надела куртку и, погасив свет, покинула комнату. Навстречу ей по коридору шел дежурный по отделению сержант Вулф.

– А я к вам. Хотел сказать, что машину для вас подготовили. Синий «Форд Мондео», – доложил он, вручая ей брелок с ключами. Его лицо с отвисшим подбородком сейчас было еще угрюмее, чем утром.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика, забирая ключи. Они направились к выходу. Вулф старался подстроиться под ее шаг.

– Правда, ваши вещи я не положил в багажник. Несколько лет назад мне делали операцию на спине. Удаляли межпозвоночный диск. Чемодан за моим столом...

Они вышли в приемную, где худая замызганная женщина, склонившись над столом Вулфа, звонила по его телефону. На ней были грязные драные джинсы и старая длинная куртка с капюшоном, вся в

пятнах, в дырках от сигарет. Ее длинные седые волосы были стянуты в хвост аптечной резинкой, под глазами – темные круги. Рядом с ней топтались две неопрятные маленькие девочки. Они визгливо кричали, подбадривая остриженного под «ежик» маленького мальчика в грязных белых спортивных штанах. Тот сидел верхом на чемодане Эрики и, одной рукой держась за ручку, второй размахивая в воздухе, подпрыгивал на нем, словно объезжая мустанга. Вулф поспешно прошел за свой стол и пальцем надавил на рычаг, прерывая звонок.

– Блин, я же разговаривала! – с негодованием оскалилась на него женщина, обнажив полный рот кривых коричневых зубов.

– Айви, это служебный телефон, – урезонил ее Вулф.

– Ну и что? Последние десять минут он не звонил. Считай, тебе повезло, у преступников перерыв!

– Кому ты хочешь позвонить? Я наберу, – сказал Вулф.

– Я умею пользоваться телефоном!

– Кто эта женщина? – спросила Эрика.

Айви отвела трубку подальше от Вулфа и смерила Эрику оценивающим взглядом с ног до головы.

– Мы с Мордастиком давние знакомые, да, Мордастик? Я зову его Мордастиком. Уродина он, да?

– Ну-ка слезай с моего чемодана, – велела Эрика мальчику, которому на вид было лет семь-восемь, не больше. Тот, не обращая на нее внимания, продолжал с улюлюканьем подпрыгивать на чемодане. Вулф принялся отнимать у Айви телефонную трубку, и в конце концов ему это удалось.

– Я имею право звонить с этого телефона. Я же на местный номер звоню. И к тому же я плачу тебе зарплату!

– Каким это образом? – усмехнулся Вулф.

– У меня есть деньги. Я плачу налоги, а ты получаешь зарплату из моих налогов!

Эрика попыталась снять мальчика со своего чемодана, но тот, наклонившись, впился зубами в тыльную сторону ее ладони. Она оторопела от неожиданности и резкой боли.

– Сейчас же отпусти, – сказала Эрика, силясь сохранять хладнокровие. Мальчик глянул на нее со злобной улыбкой и еще глубже вонзил зубы в ее ладонь. Руку прострелила острая боль, и Эрика, не выдержав, отвесила ему подзатыльник. Вскрикнув, мальчик выпустил руку Эрики и с глухим стуком свалился на пол с чемодана.

– Ты кто такая, чтобы руки распускать, черт возьми?! – взревела Айви, бросаясь к ней.

Эрика попыталась увернуться, но оказалась прижатой к стене. Вулф поймал Айви как раз в тот момент, когда перед лицом Эрики сверкнуло длинное лезвие ножа.

– Айви, остынь... – начал он, схватив ее за подмышки и сиюсь оттащить от Эрики.

– Не указывай мне, вонючий жирдяй! – угрожающе прорычала Айви. – А ты, гадина, только тронь еще раз моих детей, всю рожу твою исполосую! Мне терять нечего!

Видя, что острие ножа на дюйм приблизилось к ее лицу, Эрика пыталась контролировать свое дыхание.

– Брось нож. Брось, – настаивал Вулф, наконец-то стиснув запястье Айви так, что она выпустила из руки свое оружие. Пружинный нож со стуком упал на пол, и Вулф придавил его ногой.

– Больно же, Мордастик, – сказала Айви, потирая запястье. Не спуская с нее глаз, Вулф нагнулся и поднял с пола нож. Нащупал на нем маленькую кнопку, и лезвие исчезло в рукоятке. Мальчик и девочки перестали хулиганить и притихнув, стали обычными детьми. Казалось, они больше боялись того, что собиралась сделать Айви. Эрика даже представить не могла, как они живут. Она остановила взгляд на мальчике. Тот держался за голову.

– Прости, прости, пожалуйста... Как тебя зовут?

Он отпрянул от нее. Что она могла ему сказать? Что у нее был тяжелый день? Эрика внимательно посмотрела на детей – грязные, тощие...

– Я хочу подать жалобу, – со смаком заявила Айви.

– Неужели? – фыркнул Вулф, подталкивая Айви к выходу.

– Да. *Жестокость полиции...* убери от меня руки... жестокость полиции по отношению к малолетним.

– В таком случае тебе придется заполнить заявление, – сказал Вулф. – После того как проведешь ночь в камере за нападение с ножом на офицера полиции.

Айви прищурилась.

– Нет, у меня нет времени... Дети, за мной. БЫСТРО! – Она напоследок взглянула на Эрику и вместе с детьми вышла на улицу. В окне, мимо которого они проходили, мелькнули их куртки.

– Черт, – произнесла Эрика. Потирая укус на руке, она осела на стол. – Нельзя было бить ребенка.

На ее коже виднелись глубокие ребристые бело-лиловые вмятины от зубов, в которых проступившая кровь смешивалась со слюной мальчика. Вулф подошел к ящику с пометкой «Добровольно сданное холодное

оружие» и убрал в него пружинный нож Айви. Потом обошел стол, достал аптечку, поставил ее рядом с Эрикой и откинул крышку.

– Вы ее знаете? – спросила Эрика.

– О да. Айви Норрис, она же Джин Макардл, Бет Кросби – иногда называет себя Полетт О’Брайан. Своего рода местная знаменитость. – Вулф смочил в спиртовом растворе стерильный тампон и прижал его к месту укуса на руке Эрики. Успокаивающий запах ментола позволял не так остро ощущать неприятное жжение. – Наркоманка со стажем, проститутка, – продолжал Вулф, – в общем, «послужной список» длиной с Великую китайскую стену. Работала в паре с дочерью, – если вы понимаете, о чем я, – пока дочь не скончалась от передозировки.

– А отцы детей?

– Вообще-то они ей внуки. Да кто их знает? Ткните пальцем в телефонный справочник – не ошибетесь.

Вулф выбросил грязный тампон, взял чистый и принялся обрабатывать кровоточащий укус.

– Они бездомные?

Вулф кивнул.

– Нельзя ли их поместить в какой-нибудь приют, в ночлежку с завтраком? – спросила Эрика. В окно она видела Айви. Та стояла у парковки под ярким фонарем, курила и разглагольствовала сама с собой. Дети жались к ней, вздрагивая каждый раз, когда она размахивала руками.

Вулф мрачно рассмеялся.

– Почти все приюты и ночлежки уже отказываются ее принимать. Слишком назойливо навязывает свои услуги.

Он убрал с руки Эрики марлевый тампон и залепил рану большим квадратом бактерицидного пластыря.

– Спасибо, – поблагодарила его Эрика, разминая пальцы.

Вулф стал укладывать медикаменты в аптечку.

– Я вот что вам скажу. Укус нужно показать врачу. Пусть сделают укол от столбняка, а то знаете... уличные дети... в них ведь какой только заразы нет.

– Да, – согласилась Эрика.

– И мне придется составить протокол. Внести в него все, что случилось. Она угрожала вам ножом. Он вас укусил...

– Да, а я его ударила. Ударила несчастного ребенка, черт бы меня побрал... Ничего. Выполняйте свою работу. И... спасибо вам.

Вулф кивнул, снова сел за стол и занялся оформлением документов. Эрика посмотрела в окно, но Айви с детьми уже исчезла.

Глава 10

На улице свирепствовал лютый холод. Центральный вход отделения полиции Луишем-Роу был освещен, но парковка утопала в темноте. Длинные ряды заиндевевших машин слабо поблескивали в свете уличных фонарей, за ними виднелся неиссякаемый поток автотранспорта, медленно катившего по дороге. Эрика все еще ощущала пульсацию в руке. Она направила ключ-брелок влево, щелкнула им. Потом вправо, снова щелкнула. Машина на дальнем краю парковки дважды прорезала темноту оранжевыми пучками света. Чертыхнувшись, Эрика поплелась к ней, волоча за собой чемодан по глубокому снегу.

Она положила вещи в багажник и села за руль. В салоне было зябко, но чувствовалось, что здесь все новое. Эрика завела мотор и заблокировала двери через центральный замок. Когда машина чуть прогрелась, она выехала с парковочного места и медленно покатила к выходу.

Айви стояла на тротуаре, обнимая детей. Те жались к ней, безудержно дрожа. Эрика притормозила возле них и опустила стекло машины.

– Вам куда, Айви? – спросила она. Айви повернулась. Ветер подхватил прядь ее длинных седых волос и прижал к лицу.

– Тебе какое дело? – огрызнулась она.

– Могу подвезти.

– Думаешь, мы сядем в машину к чувырле, которая лупит детей?

– Простите. Я была сама не своя. День выдался тяжелый.

– День у нее выдался тяжелый! Пожила бы ты, как я, милочка, – фыркнула Айви.

– Я отвезу вас, куда скажете, да и дети погрются, – пообещала Эрика, заметив, что из-под тонких платишек девочек торчат голые ноги.

Айви прищурилась.

– А что взамен?

– Просто садитесь в машину, – сказала Эрика, доставая двадцатифунтовую купюру. Айви хотела взять деньги, но Эрика отвела руку с двадцаткой. – Получите, когда я вас высажу, при условии, что вы не будете кидаться с ножами и кусаться.

Айви глянула на мальчика, тот послушно кивнул.

– Ладно. – Она открыла заднюю дверцу, и дети, забравшись в машину, расползлись по заднему сиденью. Айви, сев рядом с Эрикой, издала безобразный выдох с протяжным присвистом. Близость Айви пугала Эрику,

но она проглотила свой страх.

– Пристегнитесь, – велела Эрика, подумав, что ей будет спокойнее, если они все будут пристегнуты.

– Ага. Не станем же мы закон нарушать, – рассмеялась Айви. Она набросила на себя ремень безопасности, щелкнул замок.

– Куда вас отвезти?

– В Кэтфорд, – ответила Айви. Эрика достала телефон, вывела на экран навигатор.

– Блин, ну ты даешь! – воскликнула Айви. – Я покажу. Давай налево.

Автомобиль плавно катил по дороге, на ветровом стекле мерцали блики уличных фонарей, и вся их необычная компания – Айви, ее внуки, Эрика – погрузилась в молчание. Как ни странно, в этой тишине ехать было вполне комфортно.

– А что, дети у тебя есть? – спросила вдруг Айви.

– Нет, – ответила Эрика. Снег залеплял ветровое стекло, и она включила дворники.

– Лесби, что ли?

– Нет.

– А-а, мне все равно. Я против лесби ничего не имею. С лесби иногда приятно выпить, да и рукастые они, мастерят хорошо... Знаешь, я однажды попробовала. Не понравилось.

– Что? Мастерить? – пошутила Эрика.

– Очень смешно. Кстати, я подумываю о том, чтобы снова заделаться лесби. Деньги придется делить, но меня уже тошнит от членов.

Эрика посмотрела на нее.

– Ой, только не надо так зыркать, лапочка. Ты же не думаешь, что я работала в *Marks&Spenser*?

– Где вы живете? – спросила Эрика.

– С какой стати я должна сообщать тебе свой адрес? – Айви рванулась к ней, но застегнутый ремень безопасности удержал ее на месте.

– Полегче... Вы же только что сказали, что вас «тошнит от членов». Я подумала, не будет невежливо, если я спрошу у вас адрес.

– Ты давай не умничай. Знаю я тебя. Любишь свою работу, да? А друзья есть? – Ответом ей было молчание. – Так я и думала. Днюешь и ночуешь на работе, да? Мать родную продашь... Здесь налево.

Эрика включила поворотник и повернула.

– Я нигде не живу... сейчас, – произнесла она, прикинув, что можно немного рассказать о себе. – У меня недавно умер муж, я уезжала и...

– И свихнулась, да?

– Нет, но была близка к тому, – ответила Эрика.

– Моего мужа зарезали. Давно уже. Истек кровью прямо у меня на руках... Здесь направо. Но теперь-то у тебя все в порядке, да? Работа хорошая. Я тоже могла бы служить в полиции или еще где получше, – усмехнулась Айви.

– Значит, вы хорошо знаете этот район? – спросила Эрика.

– Да. Всю жизнь здесь обитаю.

– Какие бары порекомендуете?

– *Какие бары порекомендуете?* – передразнила она Эрику.

– Ну хорошо, какие бары вы знаете?

– Все. Я же сказала: я тут сто лет живу. Видела, как заведения открывались и закрывались. Самые дурные дольше всех существуют.

Они миновали театр «Кэтфордский Бродвей» с освещенным фасадом, на котором все еще висела афиша рождественского представления.

– Высади нас здесь, – указала Айви.

Кэтфорд-Хай-стрит была пустынна. Эрика затормозила у пешеходного перехода, рядом с букмекерской конторой «Лэдброукс» и отделением банка «Галифакс».

– Здесь нет жилых домов, – заметила Эрика.

– Я же сказала: у меня нет дома!

– Где же вы ночуете?

– Все, некогда мне болтать. Давай, буди их, – рявкнула Айви мальчику. Эрика глянула в зеркало заднего обзора. Девочки спали, склонив головы друг к другу. Мальчик, белый, как полотно, таращился на нее.

– Прости, что я тебя ударила, – извинилась Эрика. Его лицо оставалось безучастным.

– Забудь. Просто дай мне денег и все, – сказала Айви, отстегивая ремень безопасности и открывая дверцу машины. Эрика порылась в куртке и вытащила двадцатку. Айви взяла купюру, сунула ее куда-то в складки своей парки.

– Айви, пока вы не ушли, скажите, что вам известно про пабы в Форест-Хилл. Про «Оленя»?

– Там стриптизерша одна работает. За кружку фунтовых монет сделает что угодно, – ответила Айви.

– А «Клееварка»? – спросила Эрика.

Айви напряглась, переменялась в лице, выпучила глаза.

– Про это место я ничего не знаю, – хрипло произнесла она.

– Вы же говорили, что знаете все бары в округе. Ну же, расскажите мне про «Клееварку».

– Я там не бываю, – прошептала Айви. – И мне ничего не известно, поняла?

– Почему не бываете?

Айви молчала, глядя на Эрику. Потом добавила:

– Ты показала бы свою руку врачу. Малыш Майк... у него ВИЧ...

Айви вылезла из машины, хлопнула дверцей и вместе с детьми, которые плелись за ней, исчезла между магазинами. Пораженная реакцией Айви на упоминание «Клееварки», Эрика не обратила внимания на ее последние слова. Она быстро открыла дверцу со своей стороны и последовала за ними к какому-то темному переулку. Присмотрелась, но так и не смогла различить их во мраке.

– Айви! – крикнула Эрика. – Почему вы там не бываете? Что вы имели в виду?

Она пошла по переулку, свет уличных фонарей за ее спиной быстро померк. Под ногами она ощущала что-то мягкое и хлюпающее.

– Айви. Я дам вам денег, только скажите, что вам известно...

Эрика достала телефон, включила фонарик. Весь переулок был устлан использованными шприцами, презервативами, разорванными упаковками и ценниками.

– Я расследую убийство, – продолжала она. – Ту девушку последний раз видели в «Клееварке»...

Ее голос эхом разносился по переулку. Ответа не было. Эрика дошла до проволочного ограждения с металлическими зубцами по верху. В высоту оно достигало десяти футов. За забором Эрика различила какой-то жалкий двор с брошенными канистрами. Она огляделась, пробормотала себе под нос:

– Куда, черт возьми, они подевались?

Эрика повернула обратно, но по пути к дороге не увидела ни одного бокового прохода: по обеим сторонам высились только кирпичные стены зданий.

Дверца машины, когда она добралась до нее, все еще была распахнута. Тихо мяукал сигнал тревоги. Бросив взгляд вокруг, Эрика села за руль. Неужели они ей привиделись? Несколько секунд она переживала, что последние события – Айви, дети – были игрой ее воображения, но потом почувствовала пульсирующую боль в руке, увидев наклепленный на укусы пластырь.

Она быстро заблокировала двери и машина с визгом рванула с места. В крови гудел адреналин. Очень странно Айви отреагировала на «Клееварку», размышляла Эрика. Женщина была напугана. Почему?

Ей было плевать на поздний час, на то, что она вторые сутки на ногах. Эрика решила во что бы то ни стало наведаться в тот паб.

Глава 11

Эрика вернулась в Форест-Хилл и припарковалась за две улицы до центральной, в тихом жилом квартале. Нужный ей паб, двухэтажное кирпичное здание с фасадом винного цвета, находился на середине главной улицы. Название «Клееварка» было выведено белой краской. Хвостик последней «а» переходил в рисунок кисти, зависшей над котлом с белым клеем. Вывеска, одновременно глупая и бессмысленная, раздражала Эрику. Она увидела четыре окна, по два на каждом этаже, с толстыми каменными карнизами. В окнах верхнего этажа было темно. Из двух нижних одно заколочено, второе тускло светило за тюлевой занавеской.

Несмотря на холод, дверь была распахнута. Рекламное объявление на ней гласило, что если заказать два бокала домашнего вина, то, что останется в бутылке, нальют бесплатно. Эрика вошла и увидела, что в бар ведет еще одна дверь с армированным стеклом, которое было все в трещинах.

В баре почти никого не было. Только два молодых парня сидели и курили за одним из множества столиков с покрытием из «формайки»^[5]. Они глянули на Эрику, обратив внимание на ее длинные ноги, когда она проходила мимо, и снова уткнулись в свои бокалы с пивом. С одной стороны находилась маленькая танцплощадка, на которой громоздились наставленные один на другой старые стулья. Из колонок звучала передача *Magic FM* – начало песни *Careless Whisper*^[6]. Эрика направилась в глубь бара, к длинной низкой стойке, над которой висели бокалы. Сидевшая за стойкой коренастая девушка смотрела по крошечному портативному телевизору реалити-шоу «Большой брат» с участием знаменитостей.

– Двойную водку с тоником, пожалуйста, – заказала Эрика.

Не отрывая глаз от экрана, барменша неуклюже приподнялась, сняла с подвесного держателя бокал для вина и поставила его под оптический дозатор. На ней была застиранная футболка с символикой концертного турне Кайли Миноуг под названием *Showgirl*, которая обтягивала полную фигуру девушки, едва не лопааясь на ее пышной груди. Она поправила сзади футболку, ниже натянув ее на свой широкий зад.

– Ищете место домработницы? Няни? – спросила барменша, очевидно, уловив слабый акцент Эрики. Эрика тоже различила в ее речи нотки иноязычного выговора. Кто она: полька, русская? Эрика затруднялась определить. Барменша снова поставила бокал под дозатор.

– Да, – ответила Эрика, решив подыграть. Девушка взяла пластиковую бутылку с тоником, наполнила им винный бокал до краев и поставила напиток на стойку, затем пододвинула к Эрике бланк объявления и шариковую ручку.

– За двадцать фунтов можете повесить свое объявление на доску. Новые объявления забирают каждый четверг. С вас двадцать три пятьдесят – за это и водку, – сказала она.

Эрика заплатила и села, глотнув из бокала. Коктейль был теплый и выдохшийся.

– Почему мужа не послали? – любопытствовала барменша, наблюдая за тем, что пишет Эрика.

– Да ну, напьется еще!

Девушка кивнула с понимающей усмешкой. Эрика подошла к висевшей на стене возле стойки пробковой доске, на которую показала девушка. Она была обклеена сотнями объявлений, наклепленных одно на другое. Все написаны от руки – по-словацки, по-польски, по-русски, по-румынски; во всех заявители предлагали услуги в строительстве, уходу за детьми или по ведению хозяйства.

– Здесь всегда так спокойно? – спросила Эрика, обводя взглядом пустой бар.

– Январь, – пожала плечами барменша, вытирая поднос старой тряпкой. – И футбол не показывают.

– Моя подруга нашла место домработницы, оставив тут объявление, – объяснила Эрика, возвращаясь на свой табурет. – К вам много женщин заглядывает? Девушек, которым нужна работа?

– Бывает.

– Подруга сказала, что у вас я могу встретить одну девушку, которая искала работу?

Барменша перестала вытирать поднос и пристально посмотрела на Эрику. Та снова пригубила бокал, затем достала свой телефон, нашла в нем фотографию Андреа и показала барменше.

– Вот она.

– Никогда не видела, – произнесла девушка слишком поспешно.

– Правда? А подруга утверждает, что она была здесь всего несколько дней назад...

– Я ее не видела. – Барменша подняла проволочный поднос, наполовину заставленный пустыми бокалами, собираясь уйти.

– Я еще не закончила, – сказала Эрика, кладя на стойку свое удостоверение.

Барменша помедлила и поставила поднос на место. Повернувшись, она увидела полицейское удостоверение, и в ее лице отразилась паника.

– Не бойся. Мне просто нужно, чтобы ты ответила на мои вопросы. Как тебя зовут?

– Кристина.

– Кристина...?

– Просто Кристина.

– Ну хорошо, просто Кристина. Спрашиваю еще раз: ты видела здесь эту девушку?

Барменша взглянула на фотографию Андреа в телефоне и замотала головой, да так яростно, что у нее затряслись щеки.

– Ты работала здесь вечером восьмого? Это был четверг, чуть больше недели назад.

Девушка подумала и снова покачала головой.

– Точно? Сегодня ее нашли мертвой.

Барменша закусил губу.

– Это твое заведение?

– Нет.

– Просто работаешь здесь?

– Да.

– Кто хозяйка или хозяин?

Кристина пожала плечами.

– Не дури, Кристина. Это я легко выясню через пивоварню. Вон парни у вас сидят здесь дымят, несмотря на запрет. Знаешь, какой штраф придется заплатить? Тысячи фунтов. У вас здесь нелегальное бюро по трудоустройству. Ты только что взяла с меня двадцать фунтов за объявление. Один звонок, и через пять минут здесь будет бригада полицейских. И ты понесешь ответственность...

Кристина расплакалась. Ее необъятная грудь вздымалась, лицо покраснелось. Уголком полотенца она терла свои маленькие глазки-бусинки.

– Просто ответь мне на пару вопросов, – сказала Эрика. – И я позабочусь, чтобы к тебе не было претензий.

Кристина перестала плакать и перевела дух.

– Успокойся... Все нормально, Кристина. Ничего плохого не случится. А теперь взгляни еще раз на фото. Ты видела здесь эту девушку вечером восьмого числа? В прошлый четверг. Ее похитили и убили. Расскажи, что знаешь, и ты поможешь мне найти убийцу.

Опухшими глазами барменша посмотрела на фото Андреа.

– Она сидела там, в углу, – наконец заговорила она. Эрика повернулась и увидела столик у танцплощадки. Она также отметила, что парни, которые потягивали пиво, ушли, оставив недопитые кружки.

– Ты уверена, что там была именно эта девушка? – Эрика снова показала Кристине фотографию на телефоне.

– Да. Красивая такая. Я помню.

– Она сидела одна? Или с кем-то встречалась?

Кристина кивнула.

– С ней была молодая женщина. Короткие светлые волосы.

– Короткие, как у меня? – уточнила Эрика.

Барменша кивнула.

– Что еще?

– Они выпили по бокалу, может, по два, не знаю. Народу было много в тот вечер... и... и...

Эрика видела, что Кристина все больше волнуется и дрожит от страха.

– Продолжай, Кристина. Все будет хорошо, я обещаю.

– Потом она ушла... ее подруга – я не заметила, в какой момент. Но когда я снова туда посмотрела, с ней уже сидел мужчина.

– Как он выглядел?

Барменша пожала плечами.

– Высокий, темный... Они ругались.

– Что значит «высокий, темный»? Можно чуть поконкретнее? – попросила Эрика, пытаясь скрыть досаду. Это был настоящий прорыв, но Кристина отделялась неопределенными фразами. Эрика приняла решение и взялась за телефон.

– Кристина, я хочу, чтобы ты поехала со мной в отделение и составила так называемые фотороботы женщины и мужчины, которых ты видела вместе с Андреа.

– Нет, нет, нет, нет. – Кристина попятилась.

Эрика набрала номер дежурного по отделению полиции Луишем-Роу. Пошел вызов.

– Твоя информация поможет нам найти того, кто убил эту женщину, Андреа.

– Но я на работе... и...

– Я вызову группу сюда. Сделаем это прямо сейчас. – Дежурный ответил. – Старший инспектор Эрика Фостер. Пришлите группу в паб «Клееварка» на Лондон-роуд в Форест-Хилл и полицейский автомобиль заодно. Да, и еще. Сегодня есть дежурный эксперт, который мог бы составить фоторобот?

Какое-то движение. Эрика сообразила, что Кристина метнулась в дверь за стойкой бара.

– Черт! Подождите. Я перезвоню. – Эрика перемахнула через стойку, выскочила в дверной проем и оказалась в грязной маленькой кухне. Дверь, что вела на улицу, была распахнута. Она ступила за порог. В обоих направлениях тянулась длинная узкая улица. Сыпал мелкий снег. Было неестественно тихо.

Эрика прошла по улице в обе стороны. Дома, выходившие на нее, обволакивала темнота; дороги, с которыми улица сочленялась с обоих концов, тоже были пустынные. Вовсю валил снег, между домами завывал ветер. Стараясь защититься от колючего холода, Эрика плотнее закуталась в куртку.

Она не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают.

Глава 12

В «Клееварку» прибыли двое полицейских, но тщательные поиски ни к чему не привели. Кристина исчезла. Квартира над пабом, заваленная мусором и старой сломанной мебелью, оказалась нежилой. В полночь полицейские посоветовали Эрике ехать домой и поспать. Они пообещали, что останутся в пабе и на рассвете примутся за поиски владельца заведения. А если Кристина вернется, они отвезут ее в отделение.

Эрикой по-прежнему владел страх, когда она возвращалась к машине, припаркованной за несколько улиц от паба. В окружавшем ее безмолвии слышался малейший шорох; ветер, гулявший между домами, свистел особенно пронзительно; китайские колокольчики на крыльце какого-то дома звякали слишком громко... Она почти кожей ощущала на себе все тот же взгляд, следивший за ней из черных окон стоявших вокруг домов.

Краем глаза Эрика заметила, как в одном из них мелькнула тень. Она резко повернулась. Никого. Просто темный эркер. Неужели за ней кто-то наблюдает из темноты? Эрика осознала, что изнемогает от усталости. Она решила, что заселится в первый попавшийся отель. Эрика открыла машину, села за руль, изнутри запершись на все замки, устроилась поудобнее в комфортном кресле, откинувшись назад, и закрыла глаза.

Захудалая улица в Рочдейле. Нестерпимо знойный день. Защитное полицейское снаряжение липнет к телу Эрики. Она неловко поменяла положение, притаившись у низкой стены стандартного домика ленточной застройки, что грозно высится над ней на жаре. Рядом два офицера полиции, еще трое – по другую сторону главного входа. Среди них – Марк. Второй по счету.

Этот дом, за которым они вели наблюдение несколько недель, впечатался в ее сознание. Вместо палисадника голый бетон, переполненные мусорные баки на колесиках. На стене счетчики на газ и электроэнергию с отодранными крышками. Как войдешь через главный вход, сразу надо вверх по лестнице. Слева от нее дверь, что ведет в дальнюю комнату. Именно там производят метамфетамин. Недавно в дом вошла женщина с маленьким ребенком. Риск большой, но они готовы. Своей команде из восьми человек Эрика вдолбила ход операции до мельчайших подробностей. Но теперь они на месте. И опасность реальная. Страх сковывал Эрику, но она упорно боролась с ним.

Кивком подала сигнал, и ее команда в черном, пригибаясь, ринулась к

главному входу. Солнце отражалось от вращающегося диска счетчика. Бум, бум... как грохот стенобитного орудия. С третьего удара дерево затрещало, и входная дверь с громким клацаньем рухнула в дом.

А потом началось светопреставление.

Выстрелы. Окно над электросчетчиком взорвалось, влетело внутрь. Стреляли из дома напротив. Эрика резко обернулась. Милый домик на противоположной стороне улицы. Подъемные окна. Медная табличка с номером на двери. Стены внутри декорированы красками компании Farrow & Ball. Проживавшая там чета вела себя так приветливо, так скромно, когда полиция вела наблюдение.

Взгляд Эрики падает на их окно верхнего этажа, и ей все становится ясно. Она видит темный силуэт, потом шею разрывает боль, во рту – вкус крови. Марк вдруг возле нее опускается на колени, чтобы помочь ей. Она пытается его предупредить: «Берегись, сзади...», – но в горле булькает кровь. Даже смешно. Потом выстрел, и часть головы Марка превращается в месиво...

Эрика очнулась с судорожным вздохом, хватая ртом воздух. Вокруг – какая-то неестественная гнетущая яркость. Она протяжно выдохнула. И, только увидев перед собой руль, сообразила, где находится. Она в настоящем. Сидит в машине. Свежевыпавший снег почти полностью залепил окна.

Это ей снилось не впервые. И сон всегда обрывался на одном и том же месте. Порой во сне всё было в черно-белых тонах, и кровь Марка походила на расплавленный шоколад.

Эрика постаралась дышать размеренно, сердце постепенно успокаивалось, окружавшая ее действительность возвращалась. Она услышала приглушенные голоса и шаги: мимо ее автомобиля шли люди. Голоса зазвучали громче, а затем стали удаляться, затихая.

Она глянула на часы на приборной доске. Почти пять утра. Она проспала несколько часов, но отдохнувшей себя не чувствовала. Эрика поменяла положение в кресле: тело затекло и окоченело. Она завела мотор. Из печки повеяло ледяным холодом.

Когда в салоне потеплело, Эрика включила дворники на ветровом стекле. Вскоре за окном проступила белая дорога, запорошенная свежим слоем снега. Заметив пластырь на руке, Эрика вспомнила, что нужно показать рану врачу, однако события минувшего вечера еще не позволяли отвлечься от расследования.

Андреа была в том пабе... Кто те женщина и мужчина, с которыми

она разговаривала? И почему исчезла барменша?

Теперь, когда Эрика четко составила план дальнейших действий, ей стало легче. Она тронулась с места и поехала в отделение полиции.

Глава 13

В половине шестого утра в отделении полиции Луишем-Роу было тихо. Лишь из глубины коридора, оттуда, где находились камеры, доносился стук. В женской раздевалке еще пусто. Эрика сняла с себя грязную одежду, прошла в огромную общественную душевую и включила обжигающе горячую воду – только-только можно терпеть. Она встала под душ, наслаждаясь теплом. Вокруг поднимался пар, в котором вскоре исчезла выложенная кафелем душевая в викторианском стиле, а вместе с ней и сама Эрика.

К шести, одетая во все чистое, со стаканчиком кофе и плиткой шоколада из автомата она стояла в пустом оперативном отделе. Со стены на нее смотрела с непревзойденной самоуверенностью во взгляде Андреа Дуглас-Браун.

Эрика села за отведенный для нее стол, ввела свой пароль и вошла во внутреннюю сеть. Восемь месяцев она не заглядывала в свою служебную электронную почту не по доброй воле – ее лишили доступа. Сейчас, просматривая почту, она увидела сообщения от своих бывших коллег, информационные бюллетени, рекламную корреспонденцию и уведомление об официальном слушании, на котором ей полагалось присутствовать. Эрика едва не расхохоталась: ее приглашали на дисциплинарную комиссию по системе внутренней связи, в которую у нее не было доступа.

«Мышкой» она выделила все старые письма и нажала на «удалить».

В почте осталось только одно сообщение, присланное накануне вечером сержантом Крейном:

«Во вложении вся переписка Андреа на Фейсбуке за 2007–2014 гг., а также распечатка звонков с ее телефона, найденного на месте преступления.

КРЕЙН»

Эрика открыла вложенный файл и отправила на «печать». Спустя мгновения принтер у двери ожил, зажужжал, быстро выплевывая бумагу. Эрика взяла кипу распечатанных листов и отправилась в столовую, надеясь, что та открыта и ей там удастся выпить приличный кофе. В столовой было темно. Она нашла стул в глубине зала, включила свет и принялась просматривать историю общения Андреа Дуглас-Браун в

Фейсбуке.

Вся жизнь Андреа помещалась на 217 страницах и охватывала почти девять лет, показывая превращение из четырнадцатилетнего подростка с румянцем на щеках в двадцатитрехлетнюю соблазнительную диву. На ранних постах она представляла вполне скромной молодой женщиной, но с появлением в ее жизни парней Андреа начала одеваться более провокационно.

Посты, которые она семь лет размещала на своей страничке в Фейсбуке, представляли собой бесконечную череду снимков с вечеринок и селфи. Сотни фотографий, на которых она запечатлена в обществе красивых парней и девушек, почти всегда разных. По-видимому, Андреа была тусовщицей, завсегдатаем самых элитных светских мероприятий. Клубы, в которые она часто наведывалась, входили в ту категорию, где столики нужно заказывать заранее, да и сами столы на фотографиях были заставлены бутылками шампанского.

Все эти годы старшая сестра и младший брат Андреа редко заходили на ее страничку в Фейсбуке. За все время Линда, да и Дэвид тоже, кажется, лайкали всего несколько постов, имевших отношение ко всей их семье. Это были фотографии, сделанные во время ежегодного отдыха Дуглас-Браунов в Греции и в более поздние годы – на вилле в Дубровнике.

Как раз отпускные фотографии и вызвали у Эрики наибольший интерес. Семья ежегодно ездила в отпуск на три недели в августе, и эти отпуска проходили по одной и той же схеме. В первые дни Андреа выкладывала семейные снимки – групповые фото, на которых ее семья либо ужинала в каком-нибудь дорогом ресторане, либо обедала прямо в купальных костюмах возле пляжного домика. На этих дневных трапезах Андреа всегда в бикини, в эффектной позе – грациозно ест, свесив волосы через одно плечо. Линда, в отличие от младшей сестры, горбится над тарелкой, полной еды, и вид у нее чуть раздраженный от того, что ей не дают спокойно поесть. С каждым годом Линда, казалось, прибавляла в весе, пряча свои тела под длинными футболками с леггинсами. Дэвид же из невероятно тощего тринадцатилетнего паренька в очках, жмущегося к матери, постепенно трансформировался в красивого молодого человека.

Андреа, по-видимому, была более близка с Дэвидом: на многих фотографиях она крепко обнимает брата, перекосячив очки на его лице. Снимков Линды с Дэвидом фактически не было. Сэр Саймон и леди Диана на фотографиях о себе ничего не выдавали: из года в год на их лицах все те же широкие улыбки. Вот леди Диана в купальнике и юбке-саронг. Вот сэр Саймон в мешковатых пляжных шортах, слишком высоко натянутых на его

волосатый живот.

На отдыхе Андреа быстро теряла интерес к времяпрепровождению в кругу семьи и постепенно выкладывала снимки местных парней. На первых порах как будто украдкой. Вот компания парней, которые курят или с обнаженными торсами играют в футбол на пляже, не подозревая, что их снимают. Потом Андреа сосредоточивалась на каком-то одном парне и всю последнюю неделю отдыха, словно одержимая, щелкала только его. Ей явно нравились «плохие парни»: более взрослые, смуглые, мускулистые, с татуировками и пирсингом. На одной фотографии, сделанной в 2009 году, Андреа в очень откровенном бикини позировала, сидя на огромном «Харли Дэвидсоне», изображая мотоциклистку. А за спиной у нее сидел темноволосый парень, предположительно хозяин байка, которого на минуту пересадили на заднее сиденье. Одна его ладонь лежала на ее трусиках. В руке он держал сигарету, едва не касаясь горящим кончиком загорелой кожи девушки. А Андреа смотрела в объектив с явным вызовом.

Эрика записала на полях: *«Кто фотографировал?»*.

Открылась раздаточная, в столовую на завтрак хлынули полицейские еще с полусонными глазами, но Эрика едва ли обратила на это внимание. Она продолжала читать, поглощенная жизнью Андреа.

В 2012 году у нее появилась новая подруга – девушка по имени Барбора Кардошова.

«Словацкое имя»? – пометила Эрика на полях.

Красивая брюнетка, как и Андреа, Барбора, по-видимому, быстро с ней сблизилась и даже ездила с ее семьей на отдых в 2012 и 2013 годах. Вероятно, в Барборе Андреа нашла партнершу по «охоте на парней». Правда, теперь, они вели охоту более виртуозными способами, фотографируясь с разными темноволосыми мачо в дорогих ночных клубах или в не менее дорогих соляриях.

По-видимому, Андреа по-настоящему привязалась к Барборе, проводила с ней время и в домашней обстановке. На таких фотографиях Андреа была без макияжа и не столь усердно «работала» на камеру. Без своей «боевой раскраски» она выглядела гораздо симпатичнее, дурачилась и резвилась с искренней улыбкой на лице. На одной фотографии девушки позировали бок о бок перед зеркалом, одетые в свитера до колен, которые им были велики. В «бабушкиных» свитерах. На свитере Барборы были вывязаны котята, гоняющиеся за шерстяным клубком; на свитере Андреа – огромный рыжий котяра, почивающий в корзине. В верхнем углу зеркала отразилась вспышка фотокамеры телефона. Сестра Андреа, Линда, под снимком написала: *«Убейся из моей комнаты, трахнутая корова!»*.

Андреа комментарий понравился, и она рядом с ним поместила улыбающуюся рожицу.

Затем в конце 2013 года Барбора вдруг исчезла без всяких объяснений и вычеркнула Андреа из списка своих «друзей». Эрика вернулась к уже просмотренным страницам, проверяя, что она пропустила. Но с того времени Барбора больше не появлялась ни на одном фото. И даже лайком не отметила ни один пост. А еще где-то через полгода, в июне 2014-го, Андреа закрыла свою страничку в Фейсбуке без всякого объяснения, без каких-либо намеков своим друзьям на то, что она намерена выйти из соцсети.

Эрика переключила внимание на распечатки телефонных звонков. Эта информация оказалась менее эпатажной и объемной. Крейн сделал примечания к номерам. Андреа регулярно звонила своему жениху Джайлзу Осборну по субботам в местное китайское кафе, торгующее едой «на вынос»; и в те же семь суббот перед Рождеством – в студию телепередачи «Х-фактор», отдавая свой голос за того или иного участника. В числе остальных ее контактов были члены семьи, цветочный салон ее матери в Кенсингтоне и секретарь отца. В вечер своего исчезновения по этому телефону Андреа никуда не звонила, хотя телефон нашли неподалеку от нее на месте преступления. Распечатки телефонных звонков охватывали период в восемь месяцев, начиная лишь с июня 2014 года.

Раздался звон бьющейся посуды: кто-то уронил на каменный пол чашку. Подняв голову, Эрика увидела, что уже рассвело и столовая заполняется народом. Она глянула на часы: без десяти девять. Не желая опаздывать на оперативное совещание, Эрика собрала в стопку листы и покинула столовую. В коридоре она наткнулась на суперинтенданта Марша.

– Я читал протокол вчерашнего происшествия, – сказал он, вскидывая брови.

– Да, сэр. Я все объясню. У меня появилась хорошая зацепка.

– Поконкретнее?

– На совещании расскажу. – Они как раз подошли к оперативному отделу. Открыв дверь, Эрика увидела, что команда уже в сборе, сидит на своих местах. При ее появлении все умолкли.

– Итак. Всем доброе утро. Начну с того, что сержанту Крейну удалось вытащить полную историю общения Андреа на Фейсбуке, а также достать распечатки звонков с ее телефона. Быстро сработано. Отлично. Андреа весьма активно общалась в соцсети, но в июне прошлого года удалила свою страничку. История ее разговоров по телефону начинается лишь с июня

2014 года. Почему? Она поменяла телефон?

– В июне прошлого года она познакомилась с Джайлзом Осборном, – подал голос старший инспектор Спаркс.

– Совершенно верно. Но почему она в это же время поменяла телефон и ушла из соцсети?

– Возможно, решила перевернуть ту страницу своей жизни, – предположила Сингх. – Некоторые мужчины ревнуют своих возлюбленных к их бывшим и к прошлому.

– На Фейсбуке она явно заводила знакомства с мужиками, а когда обручилась, необходимость отпала, – рассудил Спаркс.

– А ее телефонные звонки... как будто робот разговаривал. То есть вы утверждаете, что, встретив мужчину своей мечты, она поставила крест на своей жизни? Что у нее отпала потребность в широком общении?

– Я этого не говорил, – возразил Спаркс.

– Нет. Но что-то здесь нечисто. Она никому не звонила в вечер своего исчезновения. Давайте покопаем. Найдите ее старый телефон, достаньте распечатки звонков с него и выясните, был ли у нее второй телефон, о котором нам неизвестно. Также узнайте все, что можно, о девушке по имени Барбора Кардошова. Произносится «Кардош-ова». Она тесно дружила с Андреа в 2012–2013 годах, а потом исчезла. Они поссорились? Где она теперь? Мы можем ее допросить? Проверьте. Найдите ее. А также бывших бойфрендов Андреа. Она не была обделена мужским вниманием. Попробуйте глубже покопаться.

– Только аккуратно, – добавил Марш из глубины комнаты.

– Минувшим вечером я наведалься в паб «Клееварка», – продолжала Эрика. – Барменша по имени Кристина подтвердила, что Андреа была там в вечер исчезновения. По ее словам, она беседовала с блондинкой, у которой была короткая стрижка, а потом – с темноволосым мужчиной.

– Вы намерены вызвать сюда эту Кристину, чтобы она составила фотороботы? – спросил Спаркс.

– Она до смерти испугалась, когда я ей это предложила.

– Как ее фамилия? – допытывался Спаркс.

– Я не успела выяснить...

Спаркс фыркнул, кивая головой.

– Еще одна женщина, с которой я беседовала, Айви Норрис...

– Боже, – перебил Эрику Спаркс. – Айви Норрис верить вообще нельзя, ни одному слову. Эта старая кошелка только и знает что трепаться да смутянить.

– Да, но Айви Норрис отреагировала очень странно, когда я упомянула

«Клееварку». Она была напугана. Теперь я хочу, чтобы вы узнали об этом пабе все. Найдите барменшу, допросите владельца. Уверена, здесь есть какая-то связь с убийством Андреа, и мы должны ее установить, и как можно скорее, пока ниточка не оборвалась.

– Старший инспектор Фостер. Можно вас на два слова? – попросил Марш.

– Да, сэр... Мосс и Питерсон, вы сегодня со мной. Заберем результаты вскрытия и проведем процедуру официального опознания тела в присутствии Дуглас-Браунов.

В оперативном отделе мгновенно поднялись гомон и деловая суэта. Эрика последовала за Маршем в его кабинет. Она закрыла дверь и села напротив него.

– Дуглас-Брауны придут на официальное опознание сегодня?

– Да. В половине одиннадцатого.

– Как раз в это время мы выступим с официальным заявлением. Коллин, наша пресс-секретарь, очень толковая. Мы, конечно, особо подчеркнем, что совершено убийство ни в чем не повинной девушки. Однако нужно быть готовым к тому, что пресса усмотрит в этом политическую подоплеку, – удрученно заключил Марш.

– Что ж, им нужно, чтобы их газеты раскупались, – сказала Эрика. Повисла пауза, Марш барабанил пальцами по столу.

– Хотелось бы знать, под каким углом вы ведете расследование, – наконец произнес он.

– Я ищу убийцу, сэр.

– Не умничайте.

– Ну вы же присутствовали на оперативном совещании, сами все слышали. Эта свидетельница, Кристина, видела Андреа в «Клееварке» в тот вечер, когда она пропала. Утверждает, что она разговаривала с белокурой женщиной и темноволосым мужчиной. Я ищу этих людей.

– И где же она сейчас? Эта Кристина?

– Сбежала. Других подробностей я выяснить не успела.

– Она поняла, что вы из полиции?

– Да.

– А вы не думаете, что она «узнала» Андреа в одной из посетительниц бара из каких-то своих соображений?

– Как это?

– Послушайте, Эрика. Она, как пить дать, нелегальная иммигрантка, до ужаса боится, что ее депортируют. Она вам подтвердила бы, что и Элвиса видела у музыкального автомата, если бы думала, что это спасет ее

задницу.

– Нет, сэр, думаю, это ниточка. Да и другая женщина, Айви Норрис... Ее реакция на «Клееварку»...

– Я читал вчерашний рапорт дежурного, Эрика. В нем сказано, что вы ударили внука Айви Норрис и она бросилась на вас с ножом.

– Да, мальчик укусил меня, и я не сдержалась. Но речь не об этом. Сэр, Айви Норрис знает этот район, и тот паб чем-то ее пугает.

– Вам известно, что в прошлом месяце в «Приюте бродяги» в Сиднэме были обезглавлены четыре человека? Туда она тоже вряд ли пойдет.

– Сэр!

– С меня спрашивает помощник комиссара; я должен докладывать о ходе расследования сотруднику аппарата правительства, чтобы ему пусто было. Они требуют гарантий того, что неприглядные или неподтвержденные факты, касающиеся семьи Дуглас-Браун, не будут обнародованы и не попадут в СМИ.

– СМИ я не контролирую. Информацию им не сливаю. И вы это знаете, сэр.

– Да, но мне нужно, чтобы вы...

– Сэр, я должна делать свою работу. Не надо ходить вокруг да около. Вы хотите сказать, что есть вещи, которые я не вправе расследовать?

– Нет! – поморщился Марш.

– Тогда что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, чтобы вы придерживались фактов. Мы давно подозреваем, что «Клееварка» действует как подпольная биржа труда для нелегальных иммигрантов и служит местом сбора проституток. Нужны конкретные факты, прежде чем вы начнете говорить, что Андреа Дуглас-Браун находилась там в день своего исчезновения.

– А если я найду барменшу, заставлю ее составить фотороботы и запротоколирую ее показания?

– Что ж, флаг вам в руки. Только она уже наверняка в какой-нибудь фуре мчится в Кале!

– Сэр! Андреа зафиксировали камеры видеонаблюдения. Она действительно в вечер своего исчезновения села в поезд, следовавший в Форест-Хилл, и ее тело обнаружили неподалеку от центральной улицы. Черт, разве это не говорит о том, что я, возможно, права?

– Ладно, – буркнул Марш с недовольством в лице. – Только не прите буром, деликатно ведите расследование. Пресса следит за нами.

– Я буду сама деликатность, сэр.

– И держите меня в курсе. Докладывайте о каждом шаге. Ясно?

– Да, сэр.

Марш бросил на Эрику суровый взгляд, и она покинула его кабинет.

Глава 14

Морг, казалось, выщелачивал то небольшое тепло, что еще оставалось в теле Эрики, когда они шли по длинному коридору, где горели лампы дневного света. У одной из железных дверей они остановились, Мосс позвонила, и судмедэксперт Айзек Стронг их впустил.

– Доброе утро, – тихо поздоровался Айзек, всем своим видом излучая ауру спокойствия и порядка. Белый лабораторный халат, под которым пряталась его рослая фигура, безукоризненно чистый и отглаженный; из верхнего кармана выглядывал мобильный телефон в темном кожаном чехле. На Айзеке были черные узкие джинсы и кроксы. Свои темные волосы он зачесал назад, обнажив высокий лоб. Эрика снова обратила внимание на его теплые карие глаза под почти прямыми бровями. Секционный зал представлял собой дурманящее сочетание металла и викторианской мозаично-керамической плитки. Вдоль одной стены – ряд дверей из нержавеющей стали; в центре помещения – три секционных стола, тоже из нержавейки, со стоками по краям. Андреа Дуглас-Браун лежала под белой простыней на столе, который был ближе остальных к двери. Ее глаза теперь были закрыты, волосы вымыты и аккуратно убраны со лба. Синяки потемнели, но отечность лица еще оставалась. Эрика надеялась – ради семьи Андреа, – что мертвая девушка будет выглядеть спящей, но, несмотря на все усилия привести ее в надлежащий вид, было заметно, что она изувечена.

Айзек обошел секционный стол и осторожно откинул простыню. Помимо синяков и рваных ран, покрывавших голое тело Андреа, на туловище теперь еще появился и ядреный аккуратный шов от Y-образного разреза, который начинался от передней части каждого плеча, сходил в одну точку в области грудины и затем меж ее полными грудями опускался до пупка.

– Жидкости в легких нет, значит, в воду она попала уже мертвой, – начал Айзек. – Лед воспрепятствовал разложению, но, судя по обесцвеченному тону кожи, тело довольно долго находилось в воде. Странгуляционные борозды на шее и сломанная ключица указывают на то, что смерть наступила в результате удушения. Как я и предполагал, синяки на шее свидетельствуют о том, что ее задушил человек с рукой среднего размера без каких-либо особых примет вроде отсутствующих пальцев.

Айзек помолчал.

– Результаты токсикологической экспертизы говорят о наличии в крови довольно большого количества алкоголя и небольшого количества кокаина. К моменту смерти она не ела несколько часов: желудок пустой, не считая сломанного зуба, который она, вероятно, машинально проглотила, когда на нее было совершено нападение.

Айзек взял маленький пластиковый контейнер со сломанным зубом и поднес его к свету.

– На губах и зубах я обнаружил следы клейкого химического вещества, которое присутствует в составе покрытия на многих видах маскировочной ленты.

– Значит, ей заклепляли рот? – спросила Эрика.

– Все указывает на это. Признаков того, что над ней было совершено сексуальное насилие, нет. Однако незадолго до смерти она занималась анальным сексом, причем по доброй воле. Я обследовал анальное отверстие на наличие семени и крови – таковых выявлено не было. Зато обнаружены следы латекса и небольшое количество лубриканта.

– Она использовала презерватив? – спросила Эрика.

– Презерватив использовал тот, с кем она занималась анальным сексом, – поправил ее Айзек.

– Но почему вы уверены, что анальный половой акт был совершен по взаимному согласию?

Возникла неловкая пауза.

– Половой акт с проникновением по согласию и без – это две большие разницы, – начал объяснять Айзек. – При половом акте по согласию тело обычно находится в расслабленном состоянии. Насильственный половой акт зачастую сопряжен с сильным стрессом, паникой и противодействием, что, в свою очередь, может привести к кровоподтекам и ссадинам на внутренних тканях. В данном случае никаких повреждений слизистой прямой кишки не выявлено. Конечно, не исключено, что совокупление с жертвой произошло уже после наступления смерти.

– Боже, только не это, – произнесла Эрика. – Надеюсь, что нет.

– Это возможно, да, но маловероятно. Судя по всему, нападение было яростным, исступленным. Убийца набросился на нее как зверь. На обоих висках у нее выдраны волосы. Хватило бы ему силы воли и самоконтроля, чтобы остановиться и надеть презерватив?

– На месте происшествия нашли презервативы? – спросила Эрика.

– Презервативы валялись на всей территории вокруг эллинга и озера. Мы все их собрали и взяли на экспертизу, но на ее проведение требуется время.

Они с минуту помолчали.

– Думаете, Андреа была из тех девушек, которые занимаются подобным – анальным сексом? – спросил Питерсон.

– Пожалуй, это несколько категоричный вопрос, – заметил Айзек.

– Ну, можно соблюдать политкорректность, а можно называть вещи своими именами. Анальным сексом занимаются женщины определенного типа, разве нет? – спросил Питерсон.

– Мне не нравятся такие рассуждения, – сказала Эрика.

– Но мы не можем не принимать это в расчет, – возразил Питерсон.

– То есть, по-твоему, задницу любят подставлять только распущенные женщины. Те, кто подвергает себя опасности? – спросила Мосс.

– Думаете, это был «уличный» секс, который вышел из-под контроля? – спросила Эрика у Айзека.

– Как я уже говорил, в мои обязанности не входит строить гипотезы относительно характера той или иной жертвы. Когда они попадают ко мне на стол, я должен дать заключение относительно причин их смерти. А здесь мы видим, что руки у нее были связаны кабельной стяжкой, которая довольно глубоко врезалась в кожу. Ноги тоже были связаны. На лодыжке левой ноги имеется нитевидная трещина.

– Это были не сексуальные забавы на свежем воздухе, которые зашли слишком далеко. Ее похитили, – сказала Эрика. – На ней вообще было обнаружено ДНК другого человека?

– Если что и было, вода смыла, пока она находилась подо льдом, – ответил Айзек.

* * *

После ознакомления с результатами аутопсии у них оставалось еще несколько минут до прибытия Дуглас-Браунов, которым предстояло официально опознать тело Андреа. Мосс и Питерсон, воспользовавшись коротким перерывом, решили устроить перекур. Они позвали с собой и Эрику, и она, неожиданно для себя, приняла их приглашение, хотя давно бросила курить. Они стояли у пожарного выхода, глядя на тыл автомастерской. Внутри они видели длинный ряд гаражей, а в них – приподнятые над полом машины и рабочих, копошившихся под ними в освещенных ямах.

За свою жизнь Эрике пришлось расследовать столько преступлений, связанных с изнасилованием и убийствами, что все и не упомнить. Пока они все трое молча дымили сигаретами, она смотрела на мужчин, работавших напротив. Все они были молоды и сильны. Насколько близок среднестатистический мужчина к тому, чтобы стать насильником и убийцей

женщин? Как часто он сдерживается? Сколько преступлений ему сходит с рук?

– Ключ к разгадке – сама Андреа. Возможно, ее убил кто-то из знакомых, – размышляла Эрика. Выдыхая в холодный воздух сигаретный дым, она испытывала давно позабытое ощущение бурления никотина в крови.

– Думаете, ее заманили в музей или она пошла по доброй воле? – спросил Питерсон.

– Фактов очень мало. Чужого ДНК нет. Камеры видеонаблюдения не работали.

– Может, это специально было подстроено? – предположила Мосс. – С камерами. И это сделал кто-то из их окружения? Тот, кто затаил злобу на сэра Саймона или на его семью?

– Ненадежные камеры видеонаблюдения – результат сокращения бюджетных расходов. И если бы это было профессиональное похищение с целью убийства, зачем тогда оставлять на месте преступления ее телефон и документ, удостоверяющий личность? Ерунда какая-то, – рассудил Питерсон.

– Возможно, хотели, чтобы ее сразу опознали, – предположила Мосс. – Весточку послали, так сказать.

– Она не знала недостатка в мужском внимании. Может, это получивший отставку любовник?

– Может быть. Но кто? Она была помолвлена. С тех пор, как познакомилась с этим Джайлзом Осборном, как будто в монахиню превратилась. Нужно с ним поговорить, – сказала Мосс.

В дверях появился Айзек.

– Дуглас-Брауны только что въехали на парковку, – сообщил он.

– Терпеть не могу этот момент нашей работы, – произнесла Мосс. Она затушила недокуренную сигарету о подошву и сунула бычок в пачку.

Саймон и Диана Дуглас-Браун прибыли с дочерью Линдой и сыном Дэвидом. Эрике было странно, что она впервые видит брата и сестру Андреа, ведь она столько знала о них из записей Андреа в Фейсбуке.

Диана и Саймон были одеты с иголочки в траур. Диана, казалось, не в состоянии и шагу ступить без поддержки мужа и сына. Дэвид, высокий и худой, в зауженном по последней моде черном костюме и очках. Линда, выступавшая рядом с отцом, походила на матрону в черной юбке-трапеции и теплой зимней куртке. У всех глаза покраснели от слез.

– Доброе утро, – поприветствовала их Эрика. – Мы все подготовили. – Она подвела их к двери помещения, где обычно проводилось опознание.

Саймон обнял жену за плечи.

– Дэвид, останься здесь. Линда, ты тоже. Я сам.

– Папа, мы с тобой. Все вместе, – возразил Дэвид. У него был густой командный голос, как у отца, что плохо вязалось с его чудаковатым видом. Линда, закусив губу, и мгновение помедлив, согласно кивнула. Эрика завела их в помещение для опознания – маленькую казенную комнату с двумя стульями и деревянным столом, на котором стоял ужасный «веселенький» букетик пластмассовых нарциссов.

– Посмотрите внимательно, пожалуйста, – сказала Эрика, подводя их к стеклянной перегородке. Штора за стеклом была задвинута. Эрика отметила, что она висит к ним изнаночной стороной – пожелтевшей подкладкой с распускающимися стежками в верхней части. «Смешно, – подумала она, – что к мертвым штора обращена лицом, а родственники и друзья должны ждать по другую сторону, словно за кулисами».

Диана заметно напряглась, когда санитар отодвинул штору, показывая Андреа, которая лежала на белом ложе под белой простыней. На деревянных панелях смотровой мерцали блики мягкого желтого света. У Эрики всегда создавалось впечатление, что процесс опознания тела – это некое умозрительное, театральное действие. Некоторые родственники сохраняли бесстрастность, другие – безутешно рыдали. Один мужчина, вспомнилось ей, так сильно стал колотить кулаками по стеклу, что оно треснуло.

– Да. Это она. Это Андреа, – подтвердила Диана, судорожно вздохнув. Ее глаза наполнились слезами, и она прижала безукоризненно чистый белый носовой платок к своему лицу с восхитительным макияжем. Линда не моргнула, даже не вздрогнула. Склонив набок голову, она с нездоровым любопытством разглядывала мертвую сестру широко распахнутыми глазами. Дэвид смотрел на нее мрачно, борясь со слезами.

Самообладание потерял Саймон. Издав вопль, он разрыдался. Дэвид поспешил обнять отца, но тот яростно его оттолкнул. И Дэвид тоже не выдержал. Согнувшись, он заплакал навзрыд.

– Я оставлю вас. Не торопитесь, – сказала Эрика. Диана кивнула, и Эрика покинула комнату.

Спустя пять минут вся семья с опухшими глазами наконец-то вышла в коридор, где их ждали Эрика, Мосс и Питерсон.

– Спасибо, что приехали, – тихо поблагодарила Эрика. – Могли бы мы поговорить со всеми вами сегодня во второй половине дня?

– О чем вы хотите поговорить? – спросил Саймон. В его воспаленных глазах сквозили настороженность и смущение.

– Нам бы хотелось узнать чуть больше об Андреа. Чтобы понять, была ли она знакома с убийцей.

– Откуда она могла знать убийцу? Вы думаете, такие девушки, как Андреа, якшаются с убийцами? – возмутился Саймон.

– Нет, сэр, не думаю. Но мы обязаны задать эти вопросы.

– Где жених Андреа? – осведомилась Мосс.

– Джайлз понимает, что мы хотели бы побыть своей семьей. Уверена, он засвидетельствует свое почтение, когда... – Голос леди Дианы сошел на нет, наверно, она осознала, что теперь ей придется заниматься организацией похорон.

* * *

Они смотрели, как семья Дуглас-Браун медленно идет по заснеженной парковке к ожидавшему их автомобилю. У машины сэр Саймон остановился и обратил взгляд на Эрику, буквально впился в нее взглядом покрасневших глаз. Потом он сел в автомобиль, и они уехали, исчезли за пеленой снега.

Глава 15

Компания «Якка-праздники» размещалась на жилой улице в Кенсингтоне, в футуристическом офисном здании, которое высилось над рядами стандартных домиков, словно претенциозная скульптура, доставленная не по адресу. Чтобы получить доступ в приемную, Эрике с Мосс и Питерсоном пришлось звонить в две разные двери из дымчатого стекла. В приемной молодая секретарша в наушниках что-то печатала, сидя за компьютером. Она увидела их, но, ничего не сказав, продолжала печатать. Эрика перегнулась через стойку и вытащила из ее уха один наушник.

– Старший инспектор Фостер. Со мной инспекторы Мосс и Питерсон. Нам бы хотелось пообщаться с Джайлзом Осборном.

– Мистер Осборн занят. Минуточку. Сейчас закончу это и запишу вас на прием, – отозвалась секретарша, демонстративно надевая наушник.

Эрика снова перегнулась через стойку и, дернув за провод, вытащила из ушей девушки оба наушника.

– Я не прошу, я просто информирую. Нам нужно поговорить с Джайлзом Осборном.

Они показали свои удостоверения. Приветливее девушка не стала, но сняла трубку телефона, стоявшего на ее столе.

– По какому вопросу?

– По вопросу гибели его невесты, – ответила Эрика. Секретарша набрала номер.

– А она думала, зачем мы здесь? Чтобы кошку с дерева снять? – проворчал Питерсон. Эрика бросила на него укоризненный взгляд.

Секретарь приемной положила трубку.

– Мистер Осборн сейчас выйдет. Подождите вон там.

Они прошли в зону отдыха, где стояли диваны и журнальный столик, на котором аккуратным веером были разложены журналы по дизайну. В углу – небольшой бар и огромный освещенный холодильник с рядами бутылок пива. Рядом – огромная серебристая кофе машина. Стена увешана фотографиями, сделанными на различных мероприятиях, организованных фирмой. На них, главных образом, эффектные девушки и парни, бесплатно угощающие шампанским.

– Меня с моей задницей он ни за что не взял бы на работу, – пробормотала Мосс. Они сели. Эрика искоса глянула на нее и увидела

впервые, как Мосс улыбается. Эрика улыбнулась ей в ответ.

Спустя несколько мгновений дверь из дымчатого стекла возле бара отворилась, и к ним вышел Джайлз Осборн. Низенький, толстый, с темными сальными волосами, зачесанными на косой пробор. Близко посаженные глаза-бусинки, большой нос, подбородок скошенный. Он втиснул себя в узкие джинсы и футболку с V-образным вырезом, обтягивавшую его выпирающий живот. Облик довершали странные остроносые ботинки маленького размера, придававшие ему схожесть с Шалтай-Болтаем. Эрика удивилась, что Андреа выбрала себе в мужа человека с такой наружностью.

– Приветствую вас. Я – Джайлз Осборн. Чем могу служить? – Голос у него был уверенный и зычный.

Эрика представила всех, добавив:

– Перво-наперво мы хотели бы выразить вам свои соболезнования.

– Да. Благодарю вас. Это ужасно. До сих пор не могу поверить. Даже не знаю, сумею ли я когда-нибудь... – В лице Джайлза отразилась боль, но он не предложил им пройти в кабинет.

– Мы могли бы побеседовать где-нибудь в более тихом месте? Нам нужно задать вам несколько вопросов, – объяснила Эрика.

– Я уже имел долгую беседу вчера со старшим инспектором Спарксом, – ответил Джайлз, сузив глаза в подозрительном прищуре.

– Да, и мы ценим ваше время, но поймите: мы расследуем убийство и должны быть уверены, что у нас есть полная информация...

Джайлз с минуту смотрел на них, а потом, казалось, отбросил сомнения.

– Конечно. Позвольте предложить вам что-нибудь выпить? Капучино? Эспрессо? Макиато?

– Капучино, пожалуйста, – попросила Мосс. Питерсон согласно кивнул.

– Да, спасибо, – поблагодарила Эрика.

– Мишель, мы в конференц-зале, – сказал Джайлз секретарю в приемной. Он открыл для них стеклянную дверь, и они пошли через большое помещение, где работали за компьютерами шесть-семь молодых женщин и мужчин. Всем на вид не больше двадцати пяти лет. Джайлз открыл еще одну стеклянную дверь, которая вела в конференц-зал с длинным стеклянным столом и стульями. На экране большого плазменного телевизора на стене была выведена страничка какого-то Интернет-сайта с рядами крошечных картинок. Присмотревшись, Эрика сообразила, что это изображения гробов. Джайлз поспешил к ноутбуку на стеклянном столе и

свернул страничку. На экране высветился логотип компании «Якка-праздники».

– Даже представить нельзя, что чувствуют лорд и леди Дуглас-Браун. Я подумал, что нужно сделать кое-какие наметки по организации похорон Андреа, – объяснил он.

– Но ведь Андреа официально опознали всего час назад, – заметила Мосс.

– Да, но вы же установили личность Андреа, верно? – ответил он.

– Да, – подтвердила Эрика.

– Никогда не знаешь, как реагировать на известие о тяжелой утрате. Вам, должно быть, кажется странным... – Утратив самообладание, он закрыл ладонью лицо. – Простите. Мне просто нужно на чем-то сосредоточиться... Нужно что-то делать, а организация мероприятий, должно быть, у меня в крови. Просто в голове не укладывается...

Эрика вытащила салфетку из коробки на столе и дала ее Джайлзу.

– Спасибо, – поблагодарил он, беря салфетку и сморкаясь в нее.

– Ваша компания, насколько я понимаю, процветает? – спросила Эрика, меняя тему разговора. Они все расселись за большим столом.

– Да, не жалуюсь. Всегда находятся люди, которые хотят рассказать миру о своей новой продукции. Экономические кризисы приходят и уходят, но всегда есть потребность и желание представить обществу какую-то концепцию, бренд, информацию о важном событии. И я помогаю донести эту информацию.

– Какую информацию вы надеетесь донести, организовав панихиду по Андреа? – спросила Мосс. В это самое мгновение секретарша принесла кофе и поставила перед ними чашки.

– Спасибо, Мишель. Вы ангел, – сказал Джайлз ей в спину, когда она выходила из комнаты. – М-м-м, очень хороший вопрос. Я хочу, чтобы Андреа запомнили такой, какой она была, – юной красавицей, целостной натурой, чистой, непорочной девушкой, у которой вся жизнь была впереди...

С минуту Эрика прокручивала его слова в голове. Мосс и Питерсон, она видела, делали то же самое.

– Очень вкусный кофе, – похвалила Мосс.

– Спасибо. Мы организовали презентацию этой марки кофе. Производство ведется в полном соответствии с принципами справедливой торговли. Фермеры за свой труд получают компенсацию гораздо выше рыночной стоимости того, что они выращивают. Их детей устраивают в школу. Для них созданы хорошие санитарные условия, они имеют доступ к

чистой воде. Полный пакет медицинских услуг.

– Я и не знал, что приношу столь огромную пользу, потребляя капучино, – съязвил Питерсон с нескрываемым сарказмом в голосе. Эрика видела, что Питерсону и Мосс, как и ей самой, Джайлз Осборн неприятен. Если он тоже это чувствует, разговора у них не получится.

– Наш сегодняшний визит связан с тем, – начала Эрика, – что мы пытаемся составить портрет Андреа. По нашему мнению, чтобы поймать преступника, мы должны иметь представление о том, как она жила, о ее последних передвижениях.

– Конечно, – произнес Джайлз. – Это такой шок, ужасный шок. – На его глаза снова навернулись слезы, и он принялся сердито тереть их скомканной салфеткой. Раз или два шмыгнул носом. – Мы собирались пожениться летом. Она была вся в предвкушении. Уже начала подбирать свадебное платье. Хотела что-нибудь из коллекции Веры Вонг. А я никогда ни в чем не отказывал Андреа...

– А родители ее не проявили желания заплатить? – спросила Эрика.

– Нет. По словацкой традиции семья с каждой стороны вносит половину... Вы словачка? Мне кажется, я слышу акцент? – полюбопытствовал Джайлз.

– Да.

– Вы замужем?

– Нет. Позвольте узнать, где вы с Андреа познакомились?

– Она устроилась ко мне на работу в июне прошлого года.

– В качестве кого?

– В качестве одной из сотрудниц по работе с клиентами. Хотя сомневаюсь, что она понимала истинное значение слова «работа». К тому времени леди Диану я знал уже несколько лет. Мы часто сотрудничали с ее цветочным салоном. Она сказала, что у нее есть дочь, которая ищет работу. Потом показала ее фото, вот и все.

– Что значит «вот и все»? – спросил Питерсон.

– Ну, она была прекрасна. Именно таких девушек мы обычно нанимаем на работу. Ну и, разумеется, очень скоро я влюбился.

– И долго она проработала в вашей компании до того, как у вас завязались отношения? – допытывался Питерсон.

– Нет... ну, любовь расцветала чуть дольше. Она отработала всего одну смену, предлагала гостям попробовать «Моэт». Работала ужасно: вела себя так, будто она гостя на вечеринке. Напилась в стельку! В общем, как сотрудница компании она не состоялась, а вот *мы* с ней... – Джайлз умолк на полуслове. – Послушайте, зачем вам это все? Мне казалось, вы ищите

убийцу.

– Значит, ваши отношения развивались стремительно. Ведь вы познакомились лишь восемь месяцев назад, в июне прошлого года? – уточнила Эрика.

– Да.

– И очень скоро вы сделали ей предложение.

– Как я сказал, это была любовь с первого взгляда.

– Как думаете, Андреа тоже влюбилась в вас с первого взгляда? – поинтересовалась Мосс.

– Послушайте, меня в чем-то подозревают? – спросил Джайлз, заерзав на стуле.

– Почему вы решили, что вас в чем-то подозревают? Мы сказали, что у нас к вам есть вопросы, – ответила Эрика.

– Но я все это уже рассказывал. Чтобы не ходить вокруг да около, давайте объясню, где я был в тот вечер, когда исчезла Андреа. В четверг восьмого января с трех часов дня я находился в «Ро спайс» по адресу Бик-стрит, 106. Это в Сохо. Проводил там презентацию новой продукции. Мероприятие окончилось в три часа ночи девятого числа, после чего вместе со своей командой я вернулся сюда в офис. Мы выпили – отметили завершение проекта. Все это зафиксировали наши камеры видеонаблюдения. Затем в шесть утра мы пошли завтракать в «Макдоналдс» на Кенсингтон-Хай-стрит. Со мной были более десяти человек моих сотрудников, они это подтвердят. Да и камеры видеонаблюдения всюду развешаны. Швейцар в моем доме видел, как я вернулся к себе в семь утра и не покидал свое жилище до полудня.

– «Ро спайс» – что это? – осведомился Питерсон.

– Суши-бар в стиле фьюжн.

– Фьюжн?

– Я и не ожидал, что такие, как вы, что-нибудь слышали об этом, – раздраженно бросил Джайлз.

– Такие, как я? – переспросил Питерсон, затеребив одну из своих коротких косичек.

– Нет, нет, нет. Я имел в виду, что те... кто не возвращается в обществе центрального Лондона...

– Да, это все хорошо, – вмешалась Эрика. – Послушайте, мистер Осборн...

– Можно просто Джайлз. У нас здесь принято без официоза.

– Джайлз, вы зарегистрированы в Фейсбуке?

– Конечно, зарегистрирован, – ошетинился он. – Моя компания

занимается организацией мероприятий. Мы очень активно позиционируем себя во всех соцсетях.

– А Андреа?

– Нет. Из всех, кого я знаю, она одна из немногих, кто не имеет странички в Фейсбуке. Я пытался... пытался пару раз убедить ее, что нужно зарегистрироваться в Инстаграм, но она... она совершенно беспомощна в таких вещах.

Эрика встала, вытащила пару скриншотов со странички Андреа в Фейсбуке и положила их на стеклянный стол перед Джайлзом.

– Андреа была зарегистрирована в Фейсбуке. Свою страничку она удалила в июне 2014 года. Полагаю, примерно в то самое время, как вы с ней познакомились?

Джайлз пододвинул к себе распечатки.

– Может, она хотела начать жизнь с чистого листа? – предположил он смущенно, явно пытаясь не реагировать на фотографию Андреа, повисшей на красивом молодом парне, который тискал одну ее грудь через ткань белого топа с перекинутой через шею бретелькой.

– Выходит, она солгала вам о том, что у нее не было странички в Фейсбуке.

– Ну, по-моему, «ложь» – слишком сильное слово, вы не находите?

– Но почему она утаила это от вас?

– Не... не знаю.

– Джайлз. Вы знаете «Клееварку» в Форест-Хилл? – спросил Питерсон.

– Нет, не думаю. А что это такое?

– Паб.

– Тогда точно не знаю. На самом деле я вообще не бываю на том берегу реки.

– Последний раз Андреа видели в том пабе в тот вечер, когда она исчезла. Она была в компании девушки с короткими светлыми волосами, чуть позже – темноволосого мужчины. Вы не догадываетесь, кто эти люди? У нее были друзья в южной части Лондона, в Форест-Хилл?

– Нет. Я таких не знаю.

– Вы знаете людей, которые хотели бы причинить ей зло? Может быть, она задолжала кому-нибудь денег?

– Нет! Нет. Мы с сэром Саймоном заботились о том, чтобы Андреа ни в чем не нуждалась. В вечер своего исчезновения она сказала мне, что идет в кино с Линдой и Дэвидом. Я всегда старался, чтобы она больше времени проводила с братом и сестрой – они были не очень близки.

– Почему?

– Ну, вы знаете, как бывает в богатых семьях. Родители поручают заботу о детях нянькам и учителям. Дети всегда борются между собой за любовь родителей... Мне кажется, Дэвиду и Андреа родительского внимания доставалось гораздо больше, чем Линде. Мне повезло. Я – единственный ребенок в семье.

В воображении Эрики снова возник образ Шалтая-Болтая. Джайлз, толстый коротышка, сидит один на стене, свесив ноги, которые не достают до земли.

– Вы были знакомы с девушкой по имени Барбора Кардошова? Она дружила с Андреа. – Эрика пододвинула к нему по столу фотографию Барборы.

Джайлз наклонился, рассматривая снимок.

– Нет. Хотя Андреа про нее упоминала. Кажется, она бросила Андреа самым жестоким образом. Это случилось незадолго до того, как мы с ней познакомились.

– Вы хорошо знаете подруг Андреа?

– У нее было мало подруг. Она пыталась сблизиться с другими девушками, но они начинали завидовать ей. Она... она была... так очаровательна.

– Вас с Андреа связывали сексуальные отношения? – спросил Питерсон.

– Что? Да. Мы ведь недавно обручились...

– У вас с Андреа была интимная близость в день ее исчезновения?

– При чем тут... – начал Джайлз.

– Пожалуйста, ответьте на вопрос, – попросила Эрика.

– М-м-м, кажется, да. После обеда... Послушайте, я не понимаю, как это связано с ее исчезновением. При чем тут наши сексуальные отношения?! Это не ваше собачье дело! – Джайлз покраснел как рак.

– Вы занимались как вагинальным, так и анальным сексом? – спросил Питерсон.

Джайлз столь стремительно вскочил на ноги, что его кофе расплескался, а стул опрокинулся.

– Ну все, хватит! Уходите! Слышите? У нас с вами беседа в неофициальном порядке, да? Я не обязан с вами разговаривать. Я делаю это по доброй воле.

– Конечно, – сказала Эрика. – Но прошу вас, ответьте на этот вопрос. Перед смертью Андреа в течение долгого времени подвергалась жестоким истязаниям. Мы задаем эти вопросы не из праздного любопытства.

– Что? Были ли... были ли у нас половые сношения противоестественного характера? Нет. НЕТ! Я ни за что не женился бы на девушке, которая... – Джайлз, не в силах закончить фразу, стал теревать ворот своей футболки. – Извините, но я попрошу вас уйти. Если у вас ко мне еще есть вопросы, задайте их в присутствии моего адвоката. Это совершенно неприемлемо, возмутительно.

Кофейная лужица на столе поползла до края стеклянного стола и теперь капала на ковер – *кап-кап*.

– Над ней надругались? Она сильно мучилась? – спросил Джайлз теперь уже тихо. Из глаз его заструились слезы. Опершись о стол, он всхлипывал в рукав своей футболки.

– Мы не думаем, что над Андреа было совершено сексуальное насилие, но она в течение продолжительного времени подвергалась жестоким истязаниям, – мягким тоном ответила Эрика.

– О Боже. – Сделав глубокий вдох, Джайлз снова принялся тереть глаза. – Подумать страшно... представить не могу, через что она прошла.

Эрика помолчала, давая ему возможность прийти в себя, затем продолжала:

– Джайлз, скажите, пожалуйста, у Андреа был еще какой-то телефон?

Джайлз поднял голову, глядя на нее в замешательстве.

– Нет. Нет, только айфон с кристаллами *Swarovski*. Счет пополняла секретарь сэра Саймона. И ее, и Линды, и Дэвида.

Эрика взглядом подала знак Мосс и Питерсону, и те встали.

– Пожалуй, мы на этом закончим, мистер Осборн. Спасибо. Простите за неприятные вопросы, но ваши ответы на них очень помогут следствию. – Эрика коснулась его рукава и добавила: – Не провожайте.

Они миновали Мишель, которая несла в конференц-зал большую стопку салфеток. Та наградила их неодобрительным взглядом.

– Что скажете? – спросила Эрика, когда они вышли на улицу.

– Давайте я скажу. То, что мы все думаем. Какого черта она с ним связалась? Совершенно не ее уровень! – заметил Питерсон.

– И, по-моему, он вообще ее не знал, – заключила Мосс.

– Либо она позволяла ему знать только то, что считала нужным, – добавил Питерсон.

Глава 16

К полудню все средства массовой информации уже муслировали официальное сообщение о гибели Андреа. На газоне перед домом Дуглас-Браунов, когда Эрика, Мосс и Питерсон приблизились к нему, по-прежнему топтали тающий снег фоторепортеры, только теперь их заметно прибавилось. На этот раз полицейским не пришлось ждать на крыльце. Их сразу же провели в просторную гостиную с окнами, выходящими на деревья со стороны главного фасада и сад за домом. Вокруг длинного журнального столика стояли два больших дивана и несколько кресел со светлой обивкой. Камин был облицован белым мрамором; угол занимал кабинетный рояль, уставленный фотографиями в рамках.

– Здравствуйте, господа, – поприветствовал их Саймон Дуглас-Браун. Поднявшись с одного из диванов, он пожал им руки. Диана Дуглас-Браун, сидевшая рядом с ним, не встала. Глаза ее покраснели и опухли, лицо было без макияжа. Дэвид и Линда сидели по обе стороны от родителей. Саймон, Диана и Дэвид все еще были в черном, но Линда сменила траурный наряд на клетчатую юбку и мешковатый белый шерстяной джемпер, который спереди украшал рисунок – котята, играющие с клубком. Эрика узнала джемпер: в нем позировала Барбора на той фотографии из Фейсбука, где она была запечатлена с Андреа.

– Спасибо, что согласились нас принять, – сказала Эрика. – Прежде всего я хотела бы извиниться за свое грубое поведение вчера. Это получилось неумышленно, и я приношу свои глубочайшие извинения, если ненароком оскорбила вас.

В лице Саймона отразилось удивление.

– Да, конечно. Мы уже забыли. Спасибо.

– Да, спасибо, – хрипло вторила ему Диана.

– Нам хотелось бы узнать чуть больше о жизни Андреа, – сказала Эрика, присаживаясь на диван напротив семьи. Питерсон и Мосс сели по обе стороны от нее. – Вы позволите задать вам несколько вопросов?

Дуглас-Брауны кивнули.

Эрика обратила взгляд на Дэвида и Линду.

– Насколько я понимаю, Андреа планировала встретиться с вами в вечер своего исчезновения?

– Да, мы условились встретиться у «Одеона» в Хаммерсмите. Собирались пойти в кино, – ответила Линда.

– На какой фильм?

Дэвид пожал плечами и взглянул на сестру.

– «Гравитация»^[7], – сказала Линда. – Андреа все твердила, что она очень хочет посмотреть его.

– Она объяснила, почему не придет?

– Она ничего не объясняла – просто не пришла, – ответила Линда.

– Ладно. У нас есть свидетель, который видел Андреа в одном из пабов в южном Лондоне – в «Клееварке». Вам это о чем-нибудь говорит?

Все члены семьи покачали головами.

– Вообще-то Андреа в подобные заведения не ходила, – промолвила Диана. Голос у нее был пьяный и какой-то выхолощенный.

– Могла она там встречаться с кем-то? У Андреа в том районе были друзья?

– Что вы, нет! – воскликнула Диана.

– Андреа подруг меняла как перчатки, – заявила Линда, потряхнув головой, чтобы убрать с глаз короткую челку.

– Линда, ты несправедлива, – слабым голосом укорила ее мать.

– Но так и было. Она вечно знакомилась с кем-то в барах и клубах – у нее была куча членских карточек. Сначала души в них не чаёт, а потом вдруг – от ворот поворот. Из-за всякого пустяка.

– Например? – спросила Эрика.

– Ну, например, ее новая знакомая выглядит лучше, чем она, или болтает с парнем, которого она приглядела для себя. Или слишком много болтает о себе...

– Линда, – предостерегающе произнес ее отец.

– Я правду говорю!

– Нет, ты поносишь свою сестру, умершую сестру. А ведь она больше не может постоять за себя... – Голос Саймона сорвался.

– Вы посещали вместе с Андреа бары и клубы? – спросила Мосс.

– Нет, – подчеркнуто произнесла Линда.

– Говоря про «членские карточки», что вы имели в виду?

– Членство в клубах. Сомневаюсь, что *вы* в такие ходите, – добавила Линда, смерив Мосс презрительным взглядом.

– Линда, – одернул ее Саймон.

Линда неуклюже поменяла положение: ее задница не помещалась на диване, нависала над краем.

– Простите за грубость, – извинилась она, снова потряхнув челкой. Эрика подумала, что это у нее, возможно, нервный тик.

– Пустяки, – дружелюбно ответила Мосс. – Это не вопрос. Нам просто

нужна информация, которая поможет поймать убийцу Андреа.

– Я дам вам список клубов, которые посещала Андреа. Попрошу секретаря, чтобы она выслала вам его по электронной почте, – сказал Саймон.

– Линда, вы работаете в цветочном салоне, да? – спросил Питерсон.

Линда оценивающе оглядела Питерсона, словно только-только его заметила.

– Да. У мамы. Заместителем директора. У вас есть девушка?

– М-м-м, нет, – ответил Питерсон.

– Жаль, – неубедительно сказала Линда. – У нас в продаже есть милые вещички ко дню святого Валентина.

– А вы, Дэвид? – обратился к парню Питерсон.

Тот развалился на диване и глядел куда-то в пустоту, натянув до нижней губы ворот своего свитера. Потом ответил:

– Учусь в магистратуре.

– Где?

– Здесь в Лондоне, в университетском колледже.

– Что изучаете?

– Историю архитектуры.

– Он всегда хотел быть архитектором, – с гордостью доложила его мать, кладя руку ему на плечо. Дэвид дернул плечом, смахивая ее руку. На мгновение показалось, что Диана вот-вот снова расплачется.

– Когда последний раз вы видели Андреа? – спросила Эрика.

– В тот день, когда мы собирались вместе в кино, после обеда, – ответил Дэвид.

– Вы часто ходили развлекаться вместе с Андреа?

– Нет. Ее больше привлекал блеск бирюлек Кардашьян, а я Шордич предпочитаю, понимаете, да?

– Бары и клубы в Шордиче? – уточнил Питерсон. Дэвид кивнул, и Питерсон добавил: – Я живу в Шордиче. Оформил ипотеку незадолго до того, как взлетели цены на недвижимость.

Линда взглядом облизывала Питерсона, как кремовое пирожное, которым ей не терпится насладиться.

– Да, – продолжал Дэвид. – Я тоже куплю себе дом в Шордиче, когда наконец получу доступ к своему трастовому фонду.

– Дэвид, – одернул его отец.

– А что такого? Он спросил – я ответил.

Настроение в комнате едва ощутимо переменялось. Саймон с Дианой переглянулись, затем наступила тишина.

– Значит, Линда, вы – флорист, Дэвид учится. А чем занималась Андреа? – спросила Мосс.

– Андреа была помолвлена, готовилась выйти замуж, – с нескрываемой иронией в голосе ответила Линда.

– Довольно! – взревел Саймон. – Я не желаю слышать, как вы двое злословите, это невыносимо! Андреа погибла. Ее убили! А вы здесь острите на ее счет!

– Я тут при чем? Это Линда, – сказал Дэвид.

– Ну да, всегда я крайняя. Всегда Линда...

– Андреа была красавица, – произнес Саймон, не обращая внимания на детей. – Но дело даже не в этом. Всюду, где бы она ни появилась, все вокруг начинало сиять. Она была прекрасной, чувствительной девочкой, и... и... свет ушел из нашей жизни.

Атмосфера в комнате снова изменилась. Семья, казалось, сплотилась, стала единым целым.

– Что вы можете рассказать нам о подруге Андреа Барборе Кардошовой? – спросила Эрика.

– Думаю, ближе подруги у Андреа не было ни до, ни после, – отвечала Диана. – Она даже ездила с нами на отдых. Какое-то время они были близки, а потом она исчезла. Андреа сказала, что Барбора просто уехала.

– Вам известно куда?

– Нет. Она не оставила адреса, не отвечала на письма Андреа по электронной почте, – объяснила Диана.

– Вам не кажется это странным?

– Конечно, это странно. Кажется, она из неполной семьи. Мама у нее болела. Ну и, конечно, людям свойственно рано или поздно не оправдывать ваши ожидания...

– Они поссорились?

– Возможно. Хотя Андреа... она не стала бы лгать о таких вещах. Сказала бы нам. Андреа думает... думала... что Барбора ей завидовала.

– Распечатки звонков с телефона Андреа охватывают период только с июня 2014 года, – заметила Эрика.

– Да, свой прежний телефон она потеряла. Тем она пользовалась с тринадцати или четырнадцати лет, – объяснил Саймон.

– Вы ей купили новый?

– Да.

– У вас есть номер ее прежнего телефона?

– Зачем он вам?

– Так положено.

– В самом деле? Мне казалось, распечаток за восемь месяцев вполне хватило бы... – Они видели, что Саймон начинает нервничать.

– У Андреа был второй телефон?

– Нет.

– Могло быть так, что второй телефон у нее был, а вы о нем не знали?

– Исключено. Трастовый фонд на ее имя находится в управлении семьи. Она, как правило, платила кредитными картами. Если бы она купила телефон, мы бы об этом знали. Только зачем он ей?

– Если бы мы знали номер ее прежнего телефона, нам бы это очень помогло.

Саймон посмотрел на Эрику.

– Да, хорошо. Я поговорю с моим секретарем. Она найдет данные.

Эрика собралась было задать следующий вопрос, но тут заговорила Диана.

– Не понимаю, зачем Андреа отправилась за реку! А потом ее кто-то похитил и убил. Моя девочка... *Моя девочка. Ее больше нет!* – Диана забилась в истерику, хватая ртом воздух и давясь рыданиями. Саймон с Дэвидом стали успокаивать ее, а Линда лишь снова тряхнула челкой, снимая пушинку со своего кошачьего свитера.

– Господа, прошу вас, хватит вопросов, – сказал Саймон.

Эрика с трудом скрывала отчаяние.

– Можно взглянуть на комнату Андреа?

– Что? Сейчас? Ваши люди уже там были и все осмотрели.

– Прошу вас. В интересах следствия, – не сдавалась Эрика.

– Я их отведу, папа, – вызвалась Линда. – Прошу за мной, господа.

Они пошли следом за Линдой мимо Дианы, которая все еще истерично рыдала. Дэвид кивнул сестре, слабо улыбнулся и вновь принялся успокаивать мать. По пути к выходу они миновали рояль, уставленный семейными фотографиями, на которых были запечатлены чета Дуглас-Браун и трое их детей – все улыбающиеся, все счастливые.

Глава 17

Комната Андреа была большая и, как и весь дом, прекрасно обставленная. Три подъемных окна на одной стене выходили на тот самый газон, где фланировали журналисты. Линда вошла первой и сразу бросилась опускать жалюзи. Фоторепортеры внизу встрепенулись, защелкали фотокамерами. Линда рывком опускала шторы. Те закрывались со стуком.

– Сволочи. Мы ничего не можем поделать. Сидим тут, как в тюрьме. Дэвид ноет, что даже сигарету на террасе выкурить не может. Папа говорит, лучше не надо.

Жалюзи были плотные, и комната погрузилась во мрак. Линда включила свет. Среднее окно было самым большим. Под ним стоял огромный стол из полированного дерева, на котором в немыслимом количестве аккуратно были выставлены средства макияжа: большой горшок с кистями и подводкой для глаз, лак для ногтей разных цветов, стопки компактной пудры, ряды коробочек с губной помадой. На одном углу зеркала висели браслетики и билеты с концертов Мадонны, Кэти Перри, Леди Гаги, Рианны, Робби Уильямса.

Всю стену справа занимал гардероб. Эрика раздвинула зеркальные двери, и на нее пахнуло духами. В шкафу висели дорогие наряды авторских моделей – главным образом короткие юбки и платья. Все дно было заставлено обувными коробками.

– Значит, Андреа выделяли деньги на расходы? – спросила Эрика, перебирая вешалки с одеждой.

– Когда ей исполнился двадцать один год, она, как и я, получила доступ к своему трастовому фонду. А вот Дэвиду приходится ждать, что вызывает... определенные проблемы, – сообщила Линда.

– Что вы имеете в виду?

– В нашей семье сыновьям приходится ждать до двадцати пяти лет.

– Почему?

– Дэвид, как и все парни в двадцать один год, хочет тратить деньги на девочек, автомобили и выпивку. Правда, он более заботлив, чем Андреа, хоть денег у него и меньше. На день рождения дарит мне более приличные подарки. – Линда снова тряхнула челкой, складывая руки на своей объемной груди, на которой шалили вывязанные котята.

– А вы на что деньги тратите? – поинтересовалась Мосс.

– Бестактный вопрос. Я не обязана на него отвечать, – огрызнулась Линда.

С одной стороны от гардероба стояла аккуратно заправленная кровать с пологом на четырех столбиках, устланная сине-белым одеялом; на подушке сидели в ряд мягкие игрушки. Над кроватью висел плакат группы *One Direction*.

– Вообще-то она к ним охладела, – доложила Линда, проследив за направлением их взглядов. – Сказала, что они просто сопливые мальчишки, а ей нравятся мужчины.

– Она ведь была помолвлена? – задала наводящий вопрос Эрика. Линда издала презрительный смешок. – Что вас рассмешило, Линда?

– Вы видели Джайлза? Он похож на утку, откормленную на фуа-гра...

– Как вы думаете, почему Андреа выбрала Джайлза?

– Ну, вы даете, господа! Неужели не ясно? Из-за денег, конечно. Он – наследник сказочного поместья в Уилтшире и дома на Барбадосе. Его родители баснословно богаты и уже на ладан дышат. Он у них поздний ребенок. Мама приняла его за менопаузу.

– Андреа изменяла Джайлзу? – осведомилась Мосс.

– К Андреа парни всегда липли. В ее присутствии они превращались в жалких губошлепов, пускающих слюни. Она балдела от мужского внимания.

– И все же. У Андреа был роман с кем-то еще? – допытывалась Мосс.

– Я мало что знаю про ее дела. Мы не были близки. Но я любила сестру и потрясена ее гибелью... – Впервые Линда изобразила скорбь на грани слез.

– А вы, Линда? – спросила Мосс.

– Что я? Хотите знать, пускают ли парни слюни при виде меня? А вы как думаете? – вспылила Линда, затыкая ей рот.

– Я хотела узнать, есть ли у вас парень, – объяснила Мосс.

– Не ваше дело. У вас есть парень?

– Нет. Я замужем, – ответила Мосс.

– Чем он занимается? – спросила Линда.

– Она. Она – учительница, – без тени смущения ответила Мосс. Эрика постаралась не выдать своего удивления.

– Нет, у меня нет парня, – сказала Линда.

– Окна здесь полностью открываются? – спросил Питерсон. Он подошел к среднему подъемному окну и, нагнувшись, заглянул за опущенные жалюзи. – На них стоят блокираторы?

– Нет, они до конца открываются, – ответила Линда, не сводя

восхищенного взгляда с зада Питерсона. Эрика тоже подошла к окну и увидела, что от него вниз до самой земли спускается пожарная лестница.

– Андреа выбиралась из дома через окно, чтобы встретиться с друзьями, если ее сажали под домашний арест? – осведомилась Эрика.

– Мама с папой не имели ни времени, ни склонности сажать нас под домашний арест. Если нам нужно куда-то пойти, мы пользуемся входной дверью, – ответила Линда.

– Вам дозволено приходить и уходить, когда вздумается?

– Конечно.

Эрика опустилась на колени и заглянула под кровать. На полированном деревянном полу лежали комки пыли, но один участок был чуть чище. Она переключила внимание на комод, взялась за ручку верхнего ящика, якобы собираясь его выдвинуть.

– Линда, будьте так добры, подождите за дверью, – попросила она.

– Почему? Я думала, вы пришли сюда просто поболтать.

– Линда, у вас есть фотографии Андреа? Я бы хотел посмотреть. Это нам поможет, – поспешил на помощь Питерсон. Он подошел к Линде и легонько тронул ее за плечо. На ее круглом белом лице проступил яркий румянец.

– М-м-м, да, кажется, есть какие-то, – ответила она, с улыбкой глядя на Питерсона. Они вышли, и Эрика закрыла дверь.

– Молодчина Питерсон, принял удар на себя, – пошутила Мосс, добавив: – Что там?

Эрика вернулась к кровати.

– Криминалисты проводили здесь осмотр, когда поступило заявление о пропаже?

– Нет. Спаркс здесь был, осматривал. Думаю, в присутствии Саймона и Дианы, так что вряд ли тщательно.

– Под кроватью что-то подозрительное, – сообщила Эрика.

Они обе опустились на колени, надели резиновые перчатки, которые вытащили из курток. Эрика легла на живот и заползла под кровать. Мосс стала светить ей фонарем. Эрика обследовала половицу, которая была чище других, осмотрела швы с обеих сторон. Затем, достав ключи от машины, один сунула в щель между половицами и попробовала приподнять доску. Это оказалось непросто: половица была длинная, а кровать низкая. Эрика опустила ее на место и вылезла из-под кровати. Вдвоем с Мосс они взяли кровать с двух сторон и с огромным трудом сдвинули ее на несколько футов.

– Фу ты, это вам не дерьмо из ИКЕА, – поморщилась Мосс. Эрика

обошла кровать и подняла половицу.

В углублении лежала коробка от мобильного телефона. Эрика осторожно взяла ее, открыла. Картонная подложка с выемками находилась на месте, но самого телефона не было. Вместо него там лежали пакетик с маленькими таблетками, завернутый в липкую пленку небольшой темный кубик какого-то вещества, похожего на смолу каннабиса, упаковка широкой папиросной бумаги *Rizla* и коробочка фильтров *Swan Vesta*, а также книжечка-инструкция к айфону 5S и комплект гарнитуры в целлофановом пакетике, запечатанный. Эрика вытащила картонную подложку. На дне коробки лежал чек, напечатанный на тонкой белой лощеной бумаге. Весь край с одного боку был замаран каким-то липким желтым веществом, которое смазало чернила. На обороте было пусто, не считая надписи, сделанной синими чернилами детским почерком: «*ты моя детка х*».

– Это квитанция о пополнении баланса мобильного телефона, – сказала Эрика, переворачивая чек.

– Номер операции виден только наполовину, – заметила Мосс. – Чем измазано?

Эрика поднесла чек к носу.

– Засохший яичный желток.

– А что за дурь? – спросила Мосс, снова заглядывая в коробку от мобильного телефона.

– Трудно сказать. К сожалению, стандартный набор. Шесть таблеток – это, возможно, экстази. Одна-две унции смолы каннабиса? Для личного пользования, – заключила Эрика. – Давай это все по пакетам, и вызываем криминалистов. Пусть проверят здесь остальное.

Спустившись вниз, они увидели, что Саймон с Дэвидом провожают врача.

– Все хорошо? – поинтересовалась Эрика. Саймон поблагодарил врача и открыл дверь. С кожаным саквояжем в руке доктор торопливо зашагал по дорожке под ливнем вспышек фотокамер, стремясь скорее убраться с «линии огня». Саймон закрыл входную дверь. В это самое время подошли Питерсон с Линдой.

– Нет, *ничего хорошего*. У моей жены тяжелое эмоциональное расстройство. Не обессудьте, но я попросил бы вас уйти.

– Вот это мы нашли под кроватью Андреа, – сообщила Эрика, показывая ему целлофановые пакеты с коробкой от мобильного телефона и наркотиками.

– Что? Нет, нет и еще раз нет, – отрезал Саймон. – Мои дети не употребляют наркотики! Откуда мне знать, может, вы их сами подложили!

– Сэр, нам нет дела до наркотиков. Нас больше интересует то, что у Андреа, как мы думаем, был второй телефон. В этой коробке лежала квитанция о пополнении баланса мобильного телефона, выданная четыре месяца назад. Вы знали о его существовании?

– Нет. Дайте-ка взглянуть... – Сэр Саймон взял чек в тонком целлофановом пакете, изучил его. Дэвид и Линда наблюдали с любопытством.

– Кто это написал?

– Понятия не имеем. Может, Джайлз?

– Он окончил Гордонстон^[8]. И сумел бы правильно написать слово «моя». Почему вы вообще решили, что это принадлежит ей? Может быть, какая-нибудь старая коробка.

– Ваш секретарь могла приобрести для Андреа второй телефон?

– Нет! Без моего ведома – нет, – отрезал Саймон. – Вы двое... что вам об этом известно? Андреа принимала наркотики? – обратился он к Дэвиду и Линде.

– Мы не в курсе, папа, – ответила Линда, потрянув волосами. Дэвид тоже покачал головой.

– Понятно. Спасибо, сэр. Если узнаете что-то еще, пожалуйста, сообщите нам. А пока я попросила группу криминалистов произвести осмотр в комнате Андреа.

– Что? Вы спрашиваете у меня разрешения?

– Я довожу до вашего сведения, сэр, что в интересах следствия и в целях скорейшей поимки убийцы Андреа необходимо, чтобы группа криминалистов произвела тщательный осмотр комнаты Андреа, – объяснила Эрика.

– Делайте что хотите, – рявкнул Саймон и скрылся в своем кабинете, хлопнув дверью.

Когда они подходили к машине Эрики на Чизик-Хай-роуд, зазвонил ее телефон.

– Старший инспектор Спаркс. Я сейчас в «Клееварке». Звоню вам по поводу той свидетельницы, Кристины, которая должна была составить фотороботы.

– И? Вы нашли ее? – У Эрики в груди всколыхнулась надежда.

– Нет. И, по словам владельца заведения, никакая Кристина у него не работает.

– Где вы нашли владельца?

– Он живет за два дома от паба.

– Тогда кто была та девушка, с которой я беседовала?

– Я расспросил персонал. Девушка, по описанию похожая на ту, что представилась вам Кристиной, работает здесь от случая к случаю, с посуточной оплатой, подменяя кого-нибудь из сотрудников, когда у тех выходной. Один из них дал ее адрес. Мы проверили. Это однокомнатная квартира у вокзала, но там никого нет.

– Кому принадлежит квартира? – спросила Эрика.

– Хозяин живет в Испании. Он сам и его риелтор утверждают, что квартира три месяца стоит без жильцов. Значит, эта Кристина либо легла на дно, либо дала фальшивый адрес.

– Черт. Направьте туда криминалистов, пусть снимут отпечатки. Пока она единственная, кто видел Андреа с этими таинственными мужчиной и женщиной.

Глава 18

В отделение полиции Луишем-Роу они прибыли в начале шестого. К их возвращению сотрудники оперативного отдела уже заметно подустали, но, учуяв запах кофе, приободрились.

– Кофе и пончики. Разбирайте, – объявила Эрика. По пути в отделение они остановились у «Старбакса». Потягиваясь, полицейские повставали со своих мест. Крейн, просматривавший записи с камер видеонаблюдения, тоже подошел.

– Вы гений, босс. Приличный кофе! – воскликнул он, потирая глаза.

– Надеюсь, у вас есть хорошие новости по видеокамерам на Лондон-роуд? – спросила Эрика с надеждой, подставляя ему пакет с пончиками.

– Мы сопоставляем расписание и маршруты автобусов, запросили в «Лондонском транспорте» записи с видеокамер во всех автобусах, следовавших по Лондон-роуд мимо музея и вокзала в тот вечер, когда исчезла Андреа. Кроме того, сейчас многие такси ездят с видеорегистраторами, мы пытаемся их вычислить. Однако записи с автобусных видеокамер нам предоставят в лучшем случае завтра. – Рука Крейна зависла над пакетом с пончиками.

– Угощайтесь, – сказала Эрика, и он запустил руку в пакет. – Поторопите их, часики тикают. Полагаю, все слышали про исчезновение барменши Кристины?

Полицейские закивали, запивая пончики кофе.

– Что по телефону и ноутбуку Андреа? Нарыли что-нибудь интересное? – спросила Эрика.

– Нет. Почти все фотографии, что там были, мы уже видели: они с ее странички в Фейсбуке. А еще там бесчисленное количество игр *Candy Crush Saga*. Она, видать, помешана была на этой игре. Вообще, судя по всему, ноутбук ей служил для игр и воспроизведения обычного контента *iTunes*. Айфон, что был обнаружен на месте преступления, фактически пуст. Ни фото, ни видео – несколько эсэмэсок, и все.

В дверь просунул голову суперинтендант Марш.

– Старший инспектор Фостер, можно вас на пару слов?

– Да, сэр. Мосс, Питерсон... пожалуйста, проинформируйте всех о том, что мы нашли под кроватью Андреа, – попросила Эрика. Она сунула в рот остатки пончика и, покинув оперативный отдел, последовала за Маршем в его кабинет, где сообщила ему о найденной под кроватью

коробке от мобильного телефона с чеком о пополнении баланса и исчезновении барменши из «Клееварки».

Когда она закончила, Марш устремил взгляд в темноту за окном.

– Только не загоняйте свою команду. Договорились, Фостер?

Сейчас Марш был чуть более спокоен. Эрика подумала, что это, возможно, благодаря заголовкам в газетах, которые переключили свое внимание с полиции, ведущей расследование, на трагическую гибель Андреа. Во всяком случае, сегодня все писали о прекрасной девушке, чья жизнь была прервана самым жестоким образом.

– Наша пресс-служба великолепно потрудились, направив освещение событий в нужное нам русло, – произнес Марш, словно читая мысли Эрики.

– Это так теперь называется? *Направить в нужное русло?* – усмехнулась Эрика.

– О вас там тоже немного есть, – сказал он и зачитал: – *«Расследование ведет опытный сотрудник полиции старший инспектор Эрика Фостер. Благодаря ее усилиям был привлечен к суду серийный убийца Барри Патон. Также велика ее заслуга в обеспечении высокого процента обвинительных приговоров, вынесенных по делам об убийствах, совершенных во имя чести в мусульманской общине Манчестера...»*. И фото хорошее поместили: один из нас на судебном процессе по делу Патона.

– Вы бы уж сразу и адрес мой дали, – рассердилась Эрика. – А то я уже несколько месяцев не получала писем от Барри Патона. Впрочем, одно письмо он мне прислал – поздравил со смертью мужа.

Молчание.

– Простите, – наконец произнес Марш. – Хотел сделать вам приятное. Не подумал. Простите, Эрика.

– Я не в обиде, сэр. Просто долгий был день.

– Отдел кадров на меня насаждает. Говорят, вы до сих пор не предоставили им свой адрес, – сказал Марш, меняя тему разговора.

– Вы теперь на посылках у кадровиков?

– Кроме того, вам необходимо показаться врачу, вчера вы подверглись воздействию биологических жидкостей чужого организма, – добавил Марш, кивая на теперь уже неопрятную повязку на руке Эрики. Впервые она задумалась о словах Айви – о том, что у ее внука ВИЧ-инфекция. Эрика и сама поразилась, насколько мало ее это волнует.

– Времени не было, сэр.

– На что? К врачу сходить? Или жилье найти?

– Я покажусь врачу, – пообещала Эрика.

– Где вы остановились? – спросил Марш. – Мы должны знать, где вас искать.

– У вас есть мой мобильный...

– Эрика. Где вы остановились?

Неловкая пауза.

– Пока еще нигде.

– Чем же вы занимались вчера ночью?

– Работала.

– Вы возглавляете расследование громкого убийства. Не гоните лошадей. Сегодня только второй день. Если будете продолжать в том же духе, что от вас останется к седьмому?

– До седьмого дня дело не дойдет, пока я этим занимаюсь, – с вызовом ответствовала Эрика.

Марш дал ей какую-то карточку.

– Это координаты клиники, принимающей без предварительной записи. И еще. У нас есть квартира, которая Марси досталась от родителей. Жильцы как раз съехали. Это рядом с отделением, и вы будете избавлены от волокиты оформления аренды. Если это вас интересует, приезжайте ко мне домой чуть позже. Заберете ключи.

– Хорошо. Спасибо, сэр. Только доделаю тут кое-что.

– До девяти, если можно. В будни я стараюсь ложиться пораньше.

...Эрика вернулась в оперативный отдел, где она была встречена констеблем Сингх, которая с торжествующим видом протягивала ей листок бумаги.

– Секретарь Саймона Дуглас-Брауна только что по факсу передала договор на прежний телефон Андреа. Тот, что она потеряла в июне. Мы отправили запрос оператору. Завтра утром должны получить распечатку.

– Пожалуй, за это можно еще по пончику, – сказала Эрика, встряхивая пакет и предлагая его всем.

– И тот чек на пополнение баланса, что вы нашли в коробке под кроватью Андреа... Оплата по нему была внесена в супермаркете «Косткаттер» близ Лондонского моста, – доложил Крейн. – На нем стоят дата и время. Я только что говорил по телефону с директором магазина. Он обещал проверить записи с камер видеонаблюдения. Правда, записи у него только за последние четыре месяца, в самый притык. Будем надеяться, что повезет.

– Фантастика! – воскликнула Эрика. Широко улыбаясь, Крейн схватил из пакета пончик.

– Может, Спарксу хотя бы один оставим? – предложила Мосс.

– Ну, не знаю. По-моему, он и так уже достаточно сахарный, – пошутила Эрика. Ее коллеги от души расхохотались. Сейчас в оперативном отделе ей было комфортно – дружеская атмосфера, дух товарищества, но, сознавая, что ее команда на ногах с раннего утра, она велела всем расходиться по домам.

– Доброй ночи, босс, – один за другим прощались с ней сотрудники, хватая свои куртки и сумки. Оперативный отдел постепенно опустел, и Эрика осталась одна. Она сняла трубку стоявшего на столе телефона и позвонила по номеру, который дал ей Марш. Автоответчик сообщил, что клиника уже закрыта и начнет принимать пациентов в семь часов утра следующего дня.

Эрика положила трубку и, морщась, отлепила с руки грязный пластырь. Рана быстро заживала: синяк почти исчез, от зубов мальчика остались закругленные бледные рубцы.

Эрика выбросила пластырь в урну и подошла к демонстрационным доскам в глубине комнаты. Возбуждение, владевшее ею некоторое время назад, улеглось. Она чувствовала себя выжатой как лимон. В затылке ощущалась ноющая боль. Эрика смотрела на материалы следствия: карты и снимки; фото живой Андреа на водительских правах; фото мертвой Андреа – глаза вытаращены, в спутанных волосах по одну сторону лица застряли листья. Обычно она с первых шагов брала верный след, но это дело раскрывалось все шире и шире, противоречивые факты вызревали и множились, как клетки раковой опухоли.

Ей нужно было выспаться, а для этого, осознала Эрика, ей нужен ночлег.

Глава 19

Эрика умирала с голоду, когда уезжала с работы, поэтому она остановилась у итальянского ресторана в квартале Нью-Кросс, где, к собственному изумлению, умяла огромную тарелку спагетти карбонара и на десерт – большой кусок тирамису. В самом начале десятого она свернула на улицу, где жил Марш, – в зеленом зажиточном уголке южного Лондона.

Припарковав машину, Эрика отыскала дом Марша – № 11. Обрадовалась, увидев, что свет в нем не горит. Она предпочла бы несколько дней пожить в гостинице, пока будет искать квартиру: не хотела, чтобы Марш ее жалел. Большое эркерное окно на первом этаже не было зашторено, и в него Эрика увидела противоположное окно комнаты, а за ним – парк Хилли-Филдс и дальше – огни Лондона.

Она уже собралась было вернуться к машине, но тут услышала шум хлынувшей вниз воды в вычурной железной водосточной трубе на фасаде дома. Небольшое окно на верхнем этаже озарилось, и Эрика прищурилась, стоя в безупречно ровном квадрате света. Марш из окна бросил взгляд вниз и, увидев ее, смущенно помахал. Эрика махнула ему в ответ и стала ждать у входной двери.

Марш вышел к ней в клетчатых пижамных брюках и застиранной футболке с изображением Гомера Симпсона. На розовом полотенце, о которое он вытирал руки, красовалась Барби.

- Простите, сэр, что так поздно, – извинилась Эрика.
- Да нет, в самый раз. У нас вечерние водные процедуры.
- Симпатичное полотенце, – заметила Эрика.
- Водные процедуры *не у меня...*
- Да я пошутила, сэр.

– А-а, тогда ладно, – улыбнулся Марш. Словно по сигналу раздался визг, и в прихожую, смеясь, выбежали две крошечные девочки с длинными темными волосами. На одной – только розовый свитерок, трусики и носки. На другой – все то же самое и еще джинсы, спущенные до лодыжек. Малышка проковыляла несколько шагов, потом потеряла равновесие и с глухим стуком плюхнулась на деревянный пол. Она обратила на Марша свои большие карие глаза, пытаясь решить, стоит ли заплакать. Следом за девочками в прихожую выбежала темноволосая женщина лет тридцати пяти. На ней был повседневный наряд – облегающие брюки зеленовато-голубого цвета и белая блузка с закатанными рукавами, – подчеркивавший

пышность ее груди и точеную фигуру в виде песочных часов. Ее обнаженные до локтей руки облепляла пена. Она была столь же прелестна, как и ее дочери-двойняшки.

– Ну вот, – произнесла женщина, деловито кладя руки на свою тонкую талию. – Ушиблась?

Малышка решила, что все гораздо серьезнее, и, скривив личико, завывала.

– Привет, Эрика, – поздоровалась женщина. – Добро пожаловать в сумасшедший дом.

– Привет, Марси... Выглядишь потрясающе, – сделала ей комплимент Эрика.

Марш подхватил на руки плачущую девочку, поцеловал ее личико, которое теперь было красным и мокрым от слез. Марси взяла на руки вторую дочку – та таращилась на Эрику – и посадила ее на изгиб своего бедра.

– Seriously? Твоими бы устами... Весь мой уход за собой – это беготня за девочками. – Марси сдула прядь волос со своей гладкой кремовой кожи. – Если остаешься, давай дверь закроем? А то холод в дом идет.

– Да, конечно. Прошу прощения, – извинилась Эрика, входя в прихожую и закрывая за собой дверь.

– Это Софи, – сказал Марш, укачивая плачущую дочку.

– А это Мия, – представила вторую малышку Марси.

– Привет, – поздоровалась с девочками Эрика. Те таращились на нее. – Какие же вы обе красавицы!

Эрика так и не научилась общаться с детьми. С насильниками и убийцами она знала, как себя вести, а перед детьми тушевалась.

Софи перестала плакать и, как и ее сестра, теперь с интересом разглядывала Эрику.

– Простите, я не вовремя, – смущенно проговорила Эрика.

– Все нормально, – успокоил ее Марш.

Марси забрала у него Софи и посадила ее на изгиб второго бедра.

– Так, девочки. Пожелайте спокойной ночи Эрике.

– Спокойной ночи, – хором пискнули малышки.

– Спокойной ночи! – попрощалась с ними Эрика.

– Рада была видеть тебя, Эрика, – добавила Марси и пошла прочь. Эрика с Маршем с минуту смотрели на ее виляющий зад.

– Налить вам бокал вина? – предложил Марш, переводя взгляд на Эрику.

– Нет. Я на минутку. Хотела сказать, что согласна на ваше предложение

по поводу квартиры...

– Да, проходите. Только обувь снимите.

Марш направился к двери в конце коридора. Эрика расшнуровала ботинки и пошла следом. Деревянный пол был холодным, и, ступая по нему в одних носках, она, как ни странно, чувствовала себя беззащитной. Дверь в конце коридора вела на кухню, оформленную в деревенском стиле. Длинный деревянный стол со стульями. В углу – источавшая тепло красная плита «Ага». Большой холодильник у двери увешан прицепленными магнитами, аляпистыми рисунками, которые представляли собой мазню из разноцветных пятен. Столь же аляпистая картина висела на стене над деревянным кухонным шкафом.

– Это одна из работ Марси, – похвастался Марш, проследив за взглядом Эрики. – Она очень талантлива, только времени на живопись больше нет.

– На холодильнике тоже ее работы? – спросила Эрика и тотчас же пожалела о своих словах.

– Нет. Это девочки рисовали, – ответил Марш.

Возникло неловкое молчание.

– Вот, держите, здесь все. – Марш протянул ей большой конверт, который он взял с кухонного стола. – Квартира не очень далеко – на Фоксберри-роуд в Брокли, рядом с железнодорожной станцией. Тут договор найма на месяц с возможностью продления, так что там видно будет, в зависимости от обстоятельств. Просто на днях принеси мне чек, и все.

Эрика открыла конверт, достала из него связку ключей, довольная, что со стороны Марша это не любезность.

– Спасибо, сэр.

– Поздно уже, – заметил Марш.

– Конечно. Мне пора. Поеду устраиваться, – сказала Эрика.

– Да, и вот еще что. Сэр Саймон связался с Коллин из нашей пресс-службы. Хочет выступить с обращением в прессе, пока фото Андреа, помещенные на первых страницах газет, еще свежи в памяти людей.

– Конечно, хорошая идея.

– Да. Завтра после обеда мы вместе накачаем что-нибудь, чтобы обращение попало в вечерние новости и газеты.

– Очень хорошо, сэр. Надеюсь, завтра мы получим новую информацию, которая нам пригодится.

* * *

Когда дверь за Эрикой закрылась, она направилась к своей машине,

удаляясь от домашнего тепла Марша. Шла она с опущенной головой и кусала губы, силясь сдержать слезы. Та уютная жизнь, с любящим мужем и детьми, была у нее почти в руках. А она несколько раз отказывалась от тихого семейного счастья – к великому неудовольствию Марка.

Теперь с мечтами о той жизни можно расстаться навсегда.

Глава 20

Эрика свернула на Фоксберри-роуд. Вокруг царила тишина и покой. Она миновала железнодорожную станцию Брокли: на ярко освещенной платформе – ни души. Поезд, пронесшийся под пешеходным мостом, прогремел в направлении центра Лондона. Эрика медленно ехала вдоль длинного ряда низких стандартных домиков. Дом, где находилась нужная ей квартира, стоял на самом углу улицы, там, где дорога резко уходила вправо. На стоянке пустовало одно свободное парковочное место, но ее радость быстро угасла, когда она увидела, что парковка предназначалась только для местных жителей. Ей придется получить разрешение. «Черт с ним», – решила она. И все равно припарковалась.

Открывая дверь в подъезд, Эрика сдвинула громоздившийся за ней ворох макулатурной почты. Свет включился автоматически. Лампа тихо жужжала, пока она взбиралась по узкой лестнице, таща за собой подпрыгивавший на ступеньках чемодан.

Квартира находилась на верхнем этаже и, поднявшись на лестничную площадку, Эрика увидела, что у нее есть соседи: напротив находилась еще одна дверь.

Чувствовалось, что квартиру давно не обогревали. Электричества, похоже, тоже не было. Включив встроенный в телефон фонарь, Эрика долго бродила по холодной квартире в поисках электрощитка и, наконец, обнаружив его в глубине стенного шкафа в коридоре, зажгла свет.

Первая дверь вела из коридора в ванную – маленькую, белую, чистую, с одной только душевой кабинкой. Рядом находилась небольшая спальня с двуспальной кроватью из сосны и шатким шифоньером из ИКЕА. Над кроватью висела еще одна аляпистая картина. Эрика закурила, вглядываясь в подпись у нижнего края холста, где мелким почерком было выведено «МАРСИ СЕНТ-КЛЭР». Зажав сигарету в зубах, она сняла картину со стены и сунула ее за пластиковые ведра в стенном шкафу в коридоре.

В конце коридора находилась гостиная-кухня – крошечная, но современно обставленная, в безликом стиле ИКЕА. Сейчас безликость Эрику вполне устраивала. Она принялась открывать кухонные шкафы, ища пепельницу. Не найдя таковой, взяла чайную чашку.

У эркерного окна стояли журнальный столик и небольшой синий диван. Эрика грузно опустилась на него, глядя на крошечный телевизор с покрытым пылью экраном. Вилка из розетки была вытащена, шнур и

антенна валялись на полу рядом с тумбочкой, на которой восседал телевизор.

Эрика перевела взгляд на окно, на темноту за стеклом, но увидела в нем лишь отражение скудно обставленной комнаты и свое собственное. Докурив сигарету, она затушила ее в чашке и закурила другую.

Глава 21

В конце переулка, за несколько домов до того, где поселилась Эрика, в доме, притулившемся на крутом изгибе дороги, притаилась фигура в черном, сливаясь с темнотой. Этот человек смотрел в окно, в котором виднелась Эрика, наблюдал, как она прикурила вторую сигарету и выпустила дым, за клубившийся вокруг голой лампочки, что висела у нее над головой.

Мне казалось, найти ее будет труднее, размышлял наблюдатель, а она вон тебе, старший инспектор Фостер, сидит на свету, выставив себя в окне на всеобщее обозрение, как проститутка в районе «красных фонарей».

На фотографии, помещенной в газете, у Эрики лицо более свежее, молодое; здесь же в окне она выглядела очень худой, изможденной... почти как подросток.

Склонив голову набок, подбородком упираясь в плечо, Эрика смотрела в сторону наблюдателя. Сигарета дымила буквально в нескольких сантиметрах от ее лица.

Интересно, она меня видит? Фигура в черном чуть глубже ушла в тень. Может, наблюдает сейчас за мной, как я – за ней? Нет. Исключено. Эта стерва не столь проницательна. Она смотрит на свое отражение в окне, и вряд ли оно ей нравится.

Привлечение к расследованию убийства Андреа старшего инспектора Фостер взбудоражило общественность. По сведениям из Интернета, в период службы в манчестерской полиции ее считали восходящей звездой отечественного сыска. В тридцать девять лет она уже получила звание старшего инспектора за поимку Барри Патона, молодого парня, который работал уборщиком в одном из клубов и убил шестерых девушек.

Но Барри Патон хотел, чтобы его поймали. Меня она не поймает. Формально она завершила свою карьеру. Поставила на ней крест. По вине Фостер погибли пять сотрудников полиции, в том числе ее гребаный муженек. А на это дело ее назначили специально, зная, что она завалит расследование. Им нужен козел отпущения.

Мороз быстро крепчал. Ожидалась очередная студеная ночь. Но наблюдать за старшим инспектором Фостер, да еще с такого близкого расстояния, было крайне волнительно.

На дороге появилась машина, и фигура в черном еще глубже ушла в

тень, ожидая, когда удалится свет фар. Послышалось тихое урчание: по стене, крадучись, ступала черная кошка. Заметив человека, она остановилась и замерла.

– Мы с тобой почти близняшки, – прошептал наблюдатель. Подняв руку в перчатке, он осторожно придвинулся к кошке. Та позволила себя погладить. – Хороший котик... хороший.

Кошка пристально посмотрела в человечески глаза, затем бесшумно прыгнула со стены и исчезла по другую ее сторону. Наблюдатель разглядывал свои руки в кожаных перчатках, поворачивая ладони, разминая пальцы.

Андреа слишком долго испытывала мое терпение, но мне даже в голову не приходило, что когда-нибудь я решусь на это. Осуществлю свои фантазии – задушу ее, выдавлю из нее жизнь...

Шли дни, и в убийце все больше крепла уверенность на грани самодовольства, что тело Андреа не найдут. Что она останется замороженной во льду. Зима кончится, и с наступлением весны Андреа сгниет – будет разлагаться, пока с нее не сойдет маска красоты и не обнажится ее истинное лицо.

Но через четыре дня ее нашли. Не тронутую тленом...

Хлопнула дверь. Вновь обратив взгляд на дом, наблюдатель увидел, что свет в окне старшего инспектора Фостер погас. Та покинула квартиру и теперь шла по тротуару к своей машине.

Наблюдатель улыбнулся и, опустив голову, быстро ретировался, растворившись в темноте.

Глава 22

Эрика любила водить машину. Причем это мог быть автомобиль любой марки – не обязательно что-то сногшибательное. Лишь бы в нем было тепло и безопасно. Сейчас, колеся по пустынным улицам южной части Лондона, она чувствовала себя в полицейском автомобиле, как в коконе, в котором ей было уютнее, чем в квартире.

Проезжая мимо кладбища Брокли с поблескивающими в свете уличных фонарей надгробиями, Эрика чуть отвлеклась. Машину повело вправо, и она поняла, что нужно сбавить ход. В течение дня снег подтаивал, но к ночи ударил мороз, и дороги обледенели.

Эрика переключила телефон в режим громкой связи и позвонила в отделение полиции. Ей ответил сержант Вулф. Она попросила у него список самых злых пабов в районе.

– Позвольте узнать, зачем это вам? – Его голос, доносившийся с другого конца линии связи, имел металлический призыв.

– Выпить хочу.

– Понятно, – произнес Вулф, помолчав. – «Русалка», «Синица в руке», «Олень», «Корона» – не та, что принадлежит «Уэзерспунс»^[9]; есть еще одна «Корона» – возле старого пивзавода, который вот-вот закроется. Находится в конце Гант-роуд. Ну и, конечно, «Клееварка».

– Спасибо.

– Старший инспектор Фостер, сообщайте мне, где вы находитесь. Если нужно подстраховать...

Эрика прервала звонок, не дослушав Вулфа.

Следующие три часа она объезжала самые гнусные пабы, какие только ей случалось видеть за свою долгую службу в полиции. Ее шокировали не столько убожество, грязь и пьянство, сколько отчаяние на лицах людей, которые нетвердым шагом отходили от стойки. Безысходность в их глазах, когда они тяжело опускались за какой-нибудь столик в углу или скармливали последние деньги игральным автоматам.

Еще больше поражало, что эти пабы находились не за десятки миль от зажиточных предместий. Мерзкий притон под названием «Русалка» располагался близ индийского ресторана с кухней в стиле фьюжн, извещавшего посетителей и прохожих, что недавно ему присвоили звезду «Мишлен». В его роскошном зале, что прекрасно просматривался с улицы, ужинали компании счастливых людей в дорогих костюмах. «Синица в

руках», где Эрика отдала двадцатку похожей на привидение девушке с младенцем на руках, соседствовала рядом с дорогим винным баром, в котором отдыхали гламурные женщины со своими богатенькими мужьями.

Неужели никто этого не видит?

В полночь Эрика прибыла в «Корону» на Гант-роуд. На вид это был традиционный паб с медными лампами и красным фасадом. Новых посетителей уже не пускали, но Эрика сумела войти, дав парню, охранявшему вход, хрустящую двадцатифунтовую купюру.

В зале ступить было негде, стоял невообразимый ор. Окна запотели, запах пива смешивался со зловонием пота и дешевых духов. Публика здесь собралась нерафинированная, но все постарались вырядиться кто как мог. Расспрашивая, по какому случаю вечеринка, Эрика наконец-то углядела того, кого искала.

Айви притулилась на табурете в самом конце барной стойки, у сверкающего игрового автомата. Рядом с ней сидела дородная молодая женщина с черными у корней осветленными волосами и пирсингом на губе. Эрика медленно шла к Айви, протискиваясь меж пьяными посетителями. Когда добралась до нее, увидела, что зрачки у Айви расширены. Теперь глаза ее походили на два пугающих черных озера.

– Какого хрена приперлась? – спросила Айви, силясь сосредоточить взгляд.

– Поговорить надо, – объяснила Эрика, перекрикивая шум.

– Я за все это заплатила, – крикнула Айви, пальцем обводя вокруг себя. Эрика заметила возле табуретов несколько сумок с покупками.

– Я не об этом, – успокоила ее Эрика.

Женщина рядом с Айви сверлила Эрику злобным взглядом.

– Все хок'кей, Айв? – Она ближе придвинулась к ним, не сводя глаз с Эрики.

– Да, – ответила Айви. – Она угощает.

Эрика дала женщине двадцатку, осознав, что за вечер она потратила кучу наличных. Та поднялась с табурета и исчезла в толпе.

– Где дети? – поинтересовалась Эрика.

– А?

– Ну, внуки ваши?

– Наверху. Спят. А что? Хочешь их отлупасить?

– Айви...

– Вставай в очередь, милочка. Они сегодня целый день меня достают.

– Айви, мне нужно расспросить вас про «Клееварку», – сказала Эрика, усаживаясь на освободившийся теплый табурет.

– Что? – переспросила Айви, пытаясь сосредоточиться.
– Помните? Тот паб, про который мы говорили. «Клееварка», на Лондон-роуд.
– Я туда не хожу, – заплетающимся языком буркнула Айви.
– Я знаю, что вы там не бываете. Но *почему*?
– Потому что...
– Прошу вас. Мне нужно знать больше. Почему вы туда не ходите, Айви?

– Отвали!
Эрика вытащила еще одну двадцатку. Айви все пыталась сосредоточить взгляд, а потом выхватила у нее деньги и сунула их за пояс своих грязных джинсов.
– О чем ты хочешь поговорить?
– О «Клееварке».
– Гиблое место. Плохой человек... плохой... – произнесла Айви, качая головой.

– Там есть плохой человек?
– Да... – Айви теперь вращала глазами, словно увидела что-то, но не здесь, не в этом баре. Ее голова завалилась набок.
– Айви. Плохой человек. Как его зовут?
– Плохой он человек, милочка...
– Вы слышали про погибшую девушку, Андреа? – Эрика достала свой телефон, нашла фото Андреа. – Вот она, Айви. Ее звали Андреа. Красивая, темноволосая. Думаете, Андреа была знакома с тем плохим человеком?

На пару секунд Айви удалось сосредоточить взгляд на фото в телефоне.

– Да. Красивая... была.
– Вы видели ее?
– Несколько раз.
– Вы видели эту девушку несколько раз в «Клееварке»? – уточнила Эрика, держа телефон перед Айви.

– Я тоже была красивая... когда-то... – Айви снова завращала глазами и стала сползать с табурета.

– Ну же, Айви. Не отключайтесь, – потребовала Эрика, хватая ее и снова усаживая ровно на табурете. – Пожалуйста, взгляните еще раз.

Айви посмотрела на снимок.

– Плохие всегда самые худшие, но и самые лучшие. Ты позволяешь им делать с тобой что угодно, даже если больно, даже если не хочешь...

Эрика бросила взгляд на бар и увидела, что дородная девица с

пирсингом на губе не выпивку покупает, а разговаривает с мужиками, и те поглядывают на Эрику с Айви.

– Айви, это важно. Вы говорили про Андреа? Она встречалась в «Клееварке» с тем плохим человеком? У него темные волосы. Пожалуйста. Мне нужна любая информация, имя...

Айви пускала слюни, выдувая из них пузыри, которые тут же лопались. Она облизала языком подбородок, и в глаза Эрике бросились ее гнилые зубы.

– Я видела ее с ним и какой-то белобрысой сучкой. Дуры девки, слишком крепко с ним спутались, – сказала Айви.

– Что? Айви? Брюнет и блондинка?

– Вы здесь находитесь официально? – раздался над ухом Эрики чей-то голос. Она подняла голову и увидела рослого мужчину могучего телосложения с рыжеватобелокурыми волосами.

– Я ее не приглашала, – заявила Айви и добавила: – Легавая она.

– Нет, я здесь неофициально, – ответила Эрика.

– Тогда я попрошу вас уйти, – сказал мужчина угрожающе спокойным тихим голосом.

– Айви, если вспомните еще что, увидите что-нибудь, вот мой телефон. – Эрика вытащила из кожаной куртки ручку и клочок бумаги, начеркала номер своего мобильного телефона и сунула листочек в карман джинсов Айви. Мужчина взял Эрику под руку. – Прошу прощения, – возмутилась она, – что вы себе позволяете? Вы кто такой?

– Я – хозяин заведения. Все присутствующие здесь приглашены мною, и я их угощаю напитками. Вас я не приглашал, так что шли бы вы отсюда по доброй воле, пока я не нарушил закон.

– Я же объяснила, что я здесь неофициально, но мой визит в любой момент может стать официальным, – пригрозила Эрика.

– Мы отмечаем поминки, – сказал мужчина сухим тоном. – И легавым сюда вход воспрещен.

– Как вы только что меня назвали? – Эрика силилась сохранять спокойствие. К ним подошел коротышка с чудным лицом – как у гнома.

– Ты знала мою мамашку? – спросил он задиристо.

– Вашу мать? – уточнила Эрика.

– Да, именно это я и сказал. Мою мамашку, Перл.

– Вы кто?

– Да ты кто такая, чтобы спрашивать меня, кто я такой, на поминках по моей родной мамашке?!

– Значит, вы отмечаете поминки по вашей матери Перл, так? –

допытывалась Эрика.

– Да. А тебе какое дело?

Эрика обвела взглядом паб: их перепалка уже начинала привлекать внимание.

– Остынь, Майкл, – обратился к коротышке хозяин заведения.

– Мне не нравится ее отношение. Ишь дылда спесивая выискалась, – презрительно бросил Майкл, смерив Эрику взглядом с головы до ног.

– Успокойтесь, сэр, – сказала Эрика.

– Сэр? Издеваешься?

– Нет. Я – офицер полиции, – представилась Эрика, вытаскивая свое удостоверение.

– Откуда здесь легавая? Ты же сказал, что договоришься...

– Я и договорился, Майкл. *Офицер полиции* уже уходит.

– Здесь вшивая легавая! – заорала худосочная рыжая женщина, подковылявшая к ним всего лишь в одной розовой спортивной тапочке. Раздался звон бьющегося стекла, двое парней сцепились в драке. Рыжая выплеснула на Эрику свою пинту пива и показала ей кукиш – «на-ка, выкуси». Эрика почувствовала, как ее обхватили за талию. Сначала подумала, что на нее напали, но потом поняла, что это хозяин заведения оторвал ее от пола и куда-то понес. На нее со всех сторон сыпались брань и плевки. Лишь благодаря своей массе и рослости владельцу паба удалось протащить ее сквозь толпу за стойку бара.

– Убирайтесь живо. Туда, через кухню. Задняя дверь ведет на улицу за пабом, – сказал он, выставя вперед ладонь, чтобы остановить шустриков, которые пытались протиснуться в узкие дверцы за стойку бара. Над головой Эрики вдребезги разлетелось стекло, осколками покорежив оптический дозатор водки. Женщина, выплеснувшая на Эрику пиво, отперла дверцы на дальнем краю барной стойки, и толпа хлынула к Эрике.

– Уходите! – велел хозяин паба. Он вытолкал Эрику за вонючие занавески, закрывавшие проем. Неуверенным шагом она пошла по тусклому коридору, натываясь на коробки с чипсами, на ящики с пустыми бутылками. Гремевшая в зале музыка не заглушала шум беспорядка и бьющегося стекла. Эрика видела, что толпа наседает на хозяина паба, пытавшегося загородить проход. Она нашла дверь на замызганную кухню, где на всем лежал налет жирной грязи, и, пройдя в самый ее конец, открыла пожарный выход. Мокрую, липкую от пива кожу обжег холод, и Эрика увидела, что находится в переулке.

Она помчалась к дороге. Из окон бара вырывались пар и грохот. Ее автомобиль, слава богу, по-прежнему стоял недалеко от паба.

Эрика села за руль и с визгом рванула с места. Она испытывала облегчение и возбуждение; в крови бурлил адреналин. А потом она вспомнила, что Айви осталась в пабе. А Айви видела Андреа вместе с темноволосым мужчиной и белокурой женщиной.

Была ли Айви в «Клееварке» в вечер исчезновения Андреа? Выходит, барменша из «Клееварки» сказала правду?

Глава 23

На следующее утро, едва Эрика приехала в отделение полиции, ее вызвали к суперинтенданту Маршу. Она привезла с собой подписанный договор на аренду квартиры и чек на оплату. Эрика немало удивилась, когда, войдя в кабинет начальника, увидела, что напротив Марша сидит старший инспектор Спаркс, и лицо его пышет самодовольством.

– Сэр?

– Что за игру вы ведете? Какого черта поперлись вчера вечером в «Корону»? – сразу же накинулся на нее Марш.

Эрика переводила взгляд с Марша на Спаркса и обратно.

– Да я сок пила, апельсиновый...

– Не смешно! Вы заявили без приглашения на поминки по Перл Гадд и своим приходом посеяли там хаос. Вы знаете семью Гадд?

– Нет. А что, их надо знать?

– Это кучка подонков, которой принадлежит обширная сеть по грузоперевозкам на юге Англии. Как бы то ни было, они работают с нами.

– Работают *с нами*, сэр? Вы предлагаете мне посадить одного из них за стол в оперативном отделе?

– Не дерзите.

Спаркс сидел, подперев ладонью подбородок, и, наблюдая за их перебранкой, старался скрыть свою радость. Эрика обратила внимание, что он отрастил длинные ногти на указательных пальцах обеих рук.

– Сэр, если вы вызвали меня сюда, чтобы устроить мне головомойку, могли бы это сделать и без свидетелей.

– По рангу вы не выше старшего инспектора Спаркса, и он является членом следственной группы. Вы должны работать вместе. Полагаю, вы посетили «Корону» в интересах следствия?

Помедлив, Эрика села рядом со Спарксом.

– Ладно. Если это совещание, так и быть. Расскажите мне про наших коллег из преступного подполья южного Лондона.

Спаркс убрал руку с подбородка.

– Последние восемь месяцев семья Гадд снабжает нас информацией, которая, мы надеемся, позволит произвести конфискацию нелегальной табачной и алкогольной продукции на миллионы фунтов стерлингов.

– В обмен на что?

– Я не обязан рассказывать все в деталях, Фостер, – вмешался Марш. –

У нас крайне ограниченные возможности в плане того, что можно и что нельзя. Вам известно, какая хрупкая экосистема сложилась здесь, в южном Лондоне? В обмен на информацию мы вынуждены закрывать глаза на... «ночные мероприятия» за закрытыми дверями и прочее. А вы ворвались туда вчера вечером, стали размахивать удостоверением.

– Мне сказали, что это поминки, сэр.

– Это и были поминки, черт бы их побрал!

– Хорошо, простите. По-видимому, здесь полиция работает несколько иначе, чем у нас в Манчестере.

– Мы работаем не иначе, – возразил Спаркс с раздражающим спокойствием в голосе. – Но тщательно проверяем информацию, прежде чем сделать какой-то шаг.

– Что вы сказали? – спросила Эрика.

– Я говорю про вчерашний вечер.

– Ну-ну.

– Хватит! – рявкнул Марш, грохнув кулаком по столу, и вскочил с места.

Эрику душили гнев и ненависть к Спарксу, но она постаралась скрыть свои чувства.

– Сэр. Визит в «Корону» я нанесла с определенной целью. И мне удалось получить новую информацию об убийце Андреа.

– Продолжайте, – сказал Марш, снова усаживаясь за стол.

– Теперь у меня есть еще один свидетель, который видел Андреа в «Клееварке» в тот вечер, когда она погибла. Она там беседовала с высоким брюнетом и блондинкой. Этот новый свидетель даже намекнул, что, возможно, у Андреа с этим мужчиной была любовная связь.

– И кто же этот новый свидетель?

– Айви Норрис.

Спаркс закатил глаза и затем глянул на Марша.

– Ой, я вас умоляю! Айви Норрис? Она же Джин Макардл, Бет Кросби, Полетт О'Брайан?

– Сэр, она...

– Всегда несет что попало, – отрезал Марш.

– Но, сэр, когда я расспрашивала ее об этом человеке, у меня создалось впечатление, что она напугана. Очень. Я также считаю, особенно с учетом того, что мы нашли под кроватью Андреа коробку от телефона, что у Андреа был второй мобильный телефон, о котором она никому не сказала. Думаю, у нее были друзья, которых она хотела скрыть от своего жениха, Джайлза Осборна...

– Вчера вечером пришли распечатки звонков с прежнего телефона Андреа, с того, который она потеряла в прошлом году, – сообщил Спаркс.

– Нет, я думаю, у Андреа был еще один телефон. Тот, которым она пользовалась до последнего дня. Четыре месяца назад она пополнила его баланс, мы нашли чек в коробке под ее кроватью, – объяснила Эрика.

– Это ничего не значит. Может, она внесла деньги за подругу, – предположил Спаркс. – Лучше давайте вернемся к распечаткам звонков с ее прежнего телефона, который точно существовал. Вчера вечером, воспользовавшись удобным случаем, я их просмотрел, и обнаружилась весьма интересная информация.

– Какая? – осведомилась Эрика.

– Я сверил телефонные контакты Андреа с теми, с кем она общалась в Фейсбуке, и выплыли несколько имен. Одно из них – некий Марко Фрост... Говорит о чем-нибудь?

Марш посмотрел на Эрику.

– Да. Бариста, с которым Андреа, скажем так, встречалась некоторое время назад. Итальянец, работает в одной из кофеев в Сохо.

Спаркс кивнул и продолжал:

– Он сотни раз звонил на прежний телефон Андреа. В течение десяти месяцев – с мая 2013-го по март 2014-го.

– Почему меня не уведомили о том, что пришли распечатки? – строго спросила Эрика.

– Мы получили их вчера поздно вечером. Я подумал, что вам нужно выспаться, – ответил Спаркс.

– Продолжайте, Спаркс – сказал Марш.

– Итак. Я просмотрел протокол самого первого допроса Дуглас-Браунов, когда они заявили об исчезновении Андреа. Они упоминали этого Марко Фроста. Андреа действительно встречалась с ним с месяц в начале 2013 года. Потом она его бросила, и начались звонки. Он и домой к ним приходил несколько раз. Слушать ничего не хотел – подавай ему Андреа, и все. По просьбе сэра Саймона к Марко Фросту даже полицейский приходил, чтобы поговорить с ним о его нездоровом интересе к Андреа.

– Почему меня об этом раньше не проинформировали? – спросила Эрика.

– Все мои записи есть в деле.

– Я их не видела.

– Они там есть.

– Ну все, все. Давайте вести себя как взрослые люди, – раздраженно отчитал их Марш. – Продолжайте, старший инспектор Спаркс.

– Слушаюсь. Так вот. Я снова взялся за распечатки звонков с нового телефона Андреа, в котором, как вам известно, информации почти ноль. С этого телефона она также проверяла свою электронную почту, в которой полно приглашений на всевозможные вечеринки и мероприятия...

– Да, ребята изучили эти приглашения, их сотни. Андреа была членом многих частных клубов, – вставила Эрика.

– В числе прочих там было приглашение в танцевальный зал «Риволи» на четверг 8 января – на вечер того дня, когда она пропала. В этом зале проходило какое-то новомодное бурлескное шоу, организованное одним из клубов, в котором Андреа имела членскую карточку.

– Да, и в этот же самый вечер она была приглашена на несколько других вечеринок в Лондоне. Как я уже говорила, она фигурировала в адресных списках многих заведений... И в этот же вечер она условилась пойти в кино с братом и сестрой.

– Но вся семья утверждает, что она была сумасбродкой. Делала все, что ей в голову взбредет. Она вполне могла передумать, это было в ее характере, – заметил Спаркс.

Эрика была вынуждена нехотя согласиться с ним.

– Танцевальный зал «Риволи», – продолжал Спаркс, – находится прямо напротив железнодорожной станции Крофтон-парк. Если смотреть по карте, так это совсем близко от станции Форест-Хилл – если точно, между ними не более двух миль. Чтобы доехать до Форест-Хилл или Крофтон-парк, нужно сесть в поезд на станции Лондон-бридж, но эти две станции находятся на разных линиях. Что, если Андреа села не в тот поезд? Она редко пользовалась общественным транспортом. Возможно, поэтому она, вся такая расфуфыренная, и оказалась в Форест-Хилл.

Эрика и Марш молчали.

– А напоследок я приберегу самое интересное, – сказал Спаркс. – Вчера вечером я связался с организатором той бурлескной вечеринки в «Риволи», и он прислал мне их адресный список. В нем есть и Марко Фрост, ему было отправлено такое же приглашение. Так что у нас есть шанс...

Молчание. Эрика видела, что Марш обдумывает полученную информацию.

– Неплохая версия, – наконец произнес он, вставая и меряя шагами комнату. – Тогда у меня следующий вопрос: где этот Марко Фрост?

– Не знаю. Я всю ночь сопоставлял факты, – ответил Спаркс.

– Послушайте, Спаркс, несмотря на наши с вами разногласия, я бы очень хотела, чтобы ваша версия подтвердилась. Но вы же понимаете, что на мотив это вряд ли тянет. Сколько человек были приглашены по тому

адресному списку? – спросила Эрика.

– Три тысячи.

– Три тысячи. И почему вы решили, что Андреа отправилась в «Риволи»? Ее тело нашли в полумиле от станции Форест-Хилл, где она сошла с поезда.

Марш продолжал кружить по комнате, размышляя.

– У меня теперь два свидетеля, которые видели Андреа в «Клееварке» в тот вечер, когда она пропала, – не сдавалась Эрика.

– Одна из них исчезла, вторая – наркоманка, алкоголичка и проститутка, – указал Марш.

– Но, сэр, я думаю, что Айви Норрис...

– Айви Норрис – отребье, – перебил ее Спаркс. – Один из ее коронных номеров – гадить на капоты полицейских автомобилей на стоянке.

– Сэр, по крайней мере, признайте, что следствие разрабатывает две версии, – сказала Эрика. – Если моя, на ваш взгляд, сомнительная, тогда вы должны признать, что версия Спаркса строится на косвенных уликах! Я думаю, на сегодняшней пресс-конференции мы могли бы упомянуть, что Андреа видели в «Клееварке» в обществе неизвестных мужчины и женщины.

Марш покачал головой.

– Старший инспектор Фостер, речь идет о людях, которых пресса мечтает разорвать на куски. Это – лорд Дуглас-Браун, его жена, семья и, конечно, Андреа, которая, к сожалению, уже не может сама защитить себя от подобных нападков.

– Сэр, это не нападки!

– Сэр, «Клееварка» всем известна как пристанище проституток, – сказал Спаркс. – Полиция регулярно навещается туда с рейдами. Там был задержан подонок, который в квартире на верхнем этаже снимал детское порно.

– Я согласен со Спарксом, – произнес Марш. – Стоит нам хоть как-то связать Андреа Дуглас-Браун с этим заведением, пресса мгновенно перекрутит информацию на свой лад и раздует из этого бог весть что. Мы должны оперировать достоверными фактами.

– А если я приведу сюда Айви Норрис и она даст показания?

– Ей нельзя доверять. Она и прежде давала ложные показания, – отверг предложение Эрики Марш.

– Но сэр!

– Это не обсуждается, старший инспектор Фостер. Вместе со старшим инспектором Спарксом вы будете разрабатывать версию Марко Фроста,

который, как и Андреа, получил приглашение на вечеринку в танцевальном зале «Риволи». Это ясно?

– Да, сэр, – просиял Спаркс.

Эрика кивнула.

– Спаркс, я вас больше не задерживаю. И не очень-то радуйтесь. Убийство девушки еще не раскрыто. – Спаркс, изобразив пристыженный вид, удалился.

Марш с минуту пристально смотрел на Эрику.

– Эрика, попытайтесь наладить хоть некое подобие личной жизни. Я полностью за то, чтобы мои сотрудники проявляли инициативу, но вы должны работать по правилам и сообщать мне о своих действиях. Устройте себе свободный вечер, одежду хотя бы постирайте.

Эрика осознала, что на ее кожаной куртке до сих пор липкий налет от пива, которое выплеснули на нее минувшим вечером.

– У врача были? – спросил Марш.

– Нет.

– Вечером после работы сходите на прием к дежурному врачу. Это приказ.

– Слушаюсь, сэр, – пообещала Эрика. – Вот договор на квартиру.

– Отлично. Ну, как вам квартира? Нормально устроились?

– Да.

Эрика вышла из кабинета Марша. В коридоре ее ждал Вулф.

– Я вас не сдавал. Ему позвонил хозяин «Короны». И тогда он затребовал у меня регистрационный журнал.

– Не переживайте. Спасибо.

Вулф пошел сдавать дежурство и собираться домой после долгой ночной смены, а Эрика задумалась о том, кто еще из преступного мира Лондона считает себя вправе снять трубку и позвонить напрямую старшему суперинтенданту Маршу.

Глава 24

Часам к десяти утра оперативный отдел отделения полиции Луишем-Роу уже походил на разворошенный улей. Звонили телефоны, жужжали факсы и принтеры, полицейские сновали туда-сюда. Эрика и Спаркс сидели в углу с Маршем и Коллин Скэнлан, суровой и степенной, как матрона, сотрудницей пресс-службы полиции – решали, кто что будет говорить на пресс-конференции.

– Мое вступительное слово, затем обращение сэра Саймона, – сказал Марш. – Кажется, он просил, чтобы был телесуфлер. Мы сможем это организовать?

– Проблем быть не должно. В ближайшие два часа мы должны подготовить окончательный вариант его выступления, отправим текст по электронной почте, и его загрузят, – успокоила начальника Коллин.

– Ладно, – продолжал Марш. – Значит, сэр Саймон скажет: «Андреа было всего двадцать три года. Невинная, веселая девушка, вся жизнь была у нее впереди...». Потом на экране за нами появляется ее фотография. «Она никому не делала зла, никому не причиняла боли, и вот я, убитый горем отец, теперь стою перед вами, взывая к свидетелям этого ужасающего преступления, убийства моей дочери...». Может, лучше «особо тяжкого преступления»?

– Мы же хотим, чтобы эта пресс-конференция стала открытым, доступным обращением к народу, – сердито бросила Эрика. – Так давайте обойдемся без казенщины!

– Хорошо, пусть будет «ужасающее преступление», – согласился Марш.

Эрику огорчало, что пресс-конференция строится на уликах, которые, по ее мнению, были косвенными. Ей было обидно, что команда, с которой, как ей казалось, она нашла взаимопонимание, с радостью ухватилась за хлипкую версию Спаркса. Правда, приходилось признать, что у непосвященного человека версия с танцевальным залом «Риволи» вызывала больше доверия. Эрика проклинала себя, что по глупости в одиночку отправилась на поиски барменши из «Клееварки» и Айви Норрис. Ей следовало взять с собой Мосс и Питерсона. Она взглянула на них. Оба сидели на телефонах, пытаясь отыскать Марко Фроста.

Анализируя версию с Фростом, Эрика начала сомневаться в логичности собственных рассуждений, но как быть с ее внутренним

чутьем. Оно подсказывало, что Андреа действительно была в «Клееварке» и встречалась там с брюнетом и блондинкой. Даже если ее свидетели ненадежны, почему тогда они утверждают одно и то же? И Айви, и Кристина – люди, ведущие опасное существование по другую сторону закона. Им было бы проще сказать, что они ничего не знают, никакую Андреа в глаза не видели... Эрика встрепенулась, вдруг осознав, что к ней обращается Марш.

– Старший инспектор Фостер, ваше мнение? Должны мы упомянуть про видео Тины Тернер? Коллин считает, что должны.

– Что?

– «Риволи» – знаменитый старинный танцевальный зал, и Коллин считает, что столь яркое событие отложится в памяти народа, а вместе с ним – и наше обращение, которое будет передаваться из уст в уста.

В лице Эрики по-прежнему отражалось недоумение.

– В 1984 году в «Риволи» Тина Тернер записала видеоролик на свою песню *Private Dancer*, – объяснила Коллин.

– Вот как? – отозвалась Эрика.

– Да. Так будем упоминать это в обращении с демонстрацией фото зала?

Эрика кивнула и пробежала глазами программу пресс-конференции.

– А где мы скажем, что Андреа находилась в Форест-Хилл? Ее сумочка была найдена на Лондон-роуд.

– Делая заявление в прессе, лучше не распыляться. Обращение должно быть сжатым и четким. Если мы скажем, что она была в одном месте, а потом в другом, многих это приведет в замешательство. Здесь нужна последовательность, – объяснила Коллин с нотками снисходительности в голосе.

– Механизм мне знаком, спасибо. Но мы делаем заявление в прессе, в том числе и с целью получения информации. А в этом тексте совершенно не упоминаются важнейшие факты, приведшие к исчезновению Андреа, – заметила Эрика.

– Не исключено, что она действительно была в том районе, о котором идет речь, но у нас нет твердых доказательств. Ни записей с камер видеонаблюдения, ни свидетелей. Убийца, вероятно, был на машине. Он мог просто выбросить ее сумочку из окна автомобиля на Лондон-роуд, – указал Марш.

– Мне известны подробности дела, которое я расследую, сэр!

Через час они завершили подготовку к пресс-конференции, и Эрика нехотя одобрила содержание обращения, в котором про «Клееварку»

вообще не упоминалось, а то, что Андреа, возможно, была на Лондон-роуд, говорилось лишь вскользь.

Выйдя из отдела к торговому автомату, Эрика увидела сержанта Крейна. Тот покупал капучино.

– Все нормально, босс? Мы получили записи с автобусных видеокамер от «Лондонского транспорта» и парочки такси, которые проезжали по Лондон-роуд, – сообщил Крейн. Автомат запикал. Нагнувшись, Крейн забрал из него пластиковый стаканчик с кофе, сдул пену.

– Дай-ка угадаю. Ничего?

Крейн глотнул кофе и покачал головой.

– Но, скажу я вам, этого Марко Фроста нелегко найти. Его последнее место работы, которое нам удалось установить, это кафе «Неро» на Олд-Комптон-стрит, но он оттуда уволился. Мобильный его тоже отключен.

– Продолжайте искать. Может, он уехал с Барборой Кардошовой.

– Ха! Еще одна версия, босс.

– Да, можешь записать, – мрачно сказала Эрика. Она кинула в автомат несколько монет и выбрала большой стакан эспresso.

Глава 25

Пресс-конференцию должны были транслировать многие информационные телеканалы, в том числе Би-би-си и «Скай». В помещении оперативного отдела отделения полиции Луишем-Роу устроили колл-центр, в который дополнительно направили еще шестерых полицейских, чтобы те отвечали на звонки зрителей.

Часом раньше Эрика, Спаркс, Марш и Коллин покинули отделение полиции и направились к месту проведения пресс-конференции – в отель «Фисл», расположенный близ Мраморной арки^[10].

Мосс и Питерсон все оставшееся время до начала пресс-конференции пытались установить местонахождение главного подозреваемого – Марко Фроста. Они узнали точный адрес кафе «Неро» на Олд-Комптон-стрит – его последнего известного им места работы, проверили зарплатные ведомости. Это ничего не дало: Марко уволился из кафе год назад. Они проверили адрес его родителей: оказалось, что те умерли один за другим с разницей в шесть месяцев в минувшем году. Марко жил вместе с родителями на съемной квартире, но потом переселился к тете с дядей. Владелец квартиры только что дал Мосс их телефон. Мосс позвонила по указанному номеру, и дядя Марко снял трубку после второго гудка.

* * *

В огромном конференц-зале отеля «Фисл» близ Мраморной арки окон не было. Пол покрывал узорчатый ковер без конца и без края. Перед небольшим возвышением стояли ряды стульев, которые были почти все заняты. Представители СМИ держали наготове фото- и телекамеры. В зале устанавливали свет, и двое-трое тележурналистов репетировали свои реплики перед камерами. С одной стороны на подставках стояли два больших телевизора, настроенных на каналы «Би-би-си ньюс» и «Скай ньюс», которые уже вели прямую трансляцию из зала. Звук был приглушен, но бегущая строка на обоих экранах информировала телезрителей, что скоро начнется пресс-конференция и полиция выступит с заявлением об убийстве Андреа Дуглас-Браун.

На возвышении стоял длинный стол с микрофонами, расставленными через определенные интервалы. Вдоль стола женщина из числа гостиничного персонала с подносом в руках расставляла перед каждым стулом маленький графинчик с водой и бокал. За столом висели три видеозэкрана, на каждом – заставка с синей эмблемой столичной полиции

на белом фоне.

Взаимоотношения между полицией и СМИ у Эрики всегда вызывали неловкость. Полиция то отталкивала журналистов, обвиняя их в бесцеремонности и извращении фактов, то приглашала на пресс-конференции, походившие на театральные представления.

Словно по сигналу, рядом с Эрикой выросла Коллин, попросившая ее пройти за сцену и отдаться в руки гримеру.

– Вас немного припудрят, чтобы лицо не блесло, – добавила она и посмотрела на часы, из чего Эрика заключила, что, по мнению Коллин, гримеру, возможно, придется гораздо дольше и основательнее потрудиться над ней, чтобы она хотя бы сносно смотрелась под объективами телекамер.

* * *

Рядом с конференц-залом находился зал заседаний поменьше, который персонал отеля отдал в распоряжение сотрудников полиции и членов семьи жертвы. Там стояли сдвинутые вместе диваны и стол с водой и апельсиновым соком.

На одном из диванов сидел Марш в форме со знаками отличия старшего суперинтенданта. Молодая женщина с тубиком крем-пудры и треугольным спонжиком в руках приводила в порядок его лицо. Рядом другая молодая женщина гримировала старшего инспектора Спаркса. Марш со Спарксом увлеченно беседовали с Саймоном и Дианой, которые сидели напротив. Родители Андреа пришли на пресс-конференцию в траурной одежде. Говорил в основном Саймон. Диана, держа его за руку, кивала и платком промокала глаза. При появлении Эрики они оба взглянули на нее. Эрика кивнула каждому из них в знак приветствия. Диана кивнула в ответ, но Саймон, демонстративно проигнорировав ее, снова повернулся к Маршу и Спарксу.

– С ними сейчас закончат, и потом ваша очередь, – сказала Коллин. Эрика подошла к столу, чтобы взять стакан воды. Стол стоял у окна с видом на Мраморную арку, вокруг которой медленно ползли машины. Из двери в глубине комнаты появились Линда с Дэвидом. Они тоже подошли к столу.

– Привет, – поздоровалась с ними Эрика, наливая себе воды.

– Привет, – откликнулся Дэвид, подставляя под графин свой бокал. Эрика и ему налила воды. Дэвид, бледный, как полотно, был в джинсах и синем джемпере. Линда нарядилась в длинную черную юбку и ярко-красный свитер с аппликацией из термотрансферной пленки, изображавшей стоящих в ряд на задних лапках белых котят в платьях, как у исполнительниц канкана. Надпись над рисунком гласила: «КИС-КИС-МЯУ!». На взгляд Эрики, Линда была одета вульгарно и не к месту.

Коллин, вернувшись к Эрике, сказала, что гример освобождается.

– Я тоже терпеть не могу макияж, – заявила Линда, наливая себе бокал апельсинового сока.

– Тебя же по телику не будут показывать, – заметил Дэвид, маленькими глоточками потягивая из бокала воду.

– Между прочим, Джимми Сэвил^[11] всегда отказывался гримироваться перед телеэфиром. Говорил, он хочет, чтобы зрители видели его таким, какой он есть... Ужасно забавно, да? – Линда потрянула головой, убирая с глаз челку. Не зная, что сказать, Эрика просто кивнула. – Однажды, когда мне было семь лет, я написала на его передачу, – продолжала Линда. – Просила, чтобы он организовал мне визит на Диснеевскую студию, где я могла бы нарисовать кошку для мультфильма. Знаете, для создания мультфильма нужно сделать кучу рисунков с едва заметными различиями...

– Старший инспектор Фостер наверняка знает, как создаются мультфильмы, – перебил сестру Дэвид. Он заговорщицки посмотрел на Эрику, вращая глазами.

– Правда, ответа я так и не получила... Даже Джимми Сэвил отверг меня. – Линда сухо рассмеялась.

– Господи помилуй. Хоть раз попытайся быть нормальной, а? Приперлась сюда в дурацком свитере, отпускаешь тупые шуточки! – рассердился Дэвид. Линда вздрогнула, когда он со стуком поставил бокал на стол и зашагал прочь.

– Я не шутила. Я правда хотела попасть на Диснеевскую студию. – Густо покраснев, Линда резким движением смахнула со лба волосы. Эрика обрадовалась, увидев, что Коллин зовет ее гримироваться.

Марш и Спаркс вместе с Саймоном и Дианой теперь уже стояли у входа в большой конференц-зал. Гримерша быстро подкрасила Эрику, и, только она закончила, молодой парень в наушниках подошел и предупредил, что до начала пресс-конференции осталось две минуты. Зазвонил телефон Эрики.

– Простите, но я попрошу вас отключить телефон – создает помехи в эфире, – потребовал парень.

– Я только на этот звонок быстро отвечу, – сказала Эрика, увидев, что на дисплее высветилось имя Мосс. Она отошла к окну и приняла звонок.

– Босс, это я, – услышала Эрика голос Мосс. – Шеф и Спаркс с вами? Я пыталась дозвониться до них...

– Они отключили телефоны – это вроде как мешает работе микрофонов и создает помехи в эфире, – объяснила Эрика, отметив про

себя, что в списке Мосс она оказалась третьей.

– Мы отследили Марко Фроста. Он живет с дядей на севере Лондона.

Эрика видела, что пресс-конференция вот-вот начнется.

– Еще два дня назад Марко Фрост находился в Апулии, в Италии. Ездил туда с дядей и тетей на Рождество навестить родственников. Они путешествовали на машине его дяди. Дядя держит магазинчик близ Энджела, и они привезли с собой уйму оливкового масла, мясной продукции и прочего.

– Выходит, у Марко Фроста есть алиби, – заключила Эрика, чувствуя, как в груди поднимается волнение.

– Да. За границей он даже кредитной картой пользовался. Андреа он убить не мог.

Рядом с Эрикой появилась Коллин.

– Старший инспектор Фостер, нам пора. И телефон придется отключить, – сказала она.

– Отличная работа, Мосс.

– Думаете? Мы ведь вернулись к тому, с чего начали, относительно убийцы Андреа... Впрочем, есть еще ваша версия.

– Мне пора, Мосс. Позже поговорим. – Отключив телефон, она увидела, что остальные уже переходят в конференц-зал. Саймон шел первым, за ним – Марш, следом – Спаркс.

Значит, Марко Фрост не убивал Андреа, подумала Эрика. Версия Спаркса только что развалилась. Ей не давали покоя показания барменши из «Клееварки» и Айви. Андреа видели с неким брюнетом и некой блондинкой... Их так и не нашли. Убийца или убийцы на свободе.

Марш, Спаркс и Саймон скрылись в конференц-зале. Диана осталась сидеть на диване. Она снова плакала. Линда с Дэвидом ее утешали.

– Идите в зал *сейчас же*, – шикнула на Эрику Коллин.

В дверь, что находилась в глубине комнаты, влетел Джайлз Осборн в широком зимнем пальто. Снимая на ходу шарф и извиняясь за опоздание, он кинулся к Диане.

– Я пропустил выступление? – спросил он. Диана, заливаясь слезами, покачала головой.

– Старший инспектор Фостер, на выход! – рявкнула Коллин.

Эрика приняла решение – решение, которое будет иметь далеко идущие последствия... Она сделала глубокий вдох, пригладила волосы и вышла в конференц-зал.

Глава 26

В отделении полиции Луишем-Роу перед большим телевизором собрались Мосс, Питерсон, Крейн и все остальные члены следственной группы. На канале «Би-би-си ньюс» шел обратный отсчет времени до ежечасной программы новостей, потом на экране появился общий план конференц-зала. За длинным столом сидели старший инспектор Спаркс, старший инспектор Фостер и суперинтендант Марш. По другую руку от Марша сидел со страдальческим видом осунувшийся Саймон Дуглас-Браун.

Саймон начал зачитывать подготовленное заявление. Периодически его изображение на экране сменяли фотография Андреа с водительских прав, опубликованная во всех газетах, и более поздний снимок, на котором Андреа была запечатлена вместе с Линдой, Дэвидом и родителями во время последнего семейного отдыха Дуглас-Браунов. Все улыбались в объектив, позируя на фоне моря. На лице Дэвида играла застенчивая улыбка; толстощекая Линда, как всегда, хмурилась.

– Старший инспектор Фостер была права, – заметил Крейн, – все это очень трогательно, но похоже на постановочный спектакль – горе напоказ. Разве кто-нибудь позвонит нам после такого шоу?

Саймон Дуглас-Браун закончил свою речь, и камера снова показала зал. Слово собрался было взять суперинтендант Марш, но Эрика вдруг наклонилась над столом, придвинула микрофон к себе и, глядя в телекамеру, заговорила:

– В цепочке событий, приведших к исчезновению Андреа, много неясного, и нам нужна ваша помощь. Если кто-то видел Андреа вечером восьмого февраля, пожалуйста, сообщите нам. Мы будем очень признательны. Это был четверг. Мы полагаем, что Андреа какое-то время между восемью часами вечера и полуночью находилась в пабе под названием «Клееварка» – это в южной части Лондона, в Форест-Хилл. По словам одной из работниц паба, Андреа там беседовала с темноволосым мужчиной и белокурой женщиной. Также, возможно, кто-то видел, как в период между восемью часами вечера и полуночью Андреа шла по Лондон-роуд в направлении музея Хорнимана, где было обнаружено ее тело. Если вы располагаете какой-либо информацией, даже самой несущественной, пожалуйста, сообщите нам. Звоните в оперативный отдел по телефону, который сейчас появится на экране.

– Это было запланировано? – спросил Питерсон. Они с Мосс смотрели трансляцию в оперативном отделе.

– Не-а, – ответила Мосс.

На экране крупным планом показали растерянного суперинтенданта Марша, на мгновение утратившего дар речи. Он бросил взгляд на Эрику и снова придвинул к себе микрофон.

– Мы хотели бы... э... добавить, что это... э... одна из версий... Мы также полагаем, что Андреа могла направляться на мероприятие, проводившееся в танцевальном зале «Риволи», который находится недалеко от станции Форест-Хилл, где она сошла с поезда вечером восьмого января, – уже более уверенным тоном произнес он, противореча Эрике. Последовало минутное молчание. Камера снова показала зал.

– Черт, он все портит. Создается впечатление, что это он выдумывает, а не Фостер, – заметила Мосс.

На экране происходила быстрая смена изображений – то общий план зала, то представители прессы крупным планом, – что лишь усугубляло всеобщее замешательство. Потом на экране вновь появился суперинтендант Марш. Он уже полностью овладел собой и зачитывал заранее составленный текст обращения, который он завершил словами:

– Наши сотрудники уже готовы ответить на ваши звонки и сообщения по электронной почте. Спасибо.

Затем камера из конференц-зала переместилась в студию «Би-би-си ньюс». На экране за спиной ведущей высвечивались контактный телефон и адрес электронной почты оперативного отдела. Она озвучила эту информацию, еще раз попросила всех, кто располагает какими-либо сведениями об Андреа, обратиться в полицию, повторила названия «Клееварки» и «Риволи» и извинилась за то, что они могут показать только фото танцевального зала.

Полицейские в оперативном отделе отделения полиции Луишем-Роу с беспокойством смотрели друг на друга. А потом стали звонить телефоны.

Глава 27

По окончании пресс-конференции и прямой телетрансляции Эрика с гулко бьющимся сердцем поднялась из-за стола. Журналисты и фоторепортеры гурьбой устремились к выходам. Саймон, с бешенством в карих глазах, повернулся к Маршу.

– Что за балаган вы здесь устроили? – прошипел он. – Мне казалось, мы четко обо всем договорились. – Почти в отчаянии он посмотрел на покидающую зал прессу.

Марш со Спарксом тоже встали.

– Старший инспектор Фостер, на два слова, прямо сейчас, – обратился к Эрике Марш. Сделав глубокий вдох, она сошла со сцены и, игнорируя голоса за спиной, быстро зашагала по ковру к дверям в глубине конференц-зала. Покинув его, она нашла пожарный выход, спустилась вниз, бегом преодолев три лестничных марша, и выскочила в переулок.

Эрика стояла под дождем, щипавшим ее липкую кожу, и пыталась отдышаться. Она знала, что ее выходка не останется без последствий, но ведь она всегда отстаивала свои убеждения. И сейчас ее убеждения подсказывали, что она поступила правильно. Повела себя благородно, заступившись за Андреа, у которой отняли право защитить себя.

Не обращая внимания на дождь, погруженная в свои мысли, Эрика вышла на Оксфорд-стрит и влилась в бурлящий суматошный поток людей, которые двигались в обоих направлениях по улице. Интуиция и твердая уверенность, еще недавно владевшие ею, уступали место сомнениям. Ей следовало остаться и ответить за свои слова. В ее отсутствие коллеги будут обсуждать ее действия, делать выводы. Будут без нее принимать решения и строить дальнейшие планы.

Эрика замедлила шаг, остановилась. По тротуару барабанил дождь. Прохожие, с раскрытыми зонтами, в капюшонах, торопливо шли мимо, опустив головы. Уже наступил вечерний час пик, и они бранились и чертыхались, если на их пути к автобусу или станции метро вдруг возникало препятствие. Эрике требовалось подумать, решить, как быть дальше. Если она вернется, это воспримут как слабость. И она снова зашагала вместе с толпой.

* * *

Следом за Эрикой, прячась за спинами нескольких прохожих, шел незнакомец. Тот самый, что наблюдал за ней, когда она курила у окна. На

этот раз он был не в черном и сливался с толпой людей в капюшонах и с зонтами. А толпа по мере приближения к станции метро «Марбл-арч», казалось, разбухала и двигалась медленнее. От Эрики незнакомца отделяли всего двое прохожих.

Она одна из немногих на улице была без капюшона. Просто подняла воротник кожаной куртки и шла, опустив голову.

А ведь ее и впрямь стоит опасаться. Она ходила в тот чертов паб, говорила там с персоналом. Ей известно гораздо больше, чем мне представлялось. Неужели весь этот страх, отчаяние – обычное притворство? До этой пресс-конференции мне казалось, что она – испорченный товар. Обгоревшие останки некогда блестящего копа.

Теперь незнакомец находился совсем близко от Эрики. Между ними шел всего один человек – грузный бизнесмен в светлом плаще, забрызганном каплями дождя. Эрика повыше подняла воротник, так что сзади он касался ее светлых волос.

Семьи у нее нет, она одинока. Все еще разбита горем. Вполне могла бы покончить с собой. Таких уйма. Хорошо бы нанести визит этой тощей сучке – нагрянуть внезапно, когда она будет в постели. Стиснуть ее костлявую шею, сдавить выпирающие сухожилия и смотреть, как стекленеют ее глаза. Но прежде нужно навестить еще кое-кого...

Толпа подкатила к станции метро «Бонд-стрит» и застопорилась. Эрика мало-помалу протиснулась под большой козырек и встала, дожидаясь, когда толпа тронется с места. Незнакомец в давке подобрался к ней вплотную и сунул в карман ее кожаной куртки аккуратный белый конверт. Через несколько секунд затор у входа на станцию рассосался. Незнакомец отошел от Эрики и смешался с толпой: обычный человек, спешащий по своим делам.

Глава 28

Эрика вышла из вестибюля железнодорожной станции Брокли и растерялась, впервые увидев свой новый дом при дневном свете. На улице было оживленно. Фургон национальной почтовой службы, проехав мимо, остановился у одного из почтовых ящиков. Из фургона вылез розовощекий молодой почтальон. Он открыл почтовый ящик, из которого вывалился целый мешок писем. За уличным столиком перед кафе напротив сидели две женщины. Кутаясь на холоде в теплые куртки, они курили. На краях их чашек из белого фарфора виднелись следы красной губной помады. К женщинам подошел симпатичный молодой официант с пирсингом на губе. Забирая с их столика пустую посуду, он что-то сказал, и женщины визгливо засмеялись.

Эрика, порывшись в сумке, достала сигареты. Закурила, руки от холода дрожали. Пока она ехала в поезде, чувство тревоги усилилось. Сердце грохотало в груди, и на все вокруг она смотрела будто через мутное стекло. Симпатичный официант все еще болтал с женщинами, те непринужденно флиртовали с ним.

– Ой, нет, нет, нельзя, – раздался рядом чей-то голос.

Эрика оглянулась. Возле нее стоял мужчина с брюшком и седоватыми усами. На нем была форма сотрудника компании «Юго-Западные железные дороги».

– Простите, вы это мне? – осведомилась Эрика.

– Надеюсь, милая, вы не хотите раскошелиться на штраф в тысячу фунтов?

– Что? – переспросила она, чувствуя головокружение.

– На вокзалах курить запрещено. Но я знаю, как решить вашу проблему. Вам нужно просто отойти на один шаг. Ну же, вперед.

Озадаченная, Эрика шагнула вперед.

– Ну вот, милая, проблема решена, вы больше не на территории вокзала! – Железнодорожник показал ей куда-то под ноги. Эрика увидела, что она теперь стоит на гладком асфальтированном тротуаре, который тянулся мимо вокзала.

– А-а, ну да, – смущенно произнесла она.

Железнодорожник рассматривал ее настороженным взглядом. Когда она сообразила, что он оказал ей любезность, было поздно: он уже удалялся, что-то бормоча себе под нос. Затягиваясь сигаретой, Эрика

нетвердой походкой потащилась прочь. Сердце стучало все быстрее и быстрее. Женщины в кафе теперь изучали винную карту, смеясь и переговариваясь с симпатичным официантом. Какой-то старик у газетного киоска на углу улицы вращал металлическую стойку с поздравительными открытками. По тротуару медленно шли, о чем-то увлеченно беседуя, две старушки с тяжелыми хозяйственными сумками.

Чтобы не упасть, Эрика ухватилась за низкую ограду у одного из домов. Ей вдруг пришло в голову, что она понятия не имеет, как быть «нормальным» человеком. Она не боялась трупов, умела допрашивать насильников, знала, как реагировать на плевки и отражать нападение с ножом, но вот жизнь в реальном мире в качестве обычного члена общества ее пугала. Она не представляла, как можно жить в одиночестве, без семьи и без друзей.

Эрика с новой силой осознала всю грандиозную значимость своего поступка. Она фактически сорвала пресс-конференцию, созванную в связи с расследованием громкого убийства. А вдруг она ошибается? Эрика поспешила домой. Головокружение усиливалось, шея под воротником куртки покрылась каплями холодного пота.

Поднявшись в свое новое жилище, Эрика рухнула на диван. Комната вращалась, на глаза с боков начинали напозать размытые пятна. Она проморгалась, обвела взглядом маленькую гостиную. Пятна скользили вместе со взглядом. Ощувив спазм в желудке, Эрика кинулась в ванную. Едва успела добежать до туалета, как ее тут же стошнило. Опустившись на колени перед унитазом, она тужилась и тужилась, давясь рвотой. Потом спустила воду, прополоскала рот, держась за края раковины, потому что пол под ногами кренился и качался. Из зеркала на нее смотрело жуткое отражение: запавшие глаза, бледно-зеленая кожа. Плавающие пятна множились, затуманивая зрение. Лицо в зеркале превратилось в размытую кляксу. Что с ней происходит? Держась за стену, потом за дверной косяк, она проковыляла в гостиную и от двери метнулась к дивану. Перед глазами теперь уже висела пелена. Эрика наклонила голову, периферийным зрением пытаясь отыскать свою кожаную куртку, которая свисала с подлокотника. В одном из карманов нашла свой мобильный телефон. Все так же клоня голову, рассмотрела, что аппарат выключен – она так и не включила его по окончании пресс-конференции.

В голове шумело, к горлу подступала тошнота. Эрику охватила паника. Она умирает. Она умрет в одиночестве. Эрика нащупала кнопку в верхней части телефона, нажала на нее, но крутящийся диск на дисплее показывал, что идет загрузка. Она упала на диван лицом вниз. Ею владел ужас. В

затылке появилась острая боль. Эрика поняла, что у нее, возможно, начинается мигрень. В этот момент комната завертелась, как шальная, а потом она провалилась в черноту.

Глава 29

Эрика барахталась в темноте, ощупью пробираясь к источнику звучавшего вдалеке звона. Казалось, трезвон приближался, а потом в ушах раздался хлопок, и зазвенело где-то совсем рядом с ее головой. Щекой она прижималась к чему-то мягкому, источавшему слабый запах жареной пищи и сигарет. Колени упирались в жесткий деревянный пол. Она села на корточки, подняла голову, сообразив, что находится в своем новом жилище. Звонил телефон. Стемнело. В голое окно светили уличные фонари.

Телефон продолжал мигать и вибрировать на журнальном столике, а потом затих. Во рту пересохло, голова ужасно болела. Эрика с трудом поднялась на ноги и подошла к раковине. Выпив большой стакан воды, она поставила его на стол и сразу вспомнила все, что с ней произошло. Обнадеживало лишь то, что к ней вернулось нормальное зрение. Телефон опять зазвонил, и, подумав, что это Марш, она ответила, желая покончить с этим раз и навсегда.

– Эрика? – раздался в трубке знакомый голос. – Это ты?

Она еле сдержала слезы. Звонил отец Марка, Эдвард. Она и забыла, как похожи их голоса. У него тоже был теплый йоркширский выговор.

– Да, я, – наконец промолвила она.

– Я знаю, много времени прошло... в общем, я звоню, чтобы извиниться, – сказал Эдвард.

– За что?

– Много чего наговорил тебе. Теперь жалею.

– Ты имел на то полное право, Эдвард. Видеть себя не могу... – Непроизвольное сокращение диафрагмы, и вот она уже всхлипывает, икает, захлебывается словами, пытаясь объяснить человеку, которого она любила как родного отца, что она горько сожалеет о том, что ей не удалось защитить его сына.

– Эрика, девочка, ты не виновата... Я читал протокол слушания, – сказал он.

– Где ты его взял?

– Запросил. Есть «Закон о свободе информации»... Тебя протащили по всем кругам ада.

– Я это заслужила. Я должна была копать глубже, мне следовало трижды перепроверить... – начала она.

– «Должна была», «следовало»... Эрика, нельзя жить прошлым.

– Никогда себе не прощу. Если бы можно было повернуть время вспять, если бы... Я никогда бы... – лепетала она, подушечкой ладони вытирая жгучие слезы.

– Ну все, хватит об этом. Больше не хочу слышать ни слова. А то накажу! – пошутил Эдвард. Чувствовалось, что через силу.

Они оба на какое-то время умолкли.

– Как ты? – наконец спросила Эрика, а сама подумала: «Глупый вопрос».

– О! Стараюсь не сидеть без дела... В лоун-боулз^[12] теперь играю. Кто бы мог подумать? Но... нужно занимать себя. Для старого хрыча боулер я, конечно, никакой... – Он опять умолк. – Эрика, девочка. Там теперь есть надгробие. Я поставил на могиле Марка плиту. Благородно так смотрится.

– Правда? – Эрика закрыла глаза, представляя под землей Марка. Ей до боли хотелось знать, как он выглядит. Скелет в элегантном костюме.

– Приезжай, сама увидишь. В любое время, родная. Как ты думаешь, когда сможешь приехать домой?

Домой. Он назвал это домом. Эрика теперь уже и не знала, где ее дом.

– Я вернулась на работу. Сейчас я в Лондоне, – сообщила она.

– А-а, понятно.

– Я обязательно приеду. Но не сейчас. Пока у меня дела.

– Это хорошо, родная. Что за работа? – спросил Эдвард. Эрика не могла ему сказать, что она ищет жестокого убийцу. Интересно, видел ли он в новостях пресс-конференцию?

– Я в столичной полиции, у меня новая команда.

– Замечательно, девочка. Работай... Как только сумеешь вырваться в отпуск, я буду рад тебя видеть.

– Обязательно.

– Я часто прохожу мимо вашего дома. Его теперь снимает молодая пара. На вид приятные ребята, хотя я к ним не заходил и вообще... Не знаю, как бы я объяснил, кто я такой.

– Эдвард, все вещи в кладовке. Я ничего не выбросила. Нам нужно разобрать коробки. Наверняка что-нибудь...

– Давай не все сразу, – перебил ее Эдвард.

– Откуда у тебя мой телефон? – спросила Эрика, сообразив, что он звонит ей на новый номер.

– Сестре твоей позвонил. Она сказала, что ты жила у нее. Дала твой номер. Надеюсь, ты не сердишься?

– Нет, конечно. Прости. Это во мне ищейка говорит, всегда хочет знать, что, зачем и почему...

– Эрика, главное, помни – ты не одинока. С тобой, я знаю, здесь круто обошлись, и многих за это нельзя осуждать, но ты тоже его потеряла... – Голос Эдварда сорвался. – Я не хочу, чтобы ты думала, будто ты одна, – продолжал он. – У тебя есть я, родная. Какой-никакой...

– Спасибо, – тихо проронила Эрика.

– Ой, этот звонок в Лондон обойдется мне в целое состояние, так что пока... Рад был услышать твой голос, Эрика. Не пропадай.

– Ты тоже... то есть, нет, не буду.

В трубке послышался щелчок, потом гудок – связь прервалась. С глубоким вздохом Эрика прижала руку к груди. На душе потеплело. Она сморгнула слезы.

Телефон в ее руке снова зазвонил. Это была Мосс.

– Босс. Вы где? – спросила она.

– Дома.

– Вы не поверите. Обнаружен еще один труп. На этот раз в бассейне парка Брокуэлл.

– Документы есть? – спросила Эрика.

– Да. Это Айви Норрис.

Глава 30

Парк Брокуэлл и бассейн на его территории находились менее чем в трех милях от музея имени Хорнимана, в районе которого был обнаружен труп Андреа. Эрика пронеслась мимо освещенной башни с часами, которые показывали четверть одиннадцатого. На лобовое стекло плюхались крупные капли дождя, который вскоре полил как из ведра. Эрика включила дворники и всем телом подалась вперед за рулем, всматриваясь в пелену дождя за окном. В поле ее видимости всплыли двое полицейских в форме, стоявших у входа в бассейн. Эрика резко затормозила и вышла под дождь, барабанивший по припаркованным вокруг машинам.

– Старший инспектор Фостер, – представилась она, перекрикивая шум дождя, и показала удостоверение. Полицейские приподняли оградительную ленту, пропуская ее к месту происшествия.

Летом парк и бассейн пользовались популярностью у горожан, которые любили здесь купаться и устраивать пикники, но в темноте дождливого январского вечера зона отдыха производила унылое, гнетущее впечатление. Мосс и Питерсон пропустили за ленту полицейского ограждения сразу же вслед за Эрикой. У них был с собой мощный фонарь, которым они освещали путь, идя по дорожкам с бетонным покрытием, мимо заколоченного досками ларька, где летом продавали мороженое, и беседки с облезающей краской. Скоро они вышли на лужайку. Различить чтолибо вокруг было невозможно. Вдалеке гремел гром, молнии озаряли огромный плавательный бассейн под открытым небом. Впереди вырисовывались очертания большой белой палатки экспертов-криминалистов. По краю воды была проложена дорожка из полиэтилена. Трое помощников криминалистов в белых комбинезонах, стоя на коленях в грязи, сноровисто снимали отпечатки чьих-то ног. У палатки их встретил один из сотрудников группы экспертов, и они быстро натянули на себя спецодежду под шум дождя, громко стучавшего по парусине.

Яркая галогеновая лампа светила прямо на труп Айви Норрис. Она лежала на спине в грязи, во вспененной бурой жиже, в которой были измазаны ее одежда и тело.

– Пожалуйста, стойте на ящиках, – попросил один из криминалистов, показав на настил, который выложили вокруг трупа, чтобы не затоптать место происшествия.

Перешагивая с ящика на ящик, они приблизились к телу Айви. Ее

сальные волосы были стянуты назад. На желтушном лице с вытаращенными глазами, как и у Андреа, застыл страх. Расплющенный нос покрывали сгустки запекшейся крови. На Айви были куртка и свитер, те самые, в которых Эрика видела ее несколько дней назад, но вся нижняя часть тела от самого пояса была оголена. Ноги худые, в шрамах, синяках и отметицах от уколов – смотреть больно. Седые волосы на лобке всклокочены.

Фотограф из группы криминалистов защелкал фотоаппаратом, и в палатке засверкали вспышки, сопровождаемые пронзительным визгом. Айзек, стоявший на одном из ящиков, молча кивнул им.

– Кто ее обнаружил? – спросила Эрика.

– Какие-то ребята. Они решили на спор перелезть через забор.

– Где они сейчас?

– С вашими сотрудниками в районном доме культуры, это здесь, через дорогу. ДНК на анализ мы уже взяли.

– Они что-нибудь видели? – спросила Эрика.

– Нет. Темно было. Один из мальчишек споткнулся об нее и упал.

– Должно быть, перепугался до смерти, – предположила Мосс, глядя на Айви.

– У нее сломан нос. Думаю, и скула тоже. На шее обширные странгуляционные борозды, – сообщил Айзек. Опустившись на корточки, он осторожно оттянул ворот свитера Айви. – Думаю, также сломаны четыре ребра. Более полное представление о внутренних повреждениях даст вскрытие. При ней нашли сто фунтов наличными. Свернутые купюры лежали в бюстгальтере.

– То есть случайное нападение или ограбление можно исключить? – спросила Мосс.

– До вскрытия я не хотел бы делать никаких выводов. Но в принципе, если деньги не тронуты, значит, нападавший думал не об ограблении. Он думал о сексе. Наружный осмотр показал, что во влагалище присутствует семенная жидкость.

– Айви занималась проституцией, – объяснила Мосс.

– Может, убийца заманил ее сюда деньгами? – добавил Питерсон.

– На данном основании мы не вправе делать вывод, что половой акт был осуществлен по взаимному согласию, – твердо сказал Айзек. – Область таза сильно травмирована.

– Где ее руки? – спросила Эрика, со страхом подумав, что Айви отрубили верхние конечности.

– У нее за спиной, – ответил Айзек. Один из его ассистентов подошел

и осторожно приподнял Айви с земли: обе ее руки, с налипшей на них грязью и камешками, были туго связаны под ее телом. Айзек, работавший в перчатках, пальцем счистил грязь с запястий Айви.

– Видите? Связаны пластиковой веревкой, которую часто используют в промышленности или при упаковке продукции.

– Что с ее обувью? – спросила Эрика, глядя на ступни Айви, – заляпанные глиной, отекие, с лопнувшими сосудами и длинными грязными ногтями.

– Ее ботинки валялись в грязи, – ответил Айзек. – Выдраны волосы на висках. С корнем.

Он чуть повернул голову Айви сначала в одну сторону, потом в другую, показывая большие ядреные ссадины, усеянные капельками засохшей крови. Фотограф, присев на корточки, защелкал фотоаппаратом. При свете вспышки ее кожа казалась почти прозрачной, с сеточкой голубых вен на лбу.

– У Андреа тоже были выдраны волосы, – тихо произнесла Эрика.

– Время смерти? – спросил Питерсон.

– Судя по температуре внутренней среды организма, умерла она не очень давно. Однако тело лежало на холоде, под дождем, поэтому точнее скажу позже.

– Наши сотрудники уже проводят поквартирный обход и прочесывают территорию, – сообщил Питерсон.

Они наблюдали за работой фотографа, снимавшего Айви со всех ракурсов. Молодая женщина, помогавшая Айзеку, аккуратно зачехлила руки Айви в пластиковые пакеты, чтобы сохранить ДНК, если что-то осталось. Айзек торопливо отошел к скамейке в углу палатки и вернулся с прозрачным полиэтиленовым пакетом.

– Это то, что мы при ней нашли: связка ключей, шесть презервативов, сто фунтов, кредитная карта на имя Мэтью Стивенса и клочок бумаги с номером телефона.

– Это ваш номер, – заметила Мосс, глянув на Эрику.

– Я беседовала с Айви на днях вечером в связи с убийством Андреа. Она выдала мне кое-какие сведения, но, думаю, она была напугана. Я сказала, чтобы она мне позвонила... – Голос Эрики сошел на нет. Она осознала, что вся информация, какую знала Айви, умерла вместе с ней.

– Она пыталась вам позвонить? – спросил Питерсон.

– Не знаю. Нужно проверить автоответчик.

После пресс-конференции она не проверяла сообщения. Извинившись, Эрика направилась к выходу из палатки. Вдоль берега кто-то шел. Когда

этот человек приблизился, Эрика узнала старшего инспектора Спаркса.

– А вы что здесь делаете? – осведомилась она. – Вы же не входите в группу немедленного реагирования.

– Старший суперинтендант Марш поручил мне возглавить расследование, – заявил Спаркс. Несмотря на всю серьезность ситуации, он едва скрывал свое ликование.

– Что? Прямо в одиннадцать часов вечера на месте убийства? – спросила Эрика.

– Нужно отвечать на звонки. Шеф пытался с вами связаться, – ответил Спаркс.

– Я еще здесь не закончила. Завтра с Маршем мы это обсудим, – сказала Эрика.

– У меня четкие указания. Меня назначили руководить расследованием, и я хотел бы попросить вас покинуть место преступления.

– Хотели бы попросить?

– Нет. Я приказываю вам покинуть место происшествия.

– Старший инспектор Спаркс, я только что обследовала место преступления, и есть вещи... – начала Эрика.

– А я говорю, что теперь я – главный на месте происшествия, и я приказываю вам уйти! – заорал Спаркс, утратив самообладание.

– Если вы имеете хоть какое-то представление о процедуре осмотра места преступления, тогда советую вам вспомнить, что главный на месте происшествия – судмедэксперт и именно он отдает распоряжения, – сказал Айзек, вместе с Мосс и Питерсоном появляясь за спиной у Эрики. – Старший инспектор Фостер прибыла сюда в качестве руководителя следственной группы, и я закончу осмотр в ее присутствии и о результатах доложу ей как руководителю следственной группы. Старший инспектор Спаркс, вы рискуете наследить на месте происшествия. Если намерены остаться и продолжить наблюдение за работой экспертов, я попрошу вас вести себя в соответствии с установленными требованиями, одеться как подобает и заткнуть рот.

Спаркс хотел что-то сказать, но Айзек, вскинув свои безукоризненно ровные брови, смотрел на него свысока, словно бросал вызов – попробуй возрази.

– Завтра в восемь утра в отделении совещание, – обратился Спаркс к Мосс и Питерсону. – Будем пересматривать ход расследования. Извольте присутствовать. – Они кивнули. Спаркс наградил Эрику долгим недобрый взглядом и в сопровождении одного из полицейских в форме зашагал прочь.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика Айзека.

– Я старался не ради благодарности. Мне нет дела до ваших разборок. Для меня важно одно – обеспечить неприкосновенность места происшествия, чтобы вы могли выполнить свою работу – найти преступника, – ответил Айзек.

Эрика сняла комбинезон, который тут же упаковали в мешок для отправки в лабораторию. Укрывшись от дождя под облезлой беседкой, она закурила и стала прослушивать голосовые сообщения. Четыре были от Марша, одно гневнее другого. По его словам, Саймон и Диана «были шокированы» тем, что Эрика на пресс-конференции «перехватила инициативу и вылезла со своей версией». И Марш разделял их негодование. Он велел ей утром явиться к нему «на ковер» и в заключение пригрозил: «Игнорирование моих звонков будет расценено как нарушение субординации и открытое неповиновение».

Последнее сообщение начиналось какофонией звуков; она услышала брань, затем стук падающих в таксофон монет.

– Да, это Айви... Айви Норрис. Если дашь мне денег, я расскажу то, что ты хочешь знать. Мне нужна сотня... – Три быстрых коротких сигнала, снова брань, связь прервалась. Эрика еще раз прослушала сообщение. Оно было получено семь часов назад. Эрика позвонила сержанту Крейну. Голос у него был усталый.

– Привет, Крейн. Старший инспектор Фостер. Вы еще в отделении?

– Да, босс, – устало отозвался он.

– Есть реакция на обращение?

– Нам позвонили двадцать пять человек, босс. Со времени последнего звонка прошло несколько часов. Теперь сидим и ждем. Может, в вечерних новостях еще раз покажут номера телефонов.

– Есть что-нибудь толковое? – спросила Эрика с надеждой в голосе.

– Четырнадцать звонков от известных нам психов и выдумщиков – они сознаются в каждом преступлении, о котором слышат в телеобращениях. Один из них до сих пор талдычит, что это он убил принцессу Диану. Но нам все равно приходится проверять их заявления, а это отнимает время. Еще десять звонков поступили от журналистов; те, по сути, выуживали информацию.

– Я насчитала двадцать четыре.

– Последний звонок был от Айви Норрис. Она позвонила нам через пару часов после пресс-конференции. Мы отследили ее звонок. Она звонила с таксофона, что стоит в пабе «Корона». Она несла какую-то бессвязную чушь, но в принципе назвалась и сказала, что хочет поговорить

с вами лично. Вы проверяли свои сообщения? Я пытался до вас дозвониться, но вы не ответили.

– Она тоже пыталась мне дозвониться. Мы только что обнаружили ее труп.

– Вот черт, – воскликнул Крейн.

– Не то слово. Послушайте, завтра с утра я сразу в отделение. Дайте знать, если будут еще какие сведения.

– Э... босс...

– Что?

– Я получил распоряжение всю новую инфу предоставлять старшему инспектору Спарксу.

– Ясно. Но все, что касается Айви, это еще и личный интерес.

– Я вас понял, босс.

Только Эрика положила трубку, к ней подошли Мосс и Питерсон. Она рассказала им о сообщении от Айви.

– Она столько раз поднимала ложную тревогу, – сказала Мосс. – Вообще, рано или поздно ее все равно бы убили.

– Тело собираются увозить. Нужно поскорее освободить место для криминалистов. Тем и так придется поторопиться, дождь ведь идет, – сказал Питерсон. – Значит, мы теперь подчиняемся старшему инспектору Спарксу?

– Выходит, что так, – ответила Эрика. Все трое на время замолчали. Казалось, Питерсон и Мосс разочарованы.

– Ладно, до скорой встречи, – попрощалась Эрика.

Вернувшись к своей машине, она несколько минут сидела в темноте, слушая, как по крыше стучит дождь. Мосс и Питерсон проехали мимо, фарами осветив салон ее автомобиля, а потом Эрику снова окутал мрак. Смерть Айви произвела на нее тяжелое впечатление. Она высвободила из рукава куртки запястье и включила свет над зеркалом. Отметины от зубов почти исчезли, ранки быстро заживали. Что предприняла Айви в последние дни? Кто заманил ее к бассейну в парке Брокуэлл? Или она пришла по собственной воле? Что теперь будет с ее внуками?

Эрика завела двигатель и тронула машину с места. А дождь все лил и лил.

Глава 31

Незнакомец сдернул с головы толстую балаклаву и согнулся, извергая содержимое желудка. Рвотные массы плюхались в чернильную воду со звонким шлепком, звучавшим даже громче, чем стук дождя, который ливнем обрушивался на поверхность бассейна. После убийства хочется очиститься – обычное дело. Он повалился на мокрую землю, с наслаждением подставляя лицо под дождь.

Выследить Айви Норрис оказалось проще простого. Старая гримза не изменяла своим привычкам – торчала под уличным фонарем в начале Кэтфорд-Хай-стрит. Выглядела еще омерзительнее, чем обычно: в меховой опушке застряли ошметки чего-то вонючего – вероятно, блевотины; ноздри по краям покрывала короста запекшейся крови.

– Меня зовут Полетт. Тебе отсосать или по полной программе? – спросила Айви. Глаза ее вспыхнули, когда она увидела, что рядом затормозила дорогая машина. И только усевшись на пассажирское кресло, услышав щелчок центрального запора дверей, она разглядела водителя.

– Привет, Айви... Мне кое-что нужно от тебя, – вкрадчиво произнес он.

Айви запаниковала, стала умолять, извиняться, клясться, что этого больше не повторится, лопотала и лопотала, брызгая слюной, которая оседала на приборной панели дорогого автомобиля.

– Пойми, у меня не было выбора. Легавая мне угрожала. Сказала, что отнимет у меня детей... Да ей толком ничего и не известно. Знает только, что та девчонка, Андреа, встречалась с каким-то брюнетом и светловолосой девицей... И от меня она больше слова не услышит!

И тогда водитель протянул Айви две пятидесятифунтовые купюры.

– Что ты за это хочешь? – неуверенно спросила она.

И она взяла деньги – может, была просто побита жизнью или надеялась, что после я все-таки ее отпущу.

Айви не спросила, зачем ее тащат в глухое место, и, когда они остановились, она позволила, чтобы ей связали руки за спиной. Даже не предложила кодового стоп-слова.

– Только не по лицу, – попросила она. – Я, конечно, не красавица, но с непобитым лицом жить проще...

И вот тогда нервы мои сдали, и я заехал ей кулаком в лицо. Она не выразила удивления – просто огорчилась. Когда я снова ударил ее, сильнее,

она, казалось, смирилась с судьбой. Еще одно разочарование в довесок ко всем остальным. Я выдрал у нее две пригоршни волос... Сломал ей нос... В ее глазах читалось одно лишь удивление, когда мои руки продолжали сдавливать ее шею дольше минуты. Вот тогда-то она и поняла, что умрет.

** * **

Вдалеке, где-то за парком Пекам-Рай, проехал полицейский автомобиль с включенной сиреной. Он лежал в кустах возле водоема, наслаждаясь ощущением чистоты, которое даровал дождь.

Мой автомобиль в нескольких кварталах отсюда, но возвращаться к нему пока нельзя.

Сейчас нельзя.

Когда рассветет.

Когда с меня сойдет вся грязь.

Глава 32

Эрика долго не засыпала. Лежала без сна, слушая шум дождя, неустанно стучавшего в окно. Ей никак не удавалось забыть образ Айви. Остекленевшие глаза, в которых застыл ужас, словно она все еще смотрела в лицо убийце. «Интересно, – думала Эрика, – какое это лицо? Старое или молодое? Смуглое или светложее? Какой он – похож на громилу или внешне самый обычный человек, не выделяющийся из толпы?»

* * *

Она не заметила, как погрузилась в сон. Когда открыла глаза, в окно спальни через занавески сочился мягкий свет: значит, наступило утро. Впервые за долгое время она спала без сновидений. Эрика отодвинула занавеску: дождь прекратился, но небо было светло-серым. Рассвело. Она нагнулась к прикроватной тумбочке, взяла телефон, чтобы узнать, который час. Телефон стоял на подзарядке, но признаков жизни не подавал.

Выругавшись, она пошла в кухню-гостиную: цифры электронных часов на плите не светились. Эрика открыла маленький стенной шкаф, где размещался электрощиток, вытащила оттуда пятнистую картину Марси и щелкнула туда-сюда центральным автоматом. Безрезультатно. Глядя в эркерное окно на лежащую внизу безлюдную улицу, она понятия не имела, который теперь час. Эрика вышла на лестницу и постучала в дверь соседей. Через несколько секунд она услышала, как повернулся в замке ключ, загремели отодвигаемые запоры и звякнула цепочка. Дверь приотворилась на несколько дюймов. В щель на нее смотрела маленькая пожилая женщина с белыми взбитыми, как меренга, волосами.

– Прошу прощения за беспокойство, – обратилась к ней Эрика. – Вы не подскажете, который час?

– Кто вы такая? Зачем вам нужно знать время? – подозрительным тоном осведомилась старушка.

– Я ваша новая соседка. По-моему, нам отключили электричество, а у меня часы только на телефоне, и он тоже не работает.

Старушка оттянула вверх тонкий рукав своего кардигана и стала всматриваться в циферблат крошечных золотых часов, туго обвивавших ее запястье.

– Двадцать минут одиннадцатого, – сообщила она.

– Десять двадцать утра?

– Да.

– Точно? – ужаснулась Эрика.

– Точно, дорогая. Я же на часы смотрю. Кстати, с электричеством у меня тоже все в порядке, – сказала она, щелкнув выключателем. – Думаю, вам нужно заплатить за свет. У прежних жильцов была большая задолженность. Один раз к ним даже полиция приходила – непонятно, почему полиция-то тратит время на должников. Хотя хозяин квартиры, что вы снимаете, довольно высокопоставленный полицейский, так что на вашем месте я была бы осторожней...

* * *

Без четверти одиннадцать Эрика, ни жива ни мертва, прибыла в отделение полиции Луишем-Роу. Дежурил Вулф. Он поднялся из-за стола и подошел к ней.

– Старший инспектор Фостер, у меня распоряжение проводить вас к старшему суперинтенданту Маршу. Это срочно.

– Я знаю, где он сидит, – отрезала Эрика. Она дошла до кабинета Марша и постучалась. Марш открыл дверь.

– Проходите, садитесь, – холодно произнес он. На законном месте Марша сидел помощник комиссара Оукли. Маршу пришлось занять место рядом со своим собственным столом. Было видно, что его кабинет в спешке приводили в порядок. Из-за дверцы одного из шкафов выглядывал уголок рождественской открытки.

– Доброе утро, старший инспектор Фостер. Присаживайтесь, пожалуйста, – обратился к ней Оукли спокойным отрывистым тоном. Выглядел он безукоризненно: отутюженная форма, седая шевелюра разделена аккуратным, идеальным пробором. Загорелая кожа лоснится. Он чем-то походил на холеную лису. Впечатление сексуального мужчины Оукли не производил, зато от его безупречно ухоженного вида веяло коварством. Она где-то читала, вспомнилось Эрике, что у лис, если их кормить отменной пищей, потрясающе роскошный шелковистый мех. Она села и заметила, что Марш натягивает резиновые перчатки.

– Позвольте взглянуть на ваш телефон, – попросил Оукли.

– Зачем?

– Вы – последний человек, которому звонила погибшая Айви Норрис. Оставленное ею сообщение и ваш телефон теперь являются вещественными доказательствами в деле об убийстве. – Это было сказано категоричным тоном, пресекающим дальнейшие вопросы. Эрика достала свой телефон и передала его Маршу.

– Не включается, – сказал Марш, вертя в руках телефон и пытаясь его включить.

- Разрядился, – ответила Эрика.
- Это ваш служебный телефон, выданный вам для служебного пользования, и вы не удосужились его зарядить? – спросил Оукли.
- Позвольте объяснить...
- Прочтите, пожалуйста, серийный номер, – обратился Оукли к Маршу, не обращая внимания на Эрику. Марш быстро снял заднюю крышку телефона и стал зачитывать номер, Оукли его записал.
- Доступ к моей голосовой почте возможен и без телефона, – сказала Эрика. Марш положил ее телефон в новый полиэтиленовый пакет и запечатал его.
- По-прежнему игнорируя Эрику, Оукли открыл какую-то папку.
- Старший инспектор Фостер, вам известно, почему вы здесь?
- Думаю, да, сэр. Правда, мне не совсем понятно, что привело сюда вас?
- Три дня назад дежурный по отделению сержант Вулф составил протокол, в котором детально воспроизвел подробности инцидента, произошедшего между вами и Мэтью Полсоном, семилетним внуком Айви Норрис. Той самой Айви Норрис, чье тело было обнаружено минувшим вечером.
- Я в курсе, сэр. Меня вызывали на место происшествия, – сказала Эрика.
- В отчете Вулфа говорится, что во время инцидента в дежурной части отделения вы дали мальчику подзатыльник. Что вы на это скажете? – Помощник комиссара поднял голову от папки и посмотрел на нее.
- В отчете также упоминается, что в то время мальчик зубами вцепился мне в руку, – заметила Эрика.
- Что вы делали в столь непосредственной близости от этого ребенка?
- Он сидел на моем чемодане, сэр. И не хотел с него слезать.
- *Он сидел на вашем чемодане*, – повторил Оукли, откидываясь на спинку кресла. Ручкой он постучал по своим зубам. – Вы были травмированы, когда семилетний мальчик напал на вас?
- Да, он прокусил мне руку, – ответила Эрика.
- Однако в отчете нет записей о дальнейшем развитии событий. Согласно протоколу, вы должны были показаться врачу, который подтвердил бы наличие травмы. Вы были у врача?
- Нет.
- Почему?
- Это не представляло угрозы для жизни. В отличие от некоторых я предпочитаю заниматься своими непосредственными обязанностями, а не

бумажной волокитой.

– Не представляло угрозы для жизни. Зато теперь это может быстро обернуться *угрозой для вашей карьеры*, – заявил Оукли. Эрика посмотрела на Марша, тот промолчал.

Оукли пролистал бумаги в папке.

– У меня здесь фотоматериалы с камер видеонаблюдения в дежурной части, на которых отражена целиком вся стычка. Айви Норрис угрожала вам ножом, сержант вмешался и погасил ссору. Однако буквально шесть минут спустя камеры зафиксировали, как на парковке вы сажаете в свою машину Айви Норрис и трех ее внуков.

Оукли придвинул к ней по столу большое фото с поразительно четким изображением Айви и ее внуков, стоящих у машины Эрики. На следующем снимке показано, как Эрика протягивает что-то через опущенное стекло. На следующем – Айви и дети садятся в машину Эрики.

– Было очень холодно. Я их пожалела, вызвалась подвезти.

– Что вы протягиваете Айви на фотографии?

– Деньги.

– Вы их подвезли? Куда?

– На Кэтфорд-Хай-стрит.

– А потом?

– Высадила их там, где они попросили.

– И где же?

– У букмекерской конторы «Лэдброукс». Айви не хотела, чтобы я узнала, где она живет. Они вышли из машины и скрылись между магазинами.

– Вышли из машины или сбежали от вас? Что происходило, когда они сидели у вас в машине? Применялось ли физическое насилие с той или другой стороны?

– Нет.

– Сутки спустя вас снова видели с Айви Норрис. На этот раз вы терроризировали ее на поминках, устроенных частными лицами.

– Это была типичная вечеринка после закрытия заведения, сэр, и Айви находилась в общественном месте. Я ее не терроризировала.

– Вам известно, что хозяин «Короны» подал официальную жалобу на неправомерные действия полиции?

– Вот как? Несмотря на то, что он является полицейским осведомителем? Или именно *потому*, что является полицейским осведомителем?

– На вашем месте я вел бы себя поскромнее, старший инспектор

Фостер, – ледяным тоном произнес Оукли. – Против вас слишком много фактов. Ваш номер телефона обнаружили на месте происшествия, у убитой Айви Норрис. Также мы нашли при ней сто фунтов наличными. А на этой фотографии вы даете ей деньги...

– Я дала ей свой телефон и попросила позвонить, если у нее появится какая-то информация.

– У нас есть расшифровка сообщения, которое она оставила вам на автоответчике. Цитирую: «Если дашь мне денег, я расскажу то, что ты хочешь знать. Мне нужна сотня».

– Стоп. Так вы уже залезли в мою личную почту на мобильном телефоне? Выходит, я, что ли, убила Айви Норрис?

Эрика посмотрела на Марша. У того хватило приличия отвести взгляд.

– Нет, вас не подозревают в убийстве Айви Норрис, старший инспектор Фостер. Но все эти факты говорят о том, что мы имеем дело с очень проблемным, неуправляемым сотрудником, – сказал Оукли.

– Сэр, не секрет, что у каждого из нас свои стукачи. Осведомители, которых мы приглашаем выпить и поговорить в неформальной обстановке, покупаем у них информацию за небольшое вознаграждение. Но Айви Норрис сто фунтов я не давала.

– Старший инспектор Фостер, позвольте напомнить, что получение информации за деньги не является официальной политикой правоохранительных органов, – наконец подал голос Марш. Эрика только рассмеялась в ответ.

Марш повысил голос на октаву.

– Вы также открыто проигнорировали мое распоряжение относительно официального обращения. Вмешались, выступив с неодобренным неподготовленным текстом заявления. Использовали пресс-конференцию как трибуну для изложения своих безумных идей. Еще неизвестно, какой вред вы нанесли...

– Безумных идей? Сэр, я ищу человека, которого видели с Андреа Дуглас-Браун буквально за несколько часов до убийства. Свидетелями их встречи были официантка и Айви Норрис.

– Ну да, несуществующая официантка и ненадежный свидетель, который теперь мертв, – заметил помощник комиссара Оукли, оставаясь раздражающе спокойным. – Ваша задача – дискредитировать лорда Дуглас-Брауна?

– Нет!

– Его деятельность в связи с оборонными подрядами вызывает вопросы; в той или иной степени она повлияла на развитие всех структур

полицейских и вооруженных сил.

– Сэр, у меня только одна задача – поймать убийцу Андреа Дуглас-Браун и Айви Норрис. Или я первая вам говорю, что они обе погибли при весьма схожих обстоятельствах?

– То есть теперь вы считаете, что эти два убийства как-то связаны? – уточнил помощник комиссара.

– Я только хочу добавить, сэр, что следствие разрабатывает не эту версию, – смалодушничал Марш.

Эрика помолчала. Потом:

– Да, я считаю, что эти убийства связаны. И считаю, что в интересах следствия необходимо разрабатывать мою версию, если мы хотим поймать убийцу.

– Я повторяю, следствие разрабатывает не эту версию, – сказал Марш.

– И какую же версию мы разрабатываем? – спросила Эрика, остановив на Марше пристальный взгляд. – У человека, которого старший инспектор Спаркс определил в главные подозреваемые, через три часа появилось алиби!

– У вас не возникло бы такого вопроса, если бы вы, старший инспектор Фостер, потрудились сегодня быть здесь на совещании в восемь часов утра, – ответил Марш.

– У меня в квартире отключили электричество, а телефон мой был не заряжен. Поэтому я не имела доступа ни к сообщениям, ни к уведомлениям. Из моего личного дела вам известно, что ничего подобного я прежде себе не позволяла.

Молчание.

– Как ваше самочувствие? Как здоровье, старший инспектор Фостер? – поинтересовался помощник комиссара Оукли.

– Прекрасно. Какое это имеет отношение к делу? – спросила Эрика.

– То, что вы пережили за последние месяцы, любого могло бы свести с ума. В Рочдейле во главе группы из двенадцати человек вы проводили рейд по захвату нарколаборатории; только семеро вернулись...

– Я в курсе, – перебила Оукли Эрика.

– Вы проводили рейд, не имея достаточной информации... – продолжал тот. – Но вы *настойчиво гнули свою линию*, так же, как сейчас. Неужели непонятно, что это может быть расценено как импульсивное поведение с вашей стороны?

Эрика вцепилась в подлокотники кресла; она пыталась сохранить самообладание.

– В тот день погибли пятеро сотрудников полиции, – говорил

помощник комиссара, – в том числе, как это ни прискорбно, ваш супруг, инспектор полиции Марк Фостер. Как следствие, вас временно отстранили от должности. Казалось бы, вы должны усвоить столь ценный урок, но, к сожалению...

Не отдавая себе отчета, Эрика поднялась с кресла, перегнулась над столом, схватила папку, разорвала ее надвое и швырнула опять на стол.

– Бред собачий. Вчера я перехватила инициативу, потому что уверена: Андреа видели в обществе двух человек, которым, возможно, что-то известно об ее убийце. Саймону Дуглас-Брауну это не понравилось, и теперь он диктует, в каком направлении мы должны вести расследование!

Шокированная собственным поступком, она продолжала стоять.

Помощник комиссара Оукли подался вперед за столом и отработанным тоном произнес:

– Старший инспектор Фостер, я официально отстраняю вас от должности на время проведения внутреннего расследования в связи с вашим поведением и нового психиатрического освидетельствования, которое должно установить, способны ли вы продолжать службу в органах полиции Англии и Уэльса. Вы обязаны сдать оружие, служебное удостоверение, все служебные технические средства вплоть до особого уведомления. Пока ведется расследование, вы будете получать полную зарплату. По первому требованию вы обязаны явиться для освидетельствования официальным полицейским психиатром.

Эрика до боли прикусила изнутри щеку, заставляя себя молчать.

– Я хочу одного – найти убийцу. Но вы оба, очевидно, ставите перед собой другую цель. – Она отдала свое удостоверение, повернулась и вышла из кабинета.

Вулф с двумя полицейскими в форме ждал ее у двери.

– Простите. Нам придется вас проводить, – сказал он понуро, с виноватым выражением на мордастом лице.

Эрика направилась вместе с ним к выходу. По пути они миновали оперативный отдел. Старший инспектор Спаркс, стоя у демонстрационных досок, проводил инструктаж. Мосс и Питерсон подняли головы и, увидев, что Эрику выводят из отделения, отвели глаза.

– Все, меня стерли, – пробормотала Эрика себе под нос. Они дошли до дежурной части, где Вулф попросил ее сдать ключи от машины.

– Прямо сейчас?

– Простите, да.

– Да вы что, Вулф! А как же я домой поеду?

– Давайте я поручу отвезти вас одному из наших сотрудников.

– Отвезти меня? Еще чего! – Эрика положила ключи на стол и покинула отделение полиции Луишем-Роу.

* * *

Выйдя на улицу, Эрика попыталась найти остановку автобуса или такси, но на оживленной кольцевой дороге ни того ни другого не увидела. Она зашагала к железнодорожной станции Луишем, на ходу роясь в сумке, – надеялась найти мелочь, но, кроме кредитных карт, ничего не обнаружила. Эрика стала рыться в карманах кожаной куртки, набитых грязными салфетками и прочим хламом, и вдруг рука ее наткнулась на что-то твердое и квадратное. Она вытащила небольшой белый конверт из плотной бумаги, на вид дорогой и без каких-либо надписей. Она повернула его обратной стороной, сунула палец под клапан, вскрыла. Внутри лежал сложенный листок бумаги.

Эрика остановилась как вкопанная, не обращая внимания на проносившиеся мимо машины. Это была распечатка газетной статьи о проводимой полицейскими операции, в ходе которой Марк и еще четверо ее коллег расстались с жизнью. На одном фото была изображена дорожка, ведущая к дому в Рочдейле, где в лужах крови на усеянном разбитым стеклом земле лежали накрытые трупы; над домом завис один из полицейских вертолетов, поднимавший на борт двух ее коллег, которые позже скончались в больнице. На другом фото, зернистом черно-белом снимке, лежал на носилках с трудом узнаваемый окровавленный офицер, обессиленно приподнимавший руку с обмякшими пальцами. Это была последняя фотография еще живого Марка. Над снимком красным маркером было выведено: МЫ С ВАМИ ПОХОЖИ, СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ФОСТЕР. И ВЫ, И Я УБИЛИ ПО ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК.

Глава 33

За следующие несколько дней заметно изменился характер сообщений в СМИ относительно убийства Андреа: выступление Эрики перед журналистами спровоцировало более негативную реакцию прессы. Поначалу газеты просто пускали дым, намекая на то, что у Андреа до помолвки были отношения с другими мужчинами, затем постепенно разгорелось пламя скандальных откровений о многочисленных любовниках Андреа; высказывались предположения, что ей одинаково нравилось проводить время с партнерами обоих полов. К концу недели таблоиды запустили огненный шар разоблачений. Один из бывших бойфрендов Андреа, представившийся артистом в жанре перформанса, продал свою историю одной из желтых газетенок, и та поместила на своих страницах кадры с видео, на которых они занимаются оральным и анальным сексом, и связанная Андреа, в прозрачном платье из полиэтилена и с шариковым кляпом во рту, подвергается порке в секс-темнице. Таблоиды ханжески пикселизировали изображения, но у читателя не оставалось сомнений в том, чем она занималась. Широкополосные газеты порицали таблоиды, но сами при этом подливали масло в огонь, излагая собственные суждения и мнения. Газеты правого толка нашли новый способ нападок на Саймона Дуглас-Брауна, не исключая того, что, *возможно*, Андреа сама полезла на рожон.

Четыре долгих дня Эрика провела в одиночестве в своей новой квартире, пытаясь обустроиться. Разобралась со счетами за электричество, следила за эпопеей, разворачивающейся в прессе. Съездила на медосмотр, на автобусе добравшись до Луишемской больницы, где объяснила, что она сотрудник полиции и контактировала с кровью и жидкостями организма другого лица. У нее взяли на анализ кровь и мочу, ей было предписано через три месяца снова сдать кровь. Обстановка в больнице была стерильно-бездушной, и она чувствовала себя ничтожной и незначительной. Одна дома она все смотрела на записку, пытаясь вычислить, как конверт попал ей в карман. Неужели она теряет хватку? Как она могла ничего не заметить? Эрика перебирала в голове события тех дней, которые привели к обнаружению конверта, вспоминала все места, которые посещала, и пришла к выводу, что конверт могли подсунуть где угодно. Сейчас он лежал в прозрачном полиэтиленовом пакете. Эрика понимала, что должна отдать записку в полицию, но что-то ее удерживало.

На пятое утро она пришла за свежими газетами в киоск у станции Брокли и на первой полосе «Дейли мейл» увидела заголовок: **РУКОВОДИТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ ОТСТРАНЕНА ОТ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВА АНДРЕА.**

В статье подробно рассказывалось, как после целого ряда серьезных ошибок и просчетов следствия по делу об убийстве Андреа Дуглас-Браун старшего инспектора Эрику Фостер отстранили от должности на время проведения внутреннего расследования. Сообщалось, что Фостер обвиняют в неадекватном поведении, разглашении тайн следствия СМИ и несоблюдении конфиденциальности об осведомителях, что, «по всей вероятности», и привело к гибели Айви Норрис.

Рядом со статьей было помещено фото Эрики, заснятой через стекло автомобиля со стороны пассажирского кресла: с вытаращенными глазами и перекошенным ртом она хватается за приборную панель. Под фотографией – подпись: **БЕСТОЛКОВЫЙ КОП ЭРИКА ФОСТЕР.** Снимок был сделан фоторепортерами неподалеку от места преступления на территории музея имени Хорнимана в тот самый момент, когда автомобиль Мосс заскользил по льду.

Эрика швырнула газету обратно на прилавок и ушла, ничего не купив.

По возвращении домой она сварила крепкий кофе и включила телевизор. На канале «Би-би-си ньюс» шел обратный отсчет времени до начала ежечасного выпуска новостей, затем на экране появилось лицо Андреа Дуглас-Браун, и закадровый голос сообщил, что в связи с ее убийством полиция арестовала некоего Марко Фроста.

Камеры переключились на ведущего программы новостей.

– Первоначально полиция не рассматривала двадцативосьмилетнего Марко Фроста в качестве подозреваемого, но позже выяснилось, что в момент убийства Андреа Дуглас-Браун он не находился за границей, как это утверждал сам Марко.

Камеры показали симпатичного темноволосого парня. Закованный в наручники, он вышел из подъезда многоквартирного дома и, опустив голову, в сопровождении двух стражей порядка направился к полицейскому автомобилю. Пригнув его голову, они усадили Марко в машину, и та умчалась прочь.

На экране появились Саймон Дуглас-Браун и Джайлз Осборн. Они стояли вместе с Маршем под вращающейся вывеской Скотланд-Ярда.

– Сегодня утром полиция провела обыск в доме Марко Фроста и обнаружила материалы весьма тревожного характера, касающиеся жертвы. Есть все основания полагать, что за несколько месяцев у подозреваемого

развилось нездоровое влечение к Андреа Дуглас-Браун, что в конечном итоге привело к ее похищению и убийству, – заявил Марш.

Затем вперед выступил Саймон. В лице его застыла боль, руки конвульсивно подергивались у карманов пиджака.

– Я хотел бы выразить признательность сотрудникам столичной полиции за упорство и неустанные усилия в расследовании этого столь сложного дела. Я хотел бы сказать, что полностью доверяю новой следственной группе и благодарю их за то, что они не щадили ни сил, ни времени, стремясь отыскать убийцу Андреа. Конечно, мы и впредь будем тесно сотрудничать с полицией. Спасибо.

Камеры переключились на изображение диктора, начался другой репортаж. Эрика схватила новый телефон, который купила вчера днем, и позвонила в отделение полиции Луишем-Роу. Трубку снял Вулф.

– Это Фостер. Соедините меня, пожалуйста, с сержантом Крейном.

– Босс, мне не полагается...

– Очень прошу. Это важно.

В трубке раздался гудок, затем – голос Крейна.

– У вас же наверняка нет достаточных оснований для ареста этого Марко Фроста! – с ходу перешла к делу Эрика.

– Продиктуйте свой номер, и я перезвоню, – сказал Крейн. Он повесил трубку. Прошло десять минут. Эрика уже решила, что он просто отшил ее, но тут зазвонил телефон.

– Простите, босс. Долго говорить не могу, вышел на стоянку, а тут холодрыга. Марко Фрост солгал про Италию. Это выяснилось после того, как мы прошерстили записи с видеокамер на станции Лондон-бридж за тот вечер, когда пропала Андреа. Он сел в поезд, следовавший в Форест-Хилл через двадцать минут после Андреа. Правда, нет видеозаписей, которые доказывали бы, что он находился в районе места происшествия, но он сам подвел себя под монастырь, солгав про Италию и заставив дядю с тетей подтвердить его фальшивое алиби.

– Это могло быть просто неудачное совпадение, – заметила Эрика.

– Его подруга – она живет в Кенте – обеспечила ему другое алиби, но теперь, поскольку он солгал, у нас есть повод его задержать на три дня.

– Что по убийству Айви Норрис?

– Его теперь расследует отдел нравов, – сообщил Крейн. – Послушайте, босс. Факты говорят не в пользу вашей теории.

– Ха, теперь это уже теория? – усмехнулась Эрика. Крейн промолчал. Эрика слышала в трубке шум машин, пронесившихся мимо стоянки отделения полиции.

- Вы как, босс?
- Нормально. Так всем и передайте. Газеты ж наверняка читали.
- Я не знал про вашего мужа. Соболезную.
- Спасибо.
- Я чем-то еще могу помочь?
- Держите меня в курсе. Даже если вам придется мерзнуть на стоянке.
- Непременно, босс, – рассмеялся Крейн. – Вы будете в курсе всех событий.
- Спасибо, Крейн, – поблагодарила Эрика. Она повесила трубку и взялась за куртку. Пришла пора нанести визит Айзеку Стронгу.

Глава 34

Был ранний вечер, Айзек Стронг сидел в своем кабинете рядом с моргом. Слушая альбом Ширли Бэсси^[13] *Performance*, он готовился писать отчет о вскрытии тела Айви Норрис. Стронг ценил это спокойное время. Любимая музыка, свет в кабинете приглушен. Эта атмосфера являла собой яркий контраст с брутальностью секционной, где приходилось вскрывать труп, взвешивать органы, изучать содержимое кишечника и желудка, брать материал на анализ ДНК, устанавливать причины повреждений у погибшего, чтобы затем составить целостное описание – хронику его кончины.

У компьютерного монитора слегка дымилась чашка чая, заваренного с листиком мяты, который все еще кружился на поверхности горячей жидкости. Раздалось тихое пиканье, на экране компьютера всплыло окно – сине-серое изображение старшего инспектора Эрики Фостер, передаваемое камерой видеонаблюдения. Она стояла в коридоре у двери лаборатории и смотрела в камеру. Его рука на мгновение застыла в нерешительности, и он ее впустил.

– Вы с официальным визитом? – спросил Айзек, встретив Эрику у входа в лабораторию.

– Нет, – ответила она, поправив на плече сумку. Эрика пришла в джинсах и свитере, на усталом лице – ни следа косметики. Она обвела взглядом выскобленные дочиста секционные столы из нержавеющей стали.

– Формально вы не имеете права находиться здесь. Вас отстранили от дела.

– Да. У меня ни удостоверения, ни машины. Перед вами рядовой член общества.

Айзек помолчал, с минуту разглядывая ее.

– Чаю не хотите? – предложил он.

Айзек привел Эрику в свой кабинет, где тихо звучала музыкальная композиция «Девушка из Тигровой бухты»^[14]. Эрика устроилась в удобном кресле рядом с его столом. Айзек подошел к столу в углу, где стоял чайник. Его опрятный кабинет был уставлен книжными полками. Эрика заметила светящийся айпод, подключенный к акустической системе *Bose*. Полка рядом с акустической системой отличалась от остальных, занятых медицинскими справочниками. На ней стояли художественные книги – главным образом детективные триллеры.

– Неужели в свободное время вы читаете полицейские детективы? – удивилась Эрика.

Айзек включил чайник и, повернувшись к ней, сдержанно рассмеялся.

– Нет. Это дарственные экземпляры от издателя. Я консультировал автора нескольких детективов, изданных «Бартоломью»... Как бы вы отнеслись к чаю с мятой? Я стараюсь избегать кофеина.

– Не откажусь. Сегодня мне тоже следовало бы избегать кофеина, – сказала она, выдув ранее четыре чашки кофе.

Возле узкого вертикального окошка стоял цветочный горшок с комнатной мятой. Айзек повернул его, выбрал пару листиков.

– Мой бывший партнер – Стивен Линли, автор детективов, изданных «Бартоломью», – сообщил он.

– О.

– «О» – потому что я гей, или вам удивительно, что можно завести роман с тем, кто сочиняет детективные триллеры?

– Ни то ни другое.

Дожидаясь, когда закипит чайник, Айзек бросил в чашку листик мяты.

– Вообще-то немного странно, что вы встречались с человеком, который пишет детективные триллеры, – призналась Эрика.

Чайник закипел, Айзек налил в чашку воду.

– Он сделал меня прототипом одного из своих судебных психологов. Потом, когда мы расстались, убил этого персонажа.

– Каким образом?

– Гея избили и сбросили в Темзу.

– Грустно, что перо страшнее пистолета, – промолвила Эрика, беря в руки дымящуюся чашку.

Айзек сел за стол, развернулся на стуле к ней лицом.

– Во влагалище Айви Норрис обнаружены два вида семенной жидкости. Руки ее были связаны, сама она задушена. Убийца ушел с места преступления незадолго до того, как ее нашли. Со времени наступления смерти прошло меньше часа.

– По базе ДНК есть какие-то совпадения?

– Мы проверили оба образца спермы – ничего.

Кивнув, Эрика почти неосознанно глянула на укушенную руку.

– След от укуса? – спросил Айзек.

– Да. Внук Айви постарался.

– Анализ крови Айви уже пришел. Она сидела на героине и была ВИЧ-инфицирована. Не исключено, что она заразила и внука.

– Он прокусил мне руку, – сказала Эрика, маленькими глотками

отпивая чай из чашки.

– Тогда я посоветовал бы сдать анализ на ВИЧ. – Айзек записал какой-то номер на листке бумаге и вручил ей. – Здесь телефон клиники, где принимают без предварительной записи. Я сам там сдаю анализы. Делают быстро, аккуратно и анонимно. Вирус может проявить себя, так сказать, через шесть-девять месяцев. Вам придется повторить анализы.

– Спасибо.

– Что намерены делать?

– Сначала слушание. Психиатрическая экспертиза. Наверняка медицинское освидетельствование.

– Если у вас обнаружат ВИЧ...

– Буду решать проблемы по мере их поступления. В данный момент я меньше всего боюсь умереть.

Альбом доиграл, воцарилось молчание, которое обоим не тяготило. Айзек смотрел на Эрику, решая про себя, нужно ли сказать ей кое-что еще.

– Не бросайте это дело, – наконец произнес он.

– По-моему, дело само меня бросило, – ответила Эрика.

– Я просматривал свои отчеты. Есть еще три случая – трупы, которые я вскрывал. Все три жертвы – девушки из Восточной Европы, нелегально переправленные в Великобританию. Все трое были изнасилованы, задушены и со связанными руками брошены в воду в разных районах Лондона. У всех выдраны волосы и никакой одежды ниже пояса.

– Что? Когда? – встрепелась Эрика.

– Первая найдена в марте 2013-го, вторая – в ноябре того же года, третья – в феврале 2014-го. Чуть меньше года назад.

– Что? Почему же никто не обратил на это внимания?

– Обстоятельства зачастую складываются так, что между похожими убийствами связь не усматривается. К несчастью, все три девушки занимались проституцией – уж не знаю, по своей воле или нет. Они затерялись среди других убийств: проститутки погибают сплошь и рядом. Никому не пришло в голову связать эти три убийства, и они остались нераскрытыми.

– Проститутка из Восточной Европы, влачившая нищенское существование, найдена задушенной – что ж, бывает. Юная дочь знатного миллионера найдена задушенной...

– Вот-вот, звучит иначе, да? – согласился Айзек.

– Почему вы раньше об этом не упоминали? – спросила Эрика.

– Я вспомнил про них в связи с гибелью Айви. Конечно, случай Андреа несколько иной: она не была изнасилована. Все-таки. Трупы тех

трех девушек, когда их обнаружили, находились на стадии разложения, и они были труженицами панели. Возможно, они подверглись сексуальному насилию, но не в то самое время, когда были убиты. Айви Норрис – тоже проститутка, и в ее влагалище присутствовали два вида спермы. Возможно, ее убийца тоже не насиловал.

– Господи! – воскликнула Эрика, поднимаясь с кресла. – Это же настоящий прорыв. Теперь у нас четыре убийства, связанные с Андреа.

– Разумеется, я передал эту информацию старшему инспектору Спарксу сразу же, как сделал свое открытие.

– Когда?

– Вчера утром.

– И что он сказал?

– Он со мной не связывался. Думаю, он сосредоточился на своем главном подозреваемом – итальянце.

– Он должен был хотя бы сопоставить даты, проверить, где находился Марко Фрост в то время, когда были совершены убийства. Боже! Можно ознакомиться с документом?

– Нет.

– Нет?

– Я думал о том, чтобы вам сказать. Но не собирался. А потом вы сами пришли... у меня нюх на людей... – Взгляд Айзека скользнул на полку с детективными триллерами. – На всех, кроме возлюбленных.

– И все же позвольте взглянуть на документ? Ну пожалуйста.

– Не обижайтесь, но нет. Я считаю, что с вами обошлись несправедливо... то, что про вас написала пресса. Но вам нужно остыть. Нужно выработать тактику. Кто-нибудь из коллег не мог бы снабжать вас информацией?

– Возможно. А сами вы больше ничего мне не скажете?

Айзек взял листок бумаги.

– Я напишу вам имена и даты рождения. Но я вам ничего не говорил. Это ясно?

– Обещаю, – сказала Эрика.

* * *

Айзек следил по монитору камер видеонаблюдения, как Эрика торопливо идет по коридору, сжимая в руке список имен. Он надеялся, что она сдержит свое слово.

Глава 35

Выйдя со станции Брокли, Эрика напрямик направилась в кофейню. Она заказала кофе, включила свой ноутбук и стала рыться в Интернете. Зная имена и даты, она быстро нашла информацию о погибших девушках. Первая жертва – девятнадцатилетняя Татьяна Иванова из Словакии. Какой-то мужчина решил искупаться в одном из прудов Хампстед-Хит и обнаружил ее труп; это было в марте 2013 года. Начало весны выдалось теплым, и ее тело уже сильно разложилось. Газеты на своих страницах поместили фото Татьяны на конкурсе бальных танцев: в черном трико с серебристой бахромой, стоит в эффектной позе, положив руку на бедро. Должно быть, она выступала в составе танцевальной труппы, но других участниц на фото обрезают. Татьяна была темноволосой, очень красивой и выглядела моложе своих лет.

Второй жертвой была Мирка Братова – девушка восемнадцати лет, родом из Чехии. Ее труп обнаружили в ноябре 2013 года, через восемь месяцев после ее исчезновения. Один из работников парка, следивший за порядком у озера Серпентайн, увидел ее тело у шлюза, где оно покачивалось на воде вместе с листьями и прочим мусором. На фото, опубликованном в прессе, была запечатлена тоже очень красивая брюнетка с котенком в руках, стоявшая на солнечном балконе. У нее за спиной простиралась вдаль жилые многоэтажные дома.

Третьей жертве, Каролине Тодоровой, тоже было всего восемнадцать лет. Ее тело обнаружили в феврале 2014 года. Какой-то мужчина рано утром выгуливал собаку, и та нашла труп у берега одного из озер в Риджентс-парке. Каролина приехала из Болгарии. Пресса опубликовала снимок, сделанный в фотокабинке. На фотографии она одета для выхода в свет: в белую блузку с низким вырезом; одна прядь ее темных волос выкрашена в розовый цвет.

Эрика расстроилась, что сведений очень мало: о гибели каждой девушки СМИ сообщали буквально в двух словах, как о чем-то не стоящем внимания.

Судя по информации в прессе, все три жертвы объединяло то, что они приехали в Англию в качестве домработниц, а кончили тем, что «занялись» проституцией. «Интересно, насколько “постепенным” был этот процесс? – размышляла Эрика. – Как девушек заманили в Англию? Пообещали лучшую жизнь, хорошую работу? Соблазнили возможностью выучить

английский?»

Эрика устремила взгляд в окно кафе. На улице лил дождь, барабания по навесу перед входом, под которым укрывались от непогоды несколько человек. Она глотнула кофе – он уже остыл.

Эрика покинула Словакию в восемнадцать лет по той же причине – чтобы работать здесь помощницей по хозяйству в какой-нибудь семье. Пасмурным ноябрьским утром, плохо зная английский, она села в автобус на Братиславском автовокзале и отправилась в Англию, в Манчестер.

Эрика попала в неплохую семью, дети были милые, но вот мать семейства относилась к ней с чопорным высокомерием: видимо, считала выходцев из Восточной Европы людьми низшего сорта. Улица, на которой они жили на окраине города, производила на Эрику зловещее впечатление, да и в самом доме отношения между мужем и женой были напряженными. В то первое Рождество они не отпустили ее домой пораньше, хотя знали, что у матери Эрики диагностировали цирроз печени, а через полтора года, решив, что домработница им больше не нужна, они сообщили, что отказываются от ее услуг, всего за три дня до увольнения. И даже не поинтересовались, где она будет жить.

Теперь Эрика понимала, что ей крупно повезло в сравнении со многими другими. Интересно, Татьяна, Мирка, Каролина прощались со своими родными так же, как она сама когда-то? Эрика хорошо помнила захудалый автовокзал в Братиславе, бесконечные ряды перронов. На каждом – ржавые металлические шесты, на которых держался огромный длинный навес. И все перроны мокрые. Ей тогда подумалось, что, возможно, они мокрые от слез всех тех юных девушек, которым приходилось прощаться с родителями, покидать прекрасную родную страну, где единственный способ выбиться в люди – это уехать за границу.

Плакали ли родители этих трех убитых девушек? Они ведь тогда не знали, что их дочери никогда не вернутся. И как складывалась судьба этих девушек, когда они приехали в Лондон? Как они превратились в проституток?

Слезы струились по лицу Эрики, и, когда к ее столику подошел официант, чтобы забрать кофейную чашку, она отвернулась и сердито отверла глаза.

Она уже столько слез выплакала – хватит на целую жизнь вперед. Пора действовать.

Глава 36

На следующий день после обеда Эрика была вынуждена признать, что она исчерпала все возможности как частное лицо. Она сварила себе еще кофе и сидела, раздумывая, как ей быть дальше. Вдруг раздался звонок. Эрика не сразу сообразила, что звонят в дверь. Она вышла из квартиры и спустилась вниз. Открыв дверь подъезда, увидела Мосс. Та ждала на крыльце с непроницаемым выражением на лице.

– По домам ходишь? – спросила Эрика.

– Ага, торгую косметикой «Эйвон», – криво усмехнулась Мосс.

Эрика отступила на шаг, пропуская ее в дом. Гостей она не ждала, поэтому на скорую руку убрала с дивана вещи, чтобы Мосс могла сесть, и принялась расчищать журнальный столик, на котором громоздились грязные тарелки за несколько дней и чайные чашки, доверху набитые окурками. Мосс, не комментируя ее беспорядок, стряхнула с себя рюкзак и села.

– Хотите чаю? – предложила Эрика.

– Да, пожалуйста, босс.

– Я вам больше не босс. Зовите меня Эрика, – сказала она, сгружая в раковину грязную посуду.

– Давайте придерживаться старых привычек. Обращаться по именам как-то не с руки. Я бы не хотела, чтобы вы звали меня Кейт.

Эрика замерла, ее рука зависла над коробкой с чайными пакетиками.

– Вы – *Кейт Мосс*? – Она повернулась к гостье, думая, что та, может быть, шутит, но Мосс уныло кивнула. – Мама назвала вас Кейт Мосс?

– Когда меня нарекли Кейт, та, чуть более стройная...

– Чуть более! – невольно рассмеялась Эрика.

– Да, *чуть более* стройная Кейт Мосс еще не была знаменитой супермоделью.

– С молоком? – спросила Эрика, улыбаясь.

– Да, и два сахара.

Пока она готовила чай, Мосс достала из рюкзака какие-то документы. Эрика вернулась к ней с чашками и печеньем.

– Вкусный чай, – похвалила Мосс, глотнув из чашки. – Где вы научились так вкусно заваривать чай? Неужели в Словакии?

– Нет, это все Марк, мой муж. Он вдолбил в меня правила чайного ритуала, и свекор мой тоже...

Мосс смутилась оттого, что завела разговор в это русло.

– Черт, простите, босс. Послушайте, никому из команды не понравилось то, что написали о... о... ну, вы понимаете. И мы не знали про...

– Про Марка. Рано или поздно я должна начать говорить о нем. Когда теряешь дорогого человека, мало того, что его больше нет, так еще и все вокруг стараются о нем не упоминать. Меня это сводило с ума. Как будто его стерли... Ладно. Так что вас привело сюда, Мосс?

– Мне кажется, вы что-то нащупали, босс. Стронг прислал нам кое-какие дела. Спаркс отказывается видеть связь между ними и нашим делом, а речь идет о трех девушках, которые погибли при обстоятельствах, схожих с убийством Андреа и Айви. Все три были найдены в воде со связанными руками и выдерванными волосами. Все три были задушены. Есть следы изнасилования, но они были проститутками.

– Да, я знаю про них, – сказала Эрика.

– Есть еще кое-что. Та коробочка от телефона, что мы нашли под кроватью Андреа... Крейн запросил информацию по коду IMEI, указанному на коробке. Он совпадает с IMEI-кодом старого айфона Андреа – того, что она якобы потеряла. Крейн связался с поставщиками доступа к сети и дал им этот IMEI-код. Они подтвердили, что устройство все еще активно.

– Так и знала! Значит, Андреа сказала, что потеряла телефон, а сама просто вставила в него новую SIM-карту, – заключила Эрика торжествующим тоном.

– Да. Последний раз этот телефон подавал сигнал с места близ Лондон-роуд 12 января, – сообщила Мосс.

– Кто-то его стырил и стал пользоваться?

– Нет. – Мосс вытащила подробную карту города и стала ее разворачивать. – Сигнал исходил из коллектора ливневой канализации, пролегающего под землей на глубине двадцать футов. Он отходит от Лондон-роуд, рядом с железнодорожными путями, идущими к станции Форест-Хилл, и затем тянется к следующей станции на линии – Онор-Оук-парк.

Эрика внимательно изучала карту.

– Этот коллектор имеет большую площадь стока, – продолжала Мосс, – а за последние дни в землю просочилось огромное количество талой и дождевой воды, которая хлынет в этот коллектор.

– И унесет с собой все, что там есть, включая телефон, – подытожила Эрика.

– Да.

– Батарейка, очевидно, разрядилась?

– Сигнала нет. Это айфон 5S, который, по информации сетевого оператора, передает сигнал с места своего нахождения на вышки сотовой связи еще пять дней после того, как батарея разрядилась. Естественно, все сроки уже вышли.

Эрика смотрела на карту и видела, что Мосс на ней провела красную линию от Лондон-роуд до Онор-Оук-парк, охватив расстояние чуть более полутора миль.

– Так что? Какая версия? Телефон бросили или уронили в водосток, когда Андреа была похищена?

– Да. Только старший инспектор Спаркс и суперинтендант Марш даже слышать об этом не хотят. Они уверены, что нашли убийцу – Марко Фроста. Оукли и прочие давят на них, требуют, чтобы они предъявили обвинение. Они прошерстили его ноутбук. Там полно информации об Андреа: фото, письма, что он ей писал, история поиска в *Google* тех мест, где она бывала и которые собиралась посетить...

– Что ж, это прорыв. Так с какой целью вы ко мне-то приехали, Мосс? – спросила Эрика, вставая, чтобы налить еще чаю.

– Я присутствовала на допросе Марко, и он без ума...то есть был без ума от Андреа. Но не производит впечатление человека, который мог бы убить. К тому же у него очень большие руки. Айзек показывал нам отпечатки на Андреа. В общем, не знаю, что-то тут не так.

– Вы не думаете, что это он.

– Сомневаюсь, но это просто мои догадки. Думаю, будь у нас тот телефон, многое бы разъяснилось, – сказала Мосс.

– Ну, значит, нужно направить команду в тот коллектор, хотя бы посмотреть, – посоветовала Эрика.

– Да, но кто отдаст распоряжение, босс? У меня полномочий нет. И у вас руки связаны. А это не дешевое предприятие, плюс нужны люди. Кто сейчас даст отмашку на то и другое? Вся команда сосредоточила силы на сборе доказательств, на основании которых можно будет привлечь к суду Марко Фроста.

Эрика задумалась.

– Кто-нибудь еще разделяет ваши сомнения относительно Марко Фроста?

Мосс кивнула.

– Питерсон? Крейн?

– И остальные. Мы скопировали дела по убийствам Татьяны

Ивановой, Мирки Братовой и Каролины Тодоровой.

Она передала их Эрике. Та стала листать следственные материалы, рассматривая фотографии девушек. Каждая лежала на спине, была голая до пояса. У каждой на бледное лицо налипли волосы. У каждой в глазах застыл страх.

– Думаете, он специально оставлял их глаза открытыми? – спросила Эрика.

– Возможно.

– Если убийца *один и тот же*, как Андреа вписывается во все это?

– Кто бы ни был этот убийца, он рискнул выйти за пределы своей зоны комфорта? Она ведь из другой категории девушек, – заметила Мосс.

– Ее отличие лишь в том, что она была из богатой семьи. Все девушки похожи. Темноволосые, красивые, стройные.

– Думаете, Андреа занималась проституцией? Читали, что о ней писали в газетах?

– В деньгах она не нуждалась. Думаю, секс для нее был, в первую очередь, волнующим приключением, – рассудила Эрика.

– Искала острых ощущений, – заключила Мосс.

– Что, если Андреа влюбилась в убийцу? Ей нравились красивые брюнеты.

– А как быть с Айви Норрис? Обстоятельства ее гибели схожи с предыдущими убийствами, но сама она не соответствует шаблону. Она не была молода. Не была привлекательна, как другие девушки.

– Может, дело не в этом? Общее с ними у нее то, что она была проституткой. Может, она видела Андреа с убийцей в пабе? И ее убили, чтобы навсегда заткнуть ей рот.

Мосс не нашлась, что ответить.

Эрика заметила, что солнце скрылось и они теперь сидят в темноте. Она прошла к кухонному шкафу, достала из выдвижного ящика полученную записку, вернулась на место и положила ее на журнальный столик перед Мосс.

– Черт. Откуда это у вас? – спросила Мосс.

– Нашла в кармане.

– Когда?

– Сразу же после того, как меня отстранили.

– Почему не отдали?

– Вот теперь и отдаю.

Мосс взглянула на Эрику.

– Да-да, понимаю. Мы имеем дело с серийным убийцей, – произнесла

Эрика.

– С серийным убийцей, который подобрался к вам настолько близко, что сумел сунуть это в ваш карман. Хотите, я организую, чтобы у вашего дома дежурила машина?

– Нет. Меня и так считают сумасшедшей. Велели пройти освидетельствование у психиатра. Зачем подливать масло в огонь? Говорить, что за мной следят... – Эрика увидела лицо Мосс. – За годы работы я всяких гадостей повидала.

– Но разве собственноручно записки вам кто-нибудь доставлял?

– Ничего со мной не случится, Мосс. Давайте лучше подумаем, что нам делать дальше.

– Что ж, ладно... Я поручу Крейну сопоставить даты с передвижениями Марко Фроста, но нам не известно точное время смерти ни одной из этих девушек.

– Нужно добыть тот телефон. Возможно, Андреа контактировала с этим типом. Может быть, в телефоне есть его номер, голосовые сообщения, электронная почта. Даже фотографии. Этот телефон – ключ к разгадке, – сказала Эрика.

– Нужны ресурсы, чтобы его достать, – напомнила Мосс.

– Я поговорю с Маршем.

– Уверены? Не слишком рискованно?

– Я давно его знаю.

– Ваш бывший?

– Что вы, нет. Мы учились вместе, и я познакомила его с его женой. Это что-то да значит, – сказала Эрика. – Ну, а если нет, что я теряю?

Глава 37

Старший суперинтендант Марш впихивал в себя вторую порцию крем-брюле. Он уже насытился сверх меры, но очень уж вкусный был десерт. Он взял керамическую формочку и погрузил в нее ложку, со вкусом проломив хрустящую карамелизированную корочку. Марси давно просила его купить ей на Рождество специальную кулинарную горелку – пообещала, что будет готовить ему крем-брюле каждую неделю. И почти держала слово.

Он смотрел на жену, омываемую сиянием свеч в их столовой. Она сидела рядом с ним за длинным обеденным столом, увлеченно беседуя с круглолицым темноволосым мужчиной, имя которого Марш не запомнил. Он весь вечер прислушивался к их разговору, надеясь, что Марси обратится по имени к своему собеседнику, но пока ждал тщетно. Если он не вспомнит имя этого человека, значит, позже в спальне ему ничего не светит, а Марш страстно желал жену. Ее длинные темные распущенные волосы падали ей на плечи, лиф длинного струящегося белого платья соблазнительно облегал ее грудь. Марш посмотрел на трех других гостей за столом, подумав, что в сравнении с Марси они ужасно непривлекательны: с алой помадой на губах женщина средних лет, которой удавалось выглядеть одновременно неряшливой и элегантной; старик с клочковатой бородой и длинными ногтями, который, по мнению Марша, просто пришел поест на халяву; и худой женоподобный парень с волосами мышиного цвета, собранными в «конский хвостик». Они увлеченно беседовали о Сальвадоре Дали.

Марш пытался решить, не поступит ли он невежливо, если предложит гостям кофе, пока еще не доеден десерт, и вдруг раздался стук дверного молотка. Марси повернулась к Маршу и нахмурилась.

– Сиди, сиди, я открою, – сказал он.

Эрика в нетерпении взялась за молоточек и снова постучала. Она видела, что хозяева дома: сквозь зашторенное большое эркерное окно пробивались мягкий свет и смех. Спустя мгновения свет зажегся и в прихожей. Марш открыл дверь.

– Старший инспектор Фостер. Что вам угодно?

Она отметила, что он очень хорош собой, в хрустящих на вид бежевых чиносах и голубой рубашке с засученными рукавами.

– Сэр, вы не отвечаете на мои звонки, а мне необходимо с вами поговорить.

– Неужели нельзя подождать? У нас гости, – заявил Марш. Он заметил

в руках у Эрики стопку документов, похожих на следственные дела.

– Сэр, я считаю, что убийства Андреа Дуглас-Браун и Айви Норрис связаны с тремя другими. Это – молодые девушки, которые погибли при тех же обстоятельствах, что и Андреа. Убийства совершались регулярно с 2013 года. Все жертвы были обнаружены в водоемах на территории Большого Лондона...

Марш раздраженно покачал головой.

– Не могу поверить, старший инспектор Фостер...

– Сэр. Все трое – молодые девушки из Восточной Европы, – перебила его Эрика. Она открыла одну папку и показала ему фото мертвой Каролины Тодоровой, сфотографированной на месте происшествия. – Взгляните. Этой девушке было всего восемнадцать. Задушена, руки связаны за спиной пластиковым шнуром, волосы на висках выдраны. Ее сбросили в воду, как мусор.

– Я прошу вас уйти, – сказал Марш.

Проигнорировав его слова, Эрика вытащила еще две фотографии.

– Татьяна Иванова, девятнадцати лет, Мирка Братова, восемнадцати. Картина та же: задушены, руки связаны за спиной тем же способом, волосы выдраны, сброшены в воду. Все тела найдены в радиусе десяти миль от центра Лондона. Все девушки одного типа: длинноволосые брюнетки, стройные, с осиной талией... Сэр, старшему инспектору Спарксу эти материалы были переданы два дня назад. Сходство очевидно, даже полицейскому, который...

Дверь в прихожую отворилась, вынеся из глубины дома взрыв смеха. К мужу подошла Марси.

– Том, кто это? – спросила она. А потом увидела фотографию, которую показывала Эрика, – снимок полуголой разлагающейся Каролины в воде.

– В чем дело? – Марси переводила взгляд с Эрики на Марша.

– Марси, возвращайся к гостям. Я разберусь...

– А что скажет Марси? – Эрика открыла еще одну папку, показывая большое фото трупа Мирки Братовой, сфотографированного во всю длину. Лицо девушки представляло собой гримасу ужаса; на бледную кожу налипли листья и прочая растительность; на лобке запеклась кровь.

– Как ты смеешь! Это мой дом! – вскричала Марси, зажимая ладонью рот. Эрика и не подумала закрыть папку.

– Этой девушке было всего восемнадцать лет, Марси. Восемнадцать. Она приехала в Англию, думая, что будет работать здесь в какой-нибудь семье помощницей по хозяйству, а ее принудили заниматься проституцией, наверняка регулярно насиловали, а потом она была зверски задушена

одним из клиентов. А время не стоит на месте, верно? Сколько сейчас вашим малышам? Оглянуться не успеете, как им исполнится восемнадцать...

– Зачем она сюда пришла? Почему ты не разбираешься с этим на работе? – крикнула Марси.

– Все, Эрика, хватит! – рявкнул Марш.

– А на работе он не хочет этим заниматься! – сказала Эрика. – Прошу вас, сэр. Я знаю, что недавно зафиксировали сигнал с телефона, принадлежавшего Андреа Дуглас-Браун. Выделите мне людей, чтобы отыскать тот телефон. В нем информация о жизни Андреа. Информация, которую она держала в секрете. Я уверена, что эти сведения помогут нам установить личность того, кто убил ее и этих девушек. Взгляните еще раз на фото. Вот, смотрите!

– Да что же это такое? Том? – спросила Марси.

– Марси, иди в дом. СЕЙЧАС ЖЕ.

Марси еще раз напоследок взглянула на снимки и ушла. Из глубины дома снова донесся громкий смех, который резко оборвался, когда она закрыла за собой дверь.

– Ты что себе позволяешь, Эрика?!

– Нет, сэр, как *мы* себе это позволяем? Речь не обо мне. Да, я переступила грань дозволенного, заявившись к вам домой, – это неслыханная наглость. Можете считать меня дрянью, кем угодно – я переживу. Но я не могу жить с тем, что произошло с этими девушками. Вы сможете сегодня спать спокойно, зная, что мы не попытались хоть что-то сделать? Вспомните то время, когда мы только-только пришли в полицию. У нас не было полномочий. Теперь у вас достаточно власти, чтобы принять это решение, сэр. Именно у *вас*. Черт, хотите, выставяйте мне счет за работу поисковой команды, хотите, отдавайте под трибунал, увольняйте – сейчас мне это абсолютно все равно. Но вы взгляните на это еще раз, взгляните! – Эрика снова показала ему снимки.

– *Довольно!* – заорал Марш. Он захлопнул дверь, Эрика услышала скрежет запирающихся замков.

– Что ж, по крайней мере, я попыталась, – сказала она мертвым девушкам на фотографиях. Потом закрыла папку, аккуратно убрала ее в сумку и пошла прочь от дома.

Глава 38

Едва стемнело, в переулке напротив дома, где жила Эрика, материализовался все тот же незнакомец. Буквально через несколько минут из подъезда вышла инспектор Мосс. Она села в свой автомобиль и укатила.

Откуда здесь эта жирная лесба? Это что-то новенькое.

Наблюдение за старшим инспектором Фостер превратилось почти в нездоровое влечение. Следить за ней не представляло труда, особенно под проливным дождем: голова опущена, лицо прячется в складках капюшона, в рюкзаке на спине три разные куртки из водоотталкивающей ткани.

Самый верный способ смешаться с толпой – не пытаться с ней слиться. Все заняты только собой.

Глаза незнакомца были прикованы к Эрике. Та курила, глядя в окно.

О чем она думает? И зачем приходила та другая легавая, Мосс? Фостер вроде бы отстранили от расследования...

Эрика внезапно встала и закрыла жалюзи. Спустя мгновения она вышла из подъезда и с сумкой в руке зашагала в направлении железнодорожной станции. Незнакомец отступил в глубь переулка, затем развернулся и бегом бросился к своей машине, потом вырулил на центральную дорогу, стараясь ехать медленно, не привлекать к себе внимания, быть таким, как все.

Эрика как раз зашла на станцию Брокли, когда к ней подкатила машина незнакомца. Автомобиль впереди начал выкруивать на дорогу, и незнакомец, воспользовавшись удачной возможностью, остановил машину, наблюдая, как Эрика идет по мосту на дальнюю платформу. Водитель выехал с парковочного места и махнул рукой в знак благодарности. Улыбаясь, незнакомец помахал в ответ, потом помчался назад к дому Эрики и припарковался за три улицы от него.

* * *

Заглушив двигатель, незнакомец с минуту рассматривал задний фасад дома, где поселилась Эрика. Сзади его охватывала стена, за которой тянулся переулок. После того как этот большой дом разделили на квартиры, его задний фасад стал представлять собой сочетание старых и новых окон, водосточных труб и желобов.

Незнакомец вылез из машины и достал из багажника рюкзак.

Я не собирался делать это сейчас, но, похоже, развитие событий ускорится. Одного наблюдения недостаточно...

По дороге к дому Фостер ему встретились двое прохожих. Они шли с электрички и, увлеченные разговором, не обратили на него внимания. Дойдя до дома Эрики, незнакомец вскарабкался на обнимавшую его стену. В голове уже сложился план, как добраться до верхнего этажа.

Шаг за шагом пройти по стене за домом, шагнуть на карниз, ухватиться за водосточную трубу, занести одну ногу на карниз повыше, подняться на него, держась за трубу.

Карнизы были из гладкого камня, и незнакомец на минуту остановился, переводя дух. Пока все получается...

Подтягивайся, опираясь на громоотвод, на толстую водосточную трубу, потом три окна в шахматном порядке. Крестики-нолики...

Обливаясь потом, незнакомец добрался до окна ванной в квартире Эрики. Как и ожидалось, оно было закрыто. Но рядом с окном находилась вытяжка – к счастью, дешевая и плохо прилаженная.

Рукой в перчатке он накрыл квадратную пластмассовую вентиляционную решетку, ухватил ее за края и дернул. Решетка с треском выдвинулась наружу, открыв доступ к серебристой вентиляционной трубе. Он просунул в нее руку, зачехленными в кожу костяшками пальцев нащупал стенку пластикового корпуса вытяжки, выходившего в ванную. Резким тычком выбил корпус внутрь. Тот загремел, раскачиваясь на проводе и задевая о стену ванной.

Незнакомец вытащил из бокового кармана рюкзака кусок проволоки и одним концом просунул ее в вентиляционную трубу. Несколько неловких попыток, наконец, проволока зацепилась за ручку окна изнутри, и та со щелчком повернулась. Он быстро пролез головой вперед в открывшееся окно, руками ухватился за сиденье унитаза.

Вот я и проник в дом.

Он так долго наблюдал за Фостер издалека, что теперь пребывал в эйфории. Ванная была маленькая и без излишеств. В шкафчике лежали упаковка тампонов, противогрибковая мазь и пыльная упаковка восковых полосок. Просроченных.

Как трогательно. Она носит с собой упаковку просроченных восковых полосок.

Он выгреб содержимое шкафчика и перешел в просторную спальню почти без мебели. Принюхался – ничего особенного. От одних женщин веет чем-то интересным и экзотическим. От других исходит тошнотворная вонь...

А здесь только застоялый запах табачного дыма... жареной пищи. Едва уловимый аромат дешевых духов.

Он отвернул край одеяла, аккуратно разложил на кровати содержимое шкафчика из ванной, расправил одеяло и перешел в гостиную, где темноту рассеивало только сияние уличного фонаря. На журнальном столике среди грязных чашек и подноса лежали копии следственных материалов.

Не снимая перчаток, он взял один документ, и в нем заклокотал гнев. Это были фотографии Мирки Братовой. На одной Мирка Братова была живая, на другой – мертвая, разлагающийся труп в воде.

Значит, Фостер вышла на след. Сообщила, причем не без помощи этой жирной лесбы!

С лестницы донесся шум, скрип ступенек. Он подкрался к входной двери и посмотрел в глазок.

На лестничной площадке показалась седая старушка. Она приблизилась к двери, за которой он притаился. Через глазок казалось, что у нее безобразно деформированное лицо. С минуту она прислушивалась, затем повернулась и пошла к своей двери.

Его внезапно охватило желание поскорее убраться отсюда, уехать подальше и составить план действий.

Фостер не оставила мне выбора.

Придется ее убить.

Глава 39

Вернувшись домой, Эрика долго стояла под горячим душем. После обернувшись полотенцем, прошла в спальню и села на кровать, анализируя события минувшего вечера. Ничего нового она не надумала, впечатления были те же.

Она собралась было поставить на подзарядку телефон и вдруг замерла. Отвернула пуховое одеяло. Под ним на матрасе лежало содержимое шкафчика из ванной.

Эрика быстро встала и подошла к окну спальни. Оно было закрыто и к тому же находилось высоко от земли: переулок лежал далеко внизу. Она вышла в гостиную, включила свет. В комнате все оставалось так, как было до ее ухода: жалюзи закрыты, на столе – папки и кофейные чашки. Эрика прошла мимо входной двери. Почтового ящика на ней не было. Может, она дверь не заперла? Да нет, заперла. Она вернулась в ванную, открыла шкафчик над раковиной. Он был пуст.

Окно было закрыто, когда она принимала душ, она его не открывала. Нет, решила Эрика: она просто утомлена и рассеянна. Должно быть, сама опорожнила шкафчик. Эрика заметила, что ванная вся запотела, и дернула за шнур крошечной вытяжки. Еще раз дернула. Никакой реакции.

– Черт, – выругалась она, тыльной стороной ладони вытирая с зеркала конденсат. И ведь надо же! – владельцем квартиры является Марш. У нее нет ни малейшего желания связываться с ним. Она погасила свет, вернулась в спальню и убрала с постели вещи, которые обычно держала в ванной. Ей стало не по себе. Неужели она сама принесла их сюда? Еще эта записка, что ей подсунули.

Но каким образом чужой человек проник к ней в дом? Ведь для этого нужны ключи.

* * *

На следующее утро, прибравшись в квартире, Эрика подумывала о том, чтобы позвонить в полицию и заявить, что у нее, возможно – именно что «возможно», – был незваный гость, и вдруг услышала, как на коврик внизу бросили почтовую корреспонденцию. Среди счетов для соседей – их она оставила на столе у двери – Эрика нашла письмо на свое имя. Первое, что ей доставили по новому адресу. В конверте лежало уведомление от столичной полиции о том, что она должна пройти освидетельствование у психиатра в недельный срок.

– Разве я сумасшедшая? – спросила себя Эрика полушутя-полусерьезно. Только она поднялась к себе домой, зазвонил телефон.

– Эрика, это Марш. У вас шесть часов. Работаете с бригадой из «Темз Уотер»^[15]. Не найдете телефон, значит, все. Это ясно?

В душе у Эрики всколыхнулась надежда.

– Да. Спасибо, сэр.

– Шансов практически никаких. Видели, какой ливень?

Эрика бросила взгляд на окно, по которому барабанил дождь.

– Знаю, сэр. Но я рискну. И не такие дела раскрывала.

– Но вы по этому делу не работаете. Вас отстранили. Или запятовали? Поэтому все, что найдете, передадите старшему инспектору Спарксу. Сразу же.

– Да, сэр.

– С вами свяжется Мосс, введет в курс дела.

– Очень хорошо, сэр.

– И если еще раз выкинете такое, явитесь ко мне домой и станете тыкать в нос моей жене фотографии с места преступления... Вас не просто отстранят. Вашей карьере конец.

– Этого больше не повторится, сэр, – пообещала Эрика. В телефоне раздался щелчок, и Марш положил трубку. Эрика улыбнулась. – За спиной у каждого влиятельного мужчины стоит женщина, которая знает, на какой рычаг надавить. Молодчина, Марси.

Эрика отправилась на встречу с Мосс и Питерсоном. Колодец, обеспечивавший доступ в коллектор, находился возле кладбища при приходской церкви в районе Онор-Оук-парк, всего лишь в двух милях от дома Эрики. Церковь стояла на холме за станцией, на удалении нескольких ярдов. Дождь прекратился, в тучах появился просвет, когда Эрика подошла к большому микроавтобусу с эмблемой «Темз Уотер», где ее ждала Мосс. Питерсон держал в руках поднос со стаканами кофе, которым он угощал группу мужчин в рабочих комбинезонах.

– Это Майк. Его бригада будет координировать поиски, – представила их Мосс.

– Эрика Фостер. – Она пожала всем руки. Рабочие не лодырничали. Быстро выпив кофе, они в считанные минуты приподняли крышку огромного люка и откатали ее в сторону. Та со звонким звяканьем упала на землю.

– Рад видеть вас, босс, – сказал Питерсон, с улыбкой вручая ей кофе.

Майк завел их в тесный микроавтобус, оборудованный мониторами, маленькой душевой кабиной и подставкой с рациями для всех рабочих,

которые спускались под землю. На одном из мониторов постоянно обновлялась спутниковая метеокарта, показывавшая прожилки и скопления темно-серых масс на карте Большого Лондона.

– А ведь это вопрос жизни и смерти, – сказал Майк, постучав по экрану шариковой ручкой. – В подземные коллекторы стекают как ливневые, так и канализационные воды. При внезапном сильном дожде коллекторы затопляются, и вода мощным потоком устремляется к Темзе.

– И как вы работали, пока не появилась вся эта техника? – полюбопытствовал Питерсон, показывая на телеэкраны и спутниковые метеокарты.

– Подавали сигнал добрым дедовским методом, – отвечал Майк. – Как только начиналась гроза, мы приподнимали на шесть дюймов крышку ближайшего колодца и с размаху опускали ее. Лязг эхом разносился по туннелям, предупреждая работавших внизу парней о том, чтобы они скорее выбирались на поверхность.

– В туннелях только парни работают? – спросила Мосс.

– А что? Хотите устроиться к нам? – сострил Майк.

– Очень смешно, – фыркнула Мосс.

Они вышли из микроавтобуса и посмотрели вверх. Тучи, казалось, рассеивались, но на горизонте небо еще больше потемнело.

– Надо поторопиться, – сказал Майк. Он подошел к колодцу, над которым четверо его людей установили подъемник и теперь прилаживали на себе страховочное снаряжение. Эрика тоже подошла к ним и заглянула в шахту, где куда-то в темноту спускалась железная лестница.

– Так что мы ищем – телефон? – уточнил Майк.

– Айфон 5S. Видимо, белого цвета, но, может быть, и черного, – объяснила Мосс, раздавая членам бригады ламинированные фото.

– Мы понимаем, что телефон пролежал там почти две недели, но, если он вам попадется, пожалуйста, постарайтесь не трогать его голыми руками. Чтобы не затереть отпечатки, которые, возможно, на нем остались. Я дам каждому по специальному пакетику, в который нужно будет сразу же положить телефон, – сказала Эрика.

Рабочие разобрали прозрачные полиэтиленовые пакеты. На их лицах читался скепсис.

– Так что? Мы должны достать этот телефон из дерьма? – спросил один из парней.

– Ребята, мы крайне признательны вам за то, что вы согласились помочь, – сказал Питерсон. – Вы подключились к нам на важном этапе расследования чудовищного преступления, связанного с убийством

молодых женщин. Если найдем этот телефон, получим ответы на многие вопросы. Просто постарайтесь не трогать его голыми руками.

Отношение рабочих мгновенно изменилось. Они быстро надели каски и принялись проверять работу фонарей и раций. Приготовившись, встали вокруг колодца, в который Майк опустил зонд.

– Проверка на наличие отравляющих газов, – объяснил он. – Под землей опасность представляют не только экскременты. Там, бывает, скапливается углекислый газ, который горняки называют «мертвым воздухом»; светильный газ – он взрывается; сероводород – выделяется при гниении продуктов разложения... Парни, химические детекторы у всех есть?

Рабочие кивнули.

– Черт, неужели эта работа вам нравится больше, чем в супермаркете? – спросила Мосс.

– За это платят гораздо больше, – ответил самый молодой из парней, первым берясь за трос. Его медленно опустили в колодец.

Они наблюдали, как следом один за другим в темноту погрузились остальные трое рабочих, фонарями освещавшие грязное бурое нутро шахты. Эрика посмотрела на Мосс и Питерсона, склонившихся над колодцем. Втроем они обменялись напряженными взглядами.

– Все равно что иголку искать в стоге сена, – заметил Питерсон. Свет фонарей постепенно исчез, и их теперь окружало безмолвие. Майк пошел в микроавтобус наблюдать за ходом поисков.

Прошел час, новостей не было. Они приплясывали на месте, пытаясь согреться на холоде. Потом поступил вызов по полицейской радиосвязи. Происшествие в одном из супермаркетов Сиднэма. Какой-то мужчина открыл стрельбу из пистолета.

– Сегодня наше дежурство, – сообщила Мосс, взглянув на Питерсона. – Нам нужно ехать туда. Марш сказал, здесь – задача не первой важности.

– Так вы езжайте, – отпустила их Эрика. – Я останусь, подожду. – Мосс с Питерсоном поспешили прочь. Эрика осталась одна, сознавая, что у нее нет ни удостоверения, ни полномочий. Так, обычная женщина, торчащая у открытого колодца. Она зашла в микроавтобус и спросила у Майка, как идут поиски.

– Пока ничего. Они почти у того места, дальше которого я не хотел бы их пускать. Сеть разветвляется на несколько рукавов в направлении центральной части Лондона.

– И куда они все выходят? – спросила Эрика.

– В канализационные очистные сооружения в разных местах Лондона.

– То есть...

– То есть шансы, что крошечный телефон где-нибудь всплывет, ничтожны, – закончил за нее Майк. – Это ж не собака, проглотившая бриллиант, а вы...

– Да, я поняла, – перебила его Эрика. Она вышла из микроавтобуса, села на пень и закурила. Над ней высилась церковь, вдалеке прогрехотал поезд. Через полтора часа из колодца вылезли рабочие – грязные, усталые и потные. Они покачали головами.

– Как я и думал. Теперь телефон может быть где угодно. Даже в море. С 12 января коллекторы дважды открывали. Из туннелей все, что было в них, вынесло. Под давлением такой огромной массы воды ничего не задерживается, – сказал Майк.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. – Что ж, мы попытались.

– Нет. Это они попытались, – поправил ее Майк, показывая на рабочих. – Я предупреждал вашего босса, что это безнадежно, напрасная затея.

Эрика подумала, что Марш, наверно, потому и дал согласие на поиски. Идя домой под дождем, она пребывала в твердой уверенности, что телефон Андреа необходимо найти. Она вспомнила про записку, что ей подсунули, про вещи из шкафчика в ванной, разложенные на ее кровати.

У нее было такое чувство, будто только она одна знает, что полиция арестовала невиновного.

Глава 40

Прошло три дня. От Мосс с Питерсоном ни слова. Энтузиазм и позитивный настрой Эрики постепенно улетучивались, тем более что занять ей себя было нечем. На третий день, когда она уже хотела позвонить Эдварду и предупредить, что она готова навестить могилу Марка, посмотреть надгробие, телефон в ее руке вдруг проснулся.

– Босс, вы не поверите, – услышала она голос Мосс. – Нашелся телефон Андреа.

– Что? В коллекторе? – спросила Эрика, стискивая в ладони ручку.

– Нет. В магазине подержанных мобильных телефонов в Анерли.

– Так это ж совсем близко, в нескольких милях от нас, – заметила Эрика.

– Да. Крейн распространил IMEI-код ее айфона среди местных торговцев подержанных мобильных телефонов, сказав, чтобы они срочно связались с нашим оперативным отделом, если у них появится аппарат с этим номером.

– Неужели связались?

– Он их простимулировал, пообещав, что они получают вознаграждение в размере стоимости нового разблокированного айфона 5S.

– Как телефон оказался в Анерли? – спросила Эрика.

– Его нашла одна женщина. На прошлой неделе дождевая и талая вода затопила водостоки в нижнем конце Форест-Хилл-роуд. Канализационная сеть не выдержала столь мощного давления, трубы прорвало, и вода вышла на поверхность, разворотив асфальт. Наверно, тогда и вынесло на поверхность телефон. Женщина увидела его, подобрала, подумав, что ей дадут за него немного денег, хоть вид у него и не товарный.

– Так он живой? Работает?

– Нет, и дисплей сильно разбит, но мы отдали его компьютерщикам, и они сразу же им занялись. Пытаются вытащить все, что можно, со встроенной памяти.

– Мосс, я приеду.

– Нет, босс, сейчас не надо. Если уж намерены появиться здесь, так дождитесь, пока у вас появятся основания ворваться в отделение и зачитать им закон об охране общественного спокойствия и порядка.

Эрика начала возражать.

– Босс, я серьезно. Как только узнаю что-нибудь, сразу вам позвоню.

Обещаю. – Она повесила трубку.

Через долгих шесть часов напряженного ожидания Мосс позвонила и сообщила, что Отдел по борьбе с киберпреступностью извлек из телефона Андреа большой объем данных.

Эрика на такси приехала по адресу, который дала ей Мосс. Они встретились у входа в безликое офисное здание возле Тауэрского моста, в котором располагался центральный Лондонский отдел по борьбе с киберпреступностью, на лифте поднялись на самый верхний этаж и оказались в огромном офисном помещении открытой планировки. За каждым столом кипела работа; за каждым сидел усталый сотрудник полиции, сосредоточенно смотревший в мониторы; рядом с каждым – телефон или ноутбук в разобранном виде, либо спутанные провода и монтажные платы.

В самой глубине у дальней стены располагались в ряд кабинки с затемненными окнами – по-видимому, просмотровые залы. Эрика содрогнулась: даже подумать страшно, какие кадры здешним полицейским приходится просматривать за теми затемненными окнами.

У кулера их встретил невысокий мужчина приятной наружности в изрядно поношенном шерстяном джемпере. Он представился Ли Грэмом. Они пошли вслед за ним через офис к большому хранилищу, забитому полками с компьютерами, телефонами и планшетами; все были запечатаны в прозрачные упаковки. По пути миновали одну низкую полку, где лежал обернутый в пленку ноутбук, на котором запеклась чья-то кровь.

Грэм подвел их к заваленному всякой всячиной столу в дальнем углу, где лежал телефон Андреа – разбитый, весь в трещинах. Задняя крышка на телефоне была снята, а он подсоединен к большому компьютеру с двумя мониторами.

– Мы вытащили из него кучу информации. Жесткий диск не поврежден.

Мосс придвинула к столу пару стульев, и они сели.

– Триста двенадцать фотографий, – продолжал Ли, – шестнадцать видео и сотни текстовых сообщений, отправленных в период между маем 2012 года и июнем 2014-го. Я прогнал все фотографии через программу идентификации людей по их лицам. Нашлось одно совпадение.

Эрика и Мосс взволнованно переглянулись.

– Как его зовут? – спросила Эрика с надеждой в голосе.

Ли застучал по клавиатуре, потом ответил:

– Это не он, а она.

– Что?! – в унисон воскликнули Эрика и Мосс. Ли пролистал на экране

несколько изображений отпечатков большого пальца, затем щелкнул по одному: знакомое лицо.

– Линда Дуглас-Браун есть в полицейской базе данных? – изумилась Мосс. На фотографии Линда и Андреа сидели за столиком в каком-то баре. Андреа, безукоризненно элегантная в кремовой блузке, уверенно смотрела в объектив. Верхние пуговицы на ее блузке были расстегнуты, обнажая ложбинку меж полными грудями, в которой угнездилось серебряное кольцо. У Линды, напротив, лицо было красное, волосы неухоженные. Высокий отворачивающийся ворот черного джемпера, расшитого подпрыгивающими маленькими пудельками, врезался в ее двойной подбородок. На шее висел большой золотой крест. Одну руку она перекинула через плечо Андреа, лицо ее расплывалось в пьяной улыбке.

– Это мать жертвы? – поинтересовался Ли.

– Нет, сестра; у них разница четыре года, – ответила Эрика. На минуту все трое замолчали.

– Что ж, ладно, – произнес потом Ли. – Я вытащил ее досье, оно сейчас распечатывается.

Глава 41

Ли нашел для них рабочее место, и они принялись изучать досье Линды.

– Черт, Линда уже несколько лет на учете в полиции, у нее не слабое уголовное прошлое. Поджог, воровство, магазинная кража... – произнесла Эрика. – С июля по ноябрь прошлого года жених Андреа, Джайлз Осборн, трижды заявлял на нее в полицию, жалуясь, что Линда изводит его, угрожает ему по электронной почте.

– Все три раза сотрудники полиции беседовали с ней, – сообщила Мосс, читая досье.

– Да, обошлось без ареста. Первое заявление от Джайлза Осборна поступило в июле 2014 года в связи с оскорбительными письмами, которые Линда присылала ему на электронную почту. В одном она грозилась сначала убить его кошку, потом его самого. Второе заявление поступило месяцем позже. Кто-то вломился в его квартиру и *отравил* его кошку. В квартире повсюду были найдены ее отпечатки, но адвокат Линды резонно указал, что их и *не могло там не быть*, ведь недавно она в числе приглашенных присутствовала на торжественном ужине, который он устроил у себя дома по случаю помолвки с Андреа.

– Линда также засветилась на камерах видеонаблюдения на соседней улице с той, где живет Джайлз Осборн, буквально за несколько минут до того, как было совершено проникновение в его квартиру. Тогда она перестала упираться и призналась, что заходила к нему *после* того, как его квартиру вскрыли, – якобы пыталась спасти кошку, потому что увидела в окно, как та умирает.

– Видать, у нее чертовски хороший адвокат, – заключила Мосс.

– Возможно, хотя не удалось найти достаточно доказательств, подтверждающих или опровергающих ее показания. Третье заявление Осборн написал в прошлом году, когда Линда разгромила его офис, причинив ущерб на восемь тысяч фунтов. Бросила кирпич в одно из больших окон. Вот, она попала в зону видимости камер.

Черно-белый снимок был передержан, но на нем четко просматривалась неуклюжая фигура в длинном пальто и бейсболке, надвинутой на лицо. Когда она замахивалась, пальто распахнулось и стало видно, что под ним свитер с изображением танцующих пудельков.

Мосс принесла с собой ноутбук. Она достала его из сумки и включила.

– Давайте посмотрим фотографии с телефона Андреа. – Мосс подключила к компьютеру внешний диск с содержимым телефона Андреа. Ноутбук зажужжал, загудел. Они дождались, пока компьютер загрузится. На внешнем диске замигал крошечный огонек, и затем на экране замелькали фотографии.

Это были снимки Андреа с нескольких вечеринок, среди них – много селфи, фото Андреа с обнаженной грудью перед зеркалом в ванной, на которых она, запрокинув назад голову, обольстительно тискает в ладони одну свою округлость. Потом пошли фотографии Андреа в каком-то баре. Похоже, в том самом, где она сфотографировалась с Линдой.

– Стоп, назад! – потребовала Эрика.

– Я не могу остановить, нужно, чтобы они загрузились, – объяснила Мосс.

– Ну же, – нетерпеливо произнесла Эрика, когда на экране застряло размытое, почти черное изображение, явно бракованный снимок. Потом загрузка продолжилась и наконец завершилась. Эрика принялась листать фотографии.

– Да, вот, это самые последние, из того бара, – сказала она.

– Кто это, как думаете? – спросила Мосс, вместе с Эрикой глядя на экран. Рядом с Андреа позировал рослый широкоплечий мужчина лет тридцати с небольшим. Темноволосый, с большими карими глазами и короткой щетиной на красивом лице с точеными чертами.

На первых нескольких снимках было заметно, что Андреа фотографирует, держа телефон на вытянутой руке. На всех этих фото она склонялась на грудь мужчины. Он был невероятно хорош собой.

– Темноволосый мужчина, – тихо произнесла Эрика взволнованно.

– Давайте дальше смотреть по порядку, – сказала Мосс тоже взволнованным тоном. Эрика листала фотографии. Все они, по-видимому, были сделаны на одной и той же вечеринке: в глубине кадров – люди, танцующие или сидящие за столиками. Андреа, как одержимая, фотографировала и фотографировала себя с этим мужчиной, и он, похоже, ничуть не противился. На экране замелькали фотографии, на которых они стояли бок о бок, и Андреа смотрела на него влюбленными глазами. На следующих снимках он уже целовал Андреа: меж их соприкасающимися губами виднелся краешек языка; ногтями, покрытыми красным лаком, она трогала его резко очерченный щетиный подбородок.

– Все это снято 23 декабря прошлого года, – констатировала Мосс, обратив внимание на даты, что отпечатались на фотографиях.

– Тот снимок, где Линда с Андреа... Он сделан в тот же вечер. На той

же вечеринке...

На экране снова появилось фото, по которому ее удалось найти в Национальной базе данных преступников.

– Судя по их виду, снимок сделан ближе к концу вечера: вид у обеих потрепанный, – заметила Эрика.

– Выходит, Линда была там в то же время, что и тот мужик. Может, как раз он их и сфотографировал, – предположила Мосс.

Они быстро листали фотографии. В датах на несколько дней наступил перерыв, потом пошли постельные сцены. Андреа, лежа на светлых простынях с темноволосым мужчиной, фотографирует их, держа телефон на вытянутой руке. На мускулистой груди мужчины темная поросль. Андреа согнутой в локте рукой подпирает свои обнаженные груди. Потом фотографии стали более откровенными: крупным планом нижняя часть лица мужчины, зажавшего в белых зубах один сосок Андреа; фронтальное изображение во весь рост улыбающейся Андреа, лежащей на кровати. Затем на весь кадр лицо Андреа, обхватившей губами мужской пенис. Ее партнер, похоже, заключил в ладонь подбородок Андреа: один его крупный большой палец покоится на ее скуле.

Следующее фото вдруг оказалось куда более пристойным. Андреа с тем же мужчиной 30 декабря. Они стоят рука об руку на улице. Оба одеты по-зимнему. За ними высится знакомая часовая башня.

– Черт. Это же музей Хорнимана, – сказала Мосс.

– И снимок сделан за четыре дня до ее исчезновения, – добавила Эрика.

– Думаете, это тот самый человек, с которым ее видели в пабе? – спросила Мосс.

– Возможно, это тот самый человек, который ее убил, – ответила Эрика.

– Но он по нашим базам нигде не проходит. Программа Национальной базы данных преступников его не выявила...

– На вид он русский или... даже не знаю... румын? Серб? Возможно, он имел судимости за границей.

– Но мы не знаем его фамилии, и на то, чтобы выяснить это, уйдет время, – рассудила Мосс.

– Зато мы знаем того, кто, возможно, с ним знаком. Линда Дуглас-Браун, – сказала Эрика. – Она сфотографирована тем же вечером. В том же самом баре, что и он.

– Задерживаем? – предложила Мосс.

– Нет, не спешите, – урезонила ее Эрика.

– Что значит «не спешите»? Она же утаила от следствия информацию, босс.

– Действовать нужно очень аккуратно. Как только мы что-то предпримем, Дуглас-Брауны сразу же подключат адвоката. Похоже, они тратят немалые суммы на то, чтобы удержать Линду на стезе добродетели.

Мосс задумалась.

– А знаете, босс, чего не хватает в вашей квартире?

– Чего?

– Свежих красивых цветов.

– Точно. Нужно посетить цветочный салон, – согласилась Эрика.

Глава 42

Цветочный салон «Иокаста» находился на Кенсингтон-Хай-стрит, между элегантным ювелирным магазином и офисным зданием, облицованным гладким гранитом. Витрина была оформлена по-весеннему. Ковер из настоящей травы; нарциссы, тюльпаны и крокусы в красно-розово-сине-желтых горшочках. Фарфоровые пасхальные кролики тут и там: сидят на траве, выглядывают из-за мухоморов и огромных крапчатых яиц. На переднем плане, почти у самого стекла, небольшая фотография улыбающейся Андреа на красной бархатной подушке...

Мосс взялась за ручку стеклянной двери, но увидела рядом маленький белый колокольчик и под ним лаконичное объявление: ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ.

Эрика позвонила. Спустя несколько мгновений они увидели маленькую старушку с туго зачесанными назад волосами, которая смотрела на них из-под нависших век. Эта была та же пожилая женщина, что впускала их в дом Дуглас-Браунов. Она небрежно махнула рукой, отсылая их прочь. Эрика снова позвонила. Дверь была из очень толстого стекла, но это они поняли только тогда, когда женщина открыла ее и колокольчик зазвенел гораздо громче.

– Вам чего? – недовольно спросила старушка. – Нам сообщили из полиции, что виновный арестован. Мы готовимся к похоронам! – Она стала закрывать дверь, но Мосс ее придержала.

– Будьте добры, нам хотелось бы поговорить с Линдой. Она здесь?

– Вы ведь уже кого-то арестовали, да? Что еще вам нужно от семьи? – не уступала старушка.

– Следствие еще не закончено, мадам. Мы уверены, что Линда могла бы помочь нам прояснить кое-какие факты, которые позволят в скором времени предъявить обвинение, – объяснила Мосс.

Пожилая женщина подозрительно смотрела на них, туда-сюда водя глазами из-под нависших век, кожа которых морщилась и колыхалась. «Как у хамелеона», – подумала Эрика. Старушка распахнула дверь и отступила в сторону, впуская их в салон.

– Вытирайте ноги, – велела она, бросив взгляд на мокрый тротуар.

Они проследовали за ней в светлый просторный зал для посетителей. У дальней стены блестел и переливался огромный стол из прозрачного стекла. На стенах висели фотографии реализованных проектов

«Иокасты» – со свадеб и презентаций, для которых салон составлял цветочные композиции. Пожилая женщина скрылась за дверью в глубине зала, а в следующее мгновение оттуда вышла Линда с охапкой нарциссов в руках. На ней были длинная черная юбка-трапеция и очередной джемпер с котом, выглядывавшим из-под белого передника. На этот раз это был полосатый великан с потухшими глазами.

– Мамы здесь нет. Она заболела, – сообщила Линда. Тон ее подразумевал, что, по ее мнению, мать просто отлынивает от работы. Линда прошла к большому столу, разложила на его стеклянной поверхности нарциссы и принялась их сортировать. Эрика с Мосс тоже подошли к столу.

– А вы почему здесь, инспектор Фостер? Я думала, вас отстранили от дела...

– Уж кому, как не вам, знать, что не следует верить всему, что читаешь в прессе, – сказала Эрика.

– Да уж. Эти журналисты... Звери, а не люди. Одна из желтых газетенки обозвала меня «круглолицей старой девой».

– Мне жаль это слышать, Линда.

– Неужели? – сердито бросила Линда, обратив на них пристальный взгляд. Эрика сделала глубокий вдох.

– В прошлый раз, беседуя с вами, мы спросили, есть ли у вас информация, которая помогла бы следствию. Вы забыли упомянуть, что у Андреа был второй телефон, – сказала Эрика.

Линда снова занялась сортировкой нарциссов.

– Ну так что? – подначила ее Мосс.

– Вы же не спрашиваете, а утверждаете, – указала Линда.

– Ладно. У Андреа был второй телефон? – спросила Эрика.

– Нет. Я, во всяком случае, об этом не знала, – ответила Линда.

– В июне 2014 года она заявила, что этот телефон у нее украли, а сама просто поменяла в нем SIM-карту, – сказала Мосс.

– И что? Вы по поручению страховой компании расследуете факты мошенничества?

– Мы нашли ваше полицейское досье, Линда. У вас завидный послужной список: оскорбления с угрозами, кражи из магазинов, мошенничество с кредитными картами, вандализм, – перечислила Эрика.

Линда отвлеклась от нарциссов и посмотрела на них.

– Это я раньше такой была. Теперь я обрела Бога, – ответила она. – Теперь я стала другой. Если присмотреться, у каждого из нас есть прошлое, которого мы стыдимся.

– И когда же вы обрели Бога? – поинтересовалась Мосс.

– Прошу прощения? – растерялась Линда.

– У вас еще не вышел срок условного осуждения, четыре месяца назад вы устроили погром в офисе Джайлза Осборна, причинив ущерб в размере восьми тысяч фунтов стерлингов. Зачем вы это сделали?

– Из зависти, – ответила Линда. – Из зависти к Андреа, к Джайлзу. Она нашла себе жениха, а я, как вы понимаете, все еще нахожусь в поисках.

– Как Андреа с Джайлзом отреагировали на ваш поступок?

– Я извинилась, пообещала, что больше не стану им досаждать, и мы помирились.

– Он и убийство кошки вам простил? – спросила Мосс.

– Я ЕГО КОШКУ НЕ УБИВАЛА! – крикнула Линда. – Я никогда бы этого не сделала. Кошки – самые красивые, умные существа... Смотришь им в глаза и понимаешь, что им известны все ответы... Если бы еще они могли говорить.

Эрика предостерегающе глянула на Мосс.

Рыхлое лицо Линды омрачилось, она хлопнула рукой по стеклянному столу.

– Я ее не убивала. Правда!

– Хорошо, хорошо, – произнесла Мосс. – Скажите, пожалуйста, кто рядом с Андреа на этой фотографии? – Она положила на стол рядом с горкой нарциссов фото с вечеринки, на котором Андреа была запечатлена с темноволосым мужчиной.

– Не знаю, – буркнула Линда, бросив беглый взгляд на снимок.

– Линда, посмотрите, пожалуйста, повнимательнее, – настаивала Мосс, поднеся фотографию прямо под нос Линде.

Та посмотрела на фото, потом снова на Мосс.

– Я же сказала: не знаю.

– А про это что скажете? – не отступала Мосс, вытаскивая снимок, на котором Линда была сфотографирована с Андреа. – Это фото, где вы с Андреа, было сделано в тот же вечер, в том же баре. Возможно, это он вас снимал.

Линда снова посмотрела на снимок и, казалось, успокоилась.

– Видите ли, офицер, слово «возможно» в вашей фразе ключевое. Я зашла в тот бар выпить буквально за несколько минут до закрытия. Весь вечер я работала здесь. Андреа, когда я там появилась, сидела одна. Те, с кем она там отдыхала, уже ушли. Она специально дождалась меня. Мы хотели вместе выпить и поболтать, а то ведь потом Рождество, уже не до разговоров. Вполне вероятно, что этот человек был там, но не в то же

время, что и я.

– Андреа упоминала про него?

– На вечеринках Андреа всегда в центре мужского внимания. Я согласилась с ней встретиться только на том условии, что она не будет весь вечер верещать про парней.

– Вам не нравятся парни?

– *Парни*, – фыркнула Линда. – По-вашему, двум умным, образованным женщинам больше не о чем поговорить?

– Как назывался тот бар? – спросила Эрика.

– М-м-м... Кажется, «Зараза».

– С кем там была Андреа?

– Я же сказала: не знаю. Андреа партнеров по вечеринкам меняет, как перчатки.

– Где был Джайлз?

– Наверно, ушел пораньше, чтобы не встречаться со мной.

– Потому что вы донимали его, устроили погром в его офисе и убили его... – закончила Мосс.

– Да сколько ж можно! Я не убивала Клару! – вскричала Линда. Ее глаза наполнились слезами. Оттянув вниз рукав полосатого джемпера, она отерла им глаза. – Клара... она была такая лапочка. Позволяла мне брать себя на руки. Она почти никому это не позволяла, даже Джайлзу.

– Тогда кто же ее отравил?

– Не знаю, – тихо ответила Линда. Из кармана джемпера она вытащила скомканную бумажную салфетку и принялась тереть ею глаза, пока они не покраснели.

– А что можете сказать вот про это? – спросила Мосс, положив на стол прозрачный пакетик с запиской, которую подсунули Эрике.

– Что это? Нет, нет, нет. Я ничего не знаю! – По красному лицу Линды снова заструились слезы.

– Мне кажется, Линда уже достаточно удовлетворила ваше любопытство, – произнес голос из глубины зала. К ним направлялась непонятно откуда появившаяся экономка Дуглас-Браунов с нависающими на глаза веками. – Если у вас еще остались к ней вопросы, давайте организуем более официальную встречу, на которой будет присутствовать семейный адвокат?

– Линда, – обратилась к девушке Мосс, ткнув пальцем в мужчину рядом с Андреа на фотографии. – Этот человек также подозревается в изнасиловании и убийстве трех молодых женщин из Восточной Европы, погибших за последние два года, и в совершенном на днях убийстве одной

пожилой женщины.

Линда выпучила глаза. Экономка указывала им на дверь.

– Линда. Если вспомните что-нибудь, даже какуюнибудь мелочь, пожалуйста, свяжитесь с нами, – попросила Эрика.

* * *

– Она либо не знает этого типа, либо очень уж хорошо притворяется, – рассудила Мосс, когда они вышли на улицу.

– По-моему, не лгала она только про кошку. Кошку убила не она, – заключила Эрика.

– Но мы не расследуем убийства кошек.

– Думаю, надо нанести визит Джайлзу Осборну, – сказала Эрика. – Посмотрим, что он скажет про Линду и эти снимки.

Глава 43

– Да она вообще ненормальная, – заявил Джайлз Осборн. – Я ее просто боюсь, да и многие мои сотрудники тоже.

Мосс с Эрикой сидели в стеклянном офисе Джайлза, из которого открывался вид на сады за стандартными домиками рядовой застройки. Где-то за этими домами проклацал поезд. На территории промышленного комплекса, что находился по одну сторону, вздымались мокрые от дождя топливные резервуары. Казалось бы, глупо возводить столь элегантное современное здание с видом на такое тоскливое место.

Создавалось впечатление, что Джайлз давно не высыпается. Кожа на его осунувшемся лице обвисла. Эрика также отметила, что он похудел за две недели с тех пор, как обнаружили тело Андреа.

– Родные Линды, конечно, знают про ее проблемы, – продолжал Джайлз. – Для них она давно уже – паршивая овца. В какую бы школу Линду ни устроили, ее отовсюду исключали. Когда ей было девять, она воткнула циркуль в лицо учительнице. Бедная женщина лишилась глаза.

– То есть вы считаете, что у Линды проблемы психологического характера? – спросила Эрика.

– Господи, как загадочно и витиевато вы выражаетесь. Да она просто сумасшедшая. В принципе довольно обычный, нудный случай помешательства. Но она из богатой влиятельной семьи, и это усугубляет все проблемы. Беда в том, что Линда знает: любой ее проступок останется безнаказанным.

– И тем не менее, – заметила Мосс.

Джайлз пожал плечами.

– Сэр Саймон любые проблемы решает с помощью денег или влиятельных знакомых... Той учительнице он в итоге купил дом, и она теперь живет на верхнем этаже, а нижний сдает. Ради этого можно и глазом пожертвовать, верно?

Ответом ему было молчание. Вдалеке, сигналив, промчался еще один поезд.

– Простите, я не хотел показаться бессердечным. Вот, занимаюсь похоронами Андреа. А думал, что буду устраивать нашу свадьбу. Даже представить себе не мог... Линда взяла на себя цветочное оформление. Настояла, чтобы отпевание проходило в той церкви в Чизике, которую она посещает. И я теперь сижу и смотрю на пустой экран, пытаюсь написать

надгробную речь.

– Нужно хорошо знать человека, чтобы сказать о нем надгробное слово, – промолвила Мосс.

– Да, – согласился Джайлз.

– Андреа была религиозна? – спросила Эрика, уводя разговор в сторону от щекотливой темы.

– Нет.

– А Дэвид?

– Если бы все монахини имели большую грудь и ходили бы с декольте, он перешел бы в католичество, – сухо хохотнул Джайлз.

– Это вы о чем?

– Боже, ну зачем воспринимать все так буквально? Это шутка. Дэвиду нравятся девушки. Он молод. Абсолютно нормальный парень. Больше на мать похож, чем...

– Линда, – закончила за него Мосс.

– Да, теперь остались только он и Линда, – произнес Джайлз, смахивая слезу.

– А Линда церковь регулярно посещает?

– Да. И Бог, я уверен, не в восторге от того, что Ему каждый вечер приходится выслушивать ее извращенные молитвы, – сказал Джайлз.

– Линда часто бывала у вас в офисе? – спросила Эрика.

– Один раз приходила с Андреа – просто посмотреть. Потом пару раз одна.

– Когда это было? – спросила Мосс.

– В июле, в августе – в прошлом году.

– А зачем она приходила одна?

– Ко мне. И очень быстро стало ясно, что она хочет... хочет... В общем, она хотела, чтобы я занялся с ней сексом.

– И каким образом она выразила свое желание? – осведомилась Мосс.

– Черт, а вы как думаете?! – воскликнул Джайлз, густо краснея. Он завертел головой по сторонам, не зная, куда деть себя от смущения. – Задрала на себе свитер, демонстрируя свои прелести. Сказала, что никто не узнает.

– И как вы поступили?

– Прогнал ее. Даже если бы Линда не была сестрой Андреа, она не очень...

– Не очень?

– Ну... не очень привлекательна, ведь так?

Мосс с Эрикой промолчали.

– Насколько мне известно, – продолжал Джайлз, – это не преступление – считать кого-то...

– Омерзительным? – подсказала Эрика.

– Ну, я не стал бы выражаться так грубо, – запротестовал Джайлз.

– А потом ситуация приняла угрожающий характер. Согласно полицейским протоколам, Линда устроила погром в вашем офисе, вломилась к вам в дом и отравила вашу кошку.

– Ну да... даже не знаю... Так вы знакомы с подробностями этих дел?

Эрика с Мосс кивнули.

– Линда поставила меня в затруднительное положение. Сэр Саймон попросил, чтобы я забрал заявления. А что мне оставалось?

– Простите за бестактность, Джайлз, но вы знали, что, кроме вас, у Андреа в это же время были другие мужчины? – спросила Эрика.

– Теперь знаю, – не сразу ответил Джайлз.

– И как вы к этому относитесь?

– Черт, как, по-вашему, я могу к этому относиться? Мы были помолвлены. Я думал, она – моя вторая половинка. Конечно, ей нравилось кокетничать, флиртовать, и мне следовало бы обратить на это внимание, но я думал, она успокоится, когда мы поженимся и у нас появится прибавление.

– Прибавление? То есть дети? – уточнила Эрика.

– Да. Я понятия не имел, что она встречается сразу с несколькими. Зачем-то по глупости связалась с этим подонком Марко Фростом. Он пугал Андреа своей *одержимостью*. Думаете, у вас достаточно доказательств, чтобы посадить его?

Эрика посмотрела на Мосс.

– Мистер Осборн, взгляните, пожалуйста, на это фото. – Она положила на стол фотографию Андреа с темноволосым мужчиной. Джайлз скользнул по ней взглядом.

– Нет, я его не знаю.

– Я не спрашивала, знаете ли вы его. Пожалуйста, посмотрите внимательнее. Этот снимок был сделан за четыре дня до исчезновения Андреа.

Джайлз снова посмотрел на фотографию.

– Что вы хотите от меня услышать? Наверно, это один из многих ее поклонников, которые строили ей глазки.

– А на это что скажете? Или на это... или на это? – Эрика разложила перед Джайлзом целый комплект фотографий: Андреа в постели с брюнетом, обнаженная, он тербит в зубах ее сосок, она обнимает губами

его пенис.

– Что вы себе позволяете? – вскричал Джайлз. Он резко отодвинулся на стуле от стола и вскочил на ноги. В глазах его стояли слезы. – Кто дал вам право являться сюда и злоупотреблять моим добрым расположением?!

– Сэр, эти снимки со второго мобильного телефона Андреа, который мы недавно нашли. Мы их показали вам не просто так. Они были сделаны всего за несколько дней до ее исчезновения.

Джайлз направился к стеклянной двери.

– Благодарю вас, господа, но сегодня я пришел сюда, чтобы вспомнить Андреа и написать о ее жизни. Меня попросили выступить на ее похоронах, а вы являетесь ко мне и мараете мои воспоминания о ней этой откровенной порнографией! – Он открыл дверь и жестом попросил их уйти.

– Сэр, мы считаем, что мужчина, сфотографированный с Андреа, причастен к убийствам трех девушек из Восточной Европы, которые занимались проституцией, и одной немолодой женщины. Мы также считаем, что Андреа встречалась с этим мужчиной в тот вечер, когда она погибла, – объяснила Эрика, посмотрев на Мосс. Джайлз заметил, как они переглянулись.

– Пойдите. А как же Марко Фрост? Я думал, вы взяли убийцу. Старший суперинтендант Марш заверил меня... и помощник комиссара Оукли тоже... – начал Джайлз.

– Мы разрабатываем еще одну версию, – сообщила Эрика.

– Так вы понятия не имеете, кто убил Андреа? Вы пришли сюда и докучаете мне своими фантазиями? У Андреа были свои недостатки и свои секреты. Но ее вина лишь в том, что она любила и хотела быть любимой... – Потеряв самообладание, Джайлз разрыдался, прикрыв ладонью рот. – Все, у меня больше нет сил это выносить. Прошу вас! Уйдите!

Эрика с Мосс собрали со стола фотографии и ушли, покинув всхлипывающего Джайлза.

* * *

– Вот черт, – выругалась Мосс, когда они направлялись к машине, припаркованной за несколько улиц от той, где находился офис компании Джайлза.

– Заметьте, вы это сказали – не я, – подчеркнула Эрика.

– Босс, мне придется доложить обо всем этом старшему инспектору Спарксу и Маршу.

– Понимаю. Нужно, значит, докладывать.

Мосс довезла Эрику до дома. Несмотря на все произошедшее, на все разоблачения, Эрика чувствовала, что она ни на шаг не приблизилась к истине и уж тем более к тому, чтобы восстановиться на службе и получить назад свое удостоверение. Войдя в гостиную, она включила свет и в окне увидела отражение свое собственное и комнаты. Эрика погасила свет и посмотрела из окна на пустынную улицу, но все было спокойно. И тихо.

Глава 44

В следующие два дня Мосс и Питерсон были вынуждены посещать судебные заседания, давая показания по делу о вооруженном преступнике, открывшем стрельбу в одном из супермаркетов Сиднэма. Поскольку Марко Фросту было предъявлено обвинение в убийстве, многих из следственной группы перебросили на другие дела. Эрика пребывала в подвешенном состоянии, ожидая, когда ее вызовут на дисциплинарную комиссию. А потом утром ей позвонил Марш.

– Вы с Мосс нанесли визит Линде Дуглас-Браун и Джайлзу Осборну? – начал он.

– Да, сэр.

– Мне поступили жалобы от обоих, а сэр Саймон пригрозил, что подаст официальную жалобу.

Значит, на их звонки вы отвечаете, а на мои – нет? – хотела съязвить Эрика, но вовремя прикусила губу.

– Сэр, я ходила с Мосс в качестве консультанта. В обоих случаях меня не попросили предъявить удостоверение.

– Ладно, хватит, Эрика.

– Сэр, вы в курсе, что мы нашли второй мобильный телефон Андреа?

– Да. Мосс представила отчет.

– И?

– И вы утаили вещественное доказательство. Ту записку, что получили.

– Но эта записка, сэр...

– Записку мог прислать кто угодно. Вспомните хотя бы своих коллег из Манчестера. Вас там до сих пор поминают недобрым словом... – Марш резко замолчал. – Извините. Зря я это сказал... Эрика, выкиньте вы все это из головы.

– Что? Сэр, вы видели фотографии?

– Да, я видел фотографии. И очень внимательно ознакомился с отчетом Мосс. Хотя, читая его, слышал ваш голос. Все равно это ничего не доказывает. У вас нет оснований предполагать, что этот... человек, кто бы он ни был, причастен к гибели Андреа или Айви.

– Или Татьяны, или Каролины, или Мирки?

– Вы преуспели лишь в одном – разозлили массу народа и, фигурально выражаясь, загадили память Андреа Дуглас-Браун.

– Сэр, не я же ее фотографировала...

– Она снимала на свой тайный телефон, во имя всего святого! У каждого есть секреты.

– Полагаю, у нас с вами неофициальный разговор?

– Да, Эрика, неофициальный. И, смею напомнить, *вы* теперь неофициальное лицо. Вас отстранили от должности. Так что проявите благоразумие. Радуйтесь, что вам платят полную зарплату. Мне известно из достоверных источников, что, если вы не будете высовываться и болтать лишнего, в следующем месяце в должности вас восстановят.

– Не высовываться? До каких пор? Пока Марко Фроста не осудят за преступление, которое он не совершал?

– Вам приказано...

– От кого исходит приказ? – перебила она его. – От вас? Или от помощника комиссара Оукли? Или от сэра Саймона Дуглас-Брауна?

Марш пару секунд помолчал.

– Завтра похороны Андреа Дуглас-Браун. На церемонии я видеть вас не желаю. И не желаю слышать, что вы суετε свой нос куда не следует. А когда это закончится, и *если* вы будете восстановлены в должности, я позабочусь о том, чтобы вас перевели в какое-нибудь отделение за тридевять земель отсюда. Я ясно выразился?

– Более чем, сэр.

Марш повесил трубку. Эрика снова опустилась на диван. Она кипела от гнева. Проклинала Марша, потом себя. Неужели она ошибается? Неужели на этот раз чутье ее подвело?

Нет. Не подвело.

Она выкурила сигарету, затем стала подбирать подходящий наряд для похорон.

Глава 45

Эрика проснулась до рассвета и, потягивая кофе, сидела и курила у окна. Впереди ее ждал день, полный препятствий, которые ей предстояло обойти как можно аккуратнее. Она приняла душ и, когда в начале девятого вышла из ванной, небо все еще было серо-синим. «Ужасно, что приходится хоронить таких молодых, – думала она. – Может, потому и день не хочет начинаться – выражает свой протест».

Перерыв свой чемодан в поисках наряда, в котором можно было бы пойти на похороны Андреа, Эрика пришла к выводу, что у нее почти все туалеты траурные – выбирай любой. На дне лежало элегантное черное платье, которое она надевала более года назад на рождественский вечер, организованный для сотрудников управлением полиции Манчестера. Она хорошо помнила тот вечер и его преддверие – томные послеполуденные часы, когда они с Марком предавались любви. Потом он сделал ей горячую ванну, налив в воду, от которой поднимался пар, ее любимое сандаловое масло. Пока она лежала в ванне, Марк сидел рядом на бортике, и они болтали, пили вино. Когда пришло время надевать платье, Эрике показалось, что оно слишком плотно ее облегает. Она расстроилась, сетуя на то, что растолстела. А Марк обнял ее за талию, привлек к себе и сказал, что она – само совершенство. А на вечере ее распирала гордость оттого, что рядом с ней такой мужчина, особенный, который дарит ее теплом своей любви.

Теперь, надев на себя это платье перед крошечным зеркалом в голой сырой спальне, она увидела, что оно висит на ее худосочной фигуре. Эрика закрыла глаза, пытаясь вообразить, что Марк рядом с ней, притягивает ее к себе, обнимает. Тщетно. Она была одна. Эрика смотрела на свое отражение.

– Без тебя ничего у меня не складывается. Жизнь... И вообще... – промолвила она. А потом в голове зазвучал голос Марка: «Слезай с креста, нужны дрова». Эту фразу он всегда повторял, когда считал, что она слишком драматизирует ситуацию.

Несмотря на слезы в глазах, Эрика невольно рассмеялась:

– Предлагаешь, чтобы я взяла себя в руки?

Она отерла глаза и потянулась за косметичкой, к которой не прикасалась многие месяцы. Обычно Эрика предпочитала обходиться без косметики, но сегодня она облагородила лицо тональным кремом и подкрасила губы. Глядя на себя в зеркало, Эрика задавалась вопросом:

зачем она собралась на похороны, зачем снова бросает вызов начальству? Она делала это ради Андреа, ради Каролины, ради Мирки... ради Татьяны.

И ради Марка. Как и в случае с девушками, убийца, лишивший его жизни, не был найден.

* * *

Церковь Милосердной Богоматери и святого Эдуарда на Чизик-Хайроуд походила на промышленное строение. Ее прямоугольный силуэт из красного кирпича скорее напоминал насосную станцию викторианской эпохи, чем храм божий. На незатейливой высокой башне звонил колокол, но мимо непрерывным потоком проезжал автотранспорт. В сером утреннем свете поблескивал катафалк, окна на заднем фасаде украшали радуги из цветов. Эрика остановилась на противоположной стороне улицы, через дорогу, по которой ехали машины, наблюдая, как в церковь стекаются те, кто пришел проводить Андреа в последний путь.

В затемненной глубине центрального входа она едва различала силуэты Саймона, Джайлза и Дэвида. Одетые в траур, они встречали посетителей и разъясняли им порядок заупокойной службы. Все скорбящие, в дорогих элегантных платьях и костюмах, были гораздо старше Андреа. На глазах у Эрики из глянцевого «мерседеса» выбрались три бывших члена кабинета Тони Блэра, которых Саймон тепло поприветствовал, когда они вошли в церковь. На некотором удалении на тротуаре толпилась небольшая группа фоторепортеров, которым разрешили присутствовать на похоронах. Все они почти с благоговением щелкали затворами.

Это было одно из тех представлений, которое не нуждалось ни в постановке, ни в суфлерах. Безвременно скончалась совсем еще молодая женщина, и люди пришли попрощаться с ней. Конечно, это был еще не последний акт. В один из последующих месяцев Марко Фрост предстанет перед судом, и запутанные грязные подробности жизни Андреа, вне всякого сомнения, будут снова воспроизведены, перекроены и представлены в новом свете. Ну а сегодня близилось к завершению первое действие.

У обочины затормозил роскошный БМВ, из которого выбрались Марш и помощник комиссара Оукли в черных костюмах. Следом, тоже в черном, вышли Марси и изысканная женщина средних лет – супруга помощника комиссара. Быстрым шагом они направились к воротам церкви, остановившись у входа, обменялись парой слов с Саймоном и Джайлзом, обняли Дэвида, который казался жалким и беспомощным, хотя был выше ростом, нежели Джайлз и отец.

Последними прибыли мать Андреа, Линда и пожилая дама с нависающими на глаза веками. Едва лимузин подкатил к тротуару, Линда быстро выскочила из машины, обежала ее и, открыв дверцу с противоположной стороны, помогла Диане выйти из автомобиля. Диана и экономка, имени которой Эрика так и не знала, выглядели в своих траурных туалетах болезненно худыми, эффектными и элегантными. Линда же нарядилась на похороны в бесформенный черный балахон и темный шерстяной пиджак, а на шею повесила большое деревянное распятие. Ее мышиного цвета волосы были аккуратно уложены, но создавалось впечатление, что она острижена под горшок. Лицо без макияжа лоснилось даже на холоде. Фоторепортеры еще больше оживились, защелкали фотоаппаратами. Диана и пожилая дама нагнули головы, но Линда с вызовом смотрела в объективы. Эрика подождала еще несколько минут, пока последние скорбящие не скрылись в церкви, затем перешла через дорогу и тоже вошла.

* * *

В церковь набилось много народу. Эрика села с краю на последнем ряду. Перед алтарем на возвышении стоял усыпанный белыми цветами красивый орнаментированный деревянный гроб. Семья Дуглас-Браун сидела на первом ряду. Едва смолк орган и в церкви водворилась тишина, Диана, заметила Эрика, словно безумная, стала озиаться по сторонам. Викарий в накрахмаленном белом облачении, выдвинувшись вперед, ждал сигнала, чтобы начать церемонию. Но Саймон покачал головой. Он склонился под широченные поля шляпы Дианы, и они начали о чем-то совещаться. Линда, склонившись к матери с другой стороны, подключилась к обсуждению. Эрика поняла, о чем они шепчутся: на скамье рядом с ними не было Дэвида. Линда поднялась со своего места, встала перед всем честным народом, буквально в нескольких шагах от гроба, и поднесла к уху телефон. Викарий со смятенным видом ждал у алтаря. Линда сказала несколько слов в телефон, а потом, очевидно, абонент на другом конце линии связи повесил трубку. Она снова набрала номер и протянула телефон отцу.

– Линда... *Линда*. – Саймон поманил к себе дочь. Раздраженно пыхтя, Линда стояла на своем, но потом все же повиновалась. Отец взял у нее телефон и о чем-то сердито заговорил в трубку. Слов Эрика не могла разобрать, но его гневное гудение эхом разносилось по всей церкви. Публика беспокойно заерзала на скамьях. Вся эта суета, происходившая в непосредственной близости от полированного, усыпанного цветами гроба, плохо вязалась с торжественностью момента. Приглушенный голос

Саймона внезапно стих, и Эрика сдвинулась на скамье, пытаясь разглядеть, что происходит.

И вдруг со своего места у двери она услышала тихий звонок мобильного телефона. Саймон встал и, держа телефон у уха, пошел к боковому проходу. Эрика поднялась со скамьи и выскользнула из церкви.

К церкви, задней стороной примыкавшей к высокой стене, со всех сторон подступали дома и магазины. Лишь спереди оставалось место для двора и с одной стороны – для выложенного плитняком узкого тротуара. Дэвид стоял у высокой стены, держа в зубах незажженную сигарету. Телефон он убрал в карман пиджака.

Эрика подошла к нему.

– Огоньку? – предложила она, доставая сигареты и зажигалку.

Несколько мгновений Дэвид пристально смотрел на нее, затем наклонился к зажигалке, ладонями прикрывая пламя, и яростно затянулся. На кончике сигареты засветился красный огонек. Эрика тоже закурила и сделала затяжку.

– Вы как? – спросила она, убирая пачку в карман пальто. Дэвид был невероятно худ, с запавшими щеками. Кожа его имела медовый оттенок, под скулами лицо покрывала угревая сыпь, которая, однако, его не уродовала: он был очень даже недурен собой. Природа наградила его такими же карими глазами и полными губами, как у Андреа. Прищурившись, он посмотрел на Эрику и пожал плечами.

– Почему не на церемонии? – спросила Эрика.

– Ерунда это все... Эта показуха, которую спланировали родители, к Андреа не имеет *ни малейшего* отношения. Она была крикливой, развязной потаскухой, ни на чем не могла сосредоточиться. Но с ней было чертовски интересно, весело. «С ее появлением в комнате становилось светлее». Терпеть не могу эту затасканную фразу, но она точно про нее. Боже, ну почему Андреа, а не Лин... – Дэвид резко замолчал, устыдившись своих слов.

– Линда?

– Нет. Я не то хотел сказать. Хотя Линда так отчаянно стремится быть в центре внимания, что, думаю, она даже готова на то, чтобы быть зверски убитой. Тогда на ее страничке в Фейсбуке появилась бы куда более интересная новость, чем «Я работаю в цветочном салоне и люблю кошек...» – Дэвид расплакался. – Черт, черт, черт! Я же поклялся себе, что мне это не понадобится, – сказал он, вытаскивая из кармана маленькую упаковку салфеток.

– Дэвид, послушайте. Вы будете сожалеть о том, что пропустили

службу. Поверьте, это нужно испытать, вам станет легче. Да, понимаю, еще одна избитая фраза.

Дэвид высморкался и достал из пачки новую салфетку.

– А вы зачем пришли? – спросил он.

– Проводить в последний путь.

– Между прочим, родители именно вас винят в том, как освещает события пресса.

– А вы что думаете?

– Я думаю, что Андреа всегда честно признавала, что ей нравится зажигать с мужиками, нравится секс.

– А как же Джайлз?

– В ней он видел ценную добычу. Хотел заполучить в ее лице породистую жену, которая улучшила бы его генофонд. У них в роду слишком много родственных браков. Вы же, наверно, обратили внимание, что он на уродца смахивает.

– На уродца?

– На карнавального шута...

– Ну да.

– Простите, я веду себя как скотина.

– Имеете право. Во всяком случае, сегодня, – сказала Эрика.

– Да. А убийцу вы поймали. Марко Фроста.

Эрика затянулась сигаретой.

– Вы не верите, что это он убил, да?

– Как мама ваша? – спросила Эрика.

– Если хотите увести разговор в сторону, могли бы задать менее глупый вопрос. Вы ведь на вид далеко не глупая женщина, – заметил Дэвид, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Ладно. – Эрика достала копию фотографии Андреа с темноволосым мужчиной в баре. – Видели этого человека?

– Плавный переход, – съязвил Дэвид.

– Дэвид. Прошу вас. Это очень важно, – сказала Эрика, наблюдая за его лицом. Он взял у нее фотографию и стал рассматривать, покусывая губу.

– Нет.

– Вы уверены?

– Да.

– Линда в тот вечер тоже там была.

– А я нет, – заявил Дэвид.

– Глазам своим не верю. – Эрика повернулась на голос и увидела, что к

ним по двору направляется Саймон. Голова его клонилась набок, глаза сверкали гневом. Следом на высоких каблуках семенила Диана. Ее лицо пряталось в тени широких полей шляпы.

– У вас вообще нет совести? – Саймон остановился прямо перед Эрикой, приблизив к ней свое лицо. Она не отступила, смело встретив его взгляд.

– Дэвид, почему ты не в церкви? – спросила Диана срывающимся голосом, тоже подходя к ним.

– Я спрашивала у Дэвида, не знает ли он этого человека. Этот человек, я считаю... – начала Эрика. Саймон вырвал у нее фото, скомкал его и швырнул на землю. Потом схватил Эрику за локоть и потащил через двор.

– Меня уже тошнит от вас. Что вы все суετε нос в мои дела?! – орал он. – Эрика попыталась высвободиться, но он крепко держал ее, таща к дороге.

– Я стараюсь ради вас, ради Андреа... – сказала Эрика.

– Нет. Вы стараетесь ради собственной вонючей карьеры. Еще раз увижу вас рядом с кем-то из членов моей семьи, добьюсь, чтобы вас приструнили запретительным судебным приказом. Мой адвокат утверждает, что у меня есть на то все основания!

Они дошли до дороги. Мимо как раз проезжало такси. Саймон поднял руку, и такси, подкатив к обочине, остановилось прямо возле них. Саймон рывком открыл дверь и грубо втокнул Эрику в салон, так что она ударилась головой о дверцу.

– Увезите эту дрянь подальше отсюда, – рявкнул он в окно водителю, кинув ему купюру в пятьдесят фунтов.

Эрика смотрела на Саймона. Его карие глаза пылали бешенством.

– С вами все хорошо, милая? – спросил таксист, глядя на нее в зеркало заднего обзора.

– Да, езжайте, – ответила она.

Такси влилось в поток движения. Эрика обернулась. Саймон провожал ее злым взглядом. Дэвид, под руку с матерью, медленно направлялся к церкви.

Через кожаную ткань куртки Эрика потеряла свою руку, которая все еще горела после жесткой хватки Саймона.

Глава 46

Спустя несколько часов Эрика прибыла к крематорию Брокли. Он располагался на небольшой жилой улице, в стороне от центральной дороги и в шаговой доступности от ее квартиры. Эрика пошла по извилистой подъездной аллее, мимо высоких вечнозеленых деревьев, и у двустворчатых стеклянных дверей крематория увидела сержанта Вулфа. Тот был в несуразном костюме; его дряблые щеки покраснели от холода.

– Спасибо, что пришли, босс, – поблагодарил он.

– Вы это хорошо придумали. – Эрика взяла его под руку, и они вошли в здание. Часовня, даром что на вид немного казенная, оставляла благоприятное впечатление. Занавеси из ткани спокойного красного цвета, выцветший ковер, ряды деревянных скамеек со щербинами.

Впереди на обшитом деревом коробе, который при близком рассмотрении оказался транспортером, стоял небольшой картонный гроб.

На скамье в первом ряду с тремя внуками Айви сидела социальный работник – индианка средних лет. Детей умыли, искупали, привели в порядок: девочек нарядили в одинаковые синие платьица, мальчика – в костюм, который был ему великоват. Все трое встретили Эрику с Вулфом настороженными взглядами исподлобья, какими взирали на весь остальной мир. Ближе к выходу сидели еще три человека, пришедшие проводить покойную в последний путь: крупная женщина, которую Эрика видела с Айви в пабе, и еще одна – худая крашеная блондинка с черными у корней волосами и обветренным лицом. За ними сидел владелец «Короны» – рыжеватый блондин с прилизанными волосами, который и в элегантном костюме казался таким же огромным и внушительным. Он кивнул Эрике, когда они с Вулфом сели на скамью у самой двери.

Священник поднялся и почтительно-бесстрастным тоном забубнил молебен, на протяжении всей службы называя покойную Айви Нортон. Затем всех попросили произнести молитву «Отче наш», а после, к удивлению Эрики, со скамьи встал Вулф. Протиснувшись мимо нее, он прошел к кафедре, надел очки, сделал глубокий вдох и стал читать:

*Когда я уйду, ты меня отпусти,
Впереди у меня много дел.
Не тоскуй и не плачь обо мне,
Лучше радуйся счастью, что было и есть.*

*Я любила тебя, и за всю нашу жизнь
Столько счастья ты мне подарил.
За любовь и за радость спасибо тебе,
Только дальше пойду я одна.*

*Горе будет, но горе пройдет,
Ведь расстались мы не навсегда.
Ты меня вспоминай, и тогда
Буду жить я рядом с тобой.*

*Я рядом, пока продолжается жизнь,
Позови, и я появлюсь.*

*Ты не видишь меня, но я здесь,
Ты услышь меня сердцем своим,
И почувствуй любовь, что чиста и нежна.*

*Придет время, мы встретимся вновь,
И вечной станет любовь.*

К концу выступления Вулфа у Эрики по лицу струились слезы, и она почти злилась на себя. Ожидала, что ей придется сидеть на печальной церемонии, с которой нельзя уйти, а тут такое трогательное красивое стихотворение. Оно глубоко взволновало ее, перенесло туда, где она не хотела быть. Вернувшись на свое место и увидев, что Эрика плачет, Вулф смущенно кивнул ей и вышел из часовни. Заиграла музыка, гроб с Айви покатали к занавесям, которые с жужжанием раздвинулись и снова закрылись.

* * *

Вулф ждал Эрику у разбитых кругом небольших пустых клумб близ центрального входа.

- Все нормально, босс? – спросил он, когда она вышла на улицу.
- Да, вполне. Красивое стихотворение, – сказала Эрика.
- Только что нашел в Интернете. Называется «Тем, кого я люблю и кто любит меня». Незвестного автора. Я подумал, Айви заслужила, чтобы ее проводили добрым словом, – смущенно объяснил Вулф.
- На поминки идете? – Они обернулись на голос и увидели хозяина

«Короны».

– А вы поминки устраиваете? – спросила Эрика.

– Да так, выпьем по чуть-чуть. Айви была у нас завсегдатаем.

Взгляд Эрики упал на двух женщин – толстую и худую. Они курили под деревом в небольшом мемориальном садике.

– Подождите, я сейчас. – Эрика поспешила прочь, на ходу доставая из сумки копию фото Андреа с брюнетом.

– Ну ты и наглая баба, – сказала Эрике крупная женщина, когда она подошла к ним.

– Мне нужно кое-что у вас спросить... – начала Эрика, а женщина вдруг отклонила назад голову и плюнула ей в лицо.

– Ишь, явилась сюда, слезы лила крокодиловы. А ведь это из-за тебя Айви убили, гадина!

Важно ступая, она зашагала прочь. Потасканная блондинка осталась стоять на месте, глядя на потрясенную Эрику.

– Да-да, из-за тебя, – подтвердила она и добавила: – И нам ничего не известно. – Бросив мимолетный взгляд на фото, блондинка последовала за своей толстой товаркой. Эрика нашла в сумке салфетку и вытерла лицо.

* * *

Вернувшись, она увидела, что Вулфа нет, но хозяин «Короны» все еще ждет ее.

– Приятеля вашего вызвали по телефону, и он ушел, – сообщил тот. – Выпить не желаете?

– Вы действительно хотите – после того, что было в прошлый раз, – чтобы я пришла к вам в паб?

– Ну, как вам сказать? Мне импонируют упрямые блондинки. – Широко улыбаясь, он пожал плечами. – Пойдемте, вы у меня в долгу. Я спас вам жизнь.

– Свидание на поминках. Что может быть соблазнительнее... простите, мне надо бежать.

– Как угодно, – сказал он. – Это тот, кого вы ищете? Джордж Митчелл? Эрика замерла.

– Что?

– Я про фото, – объяснил хозяин «Короны». – Что еще там Джордж натворил?

– Вы знаете этого человека?

– Слыхал, – рассмеялся он. – Правда, другом я бы его не назвал.

Эрика показала ему фото.

– Этого человека зовут Джордж Митчелл?

– Да. Теперь вы меня пугаете. С ним ведь шутки плохи. Мне это никак не повредит?

– Нет. Вы знаете, где он живет?

– Нет, и это мое последнее слово. Больше я ничего не знаю. И вам я ничего не говорил, ладно? Слышите, я серьезно?

– Да. Хорошо, – пообещала Эрика. Забыв про свое приглашение, хозяин «Короны» покинул крематорий, сел в свою машину и покатил прочь. Эрика проводила его взглядом, потом снова повернулась лицом к низкому зданию. Территория вокруг него была идеально ухожена. Из длинной высокой трубы вилась струйка черного дыма.

– Прощай, Айви. Теперь ты свободна, лети на все четыре стороны, – взволнованно произнесла Эрика. – Кажется, я только что нашла негодяя, который тебя убил.

Глава 47

Шел одиннадцатый час. Эрика оставила несколько сообщений Мосс, Питерсону, Крейну и даже Вулфу. Она пыталась дозвониться им в отделение, но поскольку никого из них на месте не оказалось, она отправила им эсэмэски на мобильные телефоны.

Она понятия не имела, на службе они в этот час или нет, но догадывалась, что в отличие от нее у каждого из них есть личная жизнь. По возвращении с похорон она отправилась в кофейню и там попыталась в Интернете отыскать информацию о Джордже Митчелле. Ничего стоящего или интересного не нашла.

Эрика прошла к холодильнику, хотела налить себе еще бокал вина, но увидела, что бутылка пуста. Внезапно она почувствовала, что смертельно устала. Ей нужно выспаться.

Она погасила свет, прошла в ванную и долго стояла там под горячим душем. Когда выключила воду, ее окутали холодный воздух и клубившийся пар, что вызвало у нее раздражение. Она скучала по роскошной ванной в своем доме, который теперь сдавался в наем, и вообще скучала по своему дому. По своей мебели, по старой кровати, по саду. Она снова попыталась включить вытяжку и в итоге просто вытерла запотевшее зеркало. Если к утру никто из коллег не объявится, она нанесет визит в отделение полиции Луишем-Роу, решила Эрика.

Забравшись в постель, она снова попыталась вызвонить Питерсона, потом Мосс. Каждому из них она оставила сообщение, повторив, что ей известно имя мужчины с фотографии. Потом, раздосадованная и расстроенная, Эрика погасила свет.

* * *

Близилась полночь, Эрика спокойно спала. Мимо ее дома прошли пассажиры с последнего поезда, и на улице снова все стихло. В окно гостиной проникал свет уличных фонарей, добивая до стены ванной. Эрика повернулась во сне, сдвинула голову на подушке. Она не слышала, как вентилятор в ванной вывалился из отдушины и повис на шнуре, раскачиваясь и задевая стену.

* * *

Эрика внезапно проснулась, хотя ей ничего не снилось. В темноте на тумбочке светились красным цифры на часах: 00:13. Она поправила подушку и только собралась закрыть глаза, как услышала очень тихий

скрип. Эрика задержала дыхание. Скрип повторился. Спустя несколько секунд зашелестели бумаги в гостиной, потом, тихо-тихо, выдвинулся ящик в шкафу. Ее взгляд заметался по комнате в поисках оружия, какого-нибудь предмета, который можно было бы использовать для защиты.

Ничего подходящего. Но потом взгляд упал на лампу, что стояла на тумбочке. Она была металлическая и тяжелая, как подсвечник. Не сводя глаз с двери, Эрика очень медленно и беззвучно перегнулась на кровати и вытащила шнур из розетки. С затаенным дыханием она намотала шнур на ножку лампы и услышала слабый скрип прямо за дверью спальни.

Сжимая в руке лампу, Эрика осторожно встала с кровати. Снова скрип, теперь где-то дальше по коридору. Она замерла, прислушиваясь. Тишина. На цыпочках Эрика прокралась к стене, туда, где на полу заряжался ее мобильник. Включила его, жалея, что в квартире нет стационарного проводного телефона. Снова послышался скрип, на этот раз доносившийся от ванной. Она надеялась, что человек, проникший в квартиру, уже понял, что брать здесь нечего, и скоро уйдет. Все так же крадучись, Эрика пошла к двери, стараясь бесшумно ступать голыми ногами по деревянному полу, и вдруг тишину пронзил сигнал телефона, оповещающий о том, что аппарат загрузился.

Черт, надо ж так по-глупому подставиться. У нее участилось сердцебиение. Тишина, потом шаги, приближающиеся к ее спальне. Теперь уже не крадущиеся, а полновесные, уверенные. Незванный гость больше не боялся, что его услышат.

Все произошло внезапно: дверь распахнулась, и на нее набросилась черная с ног до головы фигура, рукой в черной перчатке схватившая ее за горло. В прорезях балаклавы блестели глаза. Эрику шокировала сила, заключенная в руке, которая плющила ее гортань и трахею. Она попыталась схватить лампу, но та выскользнула из руки на постель. Продолжая стискивать ее горло, мужчина толкнул Эрику на кровать.

Она брыкалась, дрыгала ногой, но мужчина ловко извернулся боком и бедром прижал к кровати обе ее ноги. Эрика попыталась сдернуть с его головы балаклаву и почувствовала, как острые локти пригвоздили к кровати ее плечи.

Руки все туже смыкались на ее шее. Она не могла дышать, вообще ничего не могла. Из ее открытого рта на подбородок стекала слюна. Казалось, кровь прилила к голове и к лицу, а его руки продолжали сдавливать шею – сильнее и сильнее. Эрика боялась, что голова ее взорвется до того, как ее задушат. Мужчина не издавал ни звука. Действовал с полнейшим самообладанием: дыхание ритмичное, руки чуть

дрожат от напряжения.

Боль становилась невыносимой. Большие пальцы впивались, вминались в горло. У Эрики перед глазами замелькали черные точки. Они множились, уплотнялись.

И вдруг – звонок в дверь. Давление на дыхательные пути усилилось, в глазах темнело. Снова звонок, более продолжительный. Потом громкий стук в дверь и голос Мосс:

– Босс, вы дома? Простите, что так поздно. Нужно поговорить...

Эрика знала, что умрет. Она не могла противостоять такой мощной силе. Она пальцами нащупала лампу, что лежала рядом с ней на кровати. Глаза заволакивала чернота. Собрав остатки сил, она толкнула пальцами лампу. Та чуть сдвинулась с места. Мосс снова забарабанила в дверь. Из последних сил Эрика пихнула лампу. Та соскользнула с кровати и с грохотом свалилась на пол, лампочка разбилась.

– Босс? – Мосс заколотила в дверь. – Босс? Что там у вас? Я выбью дверь!

Внезапно давление на горло прекратилось, мужчина выскочил из спальни.

Эрика лежала, конвульсивно открывая рот, пытаясь пропихнуть в легкие через измочаленное горло хотя бы капельку воздуха. Глухой стук. Мосс пыталась выбить дверь. Эрика поднатужилась – один раз, второй – и наконец вздохнула. Организм стал постепенно наполняться кислородом, к ней вернулось зрение. Нечеловеческим усилием воли она заставила себя подползти к краю кровати и оттуда бухнулась на деревянный пол. В руку вонзились осколки разбитой лампочки. Она поползла к двери, совершенно не думая о том, что незваный гость, возможно, еще в квартире. Ей было абсолютно все равно.

Снова удар в дверь, сильнее: Мосс с разбегу попыталась выбить ее плечом. С третьей попытки ей это удалось. Дверь с треском распахнулась.

– Боже мой, босс! – вскричала Мосс, ринувшись к лежащей на полу Эрике. Та все еще хватала ртом воздух, держась за горло. Из глубокого пореза на руке хлестала кровь, заливавшая ее подбородок и шею. С посеревшим лицом она обмякла на полу в дверном проеме спальни.

– Босс, черт, что случилось?

– Кровь... только рука, – прохрипела Эрика. – Кто-то... был... здесь...

Глава 48

Мосс, не медля, вызвала подкрепление, и в считанные минуты квартира Эрики наполнилась полицейскими. Потом прибыли эксперты-криминалисты. Они взяли соскобы из-под ее ногтей и с шеи и сказали, что им необходимо забрать всю ее одежду.

Пожилая дама из соседней квартиры поначалу не хотела открывать дверь Мосс, но, увидев снующих по лестнице полицейских, врачей «скорой помощи» и криминалистов, смягчилась ипустила их.

На Эрику надели белый комбинезон, так как теперь каждая ее вещь, каждый пяточок в ее квартире являлись частью места преступления. Два врача «скорой помощи», поднявшись в квартиру ее соседки, принялись перевязывать Эрике порезанную руку. Сама она в это время сидела на маленьком диване в гостиной старушки. На стене в клетке порхали и клевали зернышки два волнистых попугайчика.

– Милочка, давайте я налью вам чаю? – предложила старушка.

– Горячий чай ей нельзя, – сказал врач-мужчина, вместе со своей коллегой осматривавший Эрику.

Над каминной полкой висело под наклоном зеркало в золоченой оправе, в котором отражалась вся гостиная. Эрика увидела свое отражение. На шее у нее багровели воспаленные рубцы, белки глаз покрывала сеточка розовых прожилок. В углу левого глаза расплывалось красное пятнышко.

– В левом глазу у вас лопнул сосуд, – подтвердил врач, посветив ей фонариком в глаза. – Откройте рот. Будет больно, но вы уж постарайтесь как можно шире.

Эрика с трудом проглотила слюну и открыла рот.

Врач посветил фонариком ей в горло.

– Так, хорошо. Теперь, не закрывая рот, сделайте вдох...

Эрика попыталась, но начала давиться.

– Так, спокойнее... Хрящи гортани целы, отека верхних дыхательных путей я тоже не вижу.

– Это ведь хорошо, да? – спросила Мосс, появившись в дверях. Врач кивнул.

– Тогда, может, выпьете чего-нибудь холодненького? У меня в холодильнике есть приятный напиток из черной смородины, – предложила пожилая дама. На ней был длинный халат, а на голове, под сеточкой – ровные рядочки синих папилюток.

– Дайте немного обычной воды, – посоветовала женщина-врач. – Вы еще что-то повредили? Помимо руки, – добавила она, поворачиваясь к Эрике. Та, морщась, покачала головой.

– Босс, побудьте пока здесь. Я схожу поговорю с ребятами, что работают у вас в квартире. – Мосс ушла.

– Мы подождем внизу, вам на руку надо швы наложить, – сказала женщина-врач, наложив на порез тугую повязку. Эрика кивнула. Врачи «скорой помощи» закрыли свой чемоданчик и ушли. В гостиную со стаканом воды вернулась пожилая соседка. Эрика с благодарностью взяла у нее стакан и осторожно отпила глоток. Поперхнулась, закашлялась. Старушка бросилась к ней с салфеткой.

– Попробуйте еще раз, ма-а-аленькими глоточками, – произнесла она, держа салфетку у Эрики под подбородком. Эрике удалось проглотить немного воды, но в горле ощущалось мучительное жжение.

– Наш район... – продолжала женщина. – Я переехала сюда в 1957 году. Тогда все знали друг друга. Двери можно было не закрывать. Жили как одна большая община. А сегодня что... Недели не проходит, чтобы кого-нибудь не ограбили, к кому-то не залезли... Видите, я даже решетки на окна поставила, и у меня есть личная «тревожная» кнопка.

Она показала на маленькую красную пуговку, висевшую у нее на шее. В дверь постучали. Старушка пошла открывать и через минуту вернулась.

– Здесь высокий чернокожий парень. Говорит, он сотрудник полиции, – доложила она, с опаской входя в гостиную в сопровождении Питерсона.

– Бог мой, босс! – воскликнул тот.

Эрика слабо улыбнулась.

– Вы его босс? – удивилась старушка. Эрика пожала плечами, потом кивнула.

– Вы работаете в полиции?

– В должности старшего инспектора, – ответил за Эрику Питерсон. – Мы задействовали кучу народу на поквартирный обход. Пока ничего... Кто бы это ни был, он смылся.

– *Боже мой.* Подумать только! Если уж такое случилось со старшим инспектором полиции, что же тогда говорить о нас, простых смертных?! А вы кто? – спросила старушка Питерсона.

– Сотрудник полиции.

– Это понятно, дорогой. По должности вы кто?

– Инспектор, – ответил Питерсон.

– Знаете, кого вы мне напоминаете? – спросила старушка. – Как называется та передача про чернокожего полицейского?

– «Лютер»^[16], – ответил Питерсон, сию минуту скрыв свое раздражение.
– Ах да, «Лютер». Он очень хорош. Вам кто-нибудь говорил, что вы немного похожи на него?

Несмотря на все произошедшее, Эрика улыбнулась.

– Говорили и говорят. Обычно такие, как вы, – сказал Питерсон.

– О, спасибо, – поблагодарила старушка, не поняв его иронии. – Я стараюсь смотреть по телевизору только качественную драму, а не эти так называемые реалити-шоу. А Лютер в какой должности?

– Кажется, старший инспектор. Послушайте...

– Ну, раз он дослужился до старшего инспектора, значит, и вы дослужитесь, – заключила пожилая дама, потрепав его по плечу.

– Прошу прощения, мэм, но не могли бы вы на минутку оставить нас одних? – попросил Питерсон. Женщина кивнула и вышла из комнаты. Питерсон закатил глаза. Эрика попыталась улыбнуться, но всякое движение лицевых мышц отдавалось болью.

– Вот черт. Простите, босс. – Питерсон вытащил свой блокнот, пролистал его до чистой страницы. – Что-нибудь взяли?

Эрика покачала головой, потом пожала плечами. Питерсон задавал ей стандартные вопросы, в ответ на которые она только могла кивать или трясти головой, но в принципе, кроме того, что нападавший был рослым и сильным, никакой другой информацией она не располагала.

– Обидно. – Превозмогая боль, Эрика сдавленно сглотнула слюну. – Надо было... – Она жестами показала, что ей следовало сдернуть с нападавшего балаклаву.

– Босс, не корите себя. Задним числом всегда легко судить, – заметил Питерсон. Вернулась Мосс с коробом от вытяжки в руках.

– Он проник через вентиляционную трубу, – сообщила она.

– Это был... не знаю... мне кажется, это был он, – прохрипела Эрика.

– Босс, эксперты будут здесь работать всю ночь. Вам есть где остановиться? – спросил Питерсон.

– В отеле, – просипела Эрика.

– Нет, босс, вы поедете со мной, – заявила Мосс. – У меня есть свободная комната. Подберу вам кое-что из одежды... В таких нарядах, как у вас, стилисты конца 90-х щеголяли по клубам.

Эрика снова попыталась рассмеяться, но помешала боль. Как это ни парадоксально, но она была довольна. Он пришел, чтобы ее убить. Значит, она на верном пути.

Глава 49

Незнакомец, вопя и беснуясь в машине, мчался по Камберуэлл-Хай-стрит, не заботясь о том, что превышает скорость.

У меня ведь почти получилось. ПОЧТИ!

У него раздувались ноздри, из глаз струились слезы. Слезы ярости и боли. Вспомнить страшно, как он выбирался из квартиры Фостер. Чуть не рухнул вниз с задней стены дома – еле удержался. Потом неудачно спрыгнул на кирпичную стенку, оттуда скатился на тротуар. Не обращая внимания на боль, бежал в темноте на свет уличных фонарей. Бежал и бежал, обливаясь потом, не заботясь о том, что кто-то может его увидеть. Страх и боль придавали сил, выливаясь в последний всплеск безумной энергии.

Он ведь подобрался к ней вплотную. Свет в ее глазах только-только начал меркнуть, и вдруг...

На лобовое стекло неслись красные огни светофоров. Незнакомец нажал на тормоза, машина с визгом остановилась, чуть наехав на перекресток. На углу одной из улиц стоял паб, из которого вывалилась компания студентов. Они облепили машину, смеясь и показывая пальцами.

Черт, я не снял балаклаву.

Несколько студентов, проходя мимо, постучали по задку машины. Девушки, проходя перед машиной, приковались взглядами к лобовому стеклу.

Успокойся, открой лицо, веди себя как они – как обычный безбашенный студент.

Незнакомец церемонным движением стянул с головы балаклаву и стал корчить рожи студентам, смотревшим на него через стекло. Должно быть, в его лице все еще просвечивало безумие, потому что девушки завизжали, отпрянули от машины, а один парень согнулся, и его стошнило прямо у окна.

Загорелся зеленый свет, незнакомец с визгом рванул с места и помчался в сторону стадиона «Овал» и моста Блэкфрайарз.

Она ничего не видела, не могла видеть. Лица не было видно. Оно было скрыто...

Страх сменился гневом.

Она не дала мне совершить убийство.

Глава 50

Мосс отвезла Эрику в Луишемскую больницу, где ей сделали рентген горла и на порезанную руку наложили двенадцать швов. Эрике предписали неделю соблюдать покой и – самое главное – не разговаривать.

В пятом часу утра они приехали домой к Мосс. Возбуждение постепенно улеглось, и Эрику сковала усталость. Сотрясаясь мелкой дрожью, она вслед за Мосс прошла через калитку к опрятному домику в Лейдиуэлле. Дверь им открыла миловидная блондинка, баюкавшая на руках темноволосого малыша в голубой пижаме.

– Он проснулся. Так что по-быстренькому поздоровайся с ним, и я снова его уложу, – сказала она.

– Прости, не успела приехать ко сну. – Мосс взяла мальчика на руки, и они вошли в дом. Она смачно поцеловала малыша в щеку. Тот потер глаза, робко улыбнулся. – Моя жена Силия и наш сын Джейкоб, – представила Мосс свою семью, когда они ступили в уютную прихожую.

– Привет, Эрика, – поздоровалась Силия, не зная, как реагировать на ее травмированную шею, розовые глаза и бесформенный комбинезон для осмотра места преступления.

– Ты прилетела из космоса? – спросил Джейкоб с абсолютно серьезным выражением на маленьком личике. Эрика слабо улыбнулась, и они все рассмеялись. Лед был сломан.

– Нет... – просипела Эрика.

– В космосе преступников нет. Там, я уверена, все очень спокойно, – сказала Силия. – Я пойду уложу малыша. А вы, Эрика, располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Душ хотите принять?

Эрика кивнула.

– Кейт, возьми в шкафу полотенце для Эрики, пока я буду укладывать Джейкоба. Пожелай спокойной ночи, Джейкоб.

– Спокойной ночи, Джейкоб, – повторил мальчик с улыбкой.

– Постель в гостевой готова, я положила туда грелку, – добавила Силия.

Мосс поцеловала Силию с Джейкобом, и они ушли.

– Хорошая у вас семья, – прохрипела Эрика. Не зная, куда себя деть, она присела на краешек дивана.

– Врач велел вам молчать, босс... Спасибо. Мне очень повезло. Джейкоб появился несколько лет назад. Силия его родила. Я бы хотела

иметь дочку. Мы всегда говорили, что каждая родит по одному. Но... работа, работа.

Эрика что-то кvakнула.

– Вы что-то сказали?

Эрика досадливо затрясла головой, потом просипела:

– Не затягивайте... с детьми.

Понимающе кивнув, Мосс вышла на кухню и вернулась с двумя бокалами апельсинового сока. В том, что предназначался для Эрики, была соломинка.

– Вам нужно подпитать организм сладеньким.

Какое-то время они молча потягивали сок.

– Я поручила одному из ночных дежурных поискать в базе данных Джорджа Митчелла. Пусто.

Эрика сглотнула сок и покачала головой.

– Босс, вас только что пытались убить. Думаете, здесь есть связь?

Эрика почувствовала, что силы ее иссякли. И не важно, что было тому причиной – шок или изнурение. Ей было все равно. Она хотела спать. Она кивнула, затем, глянув на свой комбинезон, спросила:

– Душ?

– Да, босс, конечно, – ответила Мосс. С минуту она смотрела на Эрику. С тревогой и жалостью во взгляде.

* * *

Эрика долго стояла под душем, вытянув в сторону перевязанную руку, чтобы не намочить. Вдыхала пар в надежде, что это хоть как-то уймёт дикое жжение в горле. После душа она надела пижаму, что одолжила ей Мосс, и посмотрела на себя в зеркало в ванной. Глаза на выкате, белки розовые, шея спереди вспухла, как у жабы. Она открыла аптечку, рассчитывая найти там что-нибудь успокоительное или снотворное, но в шкафчике лежали только болеутоляющие средства и еще упаковка *Night Nurse*^[17]. Морщась от нестерпимой боли, Эрика осторожно проглотила одну таблетку.

Когда она вышла из ванной, в доме уже было темно и тихо. Лишь в коридоре горел ночник. По пути в гостевую она остановилась у приоткрытой двери в комнату Джейкоба. Мальчик крепко спал под синим одеялом. Над его кроватью вращалась, отбрасывая на стены мягкий свет, подвесная музыкальная карусель, наигрывавшая колыбельную.

Мосс почти каждый день рисковала жизнью, имела дело с психами, которые пускали в ход холодное и огнестрельное оружие, с мстителями и обиженными. Джейкоб спал, мирно посапывая в своей кровати. Его мир

состоял из двух мамочек, игрушек, подвесной карусели, которая размеренно вращалась над его головой, убаюкивая своей затихающей мелодией. Впервые Эрика задумалась, а стоит ли оно того. Арестовываешь одного преступника, его место занимают десять новых.

Крошечная гостевая комната находилась в самой глубине дома. Эрика забралась в односпальную кровать, укрылась с головой и попыталась заснуть. Каждый раз, закрывая глаза, она видела нависший над ней грозный силуэт, который выдавливал из нее жизнь. Непроницаемое лицо под шерстяной маской, два глаза, поблескивающих в полумраке.

Судьба ли так распорядилась, что Мосс постучала к ней в дверь в самый критический момент? Почему Эрика избежала смерти? Марк был гораздо лучше нее во всех отношениях. Добрый, терпеливый. Блестящий полицейский. Он завоевал себе особое место в этом мире. Сделал много хорошего и мог бы сделать еще больше.

Почему его смерть забрала, а ее пощадила?

Глава 51

Эрика гостила у Мосс и Силии несколько дней. Поначалу, изнуренная донельзя, она еще умудрялась спать. Но вскоре ее стали донимать боль в горле и в руке, невозможность общения и крошечная гостевая комната в доме Мосс, где у нее начинала развиваться клаустрофобия.

Силия старалась изо всех сил: приносила Эрике на подносе теплые супы и журналы. И малыш Джейкоб ее навещал, когда возвращался домой из детского сада. Пару раз он приносил с собой маленький DVD-проигрыватель, и они, сидя в кровати, смотрели мультфильмы «Миньоны» и «Отель “Трансильвания”»^[18].

Эрика снова и снова анализировала подробности дела, которое она расследовала. Вспоминала, как было обнаружено тело Андреа, потом встречу с ее родными – с Саймоном и Дианой, которые так были заняты своими делами, что детей воспитывали опосредованно, на расстоянии вытянутой руки. Между Линдой и Дэвидом не было ничего общего, и с Андреа их связывали совершенно разные отношения, но ни тот ни другая понятия не имели, чем занималась их сестра в вечер своего исчезновения. Им было неизвестно, зачем Андреа отправилась в помоечный сомнительный паб в южной части Лондона на встречу с Джорджем Митчеллом и некой, пока еще неустановленной блондинкой. Правда, в тот роковой вечер Андреа и ее собеседников случайно увидела Айви Норрис. И еще барменша Кристина. Но от них уже толку мало, они ничего не расскажут.

Есть еще три убитые девушки. Все мигрантки, как и она сама. Поэтому Эрика отказывалась называть их проститутками. Есть какая-то связь между ними и Андреа? Или они просто оказались не в том месте не в то время? Есть еще Марко Фрост, которого старший инспектор Спаркс определил в главные подозреваемые на основании косвенных, но правдоподобных улик, которые связали его с Андреа.

Детали дела в голове Эрики переплетались и скручивались в некую гигантскую «кошкину люльку»^[19]. Но где-то отсутствовало одно звено. Что-то такое, что могло связать человека, который пытался убить Эрику, с остальными убийствами.

Этот человек во сне навещал Эрику, но когда он хватал ее за горло, ей удавалось сорвать с его головы балаклаву и увидеть лицо.

И каждый раз это было другое лицо: Джорджа Митчелла, Саймона Дуглас-Брауна, Марка, Дэвида, Джайлза Осборна, даже Линды. В своем

последнем сне, сдернув балаклаву с нападавшего, Эрика увидела Андреа такой, какой ее выловили из-под льда: глаза вытаращены, зубы оскалены, в мокрых длинных темных волосах застряли листья.

Шли дни. Марш все не звонил. Мосс была занята на работе – ходила на судебные заседания, принимала участие в других расследованиях, и лишь вечерами ей удавалось немного поговорить с Эрикой. В полицейской базе данных на Джорджа Митчелла ничего не нашлось, его фамилия не значилась ни в списках избирателей, ни в базах данных финансовых организаций. Правда, появилась одна маленькая зацепка: фолликул волоса, обнаруженный на пижаме Эрики. Не исключено, что он принадлежал нападавшему, но в базе данных ДНК совпадений не нашли.

На четвертое утро горло у Эрики стало заживать, она начала разговаривать. Эрика понимала, что рано или поздно ей придется вернуться в свою квартиру. Она поблагодарила Силию, обняла на прощание маленького Джейкоба. Тот подарил ей свой рисунок, на котором изобразил Эрику в белом защитном балахоне, она поднималась на борт «летающей тарелки», чтобы отправиться в космос вместе с миньонами.

Рисунок Джейкоба в полной мере отражал ее нынешнее состояние.

Они ехали в тишине. Мосс со своего места за рулем искоса поглядывала на Эрику. Та была в одежде, позаимствованной у Силии.

– Босс, вы как?

– Нормально.

– Что намерены делать?

– Не знаю. Смотаю оградительную ленту, потом поеду навещу свекра.

– А что с расследованием?

– Найдите Джорджа Митчелла, Мосс. Он – ключ к разгадке.

– Но как же вы?

– А что я? Меня отстранили. Самое разумное – дождаться слушания, на котором, бог даст, я сумею вернуть себе удостоверение, не потеряв собственного достоинства. Впрочем, на достоинство мне плевать, но вот без удостоверения я как без рук.

Они подъехали к дому Эрики.

– Спасибо за все. Я очень вам благодарна, – сказала Эрика.

– Хотите, я зайду с вами?

– Не надо. Вам надо на работу.

– Я не брошу это дело, босс, – пообещала Мосс.

– Знаю. Только ведь у вас семья. Делайте то, что должны.

* * *

В квартире, когда Эрика поднялась туда, царил беспорядок. На всех

поверхностях лежал слой магнитного порошка, который используют для снятия отпечатков пальцев. Поперек входной двери все еще была натянута оградительная лента. Эрика прошла в спальню и остановила взгляд на кровати. На пуховом одеяле сохранились очертания ее тела и длинных ног нападавшего. Под коленями, которые он прижимал тяжестью своего тела, вмятины были глубже. Эрика дернула за край одеяла, и отпечаток разгладился. Она быстро собрала чемодан и прошла в ванную за туалетными принадлежностями. На зеркале тоже темнел слой дактилоскопического порошка; отдушина, где прежде находилась вытяжка, была перетянута лентой. Она покинула дом и покатила чемодан к станции. День выдался холодным и ясным. Она остановилась у кофейни напротив станции, решив, что попробует выпить кофе, даже если будет больно.

– С сахаром, или вы и без того сладкая? – уточнил, улыбаясь, симпатичный официант с пирсингом на губе, принимая у нее заказ.

– Мне надо подсластиться, – ответила Эрика.

– Устроим.

Она наблюдала за тем, как официант готовит кофе. Подавая стакан, он подмигнул ей. Эрика улыбнулась в ответ и пошла через дорожку к станции.

– Доброе утро. Надеюсь, вы не станете курить на моей платформе, – обратился к Эрике уже знакомый ей работник станции, открывая билетный автомат рядом с тем, у которого она остановилась.

– Нет, я бросила, – ответила Эрика. Она выбрала билет в одну сторону до станции Манчестер Пикадилли и сунула в автомат кредитную карту.

– Вот это вы молодец, милая, – похвалил ее железнодорожник, закрывая билетный автомат. Широко улыбнувшись, он зашагал в вестибюль. В маленький металлический кармашек упал билет Эрики.

На платформе народу было не очень много. Она достала телефон и позвонила Эдварду. Он снял трубку после нескольких гудков. Узнав ее, мгновенно оживился. Объяснив, что она едет к нему в гости, Эрика добавила:

– Надеюсь, я не слишком внезапно?

– Нет, ну что ты, родная. Постель в гостевой приготовлю, и все дела. – Голос его наполнился счастьем. – Звякни нам, когда будешь на подъезде, я чайник поставлю.

– Я всего на пару дней...

– Живи у нас сколько захочешь.

Впереди показался поезд. Эрика попрощалась с ним, допила кофе и огляделась, ища урну. Зазвонил ее телефон.

– Босс, это я, – услышала она в трубке возбужденный голос Мосс. –

Только что отпустили Марко Фроста.

Поезд проехал под пешеходным мостом, мимо замелькали вагоны.

– Отпустили? Почему?

– Адвокат Марко искал подтверждения его алиби. Нашел камеру видеонаблюдения на одном из газетных киосков в Мичелдевере.

Поезд уже замедлял ход. Эрика различала в вагонах пассажиров.

– А где это – Мичелдевер? – спросила она, чувствуя, как в животе заняло от волнения.

– В часе езды к югу от станции Лондон-бридж. Марко утверждал в своем новом алиби, что именно туда он направлялся вечером восьмого января. Как вам известно, доказательства, подтверждающие его слова, сочли недостаточными. Мичелдевер – крохотная станция, где нет камер видеонаблюдения... Это был главный аргумент – отсутствие видеокамер, – объяснила Мосс.

Поезд остановился. Отъезжающие ринулись к вагонам.

– На записи с видеокамеры на киоске видно, что в 8.50 Марко Фрост остановился возле него, закуривая сигарету. Газетный киоск стоит в тридцати пяти минутах ходьбы от железнодорожной станции. Значит, он действительно прибыл туда в 8.10 вечера поездом, который шел от станции Лондон-бридж.

Двери поезда, запищав, открылись, и вокруг Эрики стали снова пассажиры.

– Теперь можно с уверенностью сказать, – продолжала Мосс, – что в момент пропажи Андреа Марко Фрост находился в часе тридцати пяти минутах езды от Лондона. Маловероятно, что он тем же вечером успел бы вернуться в Лондон на последнем поезде. Так что он чист.

Пассажиры садились в вагоны. Проводник, стоя на краю платформы, ждал, когда электронные часы отсчитают последние секунды до отхода поезда.

– Марш теперь, конечно, пишет кипятком. Прокуратура прокукарекала прессе, что мы поймали убийцу Андреа, а тут какой-то там бесплатный адвокатишка позвонил в киоск, попросил копию видеозаписи и развалил все дело... Вы слушаете, босс?

– Слушаю, – отозвалась Эрика.

Проводник дал свисток.

– Если не садитесь, отойдите от поезда! – крикнул он, жестом показывая Эрике, чтобы она отступила за желтую линию. Эрика заглянула в вагон. Прямо у входа было одно свободное место. На нее пахло теплом. На дверях загорелись огоньки, они предупредительно запищали.

– Я думала, вы обрадуетесь, босс?

– Да, я рада. Это значит...

– Я хотела вас предупредить. Марш, я думаю, вам позвонит.

Двери поезда начали закрываться. В это самое мгновение какой-то мужчина в кожаной куртке сбежал с моста на платформу и нырнул в вагон, застряв между закрывающимися дверями. Двери, запищав, снова открылись, освобождая его.

Эрика услышала в телефоне короткое «бип» и увидела, что к ней прорывается Марш.

– Вот он как раз звонит.

– Ладно, не буду занимать линию, – сказала Мосс. – Дайте знать, что там дальше будет.

Двери поезда закрывались. Она упускала свой последний шанс сесть в поезд и уехать на север. Двери закрылись. Эрика ответила на звонок.

– Старший инспектор Фостер, как самочувствие? – спросил Марш совершенно неискренне, с паникой в голосе.

– Теперь я знаю, что чувствует цыпленок за несколько секунд до смерти, – съязвила она.

Поезд клацнул, задребезжал и покатил мимо платформы.

– Извините, что не связался с вами раньше, как-то...

– Да, я слышала, что вам пришлось отпустить Марко Фроста.

– Может, согласитесь подъехать в отделение? Надо поговорить, – сказал Марш.

Эрика помолчала, провожая взглядом удаляющийся поезд, который постепенно скрывался за поворотом.

– Буду через пятнадцать минут, сэр. – Она подняла чемодан, посмотрела вокруг, прощаясь с реальным миром, к которому, как ей ненадолго показалось, она могла бы приобщиться, и поспешила со станции.

Глава 52

В дежурной части отделения полиции Луишем-Роу Эрика застала драку. Два подростка, сцепившись, с глухим стуком повалились на бетонный пол и принялись кататься по нему, подстрекаемые другими детьми и их столь же юными мамами. Мальчик покрупнее оседлал своего менее рослого противника и принялся кулаками мутузить его по лицу. У того зубы порозовели от крови. Вулф и еще двое полицейских бросились разнимать драчунов. Уворачиваясь от размахивающих рук, Эрика прошла к двери, что вела во внутренний коридор, и Мосс впустила ее.

– Черт, как же я рада, что вы вернулись, – сказала она, когда они пошли по коридору.

– Рано радуешься. Меня просто вызвали, а не пригласили, – охладила ее пыл Эрика, сама нервничая от волнения.

– Марш теперь рвет и мечет, – объяснила Мосс.

– Вполне закономерный результат, когда позволяешь сторонним лицам руководить следствием, – заметила Эрика.

Они остановились перед кабинетом Марша. Мосс постучала, и они сразу вошли. Марш, бледный, как полотно, стоял у компьютера и смотрел на сайте «Би-би-си ньюс» сенсационный репортаж об освобождении Марко Фроста.

– Благодарю вас, инспектор Мосс. Старший инспектор Фостер, присаживайтесь, пожалуйста.

– Сэр, я бы хотела, чтобы Мосс осталась. Она работала над этим делом, пока я...

– Мне известно про ваше *расследование*.

Раздался бойкий стук в дверь, и в кабинет заглянула секретарша Марша.

– Сэр Саймон Дуглас-Браун на проводе. Говорит, по срочному делу.

Марш провел рукой по своим коротким волосам. Вид у него был утомленно-встревоженный.

– Передайте, пожалуйста, что у меня важное совещание и я перезвоню, как только освобожусь. Спасибо.

Секретарша кивнула и удалилась, закрыв дверь.

– Это со мной, что ли, важное совещание? – спросила Эрика. Марш обошел вокруг стола и сел. Эрика с Мосс выдвинули стулья.

Марш натянуто улыбнулся.

– Послушайте, старший инспектор Фостер... Эрика. В том, что произошло, приятного, конечно, мало. Признаю, наверно, с вами обошлись несправедливо, и в ближайшее время я непременно подниму этот вопрос. Но сейчас мы внезапно оказались в критическом положении. Вернулись туда, с чего начали. Мне нужна вся информация и все выводы, к которым вы пришли, отработывая свою альтернативную версию.

– Которая, я надеюсь, теперь станет вашей основной версией?

– Это я сам решу. Просто сообщите все, что вам известно, – потребовал Марш.

– Нет, – ответила Эрика.

– Нет?

– Босс, я все вам расскажу и изложу свои доводы, когда вы вернете мне удостоверение и восстановите в должности руководителя следственной группы по данному делу. – Эрика откинулась на стуле, глядя на Марша.

– Кем вы себя возомнили? Пришли сюда... – начал он.

– Ладно. Не буду мешать вашему общению с сэром Саймоном. Передавайте ему от меня привет. – Эрика встала, намереваясь уйти.

– Вы требуете практически невозможного. Против вас, старший инспектор Фостер, выдвинуто серьезное обвинение в жестоком обращении с несовершеннолетними!

– Это чушь собачья, а не обвинение. Помощник комиссара Оукли получил указание от Саймона Дуглас-Брауна убрать меня с этого дела. Маленький Мэтью Норрис постоянно попадает в изолятор для несовершеннолетних преступников. Он неоднократно нападал на социальных работников, и, повторяю, я его ударила потому, что он зубами впился мне в руку. Если все дело в этом, что ж... тогда вам придется попрощаться с человеком, который способен найти убийцу. И, разумеется, все это я повторю прессе. Молчать не стану.

Марш провел рукой по волосам.

– Сэр, Марко Фрост только что представил железное алиби и выставил вас шайкой некомпетентных шутов. Неужели старшему инспектору Спарксу не пришло в голову перепроверить факты? Как можно было не посмотреть запись с видеокамеры на газетном киоске?! Дурдом! Да, и еще я ясно дам понять прессе, что убийца до сих пор на свободе благодаря вам, старшему инспектору Спарксу, ну и, конечно, лично самому помощнику комиссара Оукли, этому лощеному прохвосту.

У Марша вид был такой, будто он сейчас взорвется. Эрика открыто смотрела ему в лицо, не думая отводить взгляд.

– Поставьте меня снова на это дело, и я посажу подонка, – пообещала она.

Марш встал и отошел к окну, глядя на унылый январский пейзаж. Потом снова повернулся к ней.

– Ладно, черт возьми. Но вы на коротком поводке. Это вам понятно, старший инспектор Фостер?

Мосс, с торжествующим блеском в глазах, едва заметно улыбнулась Эрике.

– Понятно. Спасибо, сэр.

Марш снова сел за стол.

– А теперь выкладывайте, что вы намерены предпринять?

– Конечно. Я предлагаю снова обратиться к общественности. Подготовить новое обращение. Если можете использовать свое влияние, хорошо бы сделать телевизионную инсценировку обстоятельств преступления. Нас будут ругать за Марко Фроста, и мы должны быть готовы четко изложить те меры, которые мы принимаем, чтобы пресса сосредоточилась именно на этом, а не на наших просчетах.

Марш смотрел на Эрику, а она продолжала:

– Мы уже один раз рапортовали, что поймали убийцу. Еще раз этого делать нельзя, пока действительно не поймем настоящего убийцу. Мы должны вести прессу за собой. Все внимание – на Джорджа Митчелла. Мы должны разместить в СМИ фотографии, на которых он запечатлен с Андреа... Нам понадобится козел отпущения. Пресса потребует представить им виновника всей этой лажи. И у меня есть подходящая кандидатура.

Глава 53

Эрика сделала глубокий вдох и открыла дверь в оперативный отдел. Старший инспектор Спаркс что-то говорил, стоя перед пустыми демонстрационными досками. Остальные члены следственной группы внимали ему со смурными лицами из разных концов комнаты.

Спаркс выглядел злым и осунувшимся. Его длинные темные волосы были зачесаны назад, и там, где они касались воротника, расплывались сальные пятна.

– У меня будет отдельный разговор с каждым из вас, и спрашивать я буду строго. Мы проведем доскональный анализ с самых первых шагов и установим того, кто именно не удосужился элементарно сопоставить время отъезда Марко Фроста со станции Лондон-бридж с...

Спаркс умолк на полуслове, увидев, что в отдел вошли Эрика с Мосс.

– Обходной пришли подписать, Фостер? – усмехнулся он. Остальные полицейские сидели с каменными лицами.

– Вообще-то я пришла за своим удостоверением, – ответила Эрика, показав документ Спарксу. Тот растерялся. – Вам известны должностные обязанности руководителя следственной группы, старший инспектор Спаркс?

– Разумеется, тем более что руководитель следственной группы здесь один, – сказал он. – Простите, что вам угодно? Я провожу совещание.

– Руководитель следственной группы – это человек, который организует работу и руководит действиями следственной группы. Причем слово «руководитель» означает не то, что вы старше своих подчиненных и вправе запугивать их, когда что-то пошло не так. Руководитель – это тот, кто несет ответственность за свои ошибки.

– Я вас не понимаю, – произнес Спаркс менее уверенным тоном.

– В том-то и беда. Меня восстановили в должности. И как руководитель следственной группы я отдаю свое первое распоряжение: отправляйтесь-ка в кабинет Марша.

Спаркс оцепенел.

– Прямо сейчас, старший инспектор Спаркс.

Он посмотрел на Эрику, на остальных, кто был в комнате, затем медленным шагом прошел к своему столу, взял пальто и покинул отдел. Спаркс еще не успел скрыться за дверью, как Крейн стал аплодировать. Остальные поддержали его, а Питерсон приставил ко рту два пальца и

свистнул. Эрика была тронута, покраснев, опустила глаза.

– Но все, успокоились, – сказала она. – Я вам очень признательна, но убийца еще на свободе. – Аплодисменты стихли. Эрика подошла к одной из демонстрационных досок и прикрепila на нее фотографию Андреа с Джорджем Митчеллом.

– Это – наш главный подозреваемый. Джордж Митчелл. Любовник Андреа Дуглас-Браун и в конечном итоге ее убийца. Он также подозревается в изнасиловании и убийстве Татьяны Ивановой, Мирки Братовой, Каролины Тодоровой и Айви Норрис.

Эрику слушали в полнейшей тишине.

– До сего дня в центре внимания было убийство Андреа Дуглас-Браун. Ее лицо не сходило с первых полос газет, новостных Интернет-сайтов и телеэкранов, оно впечаталось в сознание общественности. Да, она была богата, принадлежала к элите общества. Но умерла ужасной смертью: в одиночестве, страхе и беспомощности. Татьяна Иванова, Мирка Братова, Каролина Тодорова и Айви Норрис считались проститутками, но, уверяю вас, они избрали этот путь не по своей воле. При других обстоятельствах жизнь каждой из них могла бы сложиться столь же удачно, как у Андреа. Их тоже настигла мучительная смерть. А говорю я это вот зачем: хочу, чтобы вы забыли о социальном положении этих женщин. Отвлекитесь от того, что у нас в стране все мы делаем изо дня в день – делим людей на социальные классы. Они все равны, все жертвы и заслуживают того, чтобы им было уделено одинаковое внимание.

Эрика умолкла на время. Крейн принялся прикреплять фотографии жертв.

– Итак, это человек, представляющий для нас чрезвычайный интерес, основная цель нашего расследования. – Эрика показала на фото Джорджа Митчелла. – Он состоял в сексуальной связи с Андреа, они фотографировались вместе за четыре дня до ее исчезновения. Я также считаю, что она встречалась с ним и с некой неопознанной блондинкой в тот вечер, когда ее похитили. Прошу всех еще раз полностью просмотреть содержимое второго телефона Андреа Дуглас-Браун. Оно размещено в служебной сети. Прошу вас оценить материал свежим взглядом. Глупых вопросов не бывает. Я уверена: найдем его – раскроем убийство.

Сотрудники оперативного отдела кивнули в унисон.

– Сегодня во второй половине дня, – продолжала Эрика, – мы выступим с новым обращением перед прессой с целью получения дополнительной информации. Расскажем все, что знаем, сообщим, что главный подозреваемый – Джордж Митчелл. Надеюсь, это поможет нам

получить новые сведения или согнать его с того места, где он скрывается.

Эрика помолчала, проверяя, обеспечено ли ей полное внимание аудитории, и продолжала:

– Прошу уделить особое внимание остальным жертвам. Нераскрытые убийства Татьяны Ивановой, Мирки Братовой и Каролины Тодоровой раньше никогда не связывали одно с другим. Еще раз внимательно изучите все материалы по этим трем делам. Ищите любую связь, любое сходство. Были ли жертвы знакомы между собой? Если да, как познакомились, зачем?

Раздался стук в дверь, и в оперативный отдел вошла сотрудник пресс-службы Коллин.

– Простите за вторжение, старший инспектор Фостер. С минуты на минуту должны позвонить из агентства «Рейтер», чтобы взять интервью по телефону. Я подумала, вы тоже захотите поприсутствовать, – сказала она.

– Да, иду. Благодарю за внимание. Мы должны продвинуться в этом расследовании. Забудьте про Марко Фроста. Забудьте про прессу. Отбросьте свои предубеждения. Сосредоточьтесь на тех задачах, что стоят перед нами здесь и сейчас. Будем опережать журналистов, начнем выигрывать.

Эрика встала и вышла из оперативного отдела, где уже закипела активная деятельность.

Глава 54

Эта пресс-конференция разительно отличалась от той, что была организована в гостинице близ Мраморной арки. Эрика настояла, чтобы встреча с журналистами проходила перед зданием отделения полиции Луишем-Роу и носила более искренний и убедительный характер, чем предыдущее помпезное мероприятие с видеозэкранами и элегантным конференц-залом.

Она также настояла на том, чтобы Марш на пресс-конференции не присутствовал. Он встретил ее предложение в штыки, но в конце концов согласился. Смеркалось, когда Эрика, Мосс и Питерсон вышли на крыльцо отделения полиции Луишем-Роу, перед которым собрались представители различных телевизионных компаний и печатных СМИ. На них направили яркий свет, отражавшийся от поцарапанной двери центрального входа, служившей им фоном.

– Спасибо, что пришли, – вознесся над толпой голос Эрики. Она видела перед собой море объективов. Телекамеры снимали лестницу, на которой они стояли, сверкали вспышки фотоаппаратов. Мосс и Питерсон смотрели строго перед собой.

– Полагаю, у многих из вас уже, наверно, готовы комментарии об этой пресс-конференции, – продолжала Эрика, – о том, что я намерена сказать. Но прежде чем ваше внимание рассеется и вы мысленно начнете составлять текст своих статей и репортажей, в которых красноречиво заклейте некомпетентность полиции, или прежде чем вы решите, что смерть Андреа более достойна освещения в СМИ, чем трагическая гибель выходцев из непривилегированных слоев общества, подумайте о том, зачем мы сегодня здесь собрались. Наша работа – ловить преступников, ваша – освещать нашу работу со всей объективностью. Да, мы используем друг друга. Полиция использует прессу, чтобы продвинуться в расследовании, распространить информацию. Вы, освещая ход следствия, зарабатываете на нас. Поэтому, господа журналисты, я прошу вас, чтобы сегодня мы объединили усилия. Если позволите, я дам вам новый материал для ваших обзоров.

Эрика умолкла на несколько секунд.

– Сегодня Марко Фроста освободили из-под стражи за недостаточностью улик. Ему удалось представить нам алиби, и мы были вынуждены его отпустить. Он невиновен. Но это – не главное в ваших

статьях. Главное то, что убийца Андреа по-прежнему на свободе, где-то среди нас. После того как мы тщательно изучили все материалы и изменили основное направление расследования, у нас появились все основания полагать, что убийство Андреа – не единичный случай. Человек, которого мы разыскиваем, и раньше совершал убийства. Мы считаем, что он виновен в гибели трех молодых женщин из Восточной Европы: Татьяны Ивановой, Мирки Братовой и Каролины Тодоровой. Они все приехали в Лондон в надежде на то, что здесь им найдут хорошую работу. Однако их переправили в страну нелегально для занятия проституцией и заставили отрабатывать долг. Мы также считаем, что этот же человек виновен в убийстве сорокасемилетней Айви Норрис. А теперь, пожалуйста, взгляните на фото нашего главного подозреваемого. Его зовут Джордж Митчелл...

* * *

В оперативном отделе суперинтендант Марш вместе с Коллин следил за ходом пресс-конференции по каналу «Би-би-си ньюс».

– Как-то по-дилетантски это выглядит, да и вещает она как учительница, – высказался он, когда Эрику, Мосс и Питерсона на экране сменила фотография Джорджа Митчелла.

– Ну конечно, если женщина уверена в своем мнении, значит, она *вещает как учительница*, – заметила Коллин.

Внизу экрана высветились телефон и адрес электронной почты. Через несколько мгновений в кадре снова появилась Эрика.

– Если вы располагаете какой-либо информацией об этом человеке, просим связаться с нами по координатам, которые указаны на экране. Конфиденциальность гарантируется. Мы также советуем всем, кто увидит этого человека, не приближаться к нему. Я благодарю представителей прессы за то, что уделили нам время, и за содействие.

С минуту на экране ничего не происходило, потом журналисты разразились вопросами.

– Марко Фросту выплатят компенсацию? – выкрикнул чей-то голос.

– Дело Марко Фроста будет рассмотрено в соответствии с законом. Прокуратура рассмотрит его в срочном порядке, – ответила Эрика.

Журналисты продолжали засыпать ее вопросами.

– Эти убийства связаны с предпринимательской деятельностью сэра Саймона Дуглас-Брауна?

– Думаю, мы должны помнить, что сэр Саймон – отец жертвы. Его дочь настигла ужасная смерть. Как и других девушек. И у них тоже есть родные, которые оплакивают свою утрату каждый день. Расследование данного дела затруднялось тем, что велось по шаблонным направлениям.

Теперь мы точно знаем, что секреты Андреа – это те самые ниточки, которые выведут нас на убийцу. Пожалуйста, не осуждайте ни ее, ни ее родных.

– Черт, ведь знал же, что это плохая идея, – произнес Марш.

– Нет. Все хорошо. Она установила контакт с людьми. Эта пресс-конференция гораздо более толковая и человечная, чем прошлая, – возразила Коллин. Марш искоса посмотрел на нее, но она не отрывала глаз от телевизора.

На экране появился общий план. Эрика, Мосс и Питерсон поднялись по ступенькам к входу в отделение полиции и скрылись за дверью. Затем камеры показали студию «Би-би-си ньюс». Ведущий попросил корреспондента канала, который вел репортаж с места событий, дать свои комментарии.

– Со стороны полиции это смелый шаг, тем более что после нескольких недель следствия у них по-прежнему очень мало улик. Подозреваемый на свободе, а времени все меньше.

– Что значит «меньше»? О чем это он? – пробурчал Марш.

А телерепортер на экране продолжал:

– В печати появились новые разоблачительные материалы о сэре Саймоне Дуглас-Брауне. Речь идет о его причастности к сделкам по поставкам оружия Саудовской Аравии. Появились и намеки на внебрачные связи.

Камеры снова переключились на ведущего программы новостей.

– Эта пресс-конференция ознаменовала заметный сдвиг в полицейском расследовании. Если в предыдущие недели столичная полиция, похоже, плясала под дудку семьи Дуглас-Браун, то теперь, судя по всему, они выдвигают реальную версию, основанную на фактах, которые родные жертвы, очевидно, предпочли бы скрыть от прессы.

Камера показала телерепортера перед зданием отделения полиции Луишем-Роу.

– Думаю, да. Полагаю, что эта пресс-конференция вобьет клин в отношениях между истеблишментом и службой полиции, зато она повысит авторитет полиции и обеспечит ей самостоятельность, что, я уверен, поможет ей вернуть поддержку общества.

– Вот, видите? Как раз то, чего мы добиваемся. Я сделаю несколько звонков и распространю запись с этими комментариями, – сказала Коллин.

Марш почувствовал, как его лоб покрывается испариной, ощутил, как в кармане завибрировал телефон. Он вытащил аппарат: ему звонил Саймон Дуглас-Браун.

Глава 55

Последние несколько дней прошли в тумане досады и раздражения. Подобраться так близко, а потом отступить! – бесился незнакомец. Старший инспектор Фостер не просто выжила – она стала сильнее.

И снова возглавляет это чертово расследование!

Он смотрел пресс-конференцию, на которой Фостер во всеуслышание заявила, что все убийства совершены одним и тем же лицом, и теперь его раздражали противоречивые чувства. Инстинкт подсказывал, что нужно бежать, начать жизнь с чистого листа, но что-то зудело в нем, не давая покоя. Да, связь установлена, но у полиции на него ничего нет. В этом он уверен.

И в шесть часов вечера он подъехал к вокзалу Паддингтон, туда, где такси высаживают и забирают пассажиров, туда, где «дежурят» девицы...

Он притормозил возле симпатичной девушки; та, казалось, пришла в замешательство. Она стояла чуть поодаль, в конце грязной объездной дороги, куда таксисты заезжают, чтобы развернуться, или заглядывают те, кому приспичило «хорошо провести время».

– Отдохнуть не желаете? Могу устроить, – произнесла девица заученную фразу. В ее речи слышался сильный восточноевропейский акцент. Худенькая, в обтягивающих леггинсах и блузке на тонких лямках, поверх которой был надет объемный затасканный полушубок из искусственного меха, она ежилась на холоде. Бледное лицо с заостренными чертами, абсолютно прямые волосы до плеч, вокруг глаз наложены тени с блёстками. Перекатывая во рту жвачку, в ожидании ответа девица прислонилась к мусорному контейнеру.

– Желаю... Только мне нужно нечто особенное, менее традиционное.

– Вот как? Менее традиционное стоит дороже.

– Я знаю твоего босса, – сказал незнакомец.

– Ну да, все так говорят... – усмехнулась она. – Если на скидку рассчитываете, можете убираться ко всем чертям. – Она отвернулась.

Мужчина чуть высунул голову из окна и назвал имя. Девушка остановилась, подошла к машине, оставив всякие потуги казаться соблазнительной. В ее глазах сквозил испуг. Страх в окаймлении блеска.

– Это он вас прислал? – спросила она, глядя на машины, что с ревом неслись мимо.

– Нет. Но он знает, что я даю ему заработать... И рассчитывает, что я

получу то, чего хочу.

Девушка прищурилась. Чутье у нее было хорошее. Не так-то просто ее уговорить.

– Ну и..? Вы приезжаете сюда, называете имя моего босса. От меня-то что надо?

– Мне нравится секс на природе, – ответил незнакомец.

– Ладно.

– И еще мне нравится, когда девушка изображает страх...

– То есть хотите поиграть в изнасилование? – прямо спросила она, закатывая глаза. Осмотревшись, девица оттянула вниз верх майки, обнажив маленькие упругие грудки. – Это будет стоить дороже.

– Не обеднею, – ответил незнакомец.

Она поправила на себе топ.

– Да? Покажите.

Мужчина вытащил бумажник, раскрыл его и сунул девушке под нос. В свете уличных фонарей замерцала толстая пачка хрустящих купюр.

– Полторы штуки. И у нас будет кодовое слово, – сказала девица, вытаскивая из леггинсов мобильный телефон, но мужчина тут же накрыл его рукой.

– Нет, нет, нет. Я хочу, чтобы все было как можно правдоподобней. Как в сказке... А сообщать никому не надо.

– Я должна позвонить.

– Даю еще пять сотен. Босс ничего не должен знать.

– Исключено. Он узнает. К тому же у меня нет кодового слова.

– Так и быть. Плачу еще сверху. Две штуки. Кодовое слово – «Эрика».

– Эрика?

– Да. Эрика.

Девушка смотрела по сторонам, кусая губу.

– Ладно, – наконец согласилась она, открывая дверцу и садясь в машину. Автомобиль тронулся с места. Мужчина заблокировал систему в машине двери, сказав, что это тоже часть игры.

Глава 56

После пресс-конференции в оперативном отделе было относительно тихо. Сотрудники слонялись по комнате, иногда отвечая на звонки. Ожидание затягивалось, а все жаждали услышать что-то стоящее. Но пока позвонили только несколько фантазеров.

– Кошмар. Неужели ни у кого никакой информации?! – кипятилась Эрика, поглядывая на часы. – Сил моих больше нет. Пойду перекурю.

Только она вышла на крыльцо отделения полиции, как следом за ней появился сержант Крейн.

– Босс, интересный звонок, – сообщил он. – Поговорите сами.

– Кто звонит? – спросила Эрика.

– Некая молодая женщина. Говорит, что она – Барбора Кардошова. Пропавшая лучшая подруга Андреа.

Эрика быстро вернулась в оперативный отдел и взяла трубку.

– Я говорю с сотрудником полиции, которая выступала сегодня по телевидению? – спросил молодой женский голос с восточноевропейским акцентом.

– Да. Со старшим инспектором Эрикой Фостер. У вас есть информация о Джордже Митчелле?

– Да, – ответила девушка и, помолчав, добавила: – Но по телефону я ничего не скажу.

– Мы гарантируем вам конфиденциальность. Все останется между нами, – заверила ее Эрика. Глянув на дисплей, она увидела, что звонят со скрытого номера. Эрика посмотрела на Крейна. Тот кивнул, давая понять, что уже отслеживает звонок.

– Простите, по телефону я говорить не стану, – повторила девушка дрожащим голосом.

– Хорошо, хорошо. Можно с вами встретиться? – спросила Эрика. – В любом месте, где вам удобно.

Питерсон что-то быстро начеркал на листочке и показал Эрике. «ПУСТЬ ПРИЕДЕТ СЮДА!» – прочитала она.

– Вы в Лондоне? Может, подъедете к нам сюда в отделение, в Луишем-Роу?

– Нет... Нет-нет... – В голосе девушки слышалась паника. Она умолкла. Эрика посмотрела на Крейна. Тот одними губами прошептал, что это телефон с посуточной оплатой.

– Алло, Барбора, вы слушаете?

– Да. По телефону я больше ничего не скажу. Мне нужно вам кое-что рассказать. Я могу встретиться с вами завтра в одиннадцать. Запишите адрес...

Эрика быстро записала адрес и хотела задавать следующий вопрос, но в трубке пошли гудки.

– Это был номер с посуточной оплатой, босс. Увы, – доложил Крейн.

– Судя по голосу, она очень напугана, – сказала Эрика, положив трубку.

– Где она хочет встретиться? – спросил Питерсон. Эрика набрала адрес в поисковике. На экране выскочила карта. Огромный лесной массив.

– В Норфолке, – ответила Эрика.

– В Норфолке? Во куда забралась! – удивилась Мосс.

Засигналил мобильный телефон Эрики. Она увидела, что звонит Эдвард.

– Простите, мне нужно принять этот звонок. Проложите маршрут, и, когда я вернусь, мы решим, как действовать, – распорядилась она, выходя из комнаты.

В коридоре было тихо, и она ответила на звонок.

– Ну что, девонька, я так понимаю, ты не приедешь? – спросил Эдвард. Эрика увидела, что уже пять минут шестого.

– Прости... Неужели ты все еще ждешь там? На платформе?

– Нет, девонька. Я видел тебя сегодня по телевизору и подумал, что ты вряд ли будешь здесь в пять часов, ведь ты же не птичка.

Эрика вспомнила все, что случилось за день. Сегодняшнее утро казалось таким далеким, как будто миллион лет прошло.

– Ты здорово выступила на пресс-конференции, родная, – сказал Эдвард. – Заставила меня пожалеть ту девушку, Андреа. Ведь газеты писали о ней не очень хорошие вещи, да?

– Спасибо. Все произошло так внезапно. Сегодня утром меня вызвали на службу. Я как раз садилась в поезд, чтобы ехать к тебе, и...

– И ты про меня забыла, да?

– Да, – тихо произнесла Эрика.

– Послушай, родная. Делай то, что должна делать. А я никуда не денусь.

Мосс, появившись в дверях, знаком сообщила Эрике, что хочет с ней поговорить.

– Извини, мне пора. Можно, я тебе позже перезвоню? – спросила Эрика.

– Конечно, родная. Береги себя, ладно? Поймай того негодяя и посади его на веки вечные.

– Непременно, – пообещала Эрика. В телефоне раздался щелчок, и Эдвард повесил трубку. – Непременно, – повторила она. – Клянусь.

Глубоко вздохнув, Эрика вернулась в оперативный отдел. Когда она сможет выполнить свое обещание?

Глава 57

На следующий день рано утром Эрика, Мосс и Питерсон отправились из Лондона на встречу с Барборой Кардошовой. Они несколько раз пытались найти о ней хоть какие-то сведения, но поиск ничего не дал. Ее страховка, паспорт и счета в банке были аннулированы более года назад. Мать Барборы умерла двумя годами ранее, и других живых родственников у нее не было.

Едва солнце пробилось сквозь облака, они нырнули во мглу туннеля Блэкуолл. Когда, спустя несколько минут, выехали на свет, солнце уже снова скрылось за скоплениями свинцовых туч, затянувших небо.

– Реку мы проехали, босс, теперь ищем шоссе A12, – сказала Мосс. Питерсон сидел на заднем сиденье, уткнувшись в свой телефон. Перед самым Гринвичем они сделали остановку на автозаправке, наполнили бак. Мосс, потакая своему пристрастию к сладкому, запаслась пакетиками красных лакричных жгутиков.

Вскоре Лондон с его огромными застроенными пригородами остался позади, и они покатали по автостраде A12, которая на некоторых участках была разбита и нуждалась в ремонте. Они отметили, что по обе стороны от них простирается совершенно ровная земля. Мимо мелькали бурые поля с голыми деревьями. По приближении к Ипсуичу они свернули с автострады на дорогу с односторонним движением и поехали медленнее.

– Жутко как-то, да? Прямая дорога, прорезающая пустоту, – подал голос Питерсон впервые за все время пути, хотя они проехали уже миль сто. Дорога пролегла через обширные равнинные поля. Ветер, завывая, хлестал голую землю, бился в машину. Дорога отлого пошла вверх, и вскоре они достигли железного моста, наведенного через покрытый рябью канал. По берегам до самого горизонта серели засохшие камышовые заросли. Эрика представила, как вода на дальнем конце русла низвергается в никуда.

– A12 – старая древнеримская дорога, – сказала Мосс, кладя в рот очередной красный жгутик.

– В Суффолке и Норфолке ведьм сжигали сотнями, – добавил Питерсон. Они проехали мимо заброшенной мельницы, стоявшей на самом краю поля у воды.

– Нет уж, лучше высокие цены, пробки, смог и переполненные «Нандос»^[20], чем это. – Поежившись, Мосс включила печку. – Далеко еще?

– Миль шесть, – ответил Питерсон, сверившись с навигатором в своем айфоне.

Деревья стали встречаться чаще, и вскоре голые поля сменила лесистая местность. Машина мчалась под сводом голых сучьев. Эрика замедлила ход, увидев стоянку на обочине с оборудованным участком для пикника – небольшой пятачок со скамейкой. На деревянном указателе краской была выведена цифра «14».

– Как она сказала – участок для пикника № 17? – уточнила Эрика.

– Да, босс, – ответил Питерсон, потыкав по клавиатуре айфона. Они поехали дальше. Лес становился гуще, дорога виляла слева направо. Они миновали участок № 15. За крутым поворотом увидели участок № 16 – заросшую поляну со сгнившей развалившейся скамейкой.

Полицейская радиостанция на приборной панели затрещала, и сквозь помехи в эфире прорвался голос сержанта Крейна:

– Доложите обстановку.

– Будем на месте через несколько минут, – ответила Мосс.

– Ясно. Линию не занимайте. Приказ шефа, – сказал Крейн.

Суперинтендант Марш был категорически против, чтобы трое из его подчиненных ехали в Норфолк, – считал, что это пустая затея.

– Босс, Барбора Кардошова была одной из самых близких подруг Андреа, она говорит, что знает Джорджа Митчелла, – аргументировала Эрика, когда сидела у него в кабинете.

– Почему она раньше не объявлялась? Имя Андреа с газетных полос не сходит несколько недель. И почему нельзя поручить местной полиции взять у нее показания? Это – поездка на целый день. А вы только что своим обращением весь Лондон на уши поставили, – резонно заметил Марш.

– Сэр, зацепка очень хорошая, такую упускать нельзя. Мы выедем пораньше, все время будем на связи. Прошу дать возможность проверить мое чутье еще раз.

– Почему она звонила с анонимного номера? Мы понятия не имеем, где она находится. – Марш откинулся на стуле, потирая глаза.

– Может, она не хочет, чтобы ее нашли. Разве это преступление? – спросила Эрика.

– Куда проще было бы, если бы к каждому при рождении прикрепляли датчик слежения GPS. Сэкономили бы целое состояние...

– Я непременно передам ваше пожелание первому же журналисту, который со мной свяжется, – сказала Эрика.

– Докладывайте о каждом своем шаге, – раздраженно бросил Марш, взмахом руки отсылая ее прочь.

* * *

Небо потемнело, и Мосс пришлось включить фары. Их теперь окружал густой лес, в голых сучьях, казалось, вообще нет просвета. Впереди появился указатель с цифрой «17», и они остановились у голой поляны. На том месте, где когда-то стояла скамейка, остались лишь четыре глубокие вмятины в земле. Мосс заглушила мотор, погасила фары, и их окутала тишина. Эрика открыла дверцу машины. Холодный ветер принес запах сырости и гниющей листвы. Она застегнула куртку на все пуговицы. Питерсон и Мосс тоже вышли из машины.

– Что теперь? – спросила Мосс.

– Она сказала, что встретится с нами здесь. Назвала именно это место, – ответила Эрика, вытаскивая клочок бумаги, на котором записала адрес. Они оглядели дорогу, что проходила мимо них. Она была пуста в обоих направлениях.

– Вон впереди нечто вроде тропинки, – заметила Мосс. Они направились к просвету в засохших зарослях куманики и подлеска. Несколько метров они продирались сквозь кустарники и наконец выбрались на пешеходную тропинку. Ухоженная, она тянулась под высоким сводом, образуемым кронами деревьев, до угла и там исчезала из вида. Эрика подумала, что, наверно, летом этот мрачный пугающий уголок леса производит совершенно иное впечатление.

Они ждали уже почти сорок минут. Рация пищала и щелкала: Крейн из Лондона уточнял обстановку.

– Чистой воды подстава, – произнес Питерсон. – Наверняка это была та женщина, что сказала... – Его голос внезапно оборвался, ибо они услышали треск сломавшейся ветки и шорох потревоженных листьев. Эрика прижала палец к губам. Шуршание. Из подлеска вышла женщина с короткими светлыми волосами. На ней были розовая куртка из водоотталкивающей ткани и черные леггинсы. В одной руке она держала нож, в другой – нечто похожее на газовый баллончик. Женщина остановилась метрах в пятидесяти от них.

– Что за черт? – возмутилась Мосс.

Эрика предостерегающе глянула на нее.

– Барбора? Барбора Кардошова? Я – старший инспектор Эрика Фостер. Это мои коллеги – инспектор Мосс и инспектор Питерсон.

– Достаньте свои удостоверения и бросьте сюда, – потребовала Барбора. Голос ее дрожал от страха, и, когда она подошла чуть ближе, они заметили, что ее руки трясутся.

– Мы так не договаривались, – начала Мосс, но Эрика вытащила из

кармана свое удостоверение и бросила Барборе. Оно упало в нескольких шагах от нее. Мосс с Питерсоном неохотно последовали примеру Эрики. Женщина подняла с земли документы и проверила их, все время направляя на полицейских газовый баллончик.

– Убедились, что мы те, за кого себя выдаем? Тогда, будьте добры, уберите нож и газовый баллончик, – попросила Эрика. Барбора положила на землю свои средства самозащиты и осторожно приблизилась к ним. Эрика едва различала черты лица, которые она видела на фотографиях в Фейсбуке. Оно все так же поражало красотой, только нос стал меньше и прямее. Само лицо теперь стало полнее, а длинные темные волосы превратились в короткие и светлые.

Темноволосый мужчина и светловолосая девушка... – вспомнила Эрика.

– Зачем вы притащили нас бог знает куда? Просто чтобы поговорить с вами? – начала Мосс. – Вы же понимаете, мы могли бы вас задержать за то, что вы тут размахиваете ножом. Лезвие более семи дюймов длиной, про баллончик я уж молчу...

У Барборы в глазах стояли слезы.

– Мне очень страшно, но я должна поговорить с вами. Должна кое-что рассказать. Иначе я никогда себе не прощу... Мне нельзя было связываться с вами под своим настоящим именем, – сказала она. – Я в программе защиты свидетелей.

Глава 58

Все трое – Мосс, Питерсон и Эрика – на мгновение оцепенели. В голых кронах над их головами шумел ветер.

– Свое новое имя я вам не скажу, – дрожащим голосом заявила Барбора.

– И не надо. – Эрика выставила вперед ладонь. – Больше ничего не говорите.

– Черт, как же мы сразу не догадались, – произнесла Мосс. Из открытой дверцы машины донесся слабый сигнал, и они услышали голос Крейна, просившего, чтобы они доложили обстановку. – Мы обязаны об этом доложить, босс... Если кто-то из программы защиты свидетелей обнаружил себя или его обнаружили, мы обязаны доложить.

– Вам понадобятся новые документы, – сказал Питерсон, сиюсь скрыть досаду.

– Подождите. Прошу вас. Я должна кое-что рассказать, – взмолилась Барбора. – Про Джорджа Митчелла. Только поэтому я согласилась встретиться с вами... – Дрожа все сильнее, она проглотила комок в горле. – Я должна назвать его настоящее имя.

– Как его настоящее имя? – спросила Эрика.

Барбора набрала полные легкие воздуха.

– Игорь Кучеров, – наконец с трудом выдавила она из себя.

Питерсон направился к машине, где находилась рация.

– Прошу вас! Давайте я сначала все расскажу, а потом вы... Потом вы доложите официально.

Ей никто не ответил. Вдалеке звучал металлический голос Крейна, требовавшего, чтобы они доложили обстановку.

– Питерсон. Скажите ему, что мы все еще ждем. Все нормально... И еще, Питерсон, пожалуйста, ни слова об этом, пока мы ее не выслушаем, – распорядилась Эрика.

Он кивнул и бегом бросился к машине.

– Мы не хотим знать ни ваше новое имя, ни где вы здесь живете, – сказала Эрика.

– Я живу далеко отсюда. Если что, я потеряю гораздо больше, чем вы все, вместе взятые. Но я приняла решение. Не могу больше молчать, – ответила Барбора. – Давайте немного пройдем, там впереди есть место для пикника.

Эрика с Мосс последовали за Барборой, оставив Питерсона дежурить в машине у рации. Через пять минут они вышли на поляну, где было оборудовано место для пикника. Свет с трудом проникал через навес, что образовывали кроны деревьев в вышине. Эрике опять подумалось, что в летний день здесь, должно быть, прекрасно, но сейчас холод и сумрак создавали гнетущую атмосферу. Отмахнувшись от этой мысли, она вместе с Мосс села на скамейку напротив Барборы, которая устроилась по другую сторону стола.

Эрика протянула Барборе пачку сигарет. Та с благодарностью взяла одну, нагнув голову, прикурила дрожащими руками, ладонью прикрывая от ветра пламя. Эрика тоже закурила, потом поднесла зажигалку Мосс, и они втроем затянулись в унисон.

У Барборы вид был нездоровый. Казалось, ее вот-вот стошнит. Она провела рукой по своим коротким белокурым волосам. Судя по их невзрачному соломенному оттенку, она явно осветлялась не в дорогом салоне. Барбора сделала глубокий вдох и заговорила дрожащим голосом:

– С Джорджем Митчеллом... Игорем Кучеровым... я познакомилась три года назад. Мне тогда было двадцать, я жила в Лондоне, работала в двух местах. В закрытом клубе под названием «Дебюсси» в центральной части Лондона. – Она снова затянулась и продолжала: – Там я работала по сменам. И одновременно в кафе «Перекресток» в Нью-Кросс. Это было живое, шумное заведение, где собирались местные художники и поэты. Там я впервые увидела Игоря. Он был в том кафе завсегдатаем, и каждый раз, когда приходил, мы с ним общались. Тогда он мне казался невероятно восхитительным, юморным. Мне льстило, что он тратит время на разговоры со мной... Однажды я пришла на работу в расстроенных чувствах. Мой маленький айпод сломался, а в нем были песни и фотки, которые я не могла восстановить. Он посочувствовал мне, но я не придавала этому значения. А через несколько дней, когда я снова заступила на смену, он уже ждал меня в кафе с коробкой в подарочной упаковке, в которой лежал новенький айпод... Не такой, как мой прежний, крошечный, а самой последней модели, очень дорогой, за несколько сотен фунтов.

– И именно тогда у вас завязались серьезные отношения с Джорджем-Игорем? – уточнила Мосс.

Барбара кивнула. Смеркалось, над ними висела туча.

– Поначалу он был такой замечательный. Я думала, что люблю его, что нашла мужчину, с которым буду жить долго и счастливо.

– Как восприняли его ваши родные?

– Из родных у меня была только мама. Она приехала в Англию, когда

ей было немного за двадцать. Мечтала познакомиться с хорошим человеком, жить с ним в уюте, как представители среднего класса. Но потом забеременела мной. Ее тогдашний бойфренд ничего не хотел слышать, и она растила меня одна как мать-одиночка. Ей пришлось нелегко. Потом, когда мне исполнилось десять лет, у нее обнаружили рассеянный склероз. Поначалу болезнь развивалась медленно, но, когда мне стукнуло шестнадцать, она стала резко прогрессировать. Я была вынуждена бросить школу и ухаживать за мамой. Устроилась на две работы: по утрам работала в кафе, вечерами – в клубе.

– Долго длился ваш роман с Игорем? – спросила Мосс, ненавязчиво предлагая Барборе продолжить рассказ.

– Примерно с год. Он тогда так много для нас делал. Всячески помогал. Заплатил за то, чтобы для мамы оборудовали специальную ванную. Гасил задолженности по моим кредитным картам... – Барбора улыбнулась своим воспоминаниям, которые, видимо, все еще волновали. Она затянулась сигаретой, и лицо ее омрачилось.

– Потом однажды вечером – к тому времени я с ним встречалась уже несколько месяцев – мы пошли в кино в Бромли... Когда покупали билеты, какие-то парни стали отпускать замечания в мой адрес, обсуждая мою фигуру. Игорь разозлился, но я попросила, чтобы он не связывался. Мы зашли в кинотеатр, посмотрели фильм, и я подумала, что он забыл про тот инцидент. Кино кончилось поздно, когда мы вышли на улицу, народу вокруг было мало. Игорь увидел одного из тех парней. Тот шел перед нами к парковке. Мы были почти у нашей машины, как Игорь вдруг накинулся на него и стал бить руками и ногами. Как зверь. Парень упал, а Игорь продолжал пинать его, ногами припечатывая его голову к земле. Таким я его никогда не видела, это был такой шок... Я попыталась оттащить его, а он и мне в лицо заехал кулаком. Наконец, выбившись из сил, он просто взял и ушел. Оставил парня лежать на земле в темноте...

Барбора заплакала. Мосс вытащила небольшую пачку салфеток, предложила их Барборе, и та взяла одну. Сделав глубокий вдох, она вытерла лицо.

– И я пошла за ним, – продолжала Барбора. Мы просто оставили того парня на земле между двумя машинами... Игорь велел мне сесть за руль, хотя у меня не было страховки на вождение его машины. Я повиновалась. Он схватил мою сумку, нашел салфетки для снятия макияжа и вытер кровь с костяшек пальцев и с лица. Затем завез меня домой. Я не видела его несколько дней, а потом он явился с подарком. Мама так ему обрадовалась. А я просто приняла подарок и продолжала вести себя как ни в чем не

бывало.

– Что стало с тем парнем? – спросила Эрика. Барбора пожала плечами. Вдалеке громыхнул гром, сверкнула молния.

– А в какой момент возникла Андреа? – спросила Мосс.

– Через несколько недель после того, как я начала работать в «Дебюсси» за стойкой бара, Андреа зашла туда выпить. Народу было мало, я ее обслужила, мы разговорились. Она стала приходить чаще, и постепенно мы познакомились поближе. Она говорила, что ненавидит чванливых богатеньких девчонок, с которыми ей пришлось учиться в школе. Узнав, что я живу к югу от реки, она сказала, что хотела бы побывать у меня в гостях. Сказала, что для нее это будет нечто вроде турпоездки... хотя с Чаринг-Кросса до Нью-Кросса на поезде ехать всего десять минут. – Барбора с горечью рассмеялась.

– Значит, Андреа бывала у вас дома?

– Нет, – покачала головой Барбора. – Обычно она приходила в «Перекресток», в кафе, где я работала. Ей там нравилось. Богемная атмосфера, всегда есть интересные люди. Люди, которые живут на воле, а не в клетке, как она говорила... Я сказала, что у нее клетка золоченая, но она не поняла. Думаю, она просто не знала этого выражения.

– Когда она сообщила, кто ее отец?

– Не сразу. Сначала делала из этого великую тайну. Но потом, все больше времени проводя в кафе, чтобы заткнуть за пояс девчонок, которые крутились возле художников и артистов, стала во время разговора вставлять намеки.

– И как народ реагировал? – спросила Эрика.

– Большинство – никак, их этим не удивишь... а вот Джордж-Игорь заинтересовался. Когда узнал, сразу как будто обратил внимание на Андреа...

– У него был роман с Андреа?

Барбора кивнула.

– У них закрутилось так быстро, я и опомниться не успела.

– К этому времени он уже бил вас, Барбора?

– Нет... иногда. Скорее угрожал насилием, подчинял своей воле... Когда я узнала про Андреа, вот тогда он меня впервые по-настоящему ударил.

– Где это случилось? – спросила Эрика.

– Дома. Воскресным вечером. Мама принимала ванну. Не помню, с чего вдруг возник этот разговор, но он возник, и я сказала, что все знаю.

– Что было дальше?

– Он ударил меня в живот. Так сильно, что меня стошнило. А потом запер меня в чулане под лестницей.

– Надолго?

– Нет. Я упростила его выпустить меня. Мама в ванне замерзала. Нужно было помочь ей выбраться из ванны. Он сказал, что выпустит меня только при условии, что я пообещаю никогда больше не упоминать про него и Андреа.

– И вы не упоминали?

Барбора мотнула головой.

– Что было потом? – спросила Эрика.

– На какое-то время все нормализовалось. Страсти улеглись. Потом однажды, когда я была дома, Игорь заявился к нам на кухню через заднюю дверь. С ним была юная девушка. На вид лет восемнадцати, не больше. Она едва держалась на ногах. Была одета в облегающие джинсы и футболку. Все ее лицо было в крови – засохшей и свежей, которая капала на футболку. Она плакала и... что мне оставалось? Я их впустила. Но Игорь и не думал ей помогать. Он подтащил ее к чулану под лестницей, впахнул туда и запер. Он был вне себя от ярости, ругался, все требовал свой телефон. Сказал, что его стащила эта девушка...

Надвигался ураган, в лесу стало совсем темно.

– Что случилось с той девушкой? – тихо спросила Эрика.

– Игорь отправил меня наверх. Сказал, чтобы я сидела в своей комнате и не рыпалась, а то мне не поздоровится. Я слышала, как девушка кричала и плакала. Это продолжалось, как мне казалось, несколько часов... Потом наступила тишина. Игорь открыл дверь и велел идти в комнату мамы. Она заулыбалась, увидев его. Весь этот кошмар она проспала. Он попросил мою спортивную сумку, большую, которую я обычно брала в поездки. Я прошла к гардеробу, достала сумку, он ее забрал... Спокойный такой. Через несколько минут я спустилась вниз. Он как раз уходил с сумкой через плечо.

– Что было в сумке? – спросила Мосс, хотя и сама уже догадалась.

– Та девушка, – ответила Барбора. – Она была в сумке, и он ее куда-то унес.

– И как вы поступили? – спросила Эрика.

– Убралась в чулане. Там была кровь и вообще...

– А потом?

– Позже он вернулся, похвалил меня. Даже денег дал... – Голос Барборы наполнился отвращением к самой себе. – И мы продолжали встречаться, как будто ничего не случилось. Правда, теперь он начал

рассказывать мне про свою работу. Как он встречал девушек, которые сходили с автобусов на автовокзале Виктория; как они работали на него.

– Работали? – спросила Эрика.

– Проститутками. Чем больше я узнавала, тем больше денег давал мне Игорь. Он купил для мамы инвалидную электроколяску, чтобы она могла передвигаться без посторонней помощи. Ее больше не приходилось возить. Ее жизнь изменилась.

– И какова во всем этом роль Андреа?

– От того, что я постоянно находилась в состоянии сильнейшего стресса, я не могла есть, у меня прекратились месячные. Игоря я перестала интересоваться как женщина, и мое место заняла Андреа. Теперь она его обслуживала.

– Все это продолжалось, когда вы ездили на отдых с Андреа и ее семьей?

– Да.

– Вам известно, что позже она обручилась?

Барбора кивнула и взяла еще одну предложенную ей сигарету.

– Андреа знала про Игоря? Была в курсе, чем он занимается? – спросила Эрика.

– Не знаю. Я с ней это никогда не обсуждала. Поначалу мы были близки. И, как ни странно, оставались близки и на отдыхе вместе с ее семьей, но я замкнулась в себе. Думаю, у Андреа об Игоре были романтические представления. Она видела в нем некоего лондонского гангстера-авантюриста, как в дурацких фильмах Гая Ричи.

– Как вы оказались в программе защиты свидетелей? – спросила Мосс.

– Через несколько месяцев была обнаружена моя сумка с телом той девушки.

– Где?

– На мусорной свалке в Восточном Лондоне. Во внутреннем кармане сумки лежала принадлежавшая мне старая скидочная карта из магазина. По ней полиция и вышла на меня. Они сказали, что давно следят за мной и готовы пойти мне навстречу, если я дам показания.

– И вы согласились?

– Да. Мама как раз недавно умерла. Слава богу. Она так ни о чем и не узнала... Игорь к тому времени вроде бы уже полностью доверял мне. Он хотел, чтобы я ездила на автовокзал Виктория встречать девушек. Они думали, что едут в Англию, чтобы работать домработницами. Он решил, что я вызову у них доверие, и они сядут в машину...

– То есть Игорь нелегально переправлял женщин в Лондон и обращал

их в проституток? – уточнила Эрика.

– Да.

– Он работал один?

– Нет. Не знаю. Сложная была схема. Там были задействованы другие мужчины и их подружки.

– Куда отвозили девушек? Сколько их было? – спросила Мосс.

– Не знаю, – вздрогнула Барбора. Потеряв самообладание, она разрыдалась.

– Успокойтесь. – Эрика протянула руку через темный стол и коснулась ладони Барборы. Та, поморщившись, отдернула руку.

– Что было потом? – допытывалась Эрика. – Игоря арестовали?

– Да. Дело дошло до суда, – ответила Барбора. Эрика глянула на Мосс. Даже в темноте она увидела, что у той лицо вытянулось от изумления.

– До суда? Какого суда? У нас нет сведений... Что произошло?

– Обвинение развалилось. Не было веских доказательств. Присяжные не смогли вынести вердикт... Думаю, Игорь оказал давление на свидетелей. Он... у него много влиятельных знакомых. – Лицо Барборы вдруг стало безжизненным. – Теперь я понимаю, какое произвожу впечатление. Я совершила много ужасного. Превратилась в чудовище. Все из-за любви к мужчине, – заключила она. Эрика с Мосс молчали. – Увидев в новостях ваше обращение и тех девушек, я вспомнила одну из них – Татьяну. Она так радовалась, когда приехала в Лондон, и... Я поняла, что должна поговорить с вами. Вы должны поймать этого зверя.

– После вы встречались с Андреа? – спросила Мосс.

Барбора заерзала на скамейке.

– Да.

– Вечером восьмого января в пабе под названием «Клееварка»? – уточнила Эрика.

– Да.

– Игорь был с ней?

– Что? Нет! Я бы близко к ней не подошла, если бы... А что, он был там?

– Нет, – ответила Эрика. Мосс посмотрела на нее. – Что вы делали в Лондоне? Вы же включены в программу защиты свидетелей.

– Я приезжаю в Лондон каждый месяц на могилу мамы. Прибираю там, кладу свежие цветы. Знаете, как тяжело быть неизвестно кем, жить по чужим документам? Я отправила Андреа эсэмэску, предложила встретиться, попить кофе. Да, знаю, глупо с моей стороны. Тем более что Андреа никак не могла определиться с местом встречи. Называла то одно,

то другое... Мне, конечно, не следовало приходить, но я по ней скучала.

Мосс с трудом скрывала свое удивление.

– Мы встретились совсем ненадолго. Она была одна. Сказала, что позже у нее встреча с новым парнем... Казалось, с нее все как с гуся вода. Ее не удивило, что я исчезла и теперь вот вернулась. Ей было все равно.

– Когда вы ушли из «Клееварки»?

– Точно не скажу. Еще не было восьми. Я знала, что около девяти с Ливерпуль-стрит отходит поезд.

– И вы больше никого не видели?

– Нет. Андреа сказала, что еще выпьет в баре. Там работала одна девушка... Я хотела предостеречь ее, объяснить, что я тоже такой была когда-то, но в результате ничего ей не сказала.

– Нам нужно, чтобы вы дали официальные показания, Барбора.

Барбора внезапно умолкла. Когда снова заговорила, голос у нее был отрешенный:

– Я записала наш разговор на свой мобильный. – Она отдала Эрике свой телефон. – Мне еще осталось кое-что рассказать, но сначала я хочу сходить в туалет.

– Да вы что? Темно ведь, и...

– Прошу вас, мне очень нужно, – настойчиво повторила Барбора.

– Ладно. Только далеко не уходите... Мы здесь будем, – сказала Эрика.

– Вот, возьмите фонарик. – Мосс достала из кармана куртки фонарь. Барбора взяла его, встала и удалилась в подлесок. Громовые раскаты участились. Поляну озарила вспышка молнии.

– Я звоню Питерсону, – произнесла Эрика. – Как только она вернется, сразу поедem. Отвезем ее в Лондон. Она только что раскрыла себя, так что ее новая личность теперь бесполезна. Я не знаю, какая на этот случай предусмотрена процедура.

– Слушайте, босс, а что за суд-то? У нас нет сведений ни о Джордже Митчелле, ни об Игоре Кучерове. Его фото пробили через национальную базу данных – тоже пусто... Мне это совсем не нравится; как-то странно все.

Эрика кивнула и закурила.

– Нужно убедиться, что ей действительно выдали новые документы. Потом проверить все, что она рассказала...

– Очередной извилистый поворот в деле об убийстве Андреа Дуглас-Браун, – заметила Мосс. Эрика впервые посмотрела на телефон, что оставила ей Барбора. Поцелкав кнопками, она сумела воспроизвести

запись с голосом Барборы.

– Ее показания у нас есть. Этого достаточно, чтобы задержать Джорджа Митчелла или Игоря Кучерова. Как вернется, спросим у нее адрес, – сказала Эрика.

Мосс попыталась позвонить Питерсону, чтобы объяснить, где они находятся, но связь была плохая.

– Звонок срывается, не могу связаться. – Громыхал гром, в небе сверкнула молния. – Черт! – вскричала Мосс. – Я не стану использовать мобильник, пока над нами сверкает молния. Питерсон подождет.

– Ну все, все, уймись. Давай я попробую, – раздраженно произнесла Эрика. Она попыталась прозвониться со своего телефона, потом с телефона Мосс, но связи не было, даже гудки не шли после набора номера. Ее охватывало странное тревожное чувство.

– Что-то долго она, – спохватилась Мосс. Подсветка на телефоне Эрики окрашивала их лица в красноватый цвет.

Они обе вскочили одновременно и, поднырнув под большую ветку, пошли в том направлении, в котором скрылась Барбора. Продравшись сквозь засохшие заросли куманики, они снова оказались на длинной тропинке.

Стоило им выйти из-под навеса деревьев, как на них обрушились струи дождя. Сверкала молния. А потом они увидели впереди высокое дерево с длинными ветвями.

На одном суке висела, скрипя и раскачиваясь, веревка, а в петле болталась Барбора. Ноги неподвижны, тело мерно колеблется на ветру.

Глава 59

Дождь теперь лил как из ведра, барабанил по макушкам деревьев и превращая глинистую тропинку в белое пенистое месиво. Гремел гром, вспышки молнии освещали Барбору, болтавшуюся на суке с открытыми глазами. Ее шею под подбородком перерезала веревка, на которую нависали складки кожи. Мосс пыталась залезть на дерево, но из-за ливня это было нелегко.

– Хватит, спускайся! – велела Эрика, перекрикивая шум дождя. – Поздно... Она мертва. Иди к Питерсону и вызывайте подмогу. Я останусь здесь.

– Уверены, босс? – тоже крикнула Мосс, чтобы ее голос не потонул в реве ливня.

– Да, иди!

Мосс скрылась за деревьями, Эрика осталась ждать. Она вышагивала взад-вперед, хлюпая по грязи, и ей было все равно, что она насквозь промокла. Голова гудела от разных мыслей. Чем глубже они копали в этом деле, тем сложнее оно становилось.

Ураган, казалось, бушевал прямо у нее над головой. Дождь шумел, в воздухе трещали электрические разряды. Эрике пришлось укрыться под деревом, стволом отгородившись от трупа.

Ливень постепенно затихал, ураган двинулся дальше. Пытаясь поймать телефоном сигнал, Эрика слышала вой сирены. Вдалеке на тропинке появился полицейский автомобиль. Машина медленно ехала к ней, колесами вспенивая полузатопленную землю. Из нее выбрались двое молодых полицейских. Эрика пошла им навстречу, держа в вытянутой перед собой руке раскрытое удостоверение. Полицейские посмотрели на труп Барборы.

– Вы ничего здесь не трогали? Нужно оцепить место происшествия, – сказал один из них.

– Она покончила с собой, – сообщила Эрика. – До этого была с нами.

Прошло несколько часов, прежде чем Эрике, Мосс и Питерсону разрешили покинуть место происшествия. Поскольку Барбора была включена в программу защиты свидетелей, это существенно усложняло задачу установления ее новой личности. Сумерки сгущались, когда они ехали назад в Лондон. Эрика с Мосс рассказали Питерсону все, что успели выяснить.

– То есть этот Игорь Кучеров причастен к гибели Андреа, трех девушек из Восточной Европы и Айви? – подытожил Питерсон.

– И еще той девушки, которую он убил в доме Барборы. Той, что он вынес в спортивной сумке.

– Его за это арестовали, предали суду, но сведений о нем нет ни в одной из наших систем и баз данных?

– О нем нет сведений как о Джордже Митчелле, – сказала Эрика. Словно по сигналу, зашипела и запикала рация: на связь вышел Крейн.

– Босс, мы нашли адрес Игоря Кучерова в базе данных муниципальной налоговой инспекции. Он живет в Килберне, ему тридцать семь лет, румынско-русского происхождения. Женат. Дом на имя жены, Ребекки Кучеровой. У них пятилетний сын.

– Боже, – вздохнула Мосс.

– Давно он женат? – спросила Эрика.

– Десять лет, – ответил Крейн.

– Трудовая деятельность?

– Он руководит компанией по ландшафтному дизайну и обслуживанию садов. Числится директором, но сама компания записана на имя жены. Мы как раз проверяем по базам данных, имел ли он контракты в тех районах, где были обнаружены трупы девушек.

Пауза.

– Хотите, чтобы мы его задержали? – спросил Крейн. Эрика глянула на светящийся циферблат на приборной панели: шестой час вечера.

– Мы должны быть в Лондоне часа через два, – сказал Питерсон, прочитав ее мысли.

– Нет. Пока не задерживайте. Мне нужно подготовиться для встречи с ним. Организуйте наружку у его дома. Да так, чтобы он не заметил, что за ним следят. И глаз с него не спускайте.

– Есть, босс.

– Мы будем в Луишем-Роу через пару часов. Тем временем постарайтесь выяснить о нем все, что можно: банковские счета, электронная почта, компании, которыми он владеет, банкротства. Соберите информацию о его жене – полные сведения. Наверняка все, что он хочет скрыть, зарегистрировано на нее. И попытайтесь установить новое имя Барборы Кардошовой. Теперь, когда ее нет в живых, это сделать должно быть легче.

– Мы уже над этим работаем, – сказал Крейн и спросил: – Сами вы как? Мы слышали, она повесилась чуть ли не у вас на глазах.

– С нами все нормально, – ответила Эрика. – Все, конец связи.

Сосредоточьтесь на Игоре Кучерове.

* * *

За окнами машины было черным-черно. Поля и болота, через которые тянулась дорога, тонули в темноте. На небе – ни луны, ни звезд; даже световая реклама попадалась редко. Они видели лишь небольшой участок шоссе впереди, озаряемый фарами автомобиля. Эрике не терпелось уехать как можно дальше от унылых низинных болот, от того места, где повесилась Барбора. Она мечтала поскорее оказаться в городе, где всюду высятся здания, стоят шум и гам, ощущается ход времени.

Эрика опустила зеркало над пассажирским креслом, оно осветилось. Она увидела грязь на своем лице. На нее смотрело омываемое сиянием отражение Питерсона, который сидел на заднем сиденье.

– К трупам трудно привыкнуть, правда, босс? – произнес он.

– Да, – согласилась Эрика. Она вытерла салфеткой грязь и подняла зеркало, погрузив салон в темноту.

Остаток пути они проехали в молчании – берегли силы для предстоящего вечера.

Глава 60

Эрика, Мосс и Питерсон прибыли в отделение Луишем-Роу в начале восьмого вечера. Проливной дождь вместе с ними переместился из Норфолка в Лондон и теперь колошматил по парковке. Они бегом кинулись от машины в дежурную часть. Дверь им открыл Крейн. Эрику поразило, что вся команда в сборе и в оперативном отделе кипит бурная деятельность.

– Всем добрый вечер. Полагаю, Крейн ввел вас в курс дела? – спросила Эрика. Сотрудники в ответ закивали, вполголоса подтверждая, что ввел. – Отлично. Тогда что вы можете мне сообщить?

Один из полицейских принес полотенца из спортзала, что находился в подвальном помещении, и бросил по одному Мосс, Питерсону и Эрике. Они с благодарностью взяли их.

– Мы просмотрели отчетные материалы и выяснили, что труп, найденный в спортивной сумке, принадлежал семнадцатилетней Наде Греко. Суд состоялся в уголовном суде присяжных Саутуорка, – объяснил Крейн.

– И? – спросила Эрика, вытирая полотенцем голову.

– И вот здесь начинаются странности, босс. Материалы судебного дела засекречены.

– Что? – изумилась Эрика. – Почему судебные материалы по делу Игоря Кучерова засекречены, словно речь идет о шпионаже?

– Не знаю. Как я уже говорил, в открытом доступе почти ничего нет. Расшифровки стенограмм даны в кратком изложении, имена вымараны, – сказал Крейн.

– Тогда откуда мы знаем, что это именно его дело?

– Я производил поиск по ключевым словам, когда искал материалы по этому убийству. Нашлись совпадения: место, где было обнаружено тело, и сведения о жертве не засекречены.

– Что-нибудь есть по решению присяжных? – спросила Эрика.

– Говорится, что обвинение развалилось в силу недостаточности улик.

– И никаких данных об аресте Игоря Кучерова или Джорджа Митчелла?

– Нет. Мы задали в *Google* поиск на Игоря Кучерова. Некоторые результаты поиска были удалены на основании Европейского закона о защите данных. Если у Игоря Кучерова и были судимости, вся информация

об этом удалена. Ни на него, ни на Джорджа Митчелла вообще ничего нет в базе данных.

– Мне это совсем не нравится.

– Будем копать дальше, босс.

– Что по поводу нынешнего имени Барборы Кардошовой?

– Работаем. Но суды откроются не раньше девяти утра завтрашнего дня. Защита свидетелей – сфера строжайшей секретности. У них отдельная база данных.

В комнате на время воцарилось молчание. Эрика подошла к демонстрационным доскам, где были развешаны фотографии жертв. Там же висели последние снимки Андреа с камер видеонаблюдения, зафиксировавших, как она садится в поезд, и рядом фотография, на которой она запечатлена с Джорджем Митчеллом, теперь известным как Игорь Кучеров. Было еще новое фото Игоря Кучерова – с его водительских прав, и в конце – семейные фотографии Дуглас-Браунов на отдыхе вместе с Барборой Кардошовой до того, как она постриглась, перекрасилась в блондинку и исчезла, попав в программу защиты свидетелей.

– Итак. Я понимаю, сегодня у всех был трудный долгий день, – сказала Эрика, поворачиваясь лицом к членам следственной группы. – Но нужно еще поднапрячься. Я прошу вас всех об огромной услуге – поработать еще несколько часов. Мы должны еще раз внимательно изучить все материалы этого дела, с самого начала. Проработать все факты, все до единого. Мы закажем сюда еду, кофе – я угощаю. Мы просто обязаны *что-то найти*. Между Андреа, Игорем Кучеровым и остальными убийствами существует какая-то связь. Мы должны ее установить. Это может быть какая-то крошечная деталь, которую мы упустили из виду. Как я не устаю говорить, глупых вопросов не бывает. Далее. Раз все судебные материалы по данному делу засекречены, значит, мы ступаем на опасную территорию. Однако не бойтесь копать глубоко, особенно в том, что касается сэра Саймона. Прежде он считался неприкосновенной особой, теперь уже – нет. У нас есть запись показаний Барборы Кардошовой, я загружу ее во внутреннюю сеть. Итак, кто готов остаться?

Эрика с надеждой смотрела на полную комнату. Люди медленно, по одному, поднимали руки. Она взглянула на Мосс. Та, широко улыбаясь, тоже вытянула руку. Ее примеру последовал Питерсон.

– Не будь я сварливой старой каргой, всех бы вас расцеловала. Спасибо. Итак, – ближайшие несколько часов должны стать решающими. За работу.

Сотрудники оперативного отдела засуетились.

– Где вы покупали пончики, что приносили сюда в прошлый раз? – спросил Крейн, подходя к Эрике с грудой папок.

– В *Krispy Kreme*. Можешь сделать заказ, – ответила Эрика. – Где Марш?

– Он рано ушел. Взял тайм-аут на выходные. Вместе со своей миссис едет в какой-то дом отдыха для художников, – сообщил Крейн.

– Я и не знала, что он тоже увлекается живописью, – сказала Эрика.

– Нет, он просто ее отвозит. Это где-то в Корнуолле. Хотя, думаю, сегодня вечером он тоже «оторвется»: сказал, чтобы мы его не беспокоили... ни при каких обстоятельствах.

– Вот молодец. Расследование вошло в критическую фазу, а он решил устроить себе краткий отпуск.

– Позвонить ему? – спросил Крейн.

– Не надо. Суперинтенданта Марша мы пока трогать не будем, – рассудила Эрика, сообразив, что ей это даже на руку.

Глава 61

Утром следующего дня старший суперинтендант Марш лежал с Марси в номере чудесного отеля – его название он не запомнил, но знал, что гостиница находится далеко от Лондона и из окна открывается широкий вид на просторы Дартмура. Голова жены покоилась на его голой груди, по телу разливалось тепло острого наслаждения, какое испытываешь после соития. Его пьянили близость жены, аромат ее кожи. Уже рассвело, они проснулись после ночи непрерывных любовных утех, чего с ними не случалось с тех пор, как появились двойняшки.

Тишину нарушил звонок телефона, стоявшего возле кровати. Марш повернулся на бок и увидел, что уже половина десятого утра. Он снял трубку и снова положил ее на рычаг.

– Ты просил, чтобы нас разбудили? – пробормотала Марси.

– Да нет, – ответил он.

– Ууф. Меня так заводит, когда ты сбрасываешь звонки, – промурлыкала Марси, ладонью ведя вниз по его животу...

Телефон снова зазвонил. Выругавшись, Марш повернулся на бок и выдернул шнур из розетки на стене. Потом снова лег на спину и широко улыбнулся.

– По-моему, ты была где-то здесь. – Он положил ее руку на свою возбуждающуюся плоть.

– Опять? Старший суперинтендант, – произнесла Марси с улыбкой.

Внезапно в дверь номера громко постучали.

– Простите... это портье, – послышался голос.

– Что за черт! – воскликнул Марш. Марси как раз собиралась надеть презерватив на его затвердевший пенис.

– Отправь его куда подальше. Это последний в пачке, – сказала она.

Стук повторился.

– Сэр, сэр? – звал дрожащий голос молодого портье. – Я знаю, что вы просили вас не тревожить ни при каких обстоятельствах, но вам звонит помощник комиссара Оукли. Ждет на вашей линии... Сэр? Он говорит, что вам несдобровать, если вы не возьмете трубку... Это я его процитировал... он так сказал.

Марш соскочил с постели и вставил телефонный шнур в розетку на стене.

– Марш, где вас черти носят? У нас ЧП! – заорал Оукли, когда Марш

взял трубку.

– Простите, сэр, я не знал, что это вы...

– Один из твоих сотрудников, эта чертова Фостер, в пять утра заявила домой к сэру Саймону Дуглас-Брауну в сопровождении вооруженной опергруппы. Арестовала его и его дочь Линду. А также Джайлза Осборна.

– Что за черт?

– Я сейчас в Шотландии, Марш, на отдыхе, который мне чертовски необходим, и не хочу возвращаться в Лондон. Надеюсь, ты сам разберешься.

– Непременно, сэр.

– Уж постарайся. Меня не часто будят раньше девяти утра звонком из кабинета министров, чтобы ему пусто было. Если мы не будем действовать осторожно, Марш, немало голов слетят с плеч.

Связь внезапно оборвалась. Марш, голый, стоял посреди комнаты; эрекции как не бывало. Он снова снял трубку, набрал номер и заорал, требуя к телефону старшего инспектора Фостер. Немедленно. Марси, едва сдерживая слезы, натянула на себя одеяло. Еще один отпуск испорчен из-за работы мужа.

Глава 62

Эрика и остальные члены следственной группы ночью не выспались и теперь пытались взбодриться. Накануне они работали до глубокой ночи, соединяя в одно целое уже имевшиеся факты с новой информацией, и в час ночи у них наметился прорыв. В спешке был составлен план действий, и в три часа ночи Эрика отпустила всех по домам. С первыми проблесками рассвета команда должна была вернуться и приступить к осуществлению первого этапа ее плана.

В одиннадцать часов утра Эрика, Мосс, Питерсон и Крейн сидели в мониторинг в отделении Луишем-Роу. Перед ними стояли четыре монитора. На каждом – одна из комнат для допроса.

В кабинете для допросов № 1 Линда Дуглас-Браун, в длинной темной юбке и широком белом джемпере с черными котятками и пятнами от чая, в волнении ходила из угла в угол. На соседнем экране, в кабинете № 2, ее отец, Саймон Дуглас-Браун, сидел с безучастным видом, держа руки на столе, и смотрел прямо перед собой. Группа вооруженных полицейских в спецснаряжении подняла его с постели, но одет он был с иголки – в черные слаксы, отглаженную синюю рубашку и джемпер с V-образным вырезом.

Следующий монитор показывал кабинет для допросов № 3, где находился Джайлз Осборн. Он представлял собой весьма курьезное зрелище: узкие джинсы бутылочного цвета, из которых вываливается живот, обтянутый облегающей футболкой с принтом в виде пальм; сальные волосы с боковым пробором. Джайлз смотрел в камеру.

– Уже двадцать минут не отводит глаз от камеры, – сказал Крейн, ручкой постучав по экрану.

– Один только Игорь Кучеров держится так, будто ему плевать на весь белый свет, – заметила Эрика, глядя на монитор, показывавший кабинет № 4.

Игорь отодвинулся от стола и сидел, развалившись на стуле, широко расставив ноги. Когда полиция приехала за ним в его дом на фешенебельной улице в Килберне, облюбованной представителями среднего класса, он делал зарядку. Поджарый и мускулистый, он был в облегающей белой футболке с логотипом фирмы *Nike* на груди, в черных шортах и кроссовках – тоже фирмы *Nike*. Его кожа имела оттенок запеченных оливок. На лице нет ни щетинки, как на тех фотографиях, где

он снимался с Андреа. Игорь резко поднял черные глаза к камере.

– Начнем с него, – сказала Эрика. Она и Питерсон вышли, Мосс и Крейн остались в мониторинговой. В коридоре они встретили адвоката Игоря – худого седеющего мужчину с аккуратными маленькими усиками. Он начал выражать им свой протест по поводу задержания его клиента.

– Я буду рекомендовать своему клиенту не отвечать на ваши вопросы, пока у вас не будет убедительных...

Они прошли мимо него и открыли дверь в кабинет для допросов № 4. Игорь как сидел, развалившись, так и продолжал сидеть. Его черные глаза оглядели Эрику с ног до головы, когда она и Питерсон вошли в кабинет. Длинный гудок оповестил о готовности записывающего устройства.

– Двадцать четвертое января, первая половина дня, одиннадцать часов пять минут. Я – старший инспектор Фостер, со мной – инспектор Питерсон. Также присутствует адвокат Джон Стивенс.

Эрика и Питерсон сели напротив Игоря и его адвоката. Несколько минут Эрика просматривала материалы дела, затем подняла глаза на Игоря.

– Итак, мистер Кучеров. Или я должна вас называть Джорджем Митчеллом?

– Называйте как хотите, дорогая, – улыбнулся он. В его густом голосе слышался русский акцент.

– Объясните, пожалуйста, почему у вас две фамилии?

Он пожал плечами.

– Вы работаете на М-5 или М-6? Или вы секретный агент, занимающийся шпионажем? Может, вы давали подписку о неразглашении государственной тайны?

Игорь криво усмехнулся и потер подбородок.

– Нет, – наконец ответил он.

– Простите, но вы задаете нелепые вопросы, – вмешался адвокат.

– Нет, вопросы по существу. Мистер Стивенс, вам известно, что вашего клиента судили за убийство молодой женщины по имени Надя Греко? Ее разлагающийся труп был найден в карьере, куда его сбросили в застегнутой сумке.

Эрика пододвинула по столу фото Нади. В складках расстегнутой сумки виднелось ее раздутое почерневшее тело.

– Выяснилось, что сумка принадлежала тогдашней подружке мистера Кучерова Барборе Кардошовой. Надя Греко была забита до смерти в доме Барборы. На месте преступления обнаружено ДНК Игоря. Состоялся суд, на котором Барбора дала показания против него. Однако присяжные не сумели вынести вердикт, и судебное дело развалилось.

Адвокат посмотрел на Игоря, сидевшего к нему боком.

– Это надо доказать, – бросил тот, пожимая плечами.

– В том-то и дело, Игорь. Судебные протоколы и расшифровки стенограмм по вашему делу имеют гриф «закрытые материалы». А такой гриф секретности присваивается только судебным материалам, разглашение которых может нанести ущерб национальной безопасности. Вам это известно, мистер Стивенс?

– Да, мне известно, что означает гриф «закрытые материалы», – ответил адвокат, покраснев от волнения.

– Значит, вы должны понимать, насколько необычно то, что данное ограничение наложено на судебные материалы по делу вашего клиента, который не имеет отношения к секретной службе, – заключила Эрика. Игорь потянулся, потом повертел шеей, так что захрустели сухожилия.

– Может, я немного похож на Джеймса Бонда, – сыронизировал он.

– Нет, не похож, – холодно парировал Питерсон.

– А ты не кисни, приятель. Постоянно ведь идут разговоры о том, чтобы взять в Джеймсы Бонды черного. У тебя еще не все потеряно, – ответил Игорь.

Помолчав, Питерсон ближе придвинул к Игорю снимок с телом Нади Греко.

– Пожалуйста, посмотрите на фотографию. Вы узнаете эту девушку? – спросил он.

– Я советую своему клиенту не отвечать на этот вопрос, – сказал Стивенс.

– Ладно. Как насчет этого фото? Здесь вы с Андреа Дуглас-Браун. Вам известно об убийстве Дуглас-Браун? Этот снимок был сделан за четыре дня до ее гибели. И этот, и этот...

Питерсон одну за другой разложил на столе серию фотографий. Сначала ту, на которой Игорь и Андреа стоят перед музеем имени Хорнимана; затем – более откровенные снимки плотских утех. Игорь, поджав губы, откинулся на спинку стула.

– Это та самая Андреа Дуглас-Браун, которую нашли убитой.

– Да, нам всем известно, кто она такая, – вспыхнул адвокат. – Вы обвиняете моего клиента в ее убийстве?

Эрика проигнорировала вопрос.

– Вас видели вместе с Андреа за несколько часов до ее гибели, в пабе «Клееварка», что находится в Форест-Хилл...

– Я не обязан отвечать на ваши вопросы. Я хочу уйти. – Игорь стал подниматься со стула.

– Сядьте, – потребовала Эрика. Поджав губы, он сложил на груди руки, но не сел. – И вы обязаны отвечать на мои вопросы. Как я сказала, вас видели с Андреа.

– Нет. Меня нигде не видели, потому что в тот вечер, когда пропала Андреа, я находился за пределами Великобритании. С 31 декабря по 15 января я был в Румынии. У меня сохранились билеты, и вы можете проверить отметки в моем паспорте.

– В паспорте на ваше имя или Джорджа Митчелла?

– Между прочим, закон не запрещает менять фамилию, – заметил Игорь. – Вот вы ведь словачка, да? А носите фамилию Фостер?

– Это моя фамилия по мужу, – ответила Эрика.

– По мужу? – Игорь вскинул брови. – Ну и как ваше замужество?

– Я прошу вас сесть, – крикнула Эрика, стукнув кулаком по столу.

– Если вы намерены предъявить моему клиенту обвинение... – начал мистер Стивенс.

Эрика встала и вышла из комнаты.

– Старший инспектор Фостер только что покинула кабинет для допросов. Я прекращаю допрос в одиннадцать часов двенадцать минут, – сказал в микрофон Питерсон, потом встал и вышел следом за Эрикой.

* * *

– Каков мерзавец! – возмущенно произнесла Эрика, когда Питерсон нагнал ее в коридоре. Ее трясло от гнева. – Нельзя было терять самообладание. Но он держится так нагло... Попроси Крейна проверить его алиби – что его не было в стране?

– Есть, босс. Не позволяйте, чтобы он действовал вам на нервы. Мы же только начали. Вернемся?

Глубоко вздохнув, Эрика покачала головой.

– Нет. Попробуем допросить Саймона Дуглас-Брауна.

Глава 63

Адвокат Саймона Дуглас-Брауна, такой же седой, как и мистер Стивенс, пришел в дорогом костюме. Он ждал у входа в кабинет, поправляя на себе галстук.

– Нам сюда, – сказала Эрика, показав на дверь кабинета № 1.

– Я буду рекомендовать своему клиенту не отвечать на ваши вопросы, пока... – начал он, но Эрика с Питерсоном прошли мимо.

Саймон встретил их сердитым взглядом.

– Предупреждаю сразу, когда я здесь с вами закончу, вы будете патрулировать дорожное движение на Олд-Кент-роуд. До конца своей службы в полиции!

Не реагируя на его угрозу, Эрика с Питерсоном сели за стол. Она наговорила в микрофон стандартную информацию, затем раскрыла папку, что лежала перед ней на столе.

– Где Линда? – спросил Саймон. Эрика промолчала. – Я вправе знать, где моя дочь!

– Линда задержана, находится здесь под арестом, – сообщил Питерсон.

– Линду вы не троньте, слышите? Она нездорова! – заорал Саймон.

– Нездорова?

– Она переживает тяжелейший стресс, ее нельзя допрашивать.

– Кто вам сказал, что ее будут допрашивать? – спросила Эрика.

– Ваши люди, заявившись в мой дом на рассвете при полном вооружении и снаряжении, были не очень разговорчивы. Естественно, я предположил... И предупреждаю...

– Ваша жена находится здесь в приемной. Где ваш сын Дэвид? – спросила Эрика.

– Уехал на выходные в Прагу с друзьями.

– Где он там остановился?

– Не знаю. В пабе или в гостинице, может, в молодежном хостеле. Они же на мальчишник туда отправились.

– Чей мальчишник? – спросил Питерсон.

– Один из его университетских приятелей женится. Я могу запросить информацию у моего секретаря. Она все заказывала.

– Мы сами запросим, – сказал Питерсон. На какое-то время возникла пауза, пока Эрика просматривала документы.

– У вас несколько компаний, которые занимаются коммерческой

деятельностью и решают вопросы личного характера. Это так? – уточнила Эрика.

– Что за глупый вопрос. Разумеется, так.

– Одна из них – «Миллгейт лимитед», так?

– Так.

– Также вам принадлежит... «Пеккинпат».

– Да.

– А также «Квантум», «Бербридж», «Ньютон куори»...

Адвокат наклонился над столом к Эрике.

– Не понимаю, зачем вы перечисляете все это моему клиенту, старший инспектор Фостер. Он прекрасно осведомлен о своих деловых интересах. Это все открытые компании с ограниченной ответственностью, и информация о них имеется в публичном доступе.

Саймон, настороженный, но злой, откинулся на спинку стула.

– Да, совершенно верно, – подтвердила Эрика. – Но прежде чем я продолжу, мне нужно, чтобы это было зафиксировано на пленке. Простите, что трачу драгоценное время вашего клиента... Итак, я повторяю свой вопрос.

– Да, да, да. Достаточно громко для вашей чертовой пленки?

– Хотела бы обратить ваше внимание на выписку с одного из ваших банковских счетов за сентябрь прошлого года. – Эрика достала из папки документ и положила его на стол. Саймон подался вперед.

– Подождите, откуда у вас это? Кто отдал распоряжение?

– Распоряжение отдала я, – ответила Эрика. – Вы перечислили средства на счет «Косгроув холдингс лимитед» – под этим наименованием зарегистрирована фирма «Якка-праздники», которая принадлежит Джайлзу Осборну. Сумма – сорок шесть тысяч фунтов стерлингов. – Эрика пальцем постукала по цифре на банковском документе.

– Да, я инвестировал средства в эту компанию. – Саймон снова откинулся на спинку стула, пристально глядя на Эрику.

Она вытащила еще один финансовый документ.

– А это – выписка с банковского счета фирмы Джайлза Осборна. В ней указано, что в тот же день фирма «Косгроув холдингс лимитед» перечислила сорок шесть тысяч фунтов стерлингов на счет...

– К чему это все? – проговорил адвокат. Эрика выставила вперед ладонь и продолжала:

– В тот же день ваши сорок шесть тысяч фунтов снова ушли.

Саймон захохотал, обводя взглядом комнату, словно проверял, не смеется ли кто вместе с ним. Питерсон сохранял невозмутимость.

– Может, спросите у самого Джайлза? Я же не управляю повседневной деятельностью его компании. Я – пассивный компаньон.

– Но вы инвестировали сорок шесть тысяч фунтов. Не слишком ли крупная сумма для пассивного компаньона?

– Что такое «крупная сумма»? Для меня сорок шесть тысяч фунтов – не такие уж большие деньги... Для вас, с вашим полицейским жалованием, конечно, очень большие.

– Даже учитывая сказанное, вы с Джайлзом наверняка хотя бы согласовали, на какие цели пойдут ваши деньги? – заметила Эрика.

– Я доверяю Джайлзу и, если помните, до жестокого убийства моей дочери считал его своим будущим зятем.

На мгновение маска гнева сошла с лица Саймона, и они увидели, что под ней он скрывает боль убитого горем отца.

– Допустим. Значит, как будущий зять, Джайлз объяснил вам, почему сорок шесть тысяч фунтов сразу ушли на счет компании под названием «Меркури инвестментс лимитед»?

Саймон обратил взгляд на адвоката.

– Да или нет? Простой вопрос, – сказала Эрика. – Да или нет? Джайлз объяснил, почему он перевел сорок шесть тысяч в компанию «Меркури инвестментс лимитед»?

– Нет.

– Вам известна компания под названием «Меркури инвестментс лимитед»?

– Нет.

– Она зарегистрирована на Ребекку Кучерову, жену этого человека – Игоря Кучерова. На всякий случай напоминаю, что мы обнаружили второй мобильный телефон Андреа вот с этими снимками.

Эрика достала из папки откровенные фотографии и разложила их перед Саймоном. Он глянул на них, закрыл глаза, и его стала бить дрожь.

Адвокат спешно принялся собирать снимки.

– Я возражаю против того, чтобы моему клиенту показывали столь ужасные фотографии его дочери, которую только что похоронили...

– Но что ваш клиент может сказать по поводу сорока шести тысяч фунтов? Мы считаем, что этот человек, Игорь Кучеров, связан с незаконным ввозом в Великобританию молодых женщин из Восточной Европы. Его также судили за убийство девушки по имени Надя Греко.

– Он был осужден? – резко спросил Саймон.

– Нет, но ясно, что он был причастен к этому делу. Итак, я спрашиваю еще раз. Вам известно, почему Джайлз перевел сорок шесть тысяч фунтов

стерлингов Игорю Кучерову?

Саймон, явно нервничая, откинулся на спинку стула.

– Моему клиенту нечего сказать.

– Понятно. – Эрика глянула на Питерсона, и они оба встали.

– И что теперь? – спросил адвокат.

– Мы на время приостанавливаем допрос, – ответила Эрика.

– Который час, вы сказали? – осведомился Саймон.

– Двенадцать пятнадцать, – ответила Эрика.

– Я хотел бы поговорить с Линдой. ПРЯМО СЕЙЧАС, – потребовал Саймон.

Оставив его просьбу без внимания, Эрика с Питерсоном вышли из кабинета.

Глава 64

– Он как будто с ума там сходит, – прокомментировала Мосс, когда они вернулись в мониторную. Они посмотрели на четыре монитора. Саймон рвал и метал, вопя, что «эта стерва полицейская» не вправе запрещать ему увидеться с дочерью.

– Ничего, пусть немного поволнуются, – предложил Питерсон.

– Да, только помните, что у нас всего двадцать четыре часа. Если не сможем предъявить им обвинение, придется отпустить.

– Вот если бы Кучерова повторно арестовать за убийство Нади Греко, – промолвила Мосс.

– У нас нет новых доказательств. Их поиск займет много времени, а у нас его нет. Мы должны доказать, что он получал деньги от Саймона и Джайлза, – рассудила Эрика. – А Линда – наш шанс доказать связь между Андреа и Игорем.

На соседнем экране Линда сидела, положив голову на стол, и рассеянно выводила круги на его поцарапанной поверхности.

На нижнем мониторе Игорь сидел на стуле, широко расставив ноги и головой прислонившись к стене. Джайлз тоже был спокоен. Он сидел на стуле и смотрел по сторонам, словно искал глазами официанта, позабывшего про его заказ.

– Перерыв на несколько минут, – сказала Эрика. Она схватила сигареты и покинула комнату.

Выйдя на крыльцо центрального входа, Эрика увидела Диану Дуглас-Браун. В длинной черной шубе, та стояла у подножия лестницы и курила сигарету. Овал ее осунувшегося лица обрамляли неровные пряди идеально уложенных волос.

Эрика хотела повернуть назад, но Диана ее заметила.

– Старший инспектор Фостер, что происходит?

– Проводим допросы, – ответила Эрика категоричным тоном.

Она взялась за ручку двери, однако Диана ее остановила.

– Прошу вас, передайте это Линде, пожалуйста. – Диана достала из складок шубы брелок с крошечным тряпичным котенком и протянула его Эрике. Котенок был черный, с коричневыми глазками мягкого оттенка и малюсеньким язычком из блеклой розовой ткани.

– Боюсь, это невозможно. Простите, – отказала ей Эрика.

– Умоляю... вы не понимаете. Ей необходимо иметь при себе что-то

знакомое. – Диана затянулась сигаретой. – У меня были тяжелые роды: кислородное голодание... Она страдает от эмоциональных проблем. Ей трудно совладать с тем, что ее окружает! – Последние слова Диана почти выкрикнула.

– При необходимости дежурный по отделению вызовет врача, и он будет здесь через несколько минут. Но с Линдой все хорошо, уверяю вас. Мы просто хотим задать ей кое-какие вопросы.

Диана расплакалась. Она наклонила голову, и ее волосы свесились вперед, спрятав ее лицо, к которому она, рыдая, прижимала маленького тряпичного котенка. Эрика повернулась и вошла в дежурную часть.

– Алиби подтвердилось, – доложил Крейн, встретив Эрику, когда она вернулась в оперативный отдел. – У меня на руках список пассажиров, согласно которому Игорь Кучеров покинул страну 31 декабря. Он вылетел из лондонского аэропорта Лутон в Румынию. Вернулся 15 января.

– Черт! – выругалась Эрика. Все взгляды обратились на нее. – А в период между этими датами? Есть запись с видеокамер, на которой видно, как он проходит на посадку? – добавила она.

– Босс, это информация с паспортного контроля.

– Знаю. Но мы уже имеем засекреченные материалы и сокращенные судебные протоколы. Это говорит о том, что к Игорю Кучерову на суде было особое отношение! Кто-то внес изменения в официальную документацию... Мог он вернуться в Англию автобусом, поездом, на автомобиле, а потом снова уехать и...

Крейн почесал голову.

– Полагаю, это возможно.

– Давайте перестанем полагать и выясним точно. Мне нужны снимки с паспортного контроля, записи с камер видеонаблюдения, на которых видно, когда он прибыл в Румынию, данные службы пограничного контроля, подтверждающие, что Игорь Кучеров выехал из страны 31 декабря и вернулся 15 января.

– Есть, босс.

– И помните, время идет, – сказала Эрика, глянув на часы. – В нашем распоряжении девятнадцать часов.

Эрика покинула оперативный отдел и в коридоре встретила Питерсона с Мосс. Она сообщила им, что Игорь Кучеров, возможно, находился за пределами страны в то время, когда пропала Андреа.

– Выходит, он не убивал ни Андреа, ни Айви. Мы не можем привлечь его именно за эти убийства, – рассудила Мосс.

Эрика покачала головой.

– А за убийство других девушек? Татьяны Ивановой, Мирки Братовой, Каролины Тодоровой? Нам ведь известно, когда конкретно их обнаружили. Можно узнать, где он был в это время? – спросил Питерсон.

– По первым трем девушкам данные экспертизы неполные, время их исчезновения – самое приблизительное. К тому же я публично увязала те три убийства с гибелью Андреа и Айви. И я уверена, что связь между ними есть. Если только работал не имитатор? Боже, как все сложно. – Эрика потеряла лицо и заметила, как Мосс с Питерсоном переглянулись. – В чем дело? Выкладывайте.

– Адвокат Саймона Дуглас-Брауна бьет копытом. Пытается дозвониться до помощника комиссара, – объяснила Мосс.

– Пытается дозвониться до Оукли?

– Да. Причем не через коммутатор. У него есть прямой номер Оукли.

– Дозвонился?

– Пока нет. Оукли в отъезде, взял краткий отпуск.

– У него краткий отпуск. Марш пьет вино и ужинает с женой на тусовке художников... Черт возьми, здесь осталось какое-нибудь начальство?

– Фактически сейчас главная здесь вы, босс, – объяснил Питерсон.

– Так это хорошо. Ладно, попробуем расколоть Джайлза Осборна, – решительно произнесла Эрика.

Глава 65

Джайлз Осборн сидел в кабинете для допросов обиженный и злой. В кабинет вошли Эрика с Питерсоном, а также адвокат Осборна Филипп Сондерс, седовласый мужчина в дорогом костюме.

Наговорив на пленку стандартную информацию о времени проведения допроса и о тех, кто на нем присутствует, Эрика задала Джайлзу те же вопросы – о сорока шести тысячах фунтов стерлингов, которые он получил от Саймона Дуглас-Брауна и перевел на счет компании «Меркури инвестментс», принадлежавшей Игорю Кучерову.

Джайлз наклонился к адвокату и что-то прошептал ему на ухо.

– Чтобы ответить по существу, мой клиент должен иметь перед собой полную картину движения денежных средств по своим счетам, – сказал адвокат.

– Вот выписка с банковского счета. – Эрика пододвинула им по столу документ. – Здесь четко показано, что деньги пришли на один счет и ушли на другой. Что еще вы хотите видеть? «Меркури инвестментс» занимается ландшафтным дизайном и обслуживанием садов. «Якка-праздники» к садоводству отношения не имеет.

Джайлз молчал, постукивая пальцем по губам, и наконец произнес:

– Полагаю, эти деньги ушли на приобретение редкого дерева из Новой Зеландии.

– Что? – спросил Питерсон.

– Я хотел, чтобы оно, это дерево, стало главным украшением моего двора. Название его позабыл, – без запинки объяснил Джайлз. – В подтверждение этой сделки я могу в надлежащем порядке представить вам соответствующий счет-фактуру. Вам ведь известно, что компания мистера Кучерова занимается декоративным садоводством?

– Да, – ответила Эрика.

– В таком случае загадка решена. Именно поэтому я перевел на его счет сорок шесть тысяч фунтов стерлингов.

– Его компания подстригает зеленые изгороди и косит газоны, разве что в больших масштабах, – заметила Эрика.

– И Саймон Дуглас-Браун ничего не знал об этой сделке? – уточнил Питерсон.

– А почему он должен знать? Он – пассивный компаньон. Мы договорились, что он приобретает некоторое количество акций моей

компании и становится совладельцем «Якка-праздники». По-моему, сейчас его доля составляет 13,8 %. Как вы понимаете, в данный момент у меня нет доступа к этой информации, поскольку вы чуть свет подняли меня с постели и конфисковали мои средства связи. – Джайлз саркастически улыбнулся Эрике.

– Как вы познакомились с Игорем Кучеровым? – спросила она.

– Через Андреа.

– И вы были в курсе, что у Андреа сексуальные отношения с Кучеровым?

– В то время нет. Пока вы не показали мне фотографии.

– Вам известно, как Андреа познакомилась с Игорем Кучеровым?

– Кажется, она говорила что-то... м-м-м... про подругу... какая-то Барбора...

– Кардошова, Барбора Кардошова?

– Кажется, да.

– И вы знали, что Барбора Кардошова встречалась с Игорем Кучеровым?

Джайлз, придя в смятение, покачал головой.

– Мой клиент ответил на ваши вопросы относительно вложения сорока шести тысяч фунтов стерлингов. Но он не обязан отвечать на вопросы по поводу личной жизни подруги его невесты. Для этого нет оснований, – указал адвокат.

Эрика с Питерсоном смотрели на Джайлза.

– Пока это все, – сказала Эрика.

– И мой клиент может уйти? – осведомился адвокат.

– Я этого не говорила. – Эрика и Питерсон встали.

– И что теперь? – спросил адвокат.

– Мы еще вернемся, – ответила Эрика.

* * *

Они вышли в коридор и вернулись в мониторную.

– Вот засада, – промолвила Эрика, глядя на Мосс с Питерсоном.

– Думаете, эта фигня с редким деревом прокатит в суде, если мы сумеем передать туда дело? – спросила Мосс, внимательно следившая за тем, что происходит на мониторах.

– Мы же видели его офис, там полно вычурных изысков. Вполне соответствует его словам, – вздохнул Питерсон.

– Ну да. Но где же это дерево? – задалась вопросом Эрика. – Деньги были уплачены более года назад.

– Наверно, ждет, когда вырастет, – съязвила Мосс.

В дверь постучали, и в комнату заглянул Вулф.

– Босс, Марш на проводе. Требуется вас к телефону. Он в своей машине, возвращается в Лондон.

– Он сообщил, где сейчас находится?

– Сейчас в Девоне, – ответил Вулф.

– Скажите ему, что не нашли меня.

– Босс, он знает, что вы их всех допрашиваете.

– Включите мозги, Вулф. Придумайте что-нибудь. За последствия я отвечу. Просто выиграйте для нас чуть больше времени.

– Слушаюсь, босс. – Вулф вышел, и они снова обратили взгляды на мониторы.

– Давайте посмотрим, что скажет на это Кучеров, – произнесла Эрика. – А потом допросим Линду.

Глава 66

– Он просил найти дерево для его офиса, – ответил Кучеров. Он откинулся на спинку стула и потянулся, подняв руки над головой. Эрика заметила у него под мышками желтые пятна. В комнате для допросов стоял застоявшийся запах пота.

– И у вас, как владельца компании по декоративному садоводству, есть такая возможность? – спросила Эрика.

– Это Лондон. Здесь многие стремятся украсить свой сад экзотикой, и Интернет значительно облегчает эту задачу.

– Почему компания записана на вашу жену?

– Записана и все.

– Кто познакомил вас с Осборном? – спросил Питерсон, хотя ответ они знали.

– Андреа, конечно, – улыбнулся Игорь.

– Ваша жена знает об Андреа?

– А вы как думаете?

– Она знала о ваших отношениях с Барборой Кардошовой?

– Моя жена – добропорядочная женщина!

– И что это значит? Она знает, когда нужно промолчать? Закрывать глаза? Ей известно, что вы занимаетесь нелегальным ввозом в Лондон девушек из Восточной Европы? Что вы подбираете их на автовокзале Виктория? – спросила Эрика.

– Мой клиент не обязан отвечать на эти вопросы. Это сущие домыслы. У вас нет доказательств, – вмешался адвокат.

– У нас есть запись разговора с Барборой Кардошовой, в котором она утверждает все это и то, что вы убили Надю Греко.

– И где эта ваша свидетельница?

– Она совершила самоубийство вскоре после дачи показаний, – ответила Эрика, наблюдая за Игорем. – Так боялась рассказать о вас правду, что покончила с собой.

– Женщину-самоубийцу вряд ли можно считать свидетелем, заслуживающим доверия. Тем более это не письменные показания, данные под присягой, – указал адвокат.

Игорь, самодовольный, уверенный в себе, снова развалился на стуле.

– Пока вы тут бегали из кабинета в кабинет, – продолжал его адвокат, – у меня была возможность просмотреть судебные материалы, о которых шла

речь. Все ваши заявления – не более чем заявления. Из протоколов судебных заседаний удалены большие объемы информации. С точки зрения закона они не существуют. Вы сознаете, что очень скоро вы должны предъявить обвинение моему клиенту? Время идет, мисс Фостер.

– Старший инспектор Фостер, – поправила его Эрика, силясь скрыть досаду. Она добавила, что приостанавливает допрос, указала время, и они с Питерсоном покинули кабинет.

Глава 67

Эрика, Мосс и Питерсон собирались войти в кабинет для допросов № 3, где находилась Линда, но ее адвокат напомнил им, что по закону они обязаны предоставить подозреваемым перерыв на обед. Прошел еще час, наступал вечер. Казалось, время утекает на глазах.

– Линда, вам известно, почему вас задержали? – спросила Эрика.

Линда, чопорная и собранная, сидела, откинувшись на спинку стула.

– Вы думаете, что я владею какой-то информацией. Вы думаете, что я знаю того, кто убил Андреа? Вы думаете, что это я убила Андреа или, может, что я застрелила Джей Ара^[21]? Или президента Кеннеди?

– Это не шутки, Линда. Вот это – Игорь Кучеров, он же – Джордж Митчелл. Андреа с ним связывали сексуальные отношения до и во время ее романа с Джайлзом, – сказала Эрика, пододвигая по столу его фото.

Линда смотрела на разложенные перед ней снимки, в том числе на откровенные, с непроницаемым выражением на лице.

– Мы знаем, что этот снимок, на котором вы сфотографированы с Андреа, сделал он, – добавила Эрика.

– Вы этого не знаете, – фыркнула Линда, скользя взглядом по сотрудникам полиции. – Откуда вам это знать?

– Мы арестовали Игоря Кучерова по подозрению в убийстве Андреа, а также Татьяны Ивановой, Мирки Братовой, Каролины Тодоровой и Айви Норрис. Сейчас его допрашивают в соседнем кабинете, – сообщила Эрика.

– Вы лжете, а я не люблю лжецов. Я обязана разговаривать с лжецами? – Линда посмотрела на адвоката.

– У вас есть доказательства, что этот снимок моей клиентки сделан человеком, о котором вы говорите? – спросил тот.

Эрика не ответила.

– Вы помните девушку по имени Барбора? Она была подругой Андреа.

– Да.

– Она пару раз ездила с вашей семьей на летний отдых?

– Она была мила, пожалуй, даже слишком, и жизнерадостна. И все равно, слишком хороша, на взгляд Андреа, и Андреа – кто бы мог подумать?! – прогнала ее.

– Как она ее прогнала?

– Да как обычно. Поначалу она восторгалась Барборой, потом ее восхищение улеглось, и она стала относиться к ней как к бедной

родственнице. Когда Барбора последний раз поехала с нами отдыхать, она уже сильно похудела, прямо высохла. Андреа сочла, что это – последний писк моды. И, видимо, этого оказалось достаточно, чтобы отвергнуть бедняжку.

– Андреа сказала, куда уехала Барбора?

– Она просто сказала, что та переехала. А что? – спросила Линда, сощутив глаза.

Эрика объяснила, что Барбора знала Кучерова и имела с ним сексуальные отношения в то же время, что и Андреа.

– Позвольте напомнить, что это удаленная информация, – заметил адвокат.

– То, что Барбора имела сексуальную связь с Кучеровым, была включена в программу защиты свидетелей и покончила с собой, не является удаленной информацией, – возразила Эрика. Она увидела, что Линда задрожала, слезы наворачиваются ей на глаза и текут по щекам.

– Как она погибла? – спросила Линда.

– Повесилась. Она была очень напугана. Теперь вы понимаете, как нам важно выяснить всю правду о Кучерове? Он был непосредственно связан с Андреа.

Линда отерла слезы.

– Я встречала его раз или два в одном клубе в Кенсингтоне и в пабе в Чизике. Как я уже говорила, Андреа пользовалась успехом у мужчин; всегда водила их за нос. Мужчины для нее были как тампоны: попользуется и выбрасывает.

Возникло молчание. Адвокат не скрывал своего недовольства. Эрика открыла папку, достала записку, которую ей сунули в карман куртки, и положила ее перед Линдой.

– Что вы можете сказать об этом? – спросила Эрика, наблюдая за лицом Линды.

– Вы уже показывали мне эту записку. Когда приходили в цветочный салон. – Она посмотрела на Эрику. – Это вам прислали?

– Да. Как видите, автор этой записки насмехается не только надо мной лично, но и над полицией в связи с гибелью Андреа и других жертв.

– И зачем вы мне ее показываете? – спросила Линда ледяным тоном.

– Линда, мы читали ваше досье. Вы имели привычку посылать письма с угрозами. Прежде вы посылали письма Джайлзу и многим другим. Учителям, врачу, подругам Андреа. Вы посылали письма даже Барборе. Она упомянула об этом в своих показаниях, запись которых у нас есть.

– Старший инспектор Фостер, это все косвенные улики, – заметил

адвокат. – Вы грубо пытаетесь свести концы с концами, чтобы обманом разговорить мою клиентку. Она ничего не скажет.

– Может, и скажет, а если будет молчать – значит, ей есть что скрывать. Линда, вы, ваш отец, Джайлз, Барбора, Кучеров – вы все взаимосвязаны. У нас есть ваш ноутбук, и мы сейчас изучаем информацию на жестком диске. Мы также изъяли компьютеры вашего отца и Джайлза. Рано или поздно мы сведем все воедино – это вопрос времени. Линда, расскажите мне все, что знаете, и я вам помогу.

– И не подумаю, – заявила Линда, выпрямившись на стуле. Она сняла пушинку со своего джемпера и посмотрела на полицейских. Казалось, теперь она полностью контролирует свои эмоции. Эрика с трудом скрывала досаду.

– Вы любите кошек? – спросил Питерсон.

– Ой-ой, мы в отчаянии, не правда ли? – Линда кокетливо улыбнулась. – Мистер Ллойд, можно мне ответить на этот вопрос? Мне не хотелось бы оказаться замешанной еще и в кошачьем скандале.

Адвокат, закатив глаза, кивнул.

– Да, инспектор Питерсон, я люблю кошек.

– У вас есть кошка?

– Сейчас – нет, – холодно ответила Линда.

– У вас есть еще вопросы *по существу*? – осведомился мистер Ллойд.

– Нет. Других вопросов пока нет, – ответила Эрика, пытаясь сохранять невозмутимость. В коридоре, когда они вышли туда, их ждал Вулф.

– Что еще? – сердито спросила она.

– Марш.

– Не сейчас. Я ему перезвоню.

– Он здесь, в своем кабинете, и требует вас к себе.

Глава 68

Эрика постучала в кабинет Марша. Тот вышагивал перед окном, но, когда она вошла, остановился и обратил на нее взгляд. На нем были свежие белые брюки из хлопчатобумажной ткани, рубашка с открытым воротом и экстравагантная шляпа с низкой тульей. Несмотря на всю серьезность положения, Эрика подавила невольную улыбку.

– Хотите походить на Дэвида Бекхэма, сэр? Или это ваш художнический прикид?

– Садитесь. – Он снял шляпу и бросил ее на грудку бумаг, наваленных на его столе. – Вы в своем уме, Фостер? Вы вообще представляете, какую кашу заварили, арестовав Дуглас-Браунов? Мне звонят из кабинета министров.

Марш выглядел утомленным, смертельно уставшим от происходящего.

– Сэр, если вы выслушаете...

– Нет. Я приказываю вам освободить из-под стражи сэра Саймона, Линду, Джайлза и Игоря Кучерова, это ясно? Вы раскрыли человека, находившегося под охраной государства по программе защиты свидетелей; вы открыто обсуждали информацию из закрытых судебных материалов...

– Сэр, Барбора Кардошова покончила с собой, а значит, она больше не участвует в программе защиты свидетелей. – Далее Эрика объяснила про движение денежных средств на счетах, принадлежавших Саймону, Джайлзу и Кучерову, изложила суть показаний Барборы, подчеркнув, что Кучеров занимается нелегальным ввозом в Великобританию женщин из Восточной Европы. О том, что его, возможно, не было в стране во время убийства Андреа, она умолчала. – Признайте, сэр, что все это дурно пахнет, даже если предположить, что это случайное стечение обстоятельств.

Марш слушал внимательно. Он тяжело дышал, продолжая мерить шагами комнату. Эрика видела, что Марш усиленно думает.

– Который час? – спросил он.

– Скоро пять, – ответила она.

– Когда истекают двадцать четыре часа, на которые их задержали?

– Завтра в девять.

– Им уже предоставили перерыв на ужин?

– Еще нет.

– Кроме того, они имеют право на восемь часов непрерывного отдыха.

– Знаю, сэр. Мне нужно больше времени. Пожалуйста, распорядитесь,

чтобы срок их задержания продлили еще на двенадцать часов. У меня на это нет полномочий, а у вас они есть. Я жду результатов криминалистической экспертизы. Эксперты занимаются ноутбуками Саймона и Линды. Мы изучаем выписки с банковских счетов.

– Нет, продлить срок задержания я не могу. – Марш сел за стол. – Послушайте, Эрика. Вы – блестящий следователь...

– Сэр, вы всегда так говорите перед тем, как собираетесь что-то запретить.

Марш помолчал.

– Я говорю это, потому что это истинная правда. И еще потому, что знаю, чем это кончится. Вы замахнулись на влиятельных людей, и шансы на успех не в вашу пользу.

– Прямо как в «Голодных играх»...

– Я не шучу, Эрика. Отпустите подозреваемых, и я сделаю все, чтобы вас защитить.

– Защитить меня? – изумилась Эрика.

– Эрика, вы что – слепы, не видите, как работает система? Истеблишмент всегда побеждает. Мы оба не раз это наблюдали. У вас ведь нет железных доказательств. Прошу вас. Отступитесь. Не губите свою карьеру. Порой, хочешь не хочешь, а приходится отступить – просто нет другого выхода.

– Нет. Простите, сэр. Это тоже не выход. Убиты пять женщин. *Пять*. Какое право имеют представители так называемого истеблишмента покрывать преступления? Чтобы заработать больше денег? Иметь возможность и далее наслаждаться своим благополучием как ни в чем не бывало?

– Вы ведь понимаете, чем все кончится? Вам придется положить на стол свое удостоверение, вы лишитесь доброго имени.

– Сэр, у меня отняли почти все. Марка, счастливую жизнь, что я вела на севере в окружении друзей, место, которое я называла домом. У меня ничего не осталось, кроме моральных принципов и надежды на то, что до девяти часов завтрашнего дня я, возможно, сумею восстановить справедливость и отомстить за этих женщин. Только это еще и поддерживает меня.

Марш смотрел на нее. Они больше не злились друг на друга. Все, что их разделяло, – это только заваленный бумагами стол, но они как будто сидели по разные стороны широченного каньона. И Эрика находилась на том краю, который грозил обвалиться.

– Ладно. У вас есть время до девяти часов утра завтрашнего дня. И вам

придется ответить за последствия.

– Спасибо, сэр.

Эрика встала и пошла из кабинета Марша, заметив, что он провожает ее с грустью во взгляде.

Глава 69

Эрика и ее группа продолжали допрашивать задержанных. Вечерние часы пролетали один за другим, а вместе с ними улетучивалась надежда на то, что они раскроют убийства. Кучеров, Саймон, Джайлз и Линда, догадываясь, что у полиции нет доказательств, держались все более уверенно – либо отмалчивались, либо давали уклончивые ответы. Их адвокаты оторопели, когда Эрика объявила, что задержанных оставляют на ночь в отделении, чтобы утром снова допросить.

Близилась полночь. Крейн с Эрикой последними покидали оперативный отдел.

– Я еще могу чем-нибудь помочь, босс? – спросил Крейн, вырастая у ее плеча. – Мы пока ждем записи с камер видеонаблюдения в аэропортах по Игорю Кучерову, но вряд ли получим их в ближайшие несколько часов.

Эрика в очередной раз изучала материалы по делу Андреа за весь период следствия – с момента ее похищения. Экран монитора расплывался перед глазами.

– Нет, – ответила она. – Идите домой, отдохните.

– Вам бы тоже не помешало. Вы вернулись к себе в квартиру?

– Нет. Полиция раскошелилась на номер в отеле. Пока со мной не разберутся.

– Где вы остановились?

– В отеле «Парк-Хилл».

Крейн присвистнул.

– Хороший отель. Бабушка моя справляла там девяностолетие. Там хорошая площадка для гольфа. Доброй ночи.

– До завтра. Приходите пораньше и в бодром расположении духа, – попрощалась Эрика, и Крейн ушел.

* * *

В гостиницу она приехала за полночь. Войдя в свой роскошный элегантный номер, Эрика почувствовала себя за миллионы миль от расследуемого дела. Но все равно думала только о нем.

Проснувшись она в холодном поту в половине пятого утра. Ей снился все тот же сон: вокруг стрельба, Марк падает на землю. Эрика закрыла глаза. Последняя картина, где ему выстрелом разносит затылок, врезалась в сознание.

В номере было душно. Она встала с постели и подошла к окну, под

которым жарила батарея. Ее номер находился на шестом этаже. За чернильно-черной площадкой для гольфа виднелись дома – ряды сгруппированных зданий, убежавшие в сторону Луишема. В некоторых горел свет, но большинство утопали в темноте. Окно открывалось всего на пару дюймов – шире не позволял блокиратор против самоубийц.

– Мне просто нужен свежий воздух, – сказала она. – Я не собираюсь выбрасываться из окна.

Эрика оделась и спустилась в просторный, стильно оформленный вестибюль, где было безлюдно. Лишь за стойкой регистрации сидел дежурный с усталыми глазами, раскладывавший на компьютере пасьянс. Он кивнул ей, подняв голову от монитора.

Выйдя на улицу, Эрика с наслаждением вдохнула морозный воздух. Перед зданием гостиницы стояли в ряд скамейки. Она села на ближайшую ко входу, вытащила из пачки сигарету, закурила и выпустила в ночное небо струйку дыма. Ежась, она пыталась стряхнуть с себя кошмарный сон и сосредоточиться мыслями на расследовании.

Может, это будет как раз тот случай. Еще одно нераскрытое дело. У каждого следователя есть свое нераскрытое дело, которое еще долго не дает ему покоя. Эрика стряхнула пепел на гравий и услышала мяуканье. Из-под скамейки вылезла большая черная кошка и потерлась о ее ноги.

– Привет. – Эрика нагнулась и погладила кошку. Та, мурлыча, с важным видом направилась к мискам под одним из эркерных окон. Полакав из одной миски воду, она понюхала соседнюю, но та оказалась пуста.

На ум Эрике пришла Линда Дуглас-Браун. *Линда – кошатница*. К ней тянется много ниточек. В вечер исчезновения Андреа Линда должна была встретиться с сестрой, но не встретилась. Пошла в кино с Дэвидом. Это им известно, а вот что было потом... Линда одержима кошками. А что вообще им известно о Линде? Видимо, по жизни она – жертва. И в семье явно не всеобщая любимица. Линда озлоблена и завистлива. Она *могла бы* убить Андреа, но как тогда быть с другими женщинами? С проститутками, что были связаны с Кучеровым? Линда знала Кучерова, встречалась с ним. А если она в курсе, что Кучеров убил трех проституток? И, воспользовавшись удобным случаем, убила Андреа тем же способом, каким были убиты те девушки? Сымитировала почерк серийного убийцы. И еще: Линда любит кошек.

Эта мысль не давала покоя Эрике. Линда любит кошек, но кошки у нее нет. Питерсон во время допроса поинтересовался, есть ли у нее кошка. Она ответила загадочно: «Сейчас – нет». И нечто непонятное промелькнуло в ее лице. Эрика тогда не придала этому значения, но теперь ей стало очевидно,

что в странной реакции Линды кроется какой-то смысл.

Эрика вернулась в номер, быстро переоделась и, во второй раз пройдя мимо скучающего портье, поехала в отделение полиции Луишем-Роу. Был шестой час утра. С сержантом, заступившим на ночное дежурство, она не была знакома, но он выдал ей ключи от дома Дуглас-Браунов.

В Чизик она ехала по пустым дорогам – через площадь Слон и замок, через Темзу и мост Блэкфрайарс, потом вдоль набережной. По сторонам высились темные офисные здания. Над рекой стелился туман. Светало, и сквозь дымку было видно, как вода в ее берегах приобретает синий оттенок.

Эрика позвонила Мосс, но у той включился автоответчик.

– Привет, это Эрика. Сейчас почти пять тридцать. Я еду к Дуглас-Браунам. Меня что-то смущает в поведении Линды. Хочу взглянуть на ее комнату. Если не вернусь к семи, допросите ее снова. Пусть это сделает Питерсон – похоже, она к нему не ровно дышит. Разговорите ее про кошек. Я понимаю, это звучит дико, но мне кажется, с кошками что-то нечисто – пока не пойму, что... Она – заядлая кошатница, а кошки у нее нет...

Телефон Эрики три раза пискнул и отключился.

– Черт! – вскричала она, глядя на неработающий телефон, который она не успела зарядить, потому что мало времени находилась в отеле.

Вот и Чизик-Хай-роуд. Эрика сунула телефон в карман и припарковалась в одном из переулков, сознавая, что ей нужно действовать быстро и что в отделение придется возвращаться на метро, если она хочет добраться туда до того, как истекут двадцать четыре часа, на которые они задержали подозреваемых.

Глава 70

Дом Дуглас-Браунов, лоснящийся, как глыба сливочного масла, стоял в конце глухого переулка, своим великолепием затмевая все вокруг. В воздухе висела легкая дымка. Только она приблизилась к дому, как уличные фонари погасли. Хорошо смазанные ворота открылись бесшумно. Эркерные окна безучастно смотрели на Эрику. Она подошла к центральному входу и позвонила в дверь, услышав, как трель звонка разносится по дому. Она немного подождала, затем достала связку ключей и принялась по очереди вставлять их в замок. Третий ключ подошел, дверь открылась. С минуту Эрика прислушивалась, затем шагнула в дом и закрыла за собой дверь.

Она пошла по коридору, миновала высокие напольные часы с раскачивающимся маятником и ступила в просторную кухню, где царили тишина и безупречный порядок. Над большим кухонным «островком» из черного гранита висели медные горшки, задняя стена от пола до потолка была полностью стеклянной. За ней Эрика увидела декоративный сад. На ухоженный газон сел черный дрозд. Заметив Эрику за стеклянной стеной, он вспорхнул с травы и улетел.

Эрика покинула кухню и по широкой лестнице поднялась на второй этаж. Миновав элегантные безликие гостевые спальни и мраморную ванную, в дальнем конце коридора, в самой глубине дома, она нашла комнату Линды. На закрытой двери висело объявление: *ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КОМНАТУ ЛИНДЫ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОСТУЧИТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЙТИ.* Ниже, почти вымаранная, стояла приписка: *А то может случиться так, что на мне нет трусиков.* Эрика невольно улыбнулась, подумав, что это, должно быть, Дэвид постарался. Младшие братья любят доводить сестер. Она открыла дверь и вошла.

Глава 71

– Босс оставила сообщение, – доложила Мосс, войдя в оперативный отдел. Питерсон, прибывший одновременно с ней, держал в руках поднос с кофе. Он стал раздавать кофе коллегам, снимавшим верхнюю одежду. Глаза у всех были сонные. – Она хочет, чтобы мы первым делом допросили Линду.

– Ее адвокат уже пришел? – спросил Питерсон.

– Да, только что видела его в дежурке. Вид у него не радостный. Кому понравится, когда тебя вытаскивают с постели ни свет ни заря.

– Ничего, к девяти все кончится, – сказала констебль Сингх, подходя и беря последний стакан кофе.

– Извини, это мой, – рявкнула Мосс. – Иди налей себе из автомата.

– Сурово ты с ней, – заметил Питерсон, когда Сингх пошла прочь.

– Послушать ее, так мы все здесь только и делаем, что ждем, когда стукнет девять... Как будто это формальность.

– Разве нет? – спросил Питерсон, сконфузившись.

– Нет, – подчеркнула Мосс. – Теперь слушай. У босса появилась идея...

Глава 72

Комната Линды была тесной и мрачной. Подъемное окно, под которым стоял мягкий диванчик, выходило в сад. Сверху Эрика увидела, что на отдельных участках газона еще лежит грязный снег. Рядом с окном стоял массивный темный гардероб. Когда Эрика открывала его, скрипнула дверца. С одной стороны висели темные объемистые юбки, рядом – отглаженные белые блузки, некоторые – с кружевной отделкой на вороте. Остальное пространство занимали джемпера с кошками, немыслимое количество джемперов, все толстые и тяжелые. На дне стояли несколько пар лодочек и удобных сандалий, пара кроссовок зеленовато-голубого цвета, запылившиеся коньки и розовый тренажер для бедер.

Угол у дальней стены занимала односпальная кровать из темного дерева. Над ее фигурным деревянным изголовьем висело толстое металлическое распятие. На аккуратно застеленном лоскутном покрывале сидели в ряд игрушечные кошки, выстроенные по размеру. Их лупоглазые мордочки казались трогательно оптимистичными в печальной унылости комнаты. Эрика отметила про себя, что Линда не позабыла заправить кровать и расставить по росту кошек перед тем, как ее запихнули в полицейский автомобиль.

На тумбочке у кровати стояли лампа в стиле Тиффани, фигурная пластмассовая коробочка с каплями из прозрачного пластика, а также небольшая фотография в рамке, сделанная несколько лет назад. На снимке – Линда сидит на качелях в саду с красивым черным котом, развалившимся у нее на коленях. Лапы у кота белые. Эрика взяла рамку с фотографией, повернув ее, отстегнула металлические застёжки и вытащила картонную подложку. На оборотной стороне фото четким почерком было написано:

Мой любимый котик Башмачок и я.

С фотографией в руке Эрика продолжала осматривать комнату. Рядом с кроватью у стены стоял старинный секретер из такого же дерева, заполненный ручками и девчачьими канцелярскими принадлежностями. На запыленной поверхности стола – большой чистый квадрат, где лежал ноутбук Линды, который изъяла полиция. На туалетном столике, втиснутом между окном и секретером, – кое-что из косметики, большая банка крема Е45 и упаковка ватных шариков. С краю лежала щетка, в которой застряли мышинные волосы Линды, поблескивавшие на свету, что падал из окна. Рядом с дверью высился большой книжный шкаф, забитый

произведениями Джеки Коллинз и Джудит Кранц, а также историческими любовными романами. На полках – несколько снимков, сделанных во время отдыха семьи в Хорватии, Португалии и Словакии. В основном это были фото Линды и Андреа, позировавших с разными кошками, но среди них затесалась одна фотография, на которой Линда стоит у подножия скалы с каким-то рослым загорелым блондином. На Линде альпинистское снаряжение и красный пластмассовый шлем. Она улыбается во весь рот, так что подбородочный ремень врежется в ее сияющее загорелое лицо. На обороте фотографии надписи не оказалось.

На стене у двери висела большая доска с фотоколлажем. Снимки были прикреплены так, что наплзали один на другой, и на всех присутствовал Башмачок – роскошный черный кот с белыми лапами: Башмачок на одеяле в плетеной корзине, стоящей на велосипеде, на котором восседает Линда; Башмачок на коленях у Линды, сидящей на качелях в саду; Башмачок с тостом в белых лапах на кухонном столе, за которым завтракают Андреа и Линда. Девочки хохочут, запрокинув головы. На одной фотографии Башмачок развалился на столе Саймона, прямо на ворохе бумаг. Саймон, видимо, был очень занят, но позволил Линде оторвать его от работы. Эрика принялась снимать с доски фотографии. На некоторых, в той части, где они были закрыты другими снимками, был кто-то вырезан; другие – частично обрезаны, неровно, с той или с другой стороны. Просматривая семейные фотографии, Эрика поняла, кто на них отсутствует.

Глава 73

Войдя в комнату для допросов, Питерсон отметил, что Линда выглядит изможденной и растрепанной, – вероятно, ей плохо спалось в камере. Адвокат закончил протирать свои очки и снова надел их.

– Вот, я принес вам кофе, Линда. – Питерсон сел напротив нее и пододвинул к ней стакан с кофе, что купил по дороге в отделение. Адвокат, увидев, что у Питерсона тоже есть кофе, недовольно поморщился – обиделся, что его не угостили.

Питерсон наклонил стакан к свету.

– Видите, вечно мою фамилию пишут как бог на душу положит. Я сказал, что меня зовут Питерсон. А они написали «Петерсан».

Линда с минуту смотрела на него, потом взяла свой стакан и проверила надпись.

– Мое имя правильно написали. – Она повернула стакан и просияла. – Ой, тут даже котенка нарисовали! Смотрите! – Она развернула стакан, показывая рисунок Питерсону.

– Я подумал, что вам понравится, – улыбнулся он.

Линда сощурила глаза.

– Думаете, я не понимаю, зачем вы так стараетесь? – Она выпрямилась за столом, отодвинув от себя стакан. – Со мной этот номер не пройдет.

– Я и не рассчитывал, – сказал Питерсон. Он назвал свою фамилию, текущее время, и запись допроса началась.

– Линда, вчера вы сказали, что у вас нет кошки.

– Сказала. Кошки у меня нет, – ответила она, осторожно глотнув из стакана кофе.

– А раньше была?

– Да, была, – тихо промолвила она. – Его звали Башмачок.

– Башмачок?

– Да. Он сам был весь черный, но с белыми лапами, как будто в башмачках...

Минуты текли. Линда оживилась, увлеченно рассказывая Питерсону про Башмачка, – про то, как он спал с ней под одеялом, положив голову на подушку.

– Послушайте, инспектор Питерсон, – вмешался ее адвокат, – какое отношение это имеет к вашему расследованию?

– Помолчите, пожалуйста. Я рассказываю про своего кота, – одернула

его Линда.

– Я здесь ради вас, мисс Дуглас-Браун...

– Вот именно. А я рассказываю про своего кота, понятно?

– Да, более чем, – сказал адвокат.

Линда отвернулась от него к Питерсону.

– Меня тошнит от людей, которые к кошкам относятся как к безмозглым зверушкам. Они не безмозглые. Это самые умные, самые красивые существа...

* * *

Мосс с Крейном наблюдали за ходом допроса из мониторинной.

– Продолжай расспрашивать ее про Башмачка, – посоветовала в микрофон Мосс. Ее голос тихо отозвался в наушнике, что был на Питерсоне.

– У Башмачка было второе имя? Например, мою собаку звали Барнаби Клайв, – сказал Питерсон.

– Нет. Он был просто Башмачок Дуглас-Браун, и этого было вполне достаточно. Жаль вот только, что у меня нет второго имени. Или хотя бы мне дали более красивое имя, чем это дурацкое старомодное Линда.

– Ну, не знаю... Мне имя Линда нравится, – сказал Питерсон.

– Башмачок куда экзотичнее...

– И что случилось с вашим Башмачком? Умерла ваша кошка, да? – спросил Питерсон.

– Башмачок – кот... ОН... Да, он умер, – ответила Линда, обеими руками хватаясь за край стола.

– Вам плохо? Вам больно говорить про то, как умер Башмачок? – не унимался Питерсон.

– Конечно, больно. Его больше НЕТ! – крикнула Линда.

В комнате для допросов воцарилась тишина.

– Молодец, Питерсон, продолжай давить на нее. Она почти сломалась, – проговорила Мосс в наушники.

Глава 74

Дом Дуглас-Браунов с его тайнами и вопросами без ответов застыл в гнетущем давящем безмолвии. Эрика не обратила внимания, сколько времени она пробыла в комнате Линды, рассматривая семейные фотографии и вбирая в себя печаль, которой веяло от вещей Линды. Теперь, сжимая в руке фотографии с котом Башмачком, она шла по коридору, проверяя, что находится за той или иной дверью. Она миновала пустые гостевые комнаты, большую ванную, огромный бельевой шкаф, два венецианских окна в коридоре, выходивших на глухую заднюю стену соседнего дома.

На другой стороне этажа, строго на противоположном конце от того, где находилась комната Линды, Эрика нашла комнату Дэвида. Дверь была отворена.

Эта комната, в сравнении с той, что принадлежала Линде, была светлой и стильной. Большая двуспальная кровать с металлической рамой, длинный гардероб с зеркальными дверцами. На стене в рамке плакат с изображением Че Гевары. Рядом – календарь «Пирелли», открытый на странице января с фото прекрасной блондинки, которая прикрывала руками обнаженную грудь. В комнате стоял слабый аромат дорогого лосьона после бритья. На большом столе лежал открытый «Макбук», возле него – айпод, подсоединенный к большому динамику. Над столом на полке висели шесть пар наушников *Skullcandy* разных цветов. Заметив, что из-из стола выглядывает зарядное устройство, Эрика достала свой айпод и вставила в него шнур. Через пару минут, увидев, что телефон начал заряжаться, она включила его. Подошла к ноутбуку и провела пальцами по сенсорной панели. Экран осветился, и на нем появилась табличка с просьбой ввести пароль. Остальное пространство на стенах занимали большие черно-белые эстампы с изображениями электростанции Баттерси, Национального театра и рыбного рынка Биллингзит. Многие полки были заставлены книгами по архитектуре – от справочников в мягком переплете до крупноформатных фотоальбомов.

Эрика окинула взглядом полку, и ее внимание привлек ярко-голубой корешок с названием «Плавательный Лондон: 50 лучших мест для купания». Эрика взяла книгу и стала листать фотографии плавательных бассейнов и водоемов Лондона. И ее постепенно охватывало жуткое предчувствие.

Глава 75

В отделении полиции Луишем-Роу Мосс и Крейн следили за ходом допроса по видеоэкрану. Линда с упоением рассказывала о своем любимом коте Башмачке. Питерсон ее внимательно слушал. Раздался стук, в дверь просунул голову Вулф.

– Только что передали для старшего инспектора Фостер. – Вулф вручил Мосс какой-то документ. Она быстро пробежала его глазами.

– Это от частнопрактикующего врача с Харли-стрит, наблюдающего Линду. Он утверждает, что она психически неуравновешенный человек и ее нельзя допрашивать.

– Блин, во что мы вляпались? – произнес Крейн.

– Кто это принес? – спросила Мосс.

– Диана Дуглас-Браун. С ней пришел еще один адвокат, – ответил Вулф. – Вы должны прекратить допрос.

– Нам сказали, что ей ничего не известно, однако этот документ доставили собственноручно еще до семи утра? – хмыкнула Мосс.

– Я, естественно, тебя прикрою, но теперь задействованы большие люди. Истеблишмент. Я прямо вижу, как мы подбираемся к краю пропасти, – сказал Крейн.

– Еще чуть-чуть, Вулф. Приходи через десять минут.

Вулф неохотно кивнул и ушел.

– Питерсон, давай-ка поднажми на нее, – сказала в микрофон Мосс.

– Линда, как умерла ваша кошка? – спросил Питерсон в комнате для допроса. – Как умер Башмачок?

У Линды дрожала нижняя губа, она крепко сжимала в руках стакан, пальцем поглаживая нарисованного котенка.

– Не ваше дело.

– Ваши родные расстроились, когда умер Башмачок?

– Да.

– Андреа и Дэвид? Они ведь тогда, наверно, были моложе?

– Конечно, моложе! Андреа расстроилась. А Дэвид... – Лицо Линды омрачилось, она впилась зубами в губу.

– Что Дэвид? – спросил Питерсон.

– Ничего. Он тоже расстроился, – ответила Линда сдавленным голосом.

– Как-то неубедительно вы это говорите. Так Дэвид расстроился или

нет, Линда?

У нее участилось дыхание. Она втягивала в себя воздух и отдувалась, как при гипервентиляции.

– Он... тоже... рас... стро... ил... ся, – повторила Линда. Тараща глаза, она смотрела в пол.

– Дэвид расстроился? – допытывался Питерсон.

– Я ЖЕ СКАЗАЛА! ОН БЫЛ РАССТРОЕН! – крикнула Линда.

– Мне кажется... – попытался вмешаться адвокат, но Питерсон его перебил:

– Линда, Дэвид уехал на мальчишник, да?

– Да. Так было трудно его отпускать, я даже сама удивилась. – Она замерла, хмурясь.

– Он ведь уехал всего на несколько дней, да? – уточнил Питерсон.

Линда теперь плакала, по ее щекам текли слезы.

– Линда, вы не переживайте... он вернется... Дэвид вернется, – стал успокаивать ее Питерсон. А она, красная, как рак, с перекошенным ртом, сидела, вцепившись в край стола.

– Моя клиентка... – начал адвокат.

– Я не хочу, чтобы он возвращался, – прошипела Линда.

– Линда, почему вы не хотите, чтобы Дэвид возвращался? Не бойтесь, я с вами, мне вы можете рассказать, – уговаривал ее Питерсон, чувствуя, как воздух в комнате трещит от напряжения.

– Подальше, – мрачно произнесла Линда. – Я хочу, чтобы он убрался куда подальше... Уехал... ИСЧЕЗ!

– Почему, Линда? Объясните мне, почему? Почему вы хотите, чтобы Дэвид уехал куда подальше?

– ПОТОМУ ЧТО ЭТО ОН УБИЛ МОЕГО КОТА! – внезапно закричала она. – ОН УБИЛ БАШМАЧКА! Убил Башмачка! Мне никто не поверил! Все решили, что я сочиняю. А это он убил моего котика. И кошку Джайлза тоже он убил, а свалил на меня! Сволочь...

– Дэвид? Дэвид убил вашего кота? – наседали Питерсон.

– Да!

– Как он его убил? – спросил Питерсон.

Линда, теперь багровая, крепко держалась за стол, пытаясь его раскачать, но стол был привинчен к полу.

– Он его задушил... – захлебываясь словами, отвечала она. – Он его задушил... Как, как... – Линда так сильно прикусила губу, что на ней выступила кровь.

– Как кого, Линда?

– Как тех девушек, – мучительным шепотом закончила она.

Глава 76

Дрожащими руками Эрика листала книгу в комнате Дэвида. Переворачивая страницы, она чувствовала, как у нее все быстрее колотится сердце. Вот раздел об озере Серпентайн, этот – о бассейне в парке Брокуэлл, этот посвящен прудам в лесопарке Хампстед-Хит, этот – водоемам в Риджентс-парке. Все – места преступлений. Нет только музея имени Хорнимана. В каждом разделе вокруг фото и текста записи, сделанные почерком маньяка. На некоторых страницах полностью исписано все пустое пространство вокруг фотографий. Указывалось, где находятся входы и выходы, есть ли камеры видеонаблюдения, в какие часы работает тот или иной объект, где лучше поблизости поставить машину так, чтобы она не бросалась в глаза.

В самом конце книги на развороте Эрика увидела карту, на которой некоторые объекты были отмечены и обведены. Эта карта была идентична той, что висела в оперативном отделе. Эрика выронила из рук книгу, упавшую на пол с глухим стуком, и подошла к столу, где заряжался теперь уже включенный ее телефон. Она взяла телефон и принялась листать контакты, ища добавочный номер Мосс и Крейна в отделении Луишем-Роу.

Потом почувствовала движение тени за спиной. Чья-то рука накрыла ее руки и вырвала телефон.

Глава 77

Старший суперинтендант Марш вошел в мониторную как раз в тот момент, когда Линда сломалась, проболтавшись, что Дэвид – убийца. Все трое – он, Мосс и Крейн, – шокированные, молча наблюдали, как Линда теряет контроль над собой. Пунцовая, она бесновалась, рвала на себе волосы, брызгала слюной.

– Дэвид убил Башмачка у меня на глазах. Задушил его! Мне никто не поверил, когда я сказала, что это он! Никто! Все подумали, что я лгу! Что это я сама сделала!

– Вы сказали, что Дэвид убил тех девушек? Каких девушек? – спросил Питерсон.

– Девушек... Которых покупают. Он так много тратил на них...

– Чего много тратил?

– Денег, придурок! – заорала Линда. – Причем не своих собственных. Нет, не своих! Папочка платил. Папочка за все платил, а мне даже котенка другого не купил... Потому что я якобы оговорила Дэвида, сказав, что это он убил моего кота. Они ЕМУ поверили, а не МНЕ. Убийца, будь он проклят. Неужели я хуже убийцы? ХУЖЕ? Папа тысячи только так тратил. ТЫСЯЧИ!

– На что он тратил тысячи, Линда? Кому он платил тысячи? – спросил Питерсон.

– Игорю, долбаному любовничку Андреа! За тех девушек.

– Ваш отец платил ему? – наседал Питерсон.

– Он дал деньги Джайлзу, чтобы тот расплатился! И Дэвиду дал денег, чтобы он покинул страну. БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ! А МНЕ ДАЖЕ КОТЕНОЧКА НЕ КУПИЛ!

Линда запрокинула назад голову и со всего размаху опустила ее на стол. Подняла и снова с размаху опустила.

– Прекратите! Остановитесь! – вскричал Питерсон. Адвокат ретировался в угол комнаты. Питерсон подошел к стене и включил сигнал тревоги. Отделение огласил вой сирены. Он повернулся и посмотрел прямо в видеокамеру: – Мне нужна помощь. БЫСТРО!

* * *

– Где Фостер? – спросил Марш, находясь в мониторной.

Мосс застыла, кровь отлила от ее лица.

– Господи боже мой. Она же поехала домой к Дуглас-Браунам.

Глава 78

Эрика резко повернулась и столкнулась лицом к лицу с Дэвидом, одетым в джинсы, зеленый свитер и темную дутую безрукавку. Он вытащил из ее телефона SIM-карту и с тихим щелчком разломил ее пополам. Сам телефон бросил на ковер и раздавил каблуком сапога, оглашая комнату треском и хрустом.

Эрика не сводила взгляда с лица Дэвида. С него словно спала маска молодости и привлекательной самоуверенности. Ноздри его раздувались, глаза сверкали. Он являл собой воплощение зла. И как она раньше не догадалась? Надо же быть такой душой.

– Я думала, вы в отъезде, Дэвид? – промолвила Эрика.

– Все так думают. Я на *мальчишнике*...

Эрика глянула на книгу, лежавшую на полу. Та была раскрыта на карте Лондона.

– В книге это не отмечено, но Андреа ведь тоже вы убили, да? – спросила она как можно спокойнее.

– Да, я. Жаль, конечно. Она была куда интереснее, чем Линда, – ответил Дэвид. – Я вижу, что вы думаете, почему Андреа, а не Линда?

– Это вы так думаете, Дэвид?

– Нет. Линда мне пригодится. Ее обвинят в убийстве Андреа. Игорь Кучеров сядет за своих шлюх – в конце концов, это же *его* шлюхи. А Айви Норрис – это вообще кусок дерьма, ей и так место на свалке.

– Вы хоть слышите, что говорите?

– Конечно, – ухмыльнулся Дэвид.

– Зачем вы это делали?

Дэвид пожал плечами.

– А вы просто пожимаете плечами? Поверить не могу, – сказала Эрика.

– Придется поверить, – прошипел сквозь зубы Дэвид. – Вам кажется, что вы способны проанализировать меня. Найти разумное объяснение тому, зачем я убивал? Да потому, что я МОГУ.

– Нет, не можете, Дэвид. Вам это с рук не сойдет. Вам придется ответить за свои преступления.

– Вам не понять, что значит с детства быть на особом положении. Видеть, как люди пресмыкаются перед тобой, перед твоими родителями. Это чертовски пьянит. Власть сочится из твоих пор, заражая всех вокруг. Власть развращает, поглощает, заворачивает... Чем больше влияния у отца,

тем сильнее он боится его потерять.

– То есть он знал, что вы убили Мирку, Татьяну, Каролину?

– Естественно... В восторге он, конечно, не был, но ведь эти девки приехали из Восточной Европы. Им всем кажется, что, торгуя своими прелестями, они смогут проторить себе дорожку к величию.

– А как же Андреа? Это же ваша сестра! Любимица отца!

– Она пригрозила, что расскажет маме, обратится в гребаную прессу! Дура набитая! Первая заповедь истеблишмента: держи рот на замке. Иначе тебе его заткнут навсегда.

– Я не верю, что ваш отец даже такое готов был простить, закрыть глаза на то, что вы убили его любимую дочь.

– Заткнитесь. Вы не понимаете. Больше всего на свете он боится впасть в немилость. Боится, что другие волки накинутся на него и разорвут... Страх сильнее, чем любовь. Ему пришлось выбирать – спасти Линду или меня. Линда все равно полоумная, да и Андреа она так сильно ненавидела, что, возможно, и сама бы ее убила.

– Линда не убила бы Андреа, – возразила Эрика.

– Теперь вы ее защищаете? Ах-ах. Впрочем, многие ее начинают жалеть после того, как побывали в ее комнате... Знаете, когда друзья оставались у меня ночевать, мы находили ее кота и запирали его в один из больших ящичков для денег в кабинете отца... И она делала все, что мы хотели, лишь бы заполучить от него ключ.

Эрика заставляла себя смотреть в глаза Дэвиду.

– Башмачок. Так звали ее кота.

– Да, милашка Башмачок... Линда приходила в ярость, если не получала того, что хотела. А я в порыве ярости избавился от Башмачка... Задушил, если вам это любопытно знать. Вы когда-нибудь пробовали задушить кошку?

– Нет.

– А кролика убивали? Вы словаки любите крольчатину, да?

– Нет.

– У кошек весь кайф в когтях. Они их мгновенно выпускают. Так отчаянно борются за жизнь – любо-дорого посмотреть.

– Ваши родители – умные люди. Они наверняка знали, что это вы убили кота? – рассудила Эрика.

– Что можно знать о своих детях, если поручаешь их воспитание чужим людям? Нанимаешь нянь, а сам берешь на себя роль статиста. Зайдешь посмотреть на них перед вечерним купанием, уделишь им часок время от времени. *Не приближайся, дорогой, я уже оделась для выхода в*

свет... Твой ребенок превращается для тебя в совокупность статистических данных: у него «отлично» по математике, он играет на фортепиано «К Элизе»... Давай купим ему полопони, чтобы он стал своим среди любителей конного поло...

Дэвид, казалось, на мгновение забылся, но тут же очнулся от своих дум.

– Ладно. Полагаю, ваши допросы не принесли ощутимых результатов? Отец хорошо заплатил всем, кому нужно. Линда возьмет на себя убийство Андреа – она мне пообещала.

– Почему она вам это пообещала?

– Я сказал, что куплю ей другую кошку и ей не придется бояться, что я от нее избавлюсь.

– Шутите?

– Ничуть. Ее признают невменяемой, поместят на несколько лет в дорогую клинику. Отец, возможно, даст несколько штук какому-нибудь санитару, чтобы тот время от времени трахал ее... Может, ей даже позволят кошку завести. Будет расплачиваться своей киской за киску... – Дэвид зашелся визгливым истерическим хохотом.

Увидев, что он на нее не смотрит, Эрика бросилась к выходу, но Дэвид оказался проворнее. Он схватил ее за горло и швырнул на книжный шкаф, выбивая из нее дух. На этот раз Эрика была готова к его натиску: она резко подняла вверх руку и подушечкой ладони ударила его в нос. Она с удовлетворением услышала хруст сломанного хряща, и Дэвид ослабил хватку. Эрика сумела оттолкнуть его и устремилась к двери, но он поймал ее за руку и рывком развернул. Она врезалась в стол. Он снова бросился на нее. По его подбородку текла кровь, ярость искажала лицо. Эрика пиналась и брыкалась, судорожно открывая рот, чтобы вдохнуть в легкие хоть чуточку воздуха. Вертела головой, дергаясь из стороны в сторону, но Дэвид, пытаясь удержать ее, забрался на нее верхом и придавил коленом.

Свободной рукой Эрика нашарила на столе пресспапье, схватила его и ударила им Дэвида в ухо. Он отпустил ее горло. Ей удалось выбраться из-под него, и она снова кинулась к выходу, но Дэвид, быстро оправившись, сделал подножку. Эрика споткнулась и упала. Над ней нависло его окровавленное лицо, обнаженные в безумном оскале окровавленные зубы. Она отбивалась, царапалась, пиналась, боролась, как зверь, пытаясь выбраться из-под него, но он прижал ее к полу и с размаху ударил кулаком в лицо – один раз, второй. После третьего удара Эрика почувствовала в горле один из своих зубов и потеряла сознание.

Глава 79

– Полчаса назад включился телефон Фостер. Сигнал исходил из дома Дуглас-Браунов, – доложил Питерсон. Теперь все сотрудники оперативного отдела были на ногах, носились, как угорелые, организуя поиски Дэвида Дуглас-Брауна.

– Немедленно отправить одну группу в дом. Произвести полномасштабные поиски с оружием. Перекрыть все дороги в радиусе пяти миль от дома. Выписать ордер на арест Дэвида Дуглас-Брауна. Разослать его фото.

– Сэр, по словам Саймона и Дианы Дуглас-Браун, Дэвид покинул страну и находится на мальчишнике в Праге. По данным паспортного контроля он еще в Англии. Границу не пересекал, – сообщил Крейн.

– Найдите его. Как можно скорее. Инспектор Фостер может быть в опасности, – сказал Марш. – Саймона Дуглас-Брауна в кабинет для допросов...

* * *

– Надеюсь, вы понимаете, что совершаете большую ошибку, – заявил Саймон двадцать минут спустя, когда Марш вкратце передал ему содержание признания Линды. – Мой адвокат уведомил меня, что вам по факсу было передано заявление лечащего врача Линды, которое, по сути, сводится к тому, что любое слово из ее уст не имеет законной силы. Она слабоумная, такой родилась. Что касается Дэвида, он изменил свои планы, не предупредив меня, – это не преступление. Вероятно, они перенесли мальчишник на другое время или в другое место.

Саймон поднялся со своего места.

– Позже я позвоню помощнику комиссара Оукли и порекомендую...

– Замолчите, Саймон, – велел ему Марш.

– Прошу прощения?

– Замолчите и сядьте. Вы – задержанный, любые ваши слова могут повлиять на ход расследования, и допрос не окончен. Сядьте.

В лице Саймона отразилось потрясение, и он медленно опустился на стул.

– А теперь слушайте. Выписан ордер на арест вашего сына, который, мы полагаем, виновен в гибели пяти женщин, в том числе вашей дочери.

Саймон молчал.

– Мы также установили, что телефон, который Андреа якобы потеряла

и за который вы получили страховку, был куплен на ваше имя. Андреа солгала, что телефон украли, и в доказательство мы можем его предъявить. – Марш открыл пакет и вывалил на стол обернутый в полиэтилен разбитый аппарат. – В общем, я это вижу так. В лучшем случае вас привлекут к суду за мошенничество со страховкой. Сами знаете, как активно правительство лоббировало суровые санкции за такие преступления. Вас могут посадить, ну а поскольку человек вы очень непопулярный, на вас, несомненно, обрушат свое негодование все, кому не лень. Журналисты, политики. И если к этому добавить то, что ваш собственный сын убил вашу дочь, а вы, зная это, велели ему покинуть страну, а сами подставили свою вторую дочь...

– Хорошо. ХОРОШО! – закричал Саймон. – Хорошо. Я расскажу...

– Саймон Дуглас-Браун, барон Ханстантон, вы арестованы по обвинению в попытке направить следствие по ложному следу и сокрытии преступной деятельности. Мы также подозреваем, что вы использовали свое положение во власти, чтобы повлиять на исход одного или нескольких судебных процессов. Вот так. Начинайте говорить, и побыстрее, – проговорил четко Марш.

Глава 80

Дэвид в ванной быстро привел себя в порядок, запихнув в нос салфетки, чтобы остановить кровотечение. Потом схватил сумку, паспорт, деньги, перекинул Эрику через плечо и понес ее вниз. При всей ее тщедушности она оказалась на удивление тяжелой. Едва он ступил в подземный гараж, там зажегся свет. Дэвид подошел к багажнику автомобиля, где лежала проститутка с длинными темными волосами, которую он подцепил на вокзале Паддингтон.

Ранее он какое-то время кружил с ней по городу. Девушка, сунув руку ему в брюки, все пыталась его возбудить, но он не был настроен на секс. В этот вечер всюду было полно народу. Во всех облюбованных им местах, в парках и возле водоемов, было оживленно: всюду ходили люди, патрулировали полицейские автомобили.

Ему пришлось привезти ее домой. Она очень обрадовалась, когда он приехал с ней в родительский дом. Посмотрелась в небольшое зеркальце над пассажирским креслом. Как будто ее наняли не для сексуальных забав! Видимо, решила, что он познакомит ее с родителями. «Интересно, сколько раз она смотрела “Красотку”»? – подумалось ему тогда. От этой мысли он рассмеялся, и она подхватила его смех.

Идиотка тупорылая.

Как только они въехали в подземный гараж и вышли из машины, он приложил ее лицом о бетонную стену. Больше она так и не очнулась. Испортила ему все удовольствие от убийства.

Зато теперь в награду ему достался вожделенный трофей. *Старший инспектор Фостер.*

Дэвид открыл багажник. Мертвая девушка лежала на спине. Он трижды приходил посмотреть на нее после того, как задушил, и каждый раз его завораживали произошедшие в ней перемены: сначала это был просто окоченевший труп с вытаращенными глазами; потом ее кожа приобрела лиловатый оттенок, так что создавалось впечатление, будто она спит; теперь ее резко очерченные скулы потонули под вспухшей раздутой плотью, на которой темные синяки расплывались как чернильные пятна. Он рассмеялся в ее обезображенное лицо: она не была бы в восторге от того, что так распухла. Дэвид сгрузил к ней обмякшее тело Эрики, затем закрыл и запер багажник.

* * *

Было еще самое начало утра, когда он выехал из подземного гаража на улицу. Пару миль, до въезда на М4, он катил медленно. Потом на окружной дороге М25, пролегающей по предместьям Лондона, влился в плотный поток автотранспорта, который образовывается на дороге в утренний час пик.

* * *

Очнулась Эрика в кромешной темноте. Лицом она прижималась к чему-то шершавому. Одна рука была неудобно подогнута под спину. Она подняла другую руку к лицу, но ладонь наткнулась на что-то твердое и массивное в нескольких сантиметрах у нее над головой. Эрика сдвинулась. Лицо пронзила боль. Не без труда она проглотила скопившуюся во рту кровь. Под ней что-то покачивалось и урчало. Она ощупала изогнутые контуры тесного пространства, вверху над собой что-то металлическое, механизм внутреннего замка и поняла, что находится в багажнике автомобиля. Потом в нос ударил едкий зловонный запах с примесью гнили. К горлу подступила тошнота. Надолго задержать дыхание не удалось, и ей пришлось вдохнуть смрад, скопившийся в закрытом пространстве. Машина поехала быстрее, повернула, начала подпрыгивать на неровной дороге. При очередном толчке Эрику швырнуло к стенке багажника, и что-то тяжелое скатилось на нее.

Тогда-то она и поняла, что лежит в багажнике вместе с трупом.

Глава 81

В оперативный отдел отовсюду поступала информация. Мосс и Питерсон с ужасом осознали, что Фостер может стать следующей жертвой. Дом Дуглас-Браунов обыскали, но ничего не нашли. Автомобиль Эрики обнаружили за две улицы от него. Камеры видеонаблюдения засекли машину Дэвида на выезде из западной части платной зоны Лондона.

– Секретарь Саймона Дуглас-Брауна купила Дэвиду билет на «Евростар» в один конец до Парижа.

– Значит, не Прага, – заключила Мосс.

– Черт. Что по Фостер? – спросил Питерсон.

– В доме ее нет. В ее машине тоже. Должно быть, она в его машине, – рассудила Мосс. – Крейн, как быстро мы сможем поднять в воздух вертолет?

– Через четыре минуты после того, как старший суперинтендант Марш отдаст распоряжение, – ответил тот.

– Хорошо. Я звоню Маршу, – сказала Мосс.

Глава 82

Впереди на пересечении дорог замаячил указатель на международный железнодорожный вокзал Эббсфлит. Дэвид включил поворотник и сбавил скорость, съезжая с шоссе M25. Он проехал по кольцу и свернул на дорогу с односторонним движением. На A2 машин было много, но в основном они направлялись к торговому центру «Блюуотер», что раскинулся на дне бывшего мелового карьера, откуда теперь вздымались его футуристические стеклянные шпили. Дэвид мчался мимо промышленных пустырей, мимо участков, поросших травой и кустарниками, среди которых тут и там стояли одинокие деревья. Впереди показалась придорожная площадка для остановки автотранспорта. Он замедлил ход, затем повернул и затормозил. Ему пришлось выйти из машины, чтобы снять цепь, перегораживавшую въезд на узкую грунтовую дорогу.

* * *

Эрика силилась контролировать душившую ее панику. Ее пугало, что она заперта в багажнике вместе с трупом. Она боялась того, что произойдет, когда они достигнут места назначения. Она заставила себя проверить, есть ли признаки жизни у ее соседки, и в ходе осмотра обнаружила, что тело принадлежит девушке с длинными волосами, которая давно умерла. Глаза привыкли к темноте, и она различила две точки света в замке. Эрика провела обеими ладонями по запорному механизму, сначала медленно, ощупывая его острые масляные контуры, – искала слабые места, способ открыть его. Машина подпрыгнула, и тело снова подкатилось к ней. На мгновение она запаниковала, пальцами вцепившись в замок, так что до мяса сломала два ногтя. Боль вернула ей здравомыслие, и она заставила себя думать. Надо сохранять спокойствие.

Чтобы выжить.

Эрика нашла в ковровой подстилке под собой маленькую дырочку. Под ковриком лежали инструменты и запасное колесо. Она старалась приподнять коврик. Ей пришлось лечь на бок, на мертвую девушку, чтобы отогнуть коврик, просунуть под него руку и нащупать гаечный ключ. Она взяла его в руки. Ключ был холодный, но ладони у нее вспотели. Почувствовав, что машина остановилась, Эрика приготовилась дать бой. Дверца открылась, машина осела на одну сторону. Мгновением позже автомобиль снова качнулся: Дэвид сел за руль. Она услышала, как вновь хлопнула дверца, и машина, кренясь из стороны в сторону, скрипя

подвесками, медленно тронулась с места. Труп закачался, подкатился к ней; волосы мертвой девушки налипли на ее голову. Эрика закрыла глаза, пытаясь думать, сосредоточиться на том, что ей предстояло сделать.

* * *

Дэвид вел машину на малой скорости по ухабистой дороге, которая вела в обширный заброшенный меловой карьер. В середине находился глубокий котлован, заполненный водой. Он остановился в двадцати ярдах от котлована и заглушил мотор. Затем выбрался из машины и подошел к краю. Из гладких стенок карьера пробивались пучки травы, в одном месте из расщелины в камне торчало небольшое деревце. Внизу, в пятидесяти футах, лежала водная гладь, местами затянутая тусклой пленкой льда, от которой отражался неяркий утренний солнечный свет. Слева на горизонте стелился низкий силуэт торгового центра «Блюоутер». В другой стороне, в нескольких милях от карьера, скоростной поезд, отъехавший от международного вокзала Эббсфлит, бесшумно мчался мимо, направляясь к Евротуннелю, в Париж.

Дэвид глянул на часы: как раз успеет. Он снял рюкзак и бросил его на землю в нескольких шагах от машины. Затем открыл заднюю дверцу, активировал систему ее блокировки, схватил тяжелый замок рулевого механизма, лежавший в углублении для ног, и подошел к багажнику. С минуту прислушивался, держа наготове замок, потом открыл багажник.

В районе карьера воздух был чистый, и потому зловоние ощущалось сильнее. Гнилостный смрад ударил ему в лицо. Оба тела были неподвижны. Он нагнулся, собираясь вытащить Эрику, но она вдруг выкинула руку и гаечным ключом ударила его в висок.

Дэвид отшатнулся, из глаз посыпались искры, но, когда она стала вылезать из багажника, замком рулевого механизма он нанес ей удар по левому колену. Она со стоном рухнула на землю. А он ударил ее еще раз по правому колену. Она опять вскрикнула. Дэвид схватил ее и поволок к задней дверце автомобиля.

– Не отбивайся, – сказал он.

– Дэвид, не надо, вам же хуже будет, – сквозь боль выдохнула Эрика, увидев внизу водную ширь. Она не могла пошевелить ногами, одна рука онемела от того, что она долго лежала на ней в багажнике. Голова от удара все еще была как ватная, она через силу соображала. Когда Дэвид затаскивал ее в машину, она стукнулась головой о дверцу. Дверца захлопнулась. Эрика огляделась. Она сидела на заднем сиденье, за креслом водителя. В зеркале она увидела свое отражение. Ее белокурые волосы с одного бока лоснились от крови и липли к голове. Один глаз почернел и

заплыл так, что не открывался. Эрика подергала дверцу с той стороны, где она сидела, – не открывается. Постанывая от боли, она дотянулась до дверцы с другой стороны, и попробовала открыть ее. Тщетно.

Дверца со стороны переднего пассажирского сиденья открылась, и в салон дохнуло запахом смерти. Дэвид нес мертвую девушку, которая выглядела еще ужаснее, чем ей представлялось. У нее были длинные темные волосы, но лицо со множественными порезами раздулось, вокруг глаз – чернота. Пряди волос на висках выдернуты. Эрика глянула на себя и увидела на своей куртке ее налипшие волосы.

Дэвид запихнул девушку на переднее пассажирское кресло, и ее голова свесилась набок. Эрика увидела, что глаза у нее белесо-мутные, язык разбух и торчит изо рта, словно огромная фиолетово-черная пробка.

– Дэвид, послушайте. Я не знаю, что вы задумали, но вам это с рук не сойдет... Если сдадитесь, я...

– Надо ж, какая бóрзая баба, – произнес он, глянув на нее в просвет между креслами. – Еле дышишь, места живого нет, заперта в машине, в пустынном месте, где никого не бывает, и еще надеешься, что я сдамся?

– Дэвид!

Он перегнулся и кулаком ударил в лицо. Ее голова дернулась, ударилась о боковое стекло. В глазах потемнело. Придя в себя, Эрика почувствовала, как на ней с щелчком застегнулся ремень безопасности. Дэвид, поглядывая на нее в брешь между креслами, отпустил ручной тормоз. Колеса вздрогнули.

– Ночью опять мороз обещают, – сказал Дэвид. Дверца со стороны водительского кресла захлопнулась, и спустя несколько секунд машина покатила вперед, к краю карьера.

Автомобиль быстро набирал скорость. Дэвид, толкая его, перешел на бег. За несколько метров до края он остановился, а машина полетела вниз.

* * *

Эрика почувствовала, как колеса оторвались от земли. Горизонт, казалось, взметнулся вверх и сменился яркой голубизной, ринувшейся на лобовое стекло. Дэвид пристегнул и ее, и труп, но Эрику все равно резко трянуло при столкновении с водой. Машина на мгновение носом погрузилась в яркую голубизну, потом выровнялась, всплыв на поверхность, и салон наполнился естественным светом. Эрика судорожно пыталась отстегнуться – замок не поддавался. Стекла были опущены на несколько дюймов. В машину хлынула ледяная вода, быстро заполняя салон. Эрика надеялась, что у нее будет время отреагировать. Она силилась открыть дверцу, но та была заблокирована. Вода продолжала заливаться и в

считанные секунды затопила Эрику по грудь. В панике она набрала полные легкие воздуха, а в следующее мгновение вода накрыла ее с головой, и наступила тишина. Тяжелая машина тонула с ужасающей скоростью – погружалась все глубже и глубже в темноту, пока не ударилась о дно карьера.

* * *

Полицейский вертолет долетел до карьера, и они увидели, как автомобиль Дэвида, далеко внизу, перевалился через край и упал в воду. В вертолете вместе с пилотом находились Мосс и Питерсон. У них была установлена постоянная радиосвязь с оперативным отделом в Луишем-Роу. На помощь им спешили полицейские автомобили и машина «скорой помощи».

– Подозреваемый пытается скрыться, – доложила Мосс. Она навела на объект вмонтированную в днище вертолета гироскопическую видеокамеру, передавая изображение в оперативный отдел. – Предупредите полицию. Подозреваемый пытается скрыться с места преступления, бежит на север, к вокзалу Эббсфлит.

– Черт, а если она в той машине? Наши далеко? – спросил Питерсон.

– Машины подкрепления в четырех-пяти милях езды, – ответил Марш по радио.

– Старший инспектор Фостер, должно быть, в той машине. Садимся, живо! – закричала Мосс по радио. Вертолет стал быстро снижаться. На них несся белый меловой карьер. Едва вертолет коснулся земли, Мосс с Питерсоном выпрыгнули из него, пригибаясь под вращающимися лопастями, руками прикрываясь от летящей в лицо пыли. Секунды быстро утекали. Внизу на поверхность воды поднимались пузыри, расходившиеся большими кругами.

– Вы уполномочены стрелять, но нам он нужен живым, – услышали они по рации голос Марша.

Питерсон мчался по скату к воде. Мосс бежала следом, крича в рацию.

– Мы думаем, что в машине, которая упала в воду, находится офицер полиции. Повторяю, в машине под водой офицер полиции.

– Будем через три минуты, – ответил чей-то голос.

– Черт, у нас нет трех минут! – вскричала Мосс.

Вертолет поднялся в воздух, полетел над водой и завис ровно в том месте, где на ее поверхности расходились круги. Питерсон был уже у воды. Не раздумывая, он сорвал с себя куртку, оружие, вошел в воду и поплыл, выкидывая вперед то одну руку, то другую. Добравшись до того места, где затонула машина, он нырнул.

– Докладывайте? Подозреваемый в бегах. У нас есть наряды на вокзале Эббсфлит? Повторяю, у нас есть поддержка? Если он сядет на этот чертов поезд... – звучал в рации голос Марша.

– Подкрепление на подходе, вокзал закрывают, – сообщил чей-то голос.

– Мосс, что у вас? Мы видим, что Питерсон в воде.

– Да, сэр. Инспектор Питерсон нырнул в карьер. Повторяю, инспектор Питерсон под водой, – ответила Мосс. Сама она стояла у кромки воды.

– Боже! – воскликнул Марш.

На время в эфире наступила тишина. Вертолет тарахтел над водой, отбрасывая на ее поверхность овальную тень. Секунды текли.

– Ну же, давай, всплывай! – призывала Мосс. Она уже хотела нырнуть вслед за Питерсоном, но тот наконец показался из воды, держа на руках бесчувственное тело Эрики.

Карьер вдруг огласился воем сирен «скорой помощи», пожарной машины и полицейских автомобилей. С вертолета, зависшего над водой, выкинули спасательный трос. Питерсону удалось пристегнуть к нему себя и Эрику. Он жестом показал, что они готовы. Вертолет вытащил их из воды и понес к берегу, где стояла Мосс. Они висели на тросе, ногами загребая воду.

– Старший инспектор Фостер тяжело ранена, кажется, без сознания, – доложила по рации Мосс. – Слева от дороги, по которой вы приехали, подъездной спуск. Мы у воды. Повторяю, старший инспектор Фостер не подает признаков жизни! – крикнула Мосс.

Питерсон с Эрикой достигли края воды, и вертолет опустил их на землю. По спуску к ним мчались четыре врача. Они отстегнули Эрику от троса и аккуратно положили на землю.

На мокрого Питерсона, которого била дрожь, быстро накинули термоодеяло. Врачи принялись откачивать Эрику. Через несколько напряженных мгновений она судорожно вдохнула и стала откашливать воду.

– Так, хорошо, теперь на бок, – сказал один из врачей, поворачивая ее. Она закашлялась, изо рта у нее снова хлынула вода. Наконец она вдохнула, наполняя легкие чистым холодным воздухом.

– Старший инспектор Фостер вытащили из воды, она жива, – доложила Мосс. – Слава богу, жива!

Глава 83

Эрика слышала тихое шипение и ритмичное пиканье. Ее зрение постепенно обретало четкость. Она находилась в больничной палате, лежала возле окна. Жалюзи были закрыты, и комнату наполнял мягкий ночной свет. Краем глаза она увидела еще одну койку, на которой одеяло размеренно вздымалось и опускалось в такт шипению. Пациент на соседней койке подключен к аппарату искусственной вентиляции легких, поняла она.

Эрика провела языком по пересохшим губам. Сама она лежала под голубым одеялом, огромные участки тела полностью онемели: ноги, одна рука, левая сторона лица. Она не чувствовала боли – было только неприятное ощущение, что боль где-то рядом. Сейчас она парила над болью, зная, что скоро боль вернется и придется как-то ее терпеть. А пока она просто плыла над болью, наблюдая: онемелое тело, онемелые чувства.

Эрика закрыла глаза и провалилась в забытие.

* * *

Когда она снова очнулась, было темно. Возле ее койки сидел Марш. В модной рубашке, в кожаном пиджаке. Боль постепенно охватывала тело: лицо, ноги, руку. Оживали эмоции – прежде всего страх. И воспоминания. Как она думала, что умрет. Как горели легкие, когда она больше не могла задерживать дыхание и в нее хлынула вода... Мертвая девушка с ней в автомобиле, а потом, когда машина пошла ко дну, ее расплывающееся лицо, темные волосы, веером развернувшиеся вокруг ее головы, словно гало.

– Вы поправитесь, – произнес Марш, осторожно тронув Эрику за правую руку. Она заметила, что ее левая рука забинтована и что слышит она только одним ухом – тем, что дальше от Марша.

– Вам сделали операцию. У вас штифт в одной ноге, сломана скула... – Марш умолк. Он держал на коленях гроздь винограда – комическое зрелище. – Вы полностью выздоровеете... Я положил на тумбочку открытку. На ней расписалось все отделение... Вы молодец, Эрика. Я вами горжусь.

Эрика пыталась что-то сказать. С третьей попытки ей удалось произнести:

– Дэвид?

– Его задержали в Эббсфлите. Он под арестом, равно как его отец, Джайлз Осборн и Игорь Кучеров. Исаак заново проверил данные всех

экспертиз и нашел соответствие. На теле второй жертвы, Мирки Братовой, были обнаружены волосы. Их ДНК сравнили с ДНК Дэвида. Они совпали. И еще у нас есть показания Линды. А криминалисты сейчас занимаются его машиной. Ее вытащили из карьера с... с трупом девушки в салоне...

Марш смущенно улыбнулся, взял руку Эрики.

– Еще будет время все вам рассказать. Но я хочу, чтобы вы знали: если что-то понадобится, я всегда к вашим услугам. Как друг... Марси передает привет. Она купила вам кое-что из туалетных принадлежностей. Я их положил в ваш шкафчик.

Эрика попыталась улыбнуться, но боль резко усилилась. В палате появилась медсестра. Она заглянула в историю болезни Эрики, затем подошла к капельнице и нажала кнопку.

– Питерсон... я хочу поблагодарить Питерсона, – сказала Эрика.

Раздался звуковой сигнал, и Эрика почувствовала, как в руку просачивается холод. Марш и больничная палата растворились в безболезненной белизне.

Эпилог

Эрика глубоко вздохнула, чувствуя, как легкие заполняет чистый воздух. Эдвард, сидевший рядом с ней на деревянной скамейке, сделал то же самое. Оба молчали, но это их не тяготило. Перед ними простирались зелено-бурые вересковые пустоши. На горизонте клубились облака, собиравшиеся в сплошную сине-черную массу, которая плыла прямо на них.

– Гроза надвигается, – произнес Эдвард.

– Посидим еще минутку... Мне так здесь нравится. Здесь, на севере, даже трава зеленее, – сказала Эрика.

– Это метафора, девонька? – рассмеялся Эдвард.

– Нет, правда, зеленее, – улыбнулась Эрика. Она оторвала взгляд от красивого зрелища и посмотрела на Эдварда, сидевшего подле нее в теплом зимнем пальто. От могилы Марка их отделяла узкая гравийная дорожка.

– Мне теперь легче приходить сюда, – признался Эдвард. – Как только привыкнешь смотреть на те золотые буквы, на дату рождения и дату его... Я часто прихожу сюда, разговариваю с ним.

Эрика снова расплакалась.

– А я не знаю, с чего начать, – всхлипывала она, роясь в карманах пальто в поисках салфеток.

– А ты просто начни, – посоветовал Эдвард, подавая ей маленькую пачку салфеток. Он повернул ее лицо к себе. В области виска, от которого тянулся длинный ряд стежков, волосы уже начали отрастать.

– Попробую. – Эрика вытащила из пачки салфетку и вытерла лицо.

– А знаешь что? Пойду-ка я домой, чайник поставлю. А ты поговори. Конечно, сначала будет не по себе, но вокруг никого...

Эдвард потрепал Эрику по плечу и зашагал по дорожке. Она провожала его взглядом. Он обернулся, улыбнулся и пошел дальше, осторожно пробираясь между могилами в направлении к городу. Она обратила внимание, что походка, движения у него такие же, как у Марка. Эрика повернулась к могиле и начала:

– В общем, так. Я раскрыла пять убийств... И сама едва избежала смерти дважды. Но я не это хотела тебе сказать...

В кармане засигналил телефон. Она достала его. Звонила Мосс.

– Привет, босс. Я подумала, что надо бы вам позвонить. Два месяца прошло...

– Привет, – поздоровалась Эрика.

– Я не вовремя?

– Да нет, просто я... я на могиле Марка.

– О черт, попозже позвоню.

– Нет, не кладите трубку. Я пытаюсь с ним поговорить. Свекор настаивает. По его словам, это помогает. Но я не знаю, что сказать...

– Скажите ему, что в мае ваш убийца предстанет перед судом. Видели сегодняшние новости? Дэвид Дуглас-Браун признан виновным. Сэра Саймона исключили из палаты лордов... А Кучерова, похоже, повторно будут судить за убийство Нади Греко. Ждем решения прокуратуры по Джайлзу Осборну. Я уверена, он получит срок за воспрепятствование осуществлению правосудия... Вы слушаете, босс?

– Да. Я слушаю. А вот Марк вряд ли захочет это слышать.

– Если бы я лежала в земле, мне хотелось бы, чтобы мои близкие держали меня в курсе событий...

Эрика молчала. Ветер всколыхнул траву. Свинцовая туча уже почти доплыла до нее.

– Простите за бестактность, – извинилась Мосс.

– Нет, вы хотя бы откровенны, а это куда лучше. Питерсон получил мою открытку?

– Да. Но вы же его знаете. Молчун, кремень. Он приходил к вам потом, в больницу, но вы были в отключке.

– Знаю.

Они снова помолчали.

– Босс, так вы когда назад?

– Не знаю. Скоро. Марш сказал, что я могу отдыхать, сколько хочу. Побуду здесь немного с Эдвардом.

– Мы ждем вас, босс. Вы ведь вернетесь, да?

– Да, вернусь, – ответила Эрика. – Я позвоню.

– Вот и отлично. Удачи вам, и когда... в общем... когда будете беседовать с Марком, передавайте ему привет от меня.

– Более странной просьбы я еще не слышала, – криво усмехнулась Эрика.

– Жаль, что я не была с ним знакома, – сказала Мосс.

Только Эрика положила трубку, над головой пронесся раскат грома. Она повернулась к могиле, глядя на надпись, высеченную золотом на черном граните:

В ПАМЯТЬ

О МАРКЕ ФОСТЕРЕ
1 АВГУСТА 1970 Г. – 8 ИЮЛЯ 2014 Г.
ВСЕГДА ЛЮБИМ И ПОМНИМ

– «Всегда» – такое жестокое слово, Марк, – начала Эрика. – Я всегда буду без тебя. Я не знаю, как жить без тебя, но другого не дано. Я вынуждена жить дальше. И когда-нибудь мне придется тебя отпустить. Я должна жить дальше, Марк. Должна работать. Идти своей дорогой. Что ни день, мне кажется, без тебя я шагу не сделаю, но я иду. В мире столько зла, и, думаю, чтобы совладать с ним, нужно продолжать работать. Пытаться изменить мир к лучшему. Только так и не иначе.

На щеку Эрики упала капля, и в кои-то веки это была не слеза. Полил дождь, забрызгивая гравий и надгробие на могиле Марка.

– Твой папа заваривает для меня чай... Так что мне пора. Но я еще буду приходить, обещаю, – сказала Эрика. Она встала, прижала пальцы к губам, а затем – к холодному камню, прямо под именем Марка.

Эрика повесила на плечо сумку и пошла с кладбища, туда, где ее ждали чай с пирогом и тепло кухни Эдварда.

КОНЕЦ

К читателю

Прежде всего я хочу сказать вам огромное спасибо за то, что вы выбрали для чтения книгу «Девушка во льду». Если она вам понравилась, оставьте отзыв – я буду вам крайне признателен. Много писать не нужно – всего несколько слов. Ваши отклики имеют большое значение, и они будут способствовать тому, чтобы другие читатели тоже открыли для себя одну из моих книг.

Мне самому тоже интересно ваше мнение. Что вы думаете о старшем инспекторе Эрике Фостер? Какого бы продолжения вы хотели? Эрика скоро вернется. В данный момент я работаю над второй книгой из этой серии, которая будет называться «Ночной охотник».

Вы можете связаться со мной, написав на мою страничку в *Facebook* или *Twitter*, а также через Интернет-портал *Goodread* или мой личный сайт www.robertbryndza.com. Я читаю все сообщения и непременно отвечу вам. Я намерен издать еще много книг и надеюсь, что вы составите мне компанию в этом путешествии!

Роберт Брындза

P.S. Если хотите, чтобы вам на электронную почту пришло уведомление о выходе в свет моей новой книги, подпишитесь на мою рассылку по адресам, указанным ниже. Конфиденциальность адреса вашей электронной почты гарантирована, и вы в любой момент можете аннулировать свою подписку.

www.bookouture.com/robert-bryndza

www.twitter.com/robertbryndza

www.facebook.com/bryndzarobert

От автора

Я выражаю благодарность Оливеру Роудзу, Клэр Борд, Кешини Найду, Ким Нэш и замечательной команде издательства *Bookouture*. Вы – потрясающие ребята, и я счастлив, что мне выпала возможность работать с вами. (И спасибо, что не высмеяли меня, когда я первый раз по электронной почте сообщил вам о своем желании написать детектив!)

Моя особая благодарность Клэр Бонд – за то, что подбадривала меня, побуждая работать над книгой со всей отдачей, так что роман получился даже лучше, чем я смел надеяться.

Спасибо Генри Стедману за великолепную обложку и Габриэль Чант – за аккуратную тщательную редактуру рукописи. Спасибо Анджеле Марсонс – за дружбу, за поддержку, за то, что поверила в меня. И, как всегда, спасибо Стефани Дэгг.

Я искренне благодарен своей свекрови Вьерке – за чуткость: когда работа над книгой идет со скрипом и есть риск, что я не уложусь в срок, она всегда появляется на пороге моего дома со вкусной горячей пищей, даря меня своей любовью и добротой, что неизменно меня воодушевляет.

Я благодарен своему Яну. В нужную минуту он меня всегда похвалит и подбодрит, но может и накричать, если видит, что я тяну волюнку. Продолжай перевозносить меня и подбадривать, и кричать, если без этого нельзя. Без твоей суровой любви и твердой поддержки я по сей день занимался бы работой, к которой у меня не лежит душа, и только бы мечтал о том, чтобы стать писателем.

И наконец, я хочу выразить признательность всем своим чудесным читателям и блогерам – и тем, кто лишь недавно познакомился с моими книгами, и тем, кто следит за моим творчеством с самых моих первых книг о Коко Пинчард до детективов. Отзывы живых людей – большое дело. Если бы вы не обсуждали мои книги, в том числе и в блогах, у меня было бы гораздо меньше читателей. Спасибо. Я же обещал, что это будет волнующее приключение!

Примечания

Музей имени Ф. Дж. Хорнимана – старейший и крупнейший этнографический музей в Великобритании, основанный в 1901 г. известным коллекционером Ф. Дж. Хорниманом. В настоящее время его собрание насчитывает около 350 тыс. экспонатов. В саду музея собрана огромная коллекция самых разнообразных растений. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Утопленный сад – зона в саду или в парке, которая располагается ниже уровня садового горизонта, то есть «утоплена» по сравнению с окружающим ландшафтом. По внешнему периметру утопленный сад обрамляют живой изгородью, внутри оформляют пышными цветниками, максимально подчеркивая линии перепада высот.

Фэнтези-футбол – игра, в которой участники формируют виртуальную команду футболистов, чьи прототипы принимают участие в реальных соревнованиях и в зависимости от актуальной статистики своих выступлений набирают зачетные баллы. Как правило, эти футболисты должны играть в одном дивизионе определенной страны, но существует и много других вариантов. Впервые концепция фэнтези-футбола была представлена широкой публике в 1991 г. британской компанией *Fantasy League Ltd.* Национальную известность игра приобрела в ходе первого сезона (1992/1993) английской премьер-лиги. В наши дни благодаря широкому доступу в Интернет фэнтези-футбол превратился из незамысловатого развлечения в серьезный бизнес.

Удлиненные выходные – обычно с пятницы по вторник.

«Формайка» – фирменное название прочного жаростойкого пластика одноименной компании; часто используется для покрытия кухонной мебели.

Careless Whisper (букв. в переводе с англ. «Неосторожный шепот») – первый сольный хит британского певца Джорджа Майкла (1963–2016), участника поп-дуэта *Wham!* Песня выпущена в 1984 г.

«Гравитация» (*Gravity*) – амер. камерный технотриллер мексиканского режиссера Альфонсо Куарона (род. в 1961 г.), открывал 70-й Венецианский кинофестиваль. Главные и единственные роли в картине исполняют амер. актеры Сандра Буллок (род. в 1964 г.) и Джордж Клуни (род. в 1961 г.).

Гордонстон (*Gordonstoun School*) – известная привилегированная частная средняя школа совместного обучения на севере Шотландии. Основана в 1934 г.

«Уэзерспунс» (*J. D. Wetherspoon*) – сеть пабов в Великобритании и Ирландии (в народе известна как *Wetherspoon's* и *Spoon's*). Основана в 1979 г. Тимом Мартином (род. в 1955 г.).

Мраморная арка (*Marble Arch*) – триумфальная арка, сооруженная в 1828 г. по проекту архитектора Джона Нэша (1752–1835). Поначалу была установлена на улице Мэлл и служила парадными воротами в Букингемский дворец. В 1851 г. была перенесена в Гайд-парк; сейчас находится за его пределами.

Сэр Джеймс Уилсон Винсент – Джимми Сэвил (1926–2011) – англ. диджей, телеведущий и благотворитель. Известен прежде всего как ведущий программы для детей *Jim'll Fix It* на Би-би-си, а также как ведущий музыкального чарта *Top of the Pops*. Пожертвовал ок. 40 млн. фунтов стерлингов на благотворительность. За свою деятельность в 1990 г. был удостоен рыцарского звания.

Лоун-боулз (*lawn bowls*, где *lawn* – лужайка, *bowls* – шары) – традиционная английская спортивная игра на газоне, популярная в странах Британского содружества. Цель игры – подкатить асимметричные шары как можно ближе к небольшому белому шару, который называется Джек (*Jack*) или Китти (*Kitty*).

Ширли Вероника Бэсси (род. в 1937 г.) – британская певица, получившая известность за пределами своей страны после исполнения песен к фильмам о Джеймсе Бонде. Удостоена звания Дамы-Командора ордена Британской империи. Релиз альбома *Performance* состоялся в 2009 г.

The Girl From Tiger Bay – музыкальная композиция из альбома Ширли Бэсси *Performance*.

Thames Water – водопроводная компания, обслуживающая юго-восточную Англию.

«Лютер» (*Luther*) – британский психологический детективный сериал, созданный Нилом Кроссом. Шел на телеэкранах в 2010–2015 гг.

Night Nurse – противопростудное средство, содержит парацетамол, прометазин, декстрометорфан.

«Отель “Трансильвания”» (*Hotel Transylvania*) – амер. комедийный анимационный фильм 2012 г., в российском прокате вышел под названием «Монстры на каникулах».

«Кошкина люлька» (игра «в веревочку») – игра, в которой нитью (шнурком, веревкой), надетой на пальцы, образуют различные узоры (фигурки). Иногда процессу помогают зубами, запястьем, ступнями.

Nando's – крупная африканская сеть заведений общественного питания, специализирующихся на блюдах из курицы. Первое кафе было открыто в 1987 г. В настоящее время имеет свои точки более чем в 30 странах мира.

Джей Ар (JR) – Дж. Р. Юинг, центральный персонаж амер. сериала «Даллас» (шел на канале CBS в 1978–1991 гг.) о состоятельной техасской семье Юингов. *Who shot JR?* («Кто застрелил Джей Ара?») – рекламный лозунг сериала, который привлек к телеэкранам рекордное количество зрителей – 83 млн.